

Евгений Шкиль

НАДЕЖДА НА ПРОШЛОЕ
ИЛИ
ДАО ПОСТАПОКАЛИПСИСА

Действие происходит через сто лет после глобальной эпидемии, накрывшей весь мир. В порядке разросшейся деревне живут люди, чьи прародители пришли, по преданиям, из проклятых мест — городов. Деревня скрывается в холмах среди открытых степей, и жители ее боятся внешнего мира, от которого можно ожидать что угодно. Однако волею случая одному пареньку приходится покинуть родное селение и отправиться в дальний путь, к морю. Туда, откуда пришли его предки. С собой он взял маленькую пластиковую книжицу — древнее китайское гадание, которая странным образом стала влиять на окружающую действительность. А, может, ничто ни на кого не влияло, людям ведь свойственно строить иллюзии...

Шкиль Евгений Юрьевич

Надежда на прошлое, или Дао постапокалипсиса

Peregrinatio est vita (Жизнь — это странствие)

Латинская пословица

Всем, любящим Валерия Кипелова, Фридриха Энгельса, Карла Густава Юнга, братьев Стругацких, хеви-метал, марки мотоциклов, конфуцианские гадания, развитие в любых его формах, непессимистический постапокалипсис и нелюбовные любовные истории или хотя бы что-то (или кого-то) из вышеперечисленного, посвящается...

Вместо предисловия

Господь наказал нас за гордыню нашу. Мы возомнили себя равными Ему. Мы строили новую вавилонскую башню, мы желали дотянуться до звезд, и за это сто лет назад Он наслал на землю болезнь безумия и погубил проклятые колена рода людского.

Человек, вкусивший запретный плод познания, изгнан из рая и ему уготовлены горестные дни, полные трудов и мук. Кто вкушает познание, вкушает скорбь и грешит перед Всевышним! Убивайте же тех, кто искушаем жаждой сатанинской науки! Ибо жажда сия от лукавого.

Люди, забывшие, что они только скот божий, что все суета сует и все возвращается на круги своя, познают падение в бездну ада. Потому что человек — только тварь, только раб божий. Гордецы подлежат смерти.

Так говорили предки. Так вещает истинный Господь! И нет Господа кроме Всевышнего!

Из проповеди Авраама VI Праведника, архиерея уммы Всемогущего Элохима

Эпилог долгой жизни

Уже конец

Старик умер на рассвете в возрасте ста восьми лет. Он умудрился пережить всех своих детей, более половины внуков и даже многих правнуков. За неделю до кончины старик слег, больше не поднимался с ложа и ходил под себя, но до самого конца здравый ум и светлая память не покидали его. Лишь в последние минуты жизни немощь одолела разум, и дед Олег впал в агонию и бред. Выгнувшись, он прохрипел:

— Прах к праху, а меня к потомкам... всех нас к потомкам... вспомним будущее, построим прошлое...

Сказал так и, осев, умер.

И вот теперь на расчищенном от кустарника небольшом холме он лежал на настиле из дров и веток, пропитанных растительным маслом. Седобородый староста Имэн, одетый в чистую льняную рубаху и штаны из овечьей шерсти, сквозь слезы бормотал воззвание к Божьей Четверице. Среди соплеменников он казался самым сдержанным. На обряде погребения собралась вся деревня, и не было ни одного человека, который не плакал бы. Женщины, перекрикивая пронзительный ор младенцев, ревели навзрыд. Безудержно рыдали девушки, стыдливо всхлипывали парни, хныкали дети, по щекам мужчин на запыленные бороды и усы скатывались крупные капли. Дед Олег был напоминанием о Тьме Внешнего мира, и теперь, казалось, люди окончательно освободились от пут жуткого прошлого, они будут жить в гармонии, но отчего-то их накрыла черная тоска, близкая к помешательству.

Юл, шестнадцатилетний юноша, поддавшись общему настрою племени, тоже плакал.

Он был учеником и младшим правнуком деда Олега, и именно он ухаживал последние дни за своим учителем. Горячие слезы лились нескончаемым потоком по щекам парня, но в отличие от остальных он знал, отчего так горько у него на душе. Дед Олег был не просто старейшим в племени, он был не только последним из видевших жизнь до Великой погибели, но также являлся хранителем Архива Памяти.

Если большинство селян ютилось в довольно-таки тесных землянках, то старейшина жил в двухэтажном доме из кирпича, сделанного еще до эпидемии. Дом стоял на равнине у ручья, который не пересыхал даже в самые жаркие дни августа. Когда семилетнего Юла родители решили отдать на воспитание прадеду, мальчик испугался и не желал идти в ученики, умолял отца забрать его обратно в родную землянку, уж очень страшен был этот рослый старикан, родившийся сто лет назад. Люди поговаривали, что он самый настоящий колдун, затребовавший себе в услужение детскую душу. Но папа Каен был неумолим. Он сказал, что нельзя обижать предка, ибо существует опасность, что недовольство старика, жившего когда-то в страшном месте под названием город, почувствует Внешняя Тьма. Почувствует и вспомнит о Забытой деревни. И тогда на селян падет проклятие.

Дед Олег был высок и поджарист, несмотря на вековой возраст, имел прямую осанку и выглядел лучше, чем шестидесятилетние мужчины. Одно слово: колдун. Сперва Юл очень боялся старейшину, который заставил его спать на кровати, а не на настиле. Из-за этого по ночам ребенка мучили жуткие кошмары. Однако дед заговорил его от страха, и, несколькими месяцами спустя, мальчик привык к новому месту обитания, а потом и вовсе осознал преимущества своего положения. В то время как его сверстники обжигали себе руки, собирая крапиву на пряжу, потели на огородах, добывали глину для гончарного дома, пасли коз, коров, овец и лошадей, ухаживали за домашней птицей, Юл занимался только одним делом: учебой. И он в этом преуспел.

Почти никто из мальчишек и девчонок его возраста не умел читать. Родители попросту не видели прикладного смысла в грамотности. Кукуруза и помидоры от знания букв лучше расти не станут. Сам же Юл не особо задумывался, пригодятся ли ему навыки чтения в будущем. Главное, что он теперь жил в огромном доме, а не в сырой и тесной землянке со свинарниками и курятниками под боком. Соплеменники косо поглядывали на Юла, но оскорблять мальчика не смели, только безумец рискнет оспаривать решение предка.

В восьмилетнем возрасте дед Олег впервые показал мальчишке Архив Памяти. В доме оказывается, был обширный двухуровневый подвал, где хранилось огромное множество книг, сделанных из странного материала под названием пластик, а также образцов различных веществ, минералов, сплавов и тому подобное.

— Знание, — говорил старейшина, — дает силу и власть над невеждами. Никто этого не понимает, но ты просто обязан постичь это. Папа Женя, твой прапрадед, как и некоторые из предков, был дауншифтером: обеспеченным, но бескорыстным человеком и успел сделать из пластика десять тысяч книг. В отличие от бумаги, пластик долговечен. Когда случилась Великая погибель, мне было, как тебе сейчас, восемь лет, и мы ушли сюда. Папа Женя, предводитель шифтеров, хотел сохранить знания, но рано умер. Остальные были слишком заняты насущными делами. Иногда книги помогали советами, например, как лучше обжигать глиняные кирпичи или как организовать кузнечное дело. Но чаще они просто были не нужны. А потом и вовсе среди старших предков возобладала идея изоляции от остального мира. По их мнению, цивилизация погибла из-за того, что люди разучились жить в простоте. Все мудрейшие предки были грамотными. Среди тех, кто годится тебе в деды, грамотным

был каждый второй. Среди тех, кто годится тебе в отцы — каждый десятый, а среди твоих сверстников, я даже не знаю, найдется ли хоть несколько человек, владеющих искусством чтения. Но ты, Юл, сын Каена, обязан читать. Обязан читать каждый день то, что я тебе велю и то, к чему ляжет твоя душа. Ты обязан учиться!

И Юл учился. Дед Олег отобрал в Архиве Памяти учебники. По физике, математике биологии, химии, русскому языку и прочим предметам, названия которых у большинства селян не вызывали никаких ассоциаций. Учеба занимала в жизни Юла практически все время. И уже спустя несколько месяцев радость от осознания своей избранности улетучилась. Теперь мальчик с завистью смотрел на ребяташек, занимающихся поливом. Ранним утром или ближе к вечеру, когда солнце уже не стояло так высоко, они привозили к ручью тачки с бидонами, наполняли их водой, а затем, пыхтя и обливаясь потом, тянули их обратно, к грядкам с огурцами, помидорами, перцем, капустой и прочими полезными для общины растениями. А ниже по ручью паслись коровы и лошади. Животных оберегали мужчины с рогатинами и большие лохматые собаки. В противоположной стороне находилось картофельное, а еще дальше подсолнуховое и кукурузное поля, в которых частенько в воскресные выходные укрывались недавно поженившиеся парочки. И хоть Юлу рано еще было думать о том, чем же занимались в подсолнухах парни и девушки, все же он с неприкрытой грустью осознавал, что настоящая жизнь проходит мимо него.

Дед Олег заметил тоску мальчика, но истолковал ее по-своему.

— Тебе нужен друг, — решил старик, — а также не только умственные, но и физические упражнения.

Последний из предков договорился с кузнецом Темером, широкоплечим суровым мужчиной, чья густая черная борода уже покрылась легкой проседью. Отныне два дня в неделю Юл работал в кузнице. Взамен сын мастераковки и литья с таким же как и у отца именем тоже приходил на два дня в дом старейшины, где занимался вместе с Юлом.

Теперь у мальчика появились новые предметы: физподготовка, а также бой на малых лопатах и коротких мечях без гарды, которые первопредок называл "гладиусами". Их специально по заказу, несмотря на нарастающий дефицит металла, выковал Темер-старший. Прадед Олег говорил, что его в свое время боевым искусством обучал старший предок Алексей, один из друзей папы Жени. Сам старик был слишком слаб для того, чтобы лично принимать участие в спаррингах с Юлом и Темеркой, но объяснял он хорошо и изматывал ребят до седьмого пота.

— Селяне полагают, — говорил старик, наблюдая, как юнцы охаживают друг друга гладиусами, обмотанными тряпьем, — что они скрылись от Внешнего мира, что кроме волков и саранчи больше нет никаких опасностей для жизни Забытой деревни. Они хорошо работают, но не умеют сражаться. Однажды Внешний мир вспомнит о Забытой деревне, и тогда все изменится. Тогда-то ваше искусство и ваши знания могут пригодиться селянам. Быть может, именно вы спасете глупых соплеменников...

Но, видимо, в спасении "глупые соплеменники" не нуждались. Прадед Олег умер, а староста Имэн, Юл был в этом уверен, захочет разобрать двухэтажный дом на ценные кирпичи, а Архив Памяти и вовсе уничтожить. И люди его поддержат. Обязательно поддержат. Они слишком боятся тьмы Внешнего мира, они спрятались среди степей и балок, они ничего не хотят знать о том, что выходит за пределы выживания здесь и сейчас...

Староста Имэн закончил молитву Божьей Четверице и кинул факел на промасленные дрова. Толпа, окружившая занимающийся костер, зарыдала жутким многоголосием.

Маленькая женщина с седыми космами, стоявшая рядом с Юлом, вырвав из головы длинную прядь, протяжно взвыла, опустившись на колени. В ее глазах читался беспредельный ужас.

На Юла стенания седовласой тети Ягиры, внучки деда Олега, не произвели никакого впечатления. Вытерев мокрые щеки, парень в последний раз взглянул на мертвого старика, тонущего в едком дыме и ярко-желтом пламени и, развернувшись, пошел прочь. Он спускался к ручью. К дому, который стал для него родным. Чувство обреченности заставило его успокоиться и приготовиться к самому худшему. Завтра утром, в крайнем случае, днем, староста Имэн придет огласить решение Совета деревни об уничтожении Архива Памяти — последнего напоминания о Тьме Внешнего мира. И ничего поменить нельзя. НИЧЕГО!

Это конец.

Пролог долгого странствия

Еще не конец

В доме было душно, но Юл, заперев дверь на толстый стальной засов, оставил форточки закрытыми, не хотел впускать мошкору. Окна здесь были как в древности: двухстворчатые, прямоугольные, с деревянными рамами. В землянках Забытой деревни в стенной проем размером с человеческую голову вставлялось толстое стекло и замазывалось глиной. Получалось убого и бесформенно. Даже в солнечный день внутри помещения было темно и неуютно. А какие там стояли запахи! Странно, раньше Юл не чувствовал дискомфорта, заходя в гости к отцу с матерью или посещая соседей по делам, а теперь он с ужасом представлял, как завтра староста Имэн выгонит его обратно к родителям, или еще хуже заставит вместе с остальными мужчинами разбирать по кирпичику дом, или даже бросать в костер книги. Ведь селяне так боятся предков, которые пришли из гиблых мест, под названием "города"...

Через год-другой наступит пора женитьбы, Юлу и его юной жене всей деревней построят землянку. Раньше парень мечтал о том, с кем из ровесниц он разделит постель и жизнь: со светловолосой Акой или чернявой Карой, или, может, если повезет, с умопомрачительной красавицей Сирией, праправнучкой первопредка Алексея, того самого, кто научил прадеда Олега боевым искусствам. Но теперь мысль о существовании в душных, дремучих норах с кем бы то ни было вызывала непередаваемое отвращение.

Юл тяжело вздохнул, вспомнив фразу из недавно прочитанного сборника афоризмов: "Бытие определяет сознание".

"Так и есть, — подумал парень, — если бы меня не выбрал прадед, я был бы счастлив, живя среди селян. И зачем только последний из предков впихивал в меня столько ненужных знаний?"

До ушей Юла донесся протяжный женский вой. Кто-то, боясь навлечь беду на деревню, слишком усердствовал в оплакивании первопредка. Парень не хотел слышать бессмысленные вопли, и потому взял со стола масляную лампу и, открыв люк, спустился по алюминиевой лестнице в подвал.

— А ведь они даже не знают, что такое алюминий, — пробормотал с досадой Юл, освещая себе путь между восьмیارусных стеллажей с пластиковыми книгами, выставленными в два ряда. — Кузнец, может, что-то еще и слышал, а остальным вообще все равно. Ну, Темерка еще знает, потому что со мной учился...

В Забытой деревне железо и тем более прочие металлы являлись дефицитом. Эти материалы были завезены предками в дни Великой гибели, и теперь подходили к концу. Уже сейчас кузнец Темер-старший вынужден экономить, беречь каждую крупицу металла. В

последние годы селяне стали постепенно переходить с железных орудий труда на каменные и костяные. Топоры и мотыги с кремневыми наконечниками уже давно никого не удивляли. Жизнь упрощалась. Даже не упрощалась, деградировала. Что же будет дальше? На кого надеяться? На Божью Четверицу?

Погруженный в сумрачные мысли, парень остановился напротив полок с религиозной литературой. Дед Олег говорил, что религия нужна людям для того, чтобы прятаться от реалий тяжелой жизни. Бессилие и невежество порождают веру в богов, духов-покровителей и демонов. Человек, не имея опоры внутри себя, ищет ее вовне, жаждет иллюзорного утешения. Первопредки это прекрасно понимали и потому создали учение о Божьей Четверице, взяв за основу какую-то непонятную теорию архетипов. Что это такое, Юл так и не удосужился выяснить.

А теперь уже поздно.

— Я тоже слабый, — прошептал парень, протягивая руку к полкам, — тоже слабый и нуждаюсь в утешении...

Он вытащил наугад книжицу. Она была размером с ладонь. Юл раньше никогда не видел ее. Он поднес желтый томик к лампе и прочитал: "И Цзин. Гадательный Канон Перемен".

Незнакомое название заставило парня наморщить лоб, он открыл книжицу.

Два черных иероглифа располагались на одной странице, а на другой был напечатан текст:

И Цзин

(Выписка из Википедии)

Юл задержался взглядом на очередном непонятном слове, недовольно цыкнул и продолжил чтение.

И Цзин состоит из 64 символов — гексаграмм, каждый из которых выражает ту или иную жизненную ситуацию во времени с точки зрения её постепенного развития. Символы состоят из шести черт; черты обозначают последовательные ступени развития данной ситуации. Черты, также называемые яо, бывают двух родов: или цельные, или прерванные посередине. Это связано с тем, что первые символизируют активное состояние, свет, напряжение (ян), а вторые — пассивное состояние, тьму, податливость (инь)...

Парень начал мерзнуть, в подвале было холодно. Захватив с собой книжку, Юл поднялся вверх, направился в комнату прадеда Олега. Здесь от лучинки он зажег все двенадцать толстых свечей, стоящих на чугунных шандалах в виде звериных лап. Стоит ли жалеть воск, если завтра дом предков будет разрушен?

Юл сел на скамейку, которую он собственноручно сделал пару лет назад, открыл книжку и продолжил чтение. Парень, в отличие от соплеменников, не отличался суеверностью и не боялся находиться в комнате, где умер первопредок. Дед Олег говорил, что духи и демоны приходят не извне, а изнутри тебя, и, значит, с ними ты можешь справиться, опираясь на внутренние силы, а не на внешних богов, которых, в общем-то, и не существует на самом деле.

Канон перемен увлек парня. Каждая глава начиналась названием гексаграммы, рядом с которой были нарисованы шесть горизонтальных прерывистых или сплошных черточек. Ниже красивым жирным шрифтом было выведено изречение — мудрость древних, а далее шел текст с толкованием гексаграммы. Юл не всегда понимал значение тех или иных словесных образов. Все эти изначальные свершения, благоприятные или неблагоприятные

броды через великую реку, отсутствие или наличие хулы, убыли или прибыли ввергали парня в замешательство, но он отчего-то читал, не отвлекаясь. Наверное, из-за того, что был уверен: он держит книгу в последний раз в своей жизни.

Юл дочитал Канон перемен лишь под утро. Три свечи из двенадцати погасли, в девяти огарках еще теплились огоньки. За окном посветлело, а парень ощутил невероятную слабость в конечностях. Тяжелые веки сами собой закрылись. Незаметно для себя он сполз с табуретки на пол и, положив руку под голову, погрузился в глубокий сон.

Казалось, сущность его только-только поглотилась Океаном Беспамятства, как тут же неведомая сила вытолкнула его в явь. Юл сел, непонимающе осмотрелся. Что-то разбудило его, что-то заставило его вернуться в реальность. Парень увидел лежащую на табуретке книжку. Пытаясь припомнить, что он вчера читал, Юл цыкнул. В этот момент раздался оглушительный стук в дверь. И тогда парень сообразил: уже полдень, солнце светит вовсю, а в дом прадеда Олега ломится староста Имэн. Никто, кроме него, так нагло тарабанить не будет.

Юл встал, схватил книжицу и только после этого вспомнил: до самого утра он читал Канон перемен. Следом пришло прозрение. Парень постиг, о чем шла речь в И Цзине. Все эти запутанные словеса, все эти черточки, все эти непонятные названия гексаграмм были лишь оберткой. Суть же книги состояла в том, что в мире нет ничего постоянного, каждую секунду окружающая действительность меняется, и тот, кто хочет достичь успеха, должен действовать в соответствии со сложившимися обстоятельствами. Ничего не предопределено, и, значит, дом прадеда можно спасти. Ведь у него, у Юла, есть огромное преимущество — знание. А Имэн всего лишь невежественный старикан, и пускай вся деревня почитает его мудрейшим из ныне живущих, Юл будет бороться до конца.

Настойчивый стук повторился. Парень спрятал книжицу за пазуху и направился к двери, а перед его глазами вдруг предстал образ первой гексаграммы Канона перемен в виде шести сплошных горизонтальных черт. Ведь Юл обладал знаниями, а, значит, и большими возможностями. Он сотворит легенду...

Гексаграмма 1 (Цянь) — Творчество

Большие возможности хороши, когда ими пользуются

На пороге стояли четыре мужчины: староста Имэн и три брата. Старший из сыновей Тиля Ткача по имени Шомар был толст, краснолиц и лыс от природы. Селяне верили, что у Шомара в младенчестве волосы украла злая демонница Радиация-Яга. Юл знал, что это бредни, хоть до конца и не понимал значение слова "радиация", ибо не мог представить ее и не успел прочитать соответствующий раздел по физике. Изучение радиоактивного излучения планировалось в следующем году.

После Великой гибели, когда от болезни безумия умерли практически все люди, многие большие-большие дома предков, в которых вырабатывалась энергия, ну, то есть внутренний огонь невероятной мощности, остались без присмотра, отчего взорвались. Из них и потекла эта самая нечисть. Она была невидима и от нее хворали люди, животные и растения. Впрочем, прадед Олег говорил, что сейчас, спустя сто лет, радиация уже неопасна для жизни.

Среднему брату, Сантаю, сыну Тиля, на отсутствие волос жаловаться не приходилось, грязные, слипшиеся локоны закрывали тонкие щелочки глаз. Лицо у него было мятое, морщинистое и, казалось, что ему сейчас не сорок лет, а все шестьдесят или даже семьдесят, а его нос походил на раздавленную картофелину. Юла посетила мысль, что, наверное, когда

Радиация-Яга приходила за волосами Шомара, она нечаянно наступила Сантаю на морду. Парню стало смешно, но он даже не улыбнулся, чтобы не оскорбить старших по возрасту.

Младший брат, Курк, сын Тиля, в отличие от среднего, не имел ни морщинки. Кожа у него на зависть селянкам была чиста как у младенца. Теребя соломенную бородку, он лучезарно и глуповато улыбался. Курк казался подтянутым двадцатипятилетним мужчиной, хотя на самом деле был младше Сантая только на два или три года. И вот что странно: вроде бы родные братья, а все такие разные.

Седобородый старейшина Имэн бросил строгий взгляд на парня и, нахмутив брови, заговорил официально-благонравным тоном:

— Юл, сын Каена, внук Агача, правнук Олега, ныне почивший предок забрал тебя в свой дом в качестве помощника и во имя утешения своей одинокой души. Ныне срок твоего служения истек, и Совет решил вернуть тебя в отчую землянку. Предки завещали нам сжечь все свои следы, ибо они явились из мира, полного Зла. Они несли на себе печать проклятия, которая исчезла лишь вчера, когда последний из предков навсегда ушел в Океан Беспамятства навстречу Внутреннему Свету. Юл, сын Каена, внук Агача, правнук Олега, ты понимаешь, что мы жаждем, чтобы Внешний мир забыл о нас, поэтому даже детей своих мы не называем именами предков, а уж тем паче дом должен быть разрушен. И ты обязан помочь нам, ибо жил здесь долгие девять лет и лучше всего ведаешь потайные места.

Юл собрался с мыслями, посмотрел на старосту с выражением лица, полным кротости и покорности, по крайней мере, он надеялся на то, что именно так выглядел со стороны. В отличие от братьев, одетых в шерсть и крапиву, на Имэне была серая льняная рубаха. Причем, парень готов был чем угодно поклясться, рубаха эта была свежая, ни разу не ношенная. Староста ведает распределением запасов продуктов и тканей и, конечно же, ни в чем себе не отказывает. Он бы наложил свою лапу и на кузницу, но Темер-старший держался за свое крепко.

— Почтенный Имэн, — тихо, но внятно произнес Юл, еле заметно поклонившись, — я безропотно выполню любое решение Совета, но прежде я обязан сообщить в присутствии свидетелей, почтенных сыновей Тиля Ткача, нечто важное, что приключилось со мной минувшей ночью.

Парень сделал паузу, выжидающе посмотрел на мужчин. Староста совсем не переменялся в лице, он уже принял решение, и при любых обстоятельствах будет стоять на своем. Толстяк Шомар, почесав лысую макушку, высморкался. Моложавый Курк перестал улыбаться и теперь с испуганным любопытством взирал на Юла, а Сантай, гыгыкнув, спросил хриплым голосом:

— И шо там у тебястряслось?

— Сегодня ночью у меня было видение, — начал сочинять парень, — ко мне явился последний из предков, покойный прадед Олег...

— Если бы он мог явиться к тебе, то только для того, — Имэн перебил Юла, — чтобы выказать свое недовольство. Ты ведь покинул церемонию кремации раньше времени, чем оскорбил своего прадеда.

Парень не ожидал, что хоть кто-то ночью, пускай и при почти полной луне, в похоронном безумии заметит его исчезновение, однако каким-то неведомым образом староста узнал об этом.

Возражать Имэну, да и то крайне редко, осмеливались лишь зрелые мужи да старухи, но никак не шестнадцатилетние сопляки, однако Юлу терять было нечего, сейчас решалась

судьба полюбившегося ему кирпичного двухэтажного дома и десяти тысяч книг, целой параллельной вселенной, без которой жизнь теряла смысл.

— Я ушел потому, что услышал зов последнего предка, моего прадеда Олега, он сказал мне... сказал, — парень напряг весь свой ум и откуда-то из закоулков памяти выпрыгнула фраза, кажется, из каких-то сказок о боге и его воскресшем сыне, которую Юл тут же переработал на свой лад:

— Он сказал: "Что ты ищешь живого среди мертвого? Там меня уже нет, иди же туда, где душа моя, где сущность моя, где храм мой, и там открою тебе истину!"

— Он не мог так сказать, — возразил Имэн, чуть повысив голос, — ибо сущность его утонула в Океане Беспамятства и соединилась с Внутренним Светом...

— А вот у меня был такой случай, я тоже слышал голоса... — неожиданно вмешался в спор толстяк Шомар, — в тот год развелось очень много кузнечиков и богатый урожай кукурузы был. Так вот, день тогда выдался шибко жарким, а мы собирали коноплю для пряжи, и тут пожар случился, загорелось поле, а ветер дул как раз...

— Почтенный Шомар, — староста зло сверкнул глазами в сторону толстяка, — эту историю селяне слышали много раз. И ты прекрасно знаешь, что голоса те были наваждением демонов.

Старший из сыновей Тиля замолчал, потупившись, и следом высморкался, а Имэн назидательно заговорил:

— Есть Внутренний Свет и есть Внешняя Тьма. Есть мужской дух Анимус и женский дух Анима, которые сошлись в акте священной любви на том месте, где суждено было появиться Забытой деревне, которая есть центр Вселенной. И предки, пройдя сквозь Океан Беспамятства, встречают Внутренний Свет и поселяются в нем навсегда. И возврата оттуда нет! Так что ты никак не мог встретиться с сущностью своего прадеда.

— Но ведь предками сказано, почтенный Имен, — не растерялся юнец, — что Забытая деревня — это средоточие Света в мире, где царствует Внешняя Тьма. И Забытая деревня — это отражение Внутреннего Света. Ведь так?

Юл посмотрел на братьев, и те неуверенно закивали.

— Это так, — согласился Имэн, — именно поэтому наша деревня и есть единственное место, где не царствует Зло.

— Ну вот, — воодушевился парень, — раз возможно отражение Внутреннего Света в нашем мире, значит, можно увидеть и отражение тех, кто живет во Внутреннем Свете, то есть можно увидеть наших священных предков. Поэтому я общался не с самой сущностью прадеда Олега, а с отражением его сущности, которая обитает во Внутреннем Свете. А значит, опосредованно я общался с самим предком. Ведь так?

Ответом Юлу было гробовое молчание и отсутствующие выражение на лицах мужчин. Парень подумал, что, наверное, слово "опосредованно" не стоило произносить, ибо его значение не знал даже староста.

— И шо там тебе сказал дед Олег? — прервал тишину Сантай.

— Он сказал, что мужской дух Анимус и женский дух Анима соединились в священном акте именно на том месте, где стоит дом, и именно этот дом есть центр вселенной, а значит, его разрушать ни в коем случае нельзя, ибо это святотатство. Это портал... ну... канал... ну... в общем как бы дыра, через которую Внутренний Свет отражается в небе и благодаря чему светит солнце, поскольку предки говорили, что внешнее солнце — это тоже отражение Внутреннего Света.

Вновь наступила тишина. Братья испуганно переглянулись, но Имэн лишь сощурил взгляд:

— Не хочешь ли ты сказать, Юл, сын Каена, что если разрушить здание, то погаснет солнце?

— Я этого не говорил, это сказал последний из предков, то есть отражение сущности последнего из предков.

— Ты понимаешь, что обманывать старших есть тяжкий грех перед Божьей Четверицей? — Имэн попытался встретиться взглядом с Юлом, но у него это не получилось.

— Я с вами согласен, почтенный староста, — сказал парень, потупившись, и краснея, — именно поэтому говорю все так, как было на самом деле. И это не мои слова, а слова последнего предка, то есть отражения сущности последнего предка.

— Решение Совета было принято, — твердо произнес Имэн, — и я намерен исполнить его, дом будет разрушен, а ты, Юл, сан Каена, просто маленький обленившийся лжец. Думаю, работа в поле без выходных должна тебя исправить.

— Не смею оспаривать решение Совета, так как уважаю старших, — Юл отошел в сторону, — инструменты в пристройке сзади дома.

— Я хочу, чтобы ты лично нас отвел, — староста победно улыбнулся.

— Я не смею, — заупрямился Юл, покраснев еще сильнее, — я уважаю старших, а последний из предков был старше вас, почтенный Имэн, и я не могу нарушить его наказ. Но вы, как староста, можете взять кирку и первым ударить по дому, который стоит в центре вселенной и благодаря которому светит солнце.

— Ты бесстыдный сопляк, я позабочусь о твоём наказании! — выцедил из себя Имэн, затем, повернувшись в сторону братьев, прикрикнул:

— Идем!

— Нет-нет, так нехорошо! — взвизгнул младший из сыновей Тиля. Глуповатая улыбка давно исчезла с его лица, уступив место откровенному испугу.

— Мы дом снесем, — почти заверещал он, — а из-за этого солнце погаснет! Курка за такое предки по голове не погладят!

— Ты что, не понимаешь, что он просто врет!? — староста бросил полный злобы взгляд сперва на Курка, затем на Юла. — Вот что делает с детьми жизнь вне общины!

— А шо, вроде все складно сказал, — заметил Сантай, убирая слипшиеся локоны с глаз, — я тоже никуда не пойду.

— Да вы что, совсем тупые! — взревел Имэн.

Ответом ему было молчание. Братья, насупившись, глядели исподлобья на предводителя.

— Ладно, тогда я сам первый разобью вот эти стекла...

— Нет, староста, — вставил веское слово толстяк Шомар, — ты, конечно, староста, но если ты разобьешь хоть одно окно, я разобью тебе морду. Так вот.

— Что... что ты сказал... да как ты... — Имэн потерял дар речи.

— А никак, — толстяк, почесав лысую макушку, высморкался, — тебя выбирали, чтобы ты за порядком следил, а ты порядок хочешь разрушить. А вдруг взаправду, если дом разобрать, солнце погаснет и деревню Внешняя Тьма схавает? Не можешь ты самолично решать такой вопрос. И Совет не может. Всю деревню собирать надо. Сход делать. Так вот.

— Да вы дураки просто! — выпалил Имэн. — Вы смеее слушаться! Меня?! Совета?! Вы пожалеете об этом, я устрою вам!!!

— Может и дураки, — сказал толстяк, покрываясь бардовыми пятнами, — только вот в тот год, когда кукуруза уродилась и кузнечиков было много, когда пожар был и я чуть не задохся, ко мне не демоны приходили, а мама покойная. Так вот. И разговаривала со мной. И, может, вчера к Юлу тоже прадед его приходил... не должны мы решать такое сами... не должны... Сход созывать нужно, пускай вся деревня решает...

— Шо люди скажут, то и будет, — добавил средний брат Сантай.

Имэн взглянул на покрасневшегося Шомара, на его толстенные кулачищи и, видимо, сообразив, что тот не преминет ими воспользоваться, чем навсегда уронит авторитет главы села, решил не продолжать спор. Староста вдруг покровительственно улыбнулся и вкрадчиво заговорил:

— Почтенные сыновья Тиля Ткача, я поставлен, чтобы хранить обычаи Забытой деревни, ибо я, как и вы, верный сын ее. И ежели три мужа в возрасте возжелают собрать Сход, то, в соответствии с обычаем, так тому и быть.

Юл буравил взглядом землю, не смея поднять глаз, он не верил своим ушам. У него получилось отвести беду от дома. По крайней мере, на время. Ему удалось обставить самого Имэна!

— Сход не может ошибаться, — донесся до Юла хрипловатый голос старосты, — и пусть исполнится то, что должно исполниться!

Парень вздрогнул, ему вдруг вспомнилась очередная гексаграмма из Канона перемен, который он спрятал за пазуху.

Гексаграмма 2 (Кунь) — Исполнение

Пока успех не наступил, можно извлечь пользу даже из его ожидания

Чернявый плотно сбитый парень, стриженный под горшок, бросил печальный взгляд на друга и, тяжело вздохнув, произнес:

— Вот и все, туда мне нельзя. Прощай!

— Прощай, Темерка, — сказал Юл.

Юноши стояли на склоне холма, дальше шла голая степь, нескончаемая серо-зеленая ширь. Травы только начинали цвести и еще не успели выгореть на жарком солнце. В душе Юла это время года всегда вызывало безотчетную радость, но сейчас он был в плену тревожного настроения.

На Деревенском Сходе все решилось совсем не так, как ожидал младший из правнуков прадеда Олега. Он полагал, что селяне либо одобрят снос дома, либо не одобрят, и третьего не дано. Однако решение проблемы пошло по иной колее.

После пламенного рассказа юноши о явлении ему покойного предка, мнения на Сходе разделились. Многие, естественно, поддакивали Имэну. Особенно ярился немолодой седовласый помощник старосты Ялагай.

— Супротив порядка идешь! — восклицал он. — Проклят за это будешь! Проклят!

Против Юла выступили папа Каен и мама Талея, а также старший брат Сазлыг. В этом не обнаруживалось ничего экстраординарного, хоть парню и было обидно. Но неожиданно в защиту дома из кирпича выступил кузнец Темер-старший, а потом его поддержали ткачи, сыновья Тиля, и гончары.

Никто никому не хотел уступать. Сторонники Имэна до хрипоты доказывали, что если кто с парнем и общался, то демоны Внешней Тьмы. Противники возражали, что это могли быть и предки Внутреннего Света. Спорящие выдвигали с точки зрения Юла совершенно нелепые аргументы в подтверждение своей правоты, как-то: ежели луна идет в рост, значит,

мертвые родственники во сне прийти могут, или, ежели ветер дует с северо-востока, значит демоны близко, тучи нагоняют, наваждения навевают, или ежели у бабки Ягиры ревматизм обострился, значит, Радиация-Яга прошлой ночью приходила в образе деда Олега и обманула наивного паренька и так далее.

Однако в этом бессмысленном гвалте Юл заметил одну интересную закономерность: почему-то его защищали те, кто по преимуществу занимался ремеслом, а нападали на него те, чей труд был связан с землей. Скотники и птицеводы как-то не особо активно ввязывались в спор, и кто-то из них поддерживал одну фракцию, кто-то — другую. Получалось, неважно кто, что говорит, а важно — кто, чем занимается. Но почему так? Парень понять не мог.

После долгого и продолжительного противостояния Сход, в конце концов, принял компромиссное решение: на все воля предков. Юл отправится с прахом деда Олега на юг, к морю, туда, откуда пришли пращурь, и развеет прах над большой водой, которая есть отражение Океана Беспмятства, подобно тому, как солнце есть отражение Внутреннего Света. Если в течение года он благополучно вернется, значит, дом из кирпича будет стоять, если не вернется к сроку или вообще сгинет в землях, где властвует Внешняя Тьма, значит, дом из кирпича будет разрушен.

Договор скрепили совместным распитием вина. В бронзовую кружку, сделанную, разумеется, еще до Великой погибели, кинули частичку земли, где был сожжен первопредок, затем староста Имэн и наиболее авторитетные селяне по очереди пригубили из нее. Поле ритуала в кружку насыпали прах прадеда и запечатали ее воском.

Для парня решение Схода стало неприятным сюрпризом. В порыве слабости он чуть не признался, что наврал про встречу с покойным прадедом, но вовремя сообразил: после такого он огребет и от тех, кто был за него и от тех, кто был против. Пришлось подчиниться решению Схода.

И вот теперь он стоял на склоне холма и прощался с лучшим другом Темеркой.

— Жаль, что так вышло, папа защищал тебя до последнего, — сказал сын кузнеца, — это староста придумал отправить тебя к морю. Надеется, что не вернешься.

— Я знаю, — Юл грустно улыбнулся.

— А Ялагай увидел, что ты ушел раньше с похорон. Он-то и доложил старосте.

— Я догадывался.

— Чудно ты как-то оделся, — Темер-младший скептически оглядел товарища, — боты такие странные, с веревками.

— Это кеды, — сказал Юл, — а завязываются они на шнурки. Я их в подвале нашел среди образцов в специальную материю завернутыми. Полиэтилен называется, кажется, или как-то по-другому, не помню точно...

— Жаль, что меня дед Олег ни разу в подвал не впустил, — с сожалением произнес Темерка, разглядывая обувь, сделанную из невиданной ткани.

Вообще младший правнук последнего предка был одет совсем несуразно. На нем были штаны, покрытые бледно-зелеными пятнами, и такого же цвета куртка. Он был опоясан ремнем, но не из свиной или бычьей, а из какой-то другой, неизвестной селянам кожи. К ремню крепился короткий обоюдоострый меч, выкованный Темером-старшим. За плечами Юла висела сума, которую он называл "вещмешком". Сшита она была из очень крепкого материала цвета подгнившей соломы. Ни из крапивы, ни из конопли, ни из шерсти, ни, тем более, из льна такой дивной вещи нельзя было сделать. Воистину, предки являлись

великими колдунами. К суме ремешками с одной стороны крепились длинные сапоги из загадочного материала под названием "резина", а с другой — остро заточенная малая боевая лопата.

— Ничего, когда я вернусь, я тебе покажу все, что ты захочешь, — обнадежил товарища Юл, — ты, главное, следи за домом.

— Будем следить, и папа и ткачи будут, — заверил Темерка, глаза его вдруг озорно блеснули, и он затаенно произнес:

— Может, сыграем напоследок?

— Давай, — согласился Юл, засмеявшись.

Темерка извлек из кармана мешочек с фишками из отшлифованных камушков, высыпал их на землю. Правила были просты: каждый из игроков мог забирать из кучи один, два или три камушка, побеждал тот, кто оставлял последнюю фишку противнику. Темерка всегда проигрывал и полагал, что это верный знак покровительства предков товарищу. Юл же, вычитавший эту игру в одной из пластиковых книг, просто знал секрет. Вот и сейчас, насчитав в куче пятнадцать камушков, он взял два. Теперь надо было делать так, чтобы сумма взятых фишек всегда равнялась четырем. Если противник брал один камушек, Юл брал три, если — два, Юл — тоже два, если — три, Юл — один.

Спустя несколько мгновений исход игры был ясен: Темерка, как обычно, остался в дураках.

— Эх, значит, повезет тебе, дойдешь до моря и рассеешь прах последнего предка, — сказал он, — я так загадал. Так что все у тебя будет хорошо.

Друзья напоследок обнялись, и Юл зашагал прочь, в зеленеющую многотравием, уже начавшую цвести степь. Сердце его бешено колотилось, но шел он, не оборачиваясь, ибо боялся заплакать. Парень уходил туда, где правила Внешняя Тьма. Нет, конечно, он знал, что все это сказки глупых селян. Дед Олег говорил, что Забытая деревня никакой не центр вселенной. Наверняка в мире выжили и другие люди, которые также мнят себя пупами земли и считают чужаков порождением зла. А значит, они будут агрессивно настроены к Юлу и, может, даже попытаются его убить. А еще по степи бродят дикие стаи собак и волков, обитают юркие рыси и кровожадные капланы и прочее неизвестное зверье, которое так и норовит закусить незащищенным человеком.

Страшно. Безумно страшно и без всякой Внешней Тьмы. Жутко остаться одному. Без защиты, без поддержки хоть и недалеких, но все же своих родных селян. И ведь не только звери, не только чужие люди грозят смертью, но и голод. Кроме шерстяной накидки в вещмешке у Юла лежали два куса соленой свинины, сухари, высушенный шиповник и две фляги воды. Но надолго ли хватит припасов? Сейчас весна: ни спелых диких абрикос или смородины, никаких других плодов или ягод. Можно, конечно, охотиться и ловить рыбу. Но какой из него охотник или рыболов? В Забытой деревне таких промыслов не знали. Юл с Темеркой под строгим надзором деда Олега учились делать силки и даже поймали одного зайца и пару птичек. Но все же парень чувствовал себя неуверенно на данном поприще. А тут еще нужно не просто выжить, но дойти до моря...

Разумеется, Юл никуда не собирался идти. Он сразу же решил для себя, что отойдет от села на два-три дневных перехода, соорудит шалаш или найдет, если повезет, какой-нибудь заброшенный дом, построенный предками, и там поселится. Поживет остаток весны, лето, а осенью вернется к односельчанам и расскажет небылицы о своих странствиях. В конце концов, кто его сможет уличить во лжи? Жители деревни ведь никогда не видели моря, они

и носа своего не смеют высунуть за пределы холмов. Кукуруза, подсолнухи, картофель, кабаки, тыквы, капуста, огурцы, помидоры, горох, лук, чеснок, вишни, абрикосы, яблоки, куры, утки, гуси, свиньи, козы, овцы, лошади, коровы — вот и весь краткий перечень интересов соплеменников. Около полутысячи человек живут своей обыденной жизнью, и знать ничего более не хотят. Да и зачем им что-то свыше? Земли на холмах остаются, благодаря севообороту, плодородными, жители трудолюбивы, балки полны родников. Саранча и засуха пока обходили стороной, разве что вся пшеница, ячмень да рожь полегли лет двадцать назад от небывалого мороза. Тогда же случился голод. Но все равно население деревни растет. Каждая женщина за свою жизнь рождает по восемь, десять или даже двенадцать детей, больше половины из них умирает, зато остальные растут крепкими, здоровыми и по-своему счастливыми. Так что поверят они в любые басни, которые Юл напридумает. Может, повезет, и он станет кем-то вроде колдуна, и о его подвигах будут рассказывать из поколения в поколение...

Но для этого нужно просуществовать полгода в полном одиночестве. Для этого надо выжить, поселиться в таком месте, где тебя сразу не достанут хищные звери, возле воды. Юл остановился, тяжело вздохнул, похлопал себя по нагрудному карману куртки, где лежала пластиковая гадательная книжица, и обернулся.

Вдали возвышался холм, Темерки не было видно. Наверное, уже ушел.

Юл вновь тяжело вздохнул и побрел дальше, оставляя малозаметный неровный след в густой траве.

"Все, что сейчас происходит — только начальная трудность, — подумал он, — только начальная трудность, а тяжелые времена — впереди..."

Гексаграмма 3 (Чжунь) — Начальная трудность

Когда бушует ураган, нет смысла с ним бороться — разумнее укрыться и переждать

Ноги у Юла гудели. Уже второй день он без усталости шагал на юг. За это время он не увидел ни одной живой твари, если не считать куропаток, да парящих в высоте то ли орлов, то ли соколов, то ли еще каких-то хищных птиц.

Поздним вечером, опасаясь волков или диких собак, он забрался на одинокое высохшее дерево, обмотался веревкой и попытался заснуть. Ночью было невероятно холодно, вдали слышался вой, и Юл так и не смог сомкнуть глаз. Ну, может, вздремнул пару часиков, но не больше.

Ранним утром, наскоро позавтракав, парень продолжил свой путь. Спустя какое-то время он вынужден был переобуться в сапоги, поскольку из-за росы кеды и нижняя часть брюк насквозь промокли. Сапоги оказались велики, и Юл постоянно спотыкался, к тому же периодически попадались рытвины и кочки, невидимые в густой траве. Парень недовольтно цыкал, злился на самого себя, проклинал старосту Имэна и всех жителей деревни за то, что его отправили демон знает куда. Наконец, не выдержав мучений, он нашел сухое место возле колючих кустарников и растянулся прямо на траве. Очень хотелось спать. Бессонная ночь давала о себе знать. Юл решил, что полежит совсем немного, а затем встанет и пойдет дальше. В голове мелькнула мысль о собственной никчемности.

"Слабак я, — подумал парень, — а еще колдуном хотел быть..."

Так младший правнук последнего предка и заснул.

Ему снилась односельчанка Силия. Она была голой и купалась в ручье. Юл никогда не видел обнаженного женского тела, если не считать картинок в книгах по анатомии. Ну, пару-тройку раз еще подглядывал вместе с Темеркой за моющимися девчонками. И это не

считается, а тут такое...

Ее распущенные волосы доставали до ягодич. Улыбаясь, она зачерпывала ладошками воду и выливала на упругую нежную грудь. А потом терла ее, терла живот и дальше, еще ниже...

Парень почувствовал жгучую твердость в паху. А еще ему было очень жарко, захотелось раздеться и присоединиться к Силии. Тоже поплескаться в холодном, манящем свежестью ручье. И хотелось еще чего-то... чего-то такого... чего-то такого, чем он никогда не занимался с девушками...

Силия заметила парня, бесстыдно повернулась к нему, даже не помышляя прикрыть наготу. Раньше она себя так никогда не вела. Девушка должна была бы завизжать, наорать на Юла, чтобы он убирался, но вместо этого она лишь звонко засмеялась. Так звонко, что у парня заложило уши и пересохло горло. Одной рукой она мяла грудь, а другой там — между ног. Взгляд парня притягивали пальцы Силии, мягко сжимающие плоть, поглаживающие белую, не видевшую солнца кожу.

— Хочешь? — спросила она.

— Что хочу? — не понял парень.

— Хочешь? — вновь спросила Силия. Голос ее стал похотливым, обволакивающим.

— Что? — Юл, отступив на шаг, замотал головой, глотку будто сжимала невидимая рука.

— Пить, ты ведь хочешь пить, — девушка расхохоталась, — ведь хочешь же.

Юл взглянул на журчащую воду и понял, что она права. Горло слиплось. До боли. До тошноты.

Силия засмеялась, а Юл, сделав отчаянный вдох, проснулся. Парень открыл глаза и тут же ослеп — солнце стояло в зените и беспощадно жгло. Юл сообразил, что он мокр от пота, а в глотку будто забили раскаленный прут из кузницы Темера-старшего. Младший правнук последнего предка издал мученический звук и резким движением сел. Хрипя, он развязал дрожащими руками вещмешок, извлек из него флягу с водой, открыл крышечку, и захлебнулся.

Вода была теплой, но приятной. Глоток за глотком парень опустошал флягу. Жажда не утолялась. И даже когда последняя капля оказалась у него на языке, Юл все еще хотел пить. Откинув первую флягу, он схватился за вторую. Судя по весу, она была заполнена лишь на треть, остальное он выпил днем ранее. От досады парень цыкнул. Из-за собственной глупости, из-за того, что он заснул посреди степи под жарким солнцем, даже не озаботившись о безопасности, Юл лишился большей части воды. А страдать от жажды гораздо хуже, чем голодать.

Младший правнук швырнул фляги в вещмешок, завязав его, закинул на плечо, и вне себя от ярости ломанулся прямо через кустарник. Острые колючки тут же впились в бедра, ветки зацепились за сапоги, и парень, не удержав равновесие, с криком боли упал и покатился вниз. Оказывается, за кустарником был спуск.

Юл удачно приземлился, не получив ни одного ушиба или ссадины. Падение заставило его отрезвиться, и гнев мгновенно улетучился. Вырвав колючки из брюк и отряхнувшись, он осмотрелся. Парень оказался посреди странной тропы, окаймленной с обеих сторон насыпью с половину человеческого роста. Тропа, покрытая мягкой травой, вела вдаль, на холм, усеянный редкими деревцами.

— Что это такое? — удивленно пробормотал Юл. — Никогда раньше такого не видел и

в книжках такого не читал.

Покружившись с полминуты на месте, парень, переобувшись в кеды, побрел по тропе на невысокий холм. Солнце немилосердно палило, и снова захотелось пить, но Юл не решался достать флягу. Если он сейчас выпьет остатки воды, то что делать потом? Ручьев и родников поблизости не обнаруживалось. Судя по облакам, дождя также ожидать не стоило. Вся надежда оставалась на утреннюю росу. Собрать ее можно было с помощью ткани или глиняной чашечки, которая находилась в кармане вещмешка рядом с бронзовой кружкой с прахом деда Олега. Но утро будет нескоро, а сейчас придется потерпеть.

Чем выше поднимался Юл, тем больше становилась насыпь и на вершине холма, она достигла в высоту почти человеческого роста. Затем, когда парень начал спускаться, насыпь стала уменьшаться. Сперва она опустилась до подбородка Юла, затем — до груди, а когда насыпь стала еще меньше, перед его взором вдруг предстал гигантский ручей. Вернее не ручей, а, если верить пластиковым книгам, широченная река, шириной, пожалуй, в двести, нет во все две с половиной сотни шагов. Солнечные лучи, отражаясь от поверхности воды, слепили. Юл прикрыл глаза рукой, прищурился и вдруг заметил дома. Одноэтажные саманные мазанки, чем-то схожие с кузницей Темера-старшего. От неожиданности парень пригнулся. Чужая деревня. Поселение во Внешнем мире.

Младший правнук последнего предка шустро залез по насыпи, спрятался за кустарником. Присмотрелся. Странно, дома в два ряда выстроились вдоль тропы, которая вела к реке, исчезала в воде, а потом вновь появлялась на другой стороне и уходила в холмистую, густо покрытую деревьями даль. Юла вдруг осенила догадка, что тропа, по которой он шел, наверное — дорога, построенная предками. По ней ездили самоходные тачки, по крайней мере, так рассказывал прадед Олег. И делались эти пути из материала, похожего на камень. Парень, не помнил названия. Кажется, оно начиналось на "а" или "о"... или, может, на "ф"... демон его знает...

И вот со временем дороги предков заросли травой и превратились в широкие тропы, по которым удобно путешествовать животным и людям.

Последняя мысль заставила Юла вздрогнуть. Ведь ему на пути могли встретиться хищные звери или, еще хуже, чужаки. Парень отполз подальше от дороги, спрятавшись за холмиком, на котором росло деревце. Осторожно выглянул. На огородах, чуть поодаль реки, ковырялись женщины и подростки в платках. Шагах в ста левее паслись овцы и коровы с веревками на шее, которые вели к кольям, вбитым в землю. Пастух с рогатиной в руке ехал вдоль берега на коне. За ним бежали четыре собаки, ростом раза в два меньше псов, которых разводили в Забытой деревне. Юл испугался, как бы собаки не почуяли его, но потом с облегчением понял, что находится слишком далеко. Еще несколько мужчин стояли с удочками и сетями по пояс в воде. Рыбачили.

Близость реки возбудила жажду с новой силой. Парень развязал вещмешок, достал флягу, и выпил всю воду без остатка. Сейчас он мучительно размышлял, стоит ли показаться чужакам. В этом поселке живет, наверное, раз в пять меньше людей, чем в Забытой деревне, и лишние рабочие руки были бы им кстати. Он отработал бы свое проживание, а осенью вернулся бы домой.

А что, неплохой вариант! И с людьми живешь, и от хищников защищен, и о еде думать не нужно, и вода рядом. Пусть даже будут отправлять тебя на самые тяжелые и грязные работы, это все же лучше, чем быть съеденным волками или капланами.

Потом парень подумал, а что сделали бы его односельчане с пришлым, с тем, кто явился

из Внешней Тьмы? Наверное, убили бы. Юлу стало неприятно и даже обидно, что жители Забытой деревни с испугу могли бы забить человека насмерть, даже не узнав, откуда он прибыл.

Нет, высовываться нельзя. Никак нельзя.

"Дождусь темноты, — решил парень, — спущусь к гигантскому ручью, пойду по течению, найду уединенное местечко и останусь там до осени..."

Младшему правнуку прадеда Олега сидеть бы на месте и терпеливо ждать наступления ночи, но юношеское любопытство вкупе с нестерпимой жаждой, толкнули его на довольно-таки безрассудное действие. Он перелез через холмик и медленно-медленно пополз между кустарниками и деревцами вниз, к реке. От жары в висках бахало, кто-то внутри него нашептывал, что не стоит творить глупости, нужно залечь и не шевелиться, но вопреки здравому смыслу парень продолжал ползти, невидимой нитью его тянуло к людям и воде. Очень уж хотелось утолить жажду физическую и душевную. Страшно ведь жить одному полгода во враждебной степи...

Сколько прошло времени, Юл точно не знал. Солнце давно прошло зенит и уже клонилось к закату. Парень прятался в густой высокой траве всего в десятке шагов от зеленеющего ростками огорода. Женщины и подростки закончили прополку, и направились, усталые, к хатам. Рыбаки также, сложив улов в плетенки, шаркали в сторону мазанок, и только пастух с рогатиной наперевес продолжал неустанно объезжать стадо коров.

"Сейчас я покажусь и пойду навстречу наезднику, — подумал парень, облизывая потрескавшиеся губы, — ничего он со мной не сделает. Я подниму руки в знак мира и все. Люди Внешней Тьмы ничем не отличаются от людей Внутреннего Света. Все рассказы старейшин — лишь страшилки для детей и глупцов..."

Юл продолжал убеждать себя встать в полный рост, но страх перед чужаками не позволял ему оторваться от земли. Наконец, когда горло, казалось, покрылось сухим обжигающим песком, и парень все-таки решился подняться, вдруг раздался истошный вопль пастуха:

— Коче-е-евники!.. Коче-е-евники!..

Зло залаяли собаки, следом послышались крики селян. Ничего не понимая, Юл осторожно раздвинул траву и увидел на противоположном берегу с дюжину всадников, мчащихся к переправе. Груды их покрывали серо-коричневые кожаные кирасы, на головы были надеты черные шарообразные шлемы, большинство лиц были закрыты сетчатыми забралами или тканевыми масками с прорезями для глаз.

Парню невольно вспомнилась многотомная "История военного дела", которую он, бывало, почитывал.

Вооружение нападавших отличалось некоторым разнообразием: цепные булавы, короткие, как у Юла, мечи, но только с гардами, копья, длиною в два шага, пики с человеческий рост с половиной. Некоторые кочевники держали в руках луки на палках — самострелы, или — младший правнук деда Олега напряг память — арбалеты.

Не снижая скорости, кони врезались в воду. К искреннему удивлению Юла, переправа была хоть и широкой, но не глубокой, уровень воды не доставал даже до щиколоток всадников, и они быстро приближались к противоположному берегу.

— Семитри! Семитри! — кричали кочевники, улюлюкая, и лошади, поднимая тысячи брызг, мчались галопом, — Семитри!

Юл совсем не испугался, но напротив, услышав незнакомое слово, недовольно цыкнул.

Почему-то в голове вертелся вычитанный в учебнике по геометрии термин "симметрия", но смысла в этом не имелось.

Люди даже не думали оказывать сопротивление. Они бросились кто куда. И только пастух с рогатиной наизготовку остался недвижим. Рядом с ним заливались истошным лаем собаки. Несколько женщин с малыми детьми на руках бежали в сторону высокой травы, прямо на прячущегося Юла. Парень напрягся, приготовившись к худшему. Вряд ли селянки смогут далеко уйти. Кочевники настигнут их, заодно и его обнаружат. Однако неизвестно откуда появился десяток конников и перерезал беглянкам путь. Видимо, один из отрядов специально переправился в другом месте реки, чтобы застать деревню врасплох. Женщины остановились. Послышался младенческий рев, и следом по цепочке заплакали остальные дети.

"А вдруг старейшины правы, — ужаснулся парень, — и вот они, настоящие люди Внешней Тьмы! Сейчас как убьют всех! Просто так. Ради развлечения".

Кочевники согнали пинками местных жителей в кучу. Несчастные селяне толпились и с ужасом взирали на посмеивающихся, нарезающих вокруг них петли всадников.

Вдруг до ушей Юла донесся гневный выкрик:

— Не возьмете! Не возьмете, мерзавцы! По одному давай! По одному!

Пастух грозно размахивал рогатиной, а к нему, не спеша, подъезжали кочевники. Собаки, обнажив клыки, рычали и яростно лаяли. Вперед выехали четыре арбалетчика. Послышались отрывистые щелчки, и лай сменился жалобным скулежом, мгновения спустя превратившимся в предсмертные хрипы.

— Трусые! — взревел пастух. — Только и можете, что пулять! Давай, кто смелый! Выходи на бой!

Арбалетчики молча перезарядили самострелы, прицелились в храбреца.

— Нет! Не стрелять! — навстречу пастуху поскакал воин, вооруженный секирой.

В отличие от остальных кочевников, к шаровидному шлему всадника крепился волчий хвост, а кираса была обшита бледно-зеленой кожей. Интуитивно Юл понял, что это предводитель.

— Скутераст позорный! — выкрикнул главарь. — Ща я тя ушатаю!

Парень поморщился. Опять непонятные фразы. В ответ пастух ударил ногами по бокам лошади и ринулся на неприятеля. Кочевник с невероятной легкостью отвел удар рогатины, которая переломилась пополам, а сам селянин, не удержавшись, рухнул вниз. Протяжный победный рев огласил деревню. Три всадника тут же спешили и, подбежав к поверженному пастуху, принялись месить его ногами. Предводитель не спеша подъехал к избиваемому.

— Харэ! — прорычал он. — А то убьете. Тяните его к остальным кеглям. Я его по-другому накажу!

Два кочевника схватили под руки несчастного и потащили обмякшее тело к толпе.

— Кегли! — проорал главарь и снял шлем. — Вы меня разочаровали!

Предводителем оказался нестриженный бородатый мужчина лет сорока с толстым шрамом через весь лоб.

— Год назад я, Ури, Урал Громopodobный из клана Дэнджеров, президент клана Дэнджеров, байкер Стальные бедра и герой степных дорог, оказал высокую честь вашей деревне своим патронажем, обещал ее защищать от врагов в обмен на дань! И что я вижу? — главарь развел руки. — Вместо того, чтобы приветствовать своих покровителей, вы бежали!

А этот, — кочевник указал секирой на лежащего в пыли пастуха, — посмел сопротивляться... Это было глупо! Из-за него будет увеличена дань. Благодарите вашего позорного скутера и уж сами разбирайтесь с ним!

— Но, вы обещали приехать через полгода, чтобы мы успели собрать урожай, — от толпы отделился сухонький старичок с жидкой бородкой. — А приехали только через год.

— А вы хотели попрятать чикс да хавку в срок? — главарь усмехнулся. — А мы вдруг не прибыли вовремя. Вы уж решили, что мы сгинули в степях, расслабились. А не тут-то было. Вот мы, перед вами! Итак, кегли, мой приговор таков: в прошлом году я хотел забрать у вас семь коров, пятнадцать овец, десять мешков разного зерна и сорок мехов браги, но из-за вашего плохого поведения дань придется увеличить в два раза. Можете меня не благодарить, благодарите того, кто посмел сопротивляться!

— У нас нет сейчас столько зерна, — возразил старик, — весна ведь, посевная была. Браги у нас столько тоже нет. Но мы отдадим все, что имеется. А если мы отдадим коров, до лета нам нечего будет есть. Мы умрем с голоду.

— А разве это мои проблемы? — Ури Громоподобный прицепил секиру к крупу лошади.

— Но хороший хозяин не сдирает со своих овец шкуру, он их стрижет, — голос старика стал вкрадчиво-заискивающим, — ведь шкуру можно содрать только один раз, а шерсть стричь постоянно.

— Да, умертвить вас голодом резона нет, — предводитель усмехнулся, — хотя, сдается мне, что ты, старпер, дурачком прикидываешься. Вы ведь рыбу еще ловите, как-нибудь да протяните.

— Может, протянем, а, может, и нет. Улов непостоянен, а коли вы уведете животину, то не будет ни молока, ни сыра, ни сметаны, — старик склонил голову, — мы просим вас о милости, славный господин.

— Ты прав, овец нужно стричь, — главарь самодовольно улыбнулся, — а ты тут, я вижу, главный баран. Бычье, телки, овцы и бараны — вот и вся ваша суть. Трусливые твари. Ваша деревня случайно не Тварино называется? Или лучше Тварьевка!

Старик открыл было рот, но главарь не дал ему ответить:

— Мой приговор таков, мы забираем у вас всю брагу, вы режете восемь овец и отдаете нам всех молоденьких незамужних чикс, у которых начали расти волосы между ног.

— Кого отдавать? — не понял старик.

— Девах, кого ж еще...

— Но это... но так...

— Ты просил, чтобы с тебя не сдирали шкуру, а только постригли, — главарь громогласно захохотал, — я так и сделал. Пройдет пара-тройка лет и новые подрастут, да и бабы еще наплодят. А для чикс ваших большая честь рожать от байкеров, потом мы пришлем в вашу Тварьевку их детей, они организуют чептер, будут править вами и защищать вас.

— Но, господин, — запричитал старик, — это будет нескоро, а вы обещали нам защиту в обмен на дань. Но сами бываете лишь раз в год. Как вы нас защитите и от кого? От саранчи, от диких псов, от чужаков. Или от неурожая. Вы не сможете это сделать! Вы просто ищете предлог, чтобы забрать девочек... вы вот разъезжаете на своих лошадях...

Главарю вдруг резко надоело слушать препирательства и, он, ударив старика пяткой в лицо, рыкнул:

— Потухни, скутераст!

Юл хоть и упражнялся с Темеркой в искусстве фехтования на гладиусах и малых лопатах, все же никогда не видел настоящих сцен насилия. Он, зажмурившись, опустил голову в траву. Крики, плач, стоны, шлепки, ржание лошадей, гоготания и ругань заставили парня на несколько минут потерять контроль над собой. Страх одолел любопытство, и он, уткнувшись в землю, дрожал, молясь Божьей Четверице о том, чтобы его случайно не обнаружили кочевники. Юл не верил в богов, он, преисполненный юношеской гордости, считал своих односельчан, глупыми, суеверными и в чем-то даже недоразвитыми.

Но сейчас парень не на шутку испугался и мысленно взывал о помощи к предкам и Внутреннему Свету. Он с ужасом ощущал себя таким же, как и остальные: глупым, суеверным и малоопытным.

Гексаграмма 4 (Мын) — Малоопытность

Когда вокруг туман, тщательно проверяйте то место, куда хотите поставить ногу

Юлу нестерпимо хотелось пить. Когда он, спрятавшись, следил за кочевниками и когда его накрыла волна страха, жажда позабылась. Теперь же горло с новой силой раздирала сушь.

Парень лежал в высокой траве, недвижимый, до самой темноты. Байкеры, видимо, принялись уничтожать дань прямо на месте. Прежде всего, брагу. До ушей младшего правнука последнего предка доносились пьяный ор и странные песни.

Один раз шатающийся бородатый мужик подошел совсем близко к тому месту, где прятался Юл. Кочевник, выводя запинаящимся голосом какой-то мотив, приспустил штаны и принялся мочиться.

— Горел асф-а-а-а-льт, — прохрипел он, икнув, — под шум копыт... горел асф-а-а-а-льт... ты был его геро-о-ой...

Наконец, журчание стихло, и байкер удалился.

"Асфальт! — неожиданно осенило Юла. — Дороги предков делались из асфальта, я вспомнил! Значит песня, которую поет кочевник, была придумана до Великой гибели!? Ведь потом асфальт не делали. Я даже не знаю, как он выглядит, только читал где-то про него..."

На мгновение любознательность взяла верх над страхом и осторожностью. Ведь всадники могли бы поведать что-нибудь интересное о предках? Что-нибудь такое, что неизвестно селянам Забытой деревни...

Однако вскорости настрой Юла переменялся. Не время фантазировать! Нужно было составить план дальнейших действий. Так как светила почти полная луна, парень решил, что безопасней будет проползти, а не пройти полтысячи шагов, затем спуститься к реке. Напиться и наполнить фляги. И далее, всю оставшуюся ночь шагать вдоль берега по течению. Если вдруг появятся волки или дикие псы, можно броситься в воду. Парень не умел плавать, но при встрече с кровожадной стаей иного выхода не было. Потом же, когда наступит утро...

Юл не стал загадывать, что будет потом, поскольку сейчас он чувствовал необходимость уйти как можно дальше от деревни, наводненной кочевниками.

Сперва Юл полз в высокой траве, боясь каждого шороха. Затем терпение его закончилось, и он решил, что его не увидят. Ведь байкеры пьяны до безумия. К тому же очень-очень хотелось пить.

Больше не раздумывая, парень вскочил и понесся изо всех сил. Обезвоживание и страх почти сразу дали о себе знать. Пробежав двести-триста шагов, он, задыхаясь, остановился.

Сердце, казалось, выскочит из груди, а в висках бахало так, будто Темер-старший положил голову Юла на наковальню и что есть мочи лупил по ней молотом.

Кое-как отдышавшись, парень кинулся к отражающей лунное сияние реке. На миг ему послышался шум копыт. Но запах воды одурманивал, заставляя отбросить любую осмотрительность.

Подняв столб брызг, он буквально рухнул в воду и принялся жадно пить. Юл забыл о существовании окружающего мира, превратившись в ненасытную губку, впитывающую в себя живительную влагу. Наконец, напившись до боли в животе, парень лениво поднялся. Мокрая одежда заметно потяжелела. Теперь нужно было наполнить фляги. Блаженно улыбаясь, Юл повернулся к берегу и обмер.

В каких-то пятнадцати или двадцати шагах от себя он увидел два силуэта: лошадь и спешившегося всадника. Человеческая тень с мечом наизготовку решительно двинулась к нему.

— Так-так, кто тут у нас, — послышался женский голос.

Юл присмотрелся. Это была девушка. Или, скорее, даже девчонка, его ровесница. Шлема на ней не имелось, волосы ее были заплетены в короткую косу, едва касающуюся правого плеча. Торс байкерши закрывала кожаная кираса, а руки и ноги — наручи, налядвенники, наколенники и поножи. Одним словом, экипировка у нее была что надо.

Парень не испугался, но даже наоборот, стал предельно спокойным. Он, не спеша, снял со спины вещмешок, если что, поможет в бою, взял его в левую руку, вынул из ножен гладиус. Перед ним стояла всего лишь девчонка. Правда, покрытая с ног до головы защитой. Юл прикинул, сможет ли он проткнуть кожаный доспех.

"Лучше бить по лицу, — решил парень, — жалко ее, симпатичная она, но что тут поделаешь. А еще я буду быстрее, на мне ведь нет дурацких лат, да и ростом я повыше..."

— Я, Хона, Хонда Молниеносная из клана Дэнджеров, — сказала байкерша, — и я объявляю тебя своим пленником. Брось немедленно оружие и суму, встань на колени и подними руки, иначе пожалеешь!

— Давай лучше разойдемся, как будто мы не видели друг друга, — предложил Юл, крепче сжимая рукоять гладиуса, — иначе пожалеешь ты.

До ушей парня донеслось шуршание, и он увидел еще одного байкера. При лунном свете Юл сумел разглядеть черты его лица. Высокий лоб, прямой нос, аккуратная борода, длинные волосы. Новоявленный кочевник целился в Юла из арбалета.

— Я, Рекс, Хорекс Неустршимый из клана Файеров, род-капитан клана Файеров, — грозно произнес он, — и я объявляю тебя своим пленником. Брось акинак, иначе я вгоню тебе болт в глотку!

— Э-э-э-э! — недовольно протянула Хона. — Это мой пленник! Я его первая нашла!

— Не факт, что ты его победила бы, — возразил арбалетчик.

— Да я его одной левой ушатаю! — вспыхнула девушка. — Не веришь!?

— Не верю, — сказал Рекс, — это мой пленник.

— Нет, это моя добыча!

— Нет, моя...

Не сводя с Юла глаз, байкеры препирались, кому принадлежит парень. Младший правнук последнего предка тем временем обдумывал, как ему поступить. Сдаваться не хотелось, но и сражаться с двумя одновременно ему представлялось делом опасным. Почти самоубийственным. Юл видел, как хорошо стреляют кочевники. Может, броситься в воду?

Или метнуть вещмешок в мужчину, кинуться на девчонку, проткнуть ее, а затем как нелегкая вывезет?.. Нет, не получится... слишком рискованно...

Между тем байкеры, наконец, определились с дальнейшими действиями.

— Ладно, — процедила сквозь зубы Хона, — пускай Ури скажет, чей это пленник.

— Надеешься, папаша решит дело в твою пользу? — Рекс усмехнулся. — Как бы не так!

— Может, мы просто разойдемся? — внес свое скромное предложение Юл. — Я ведь вам ничего плохого не сделал. Я за дружбу и мир...

— Потухни, кегль! — рявкнул Рекс. — И слушай меня. Сейчас ты бросишь акинак и суму, поднимешь руки вверх, сделаешь пять шагов вперед, встанешь на колени, Хона тебя свяжет. Ты понял меня, кегль?

"Может, все-таки успею нырнуть?" — с надеждой подумал парень и вдруг вспомнил, что не умеет плавать. Ведь мелководье отнюдь не везде. Как он уйдет от преследователей, если будет глупо барахтаться в воде?

— Я считаю до трех, потом я тебя убью! Это не шутка!

Юл не сомневался, что кочевник не шутит. Но все же, выполнять приказ арбалетчика было унижительно.

— Раз!

"Кину в него вещмешок, — затылок парня покрылся испариной, — одновременно резко пригнусь, стрела пролетит мимо, потом подамся вперед на девку, зарежу ее, а потом, потом..."

— Два!

Юл внезапно осознал, что план его не стоит и выеденного яйца. Он не справится с двумя вооруженными кочевниками. Придется сдаться. Тем более, убивать его не собираются. По крайней мере, не сразу. Нужно выждать удобный момент...

— Три!

Парень бросил вещмешок и гладиус, который байкеры обозвали "акинаком", торопливо поднял руки вверх, затем сделал пять шагов вперед. Встал на колени.

У Хоны неизвестно откуда взялась веревка, с быстротой молнии она подскочила к Юлу, завернула ему руки за спину и принялась вязать.

Щеки парня загорелись от стыда.

"Ничего, — думал он, — я пережду. Пережду и еще вам всем покажу..."

Гексаграмма 5 (Сюй) — Необходимость ждать

Иногда лучшее действие — это выжидание

Связанного Юла конные байкеры подгоняли пинками. На пути к деревне он несколько раз спотыкался и падал. Так как руки парня были связаны за спиной, и он не мог выставлять их вперед, удары при столкновении с землей приходились на лицо, грудь, плечи, колени. Это было больно и очень злило. Однако Юл лишь яростно цыкал, поднимался и шел дальше.

— Куда его, к чиксам? — спросила Хона, когда кочевники и пленник оказались в деревне.

— Еще чего! — возмутился Рекс. — Чтоб он нам телок попортил! Привяжем к столбу возле сарая.

Юл осмотрелся. В деревне царила тишина. Байкеры, хорошо погуляв, утихомирились, и только два угрюмых дозорных невесело прохаживались по единственной деревенской улице. Первый был лыс, имел длинную седую бороду, нос его был слегка приплюснут. Вторым отличался высоким ростом и прямо-таки роскошными длинными усами, свисающими с

подбородка на добрых две толщины фаланги. Оба в руках держали копьа, а на ремнях у них висели мечи, иначе называемые акинаками.

— Йенг мне в глотку! — воскликнул лысый. — Хона, Рекс! Я гляжу, у вас улов!

— Не зря в охранение мы ставим секреты, — сказал усач.

— Это я его поймала! — с вызовом проговорила байкерша.

— Без меня ты бы сейчас плыла по речке с перерезанным горлом, — заметил Рекс.

Девушка хотела возразить, но Рекс поднял руку и примирительно произнес:

— Ладно, завтра перетрем, чей это кегль.

После того, как Юла посадили спиной к столбу на землю и крепко привязали, Хона и Рекс ускакали в ночную степь. Иной раз невозможно было вздохнуть без легочных колик, так сильно веревки стискивали грудь. А ужасней всего было то, что лысый и усач с дурацкими именами Иж и Крайд постоянно задавали глупые вопросы и бросались нелепыми шутками.

"Откуда ты, кегль? — спрашивали они. — Явно не из этой деревни..."

или

"Слушай, чувак, ты почему такой молчаливый? Брезгуешь базарить с нами? А как насчет в табло с ноги?"

или

"У тебя случайно не йенг в глотке? Че молчишь-то?"

или

"Может, ты просто стесняешься? Может, ты не чувак. Может, ты чувиха? За щеку брать любишь? Отвечай, ты! А то мы щас с тебя штаны сдернем, посмотрим, есть у тебя йенг или нету".

Юл решил хранить стоическое молчание. Пусть эти исчадия Внешней Тьмы делают, что хотят, он не проронит ни слова. Тем более сленг кочевников был далеко не всегда понятен. Скучающие байкеры насмехались над парнем, оскорбляли его, грозили засунуть ему копье в задницу, сначала тупым концом, а потом острым, пару раз даже пнули, но, в конце концов, им надоело издеваться над безмолвной жертвой, и они отстали, продолжили прохаживаться вдоль улицы.

У Юла мелькнула мысль о побеге, он напряг мышцы и понял, что это нереально. Можно было бы попробовать перерезать веревки, но гладиус и лопату, впрочем, как и вещмешок у парня отобрали. Можно было попробовать перетереть веревки о столб или как-нибудь потихоньку развязаться, но мерзавцы Иж и Крайд сразу заметят подозрительные движения... Придется ждать рассвет. А что будет утром — еще неизвестно.

С такими неутешительными мыслями Юл задремал. Ему привиделся дед Олег. Он был одет в черное рубище, и белоснежная борода расплескалась на его груди. Младший правнук оставался связанным, а старик сел рядом с ним и тихо произнес:

— Эх, Юл, попал ты в передрагу.

— Вас могут схватить, — испуганно прошептал парень, косясь на двух дозорных, как раз проходивших мимо столба.

— Нет, — ободряюще сказал дед, — не схватят. Во-первых, я умер, а, во-вторых, я тебе снюсь.

— Я виноват перед Вами, — прошептал Юл, — я обманул старосту, что Вы явились ко мне от лица всех предков. Мне теперь очень стыдно...

— Не кори себя, мальчик, — старик потрепал парня за щеку, — потому что, ты сделал

все правильно. Вот только ты услышал не зов предков, а зов потомков.

— Как это? — удивился Юл.

— Десять тысяч книг, — старик поднял палец, — десять тысяч книг из пластика — это великая кладезь знаний, которая нужна не предкам, но потомкам. И все это может быть уничтожено! Глупо служить тем, кто умер, не лучше ли созидать на благо еще не родившихся. В Забытой деревне семь из десяти детей не доживает до брачного возраста. Что говорят селяне? На все воля предков... — старик засмеялся, — воля тех, кто давно уже сгнил... как же это глупо...

— Но ведь староста говорил, что болезнь безумия поразила человечество из-за непочтения к предкам, — сказал Юл, а, может, и не сказал, а просто подумал.

— Предков нужно чтить, но не стоит на них молиться, — ответил старик, — ты обязан смотреть вперед, а не оглядываться назад. Подумай о своих селянах. О тех детях, которым не суждено дожить до услады юности из-за болезней. Подумай о тех, кто умрет от голода, когда придет великая засуха. Подумай об убитых мужчинах, изнасилованных женщинах и угнанных в полон детях, когда деревню вдруг найдут кочевники вроде этих, — старик сделал круговой пас рукой, как бы указывая на мазанки, где расквартировались байкеры, — все это рано или поздно случится, если селяне придадут книги огню. Десять тысяч томов — вот настоящее наследие предков, а не какие-то там сказки про духов и демонов. Десять тысяч томов — это светильник прошлого, благодаря которому ты можешь освещать себе дорогу в темное будущее. Десять тысяч томов — это наука. Наука лечить, наука выращивать, наука производить, наука побеждать в боях варваров. Ты обязан спасти Архив Памяти! Потому что знание — это огонь в черной ночи, который необходимо беречь, чтобы дожидаться восхода.

— Но как! — воскликнул Юл. — Меня завтра могут убить! Я один, а их сколько!

— Да, и убить могут, — старик поднялся, — ты один, ты слаб. Используй свой ум, используй противоречия между противниками, между байкерами, между селянами, между всеми, кто будет попадаться тебе на пути. Ведь однажды ты сумел оспорить решение старосты. Если есть два человека, значит, между ними всегда найдется место для тяжбы. И запомни, на все не воля предков или демонов, на все твоя воля, воля тех, кто пойдет с тобой и за тобой. Не боги творят историю, но живые люди из плоти и крови, потомки зовут тебя...

— Да, но... — парень повертел головой. Старика нигде не было.

А потом нечто невидимое ткнуло Юла в грудь. Издав протяжный хрип, он открыл глаза.

Рассвело. На парня с нескрываемым презрением смотрел незнакомый кочевник. Он был патлат и небрит, от него несло забористым перегаром. Он скалился, обнажив коричневые обломанные зубы. В руке кочевник вертел остро заточенный нож.

— Что, кегленок, добежался! Только от байка не уйдешь!

— От кого? — не понял Юл.

— Ты что, — усмехнулся патлатый, — не знаешь, кто такие байки? Мы на них ездим.

— Лошади что ли?

Лицо кочевника исказила гримаса ярости, и он вlepил парню внушительную затрещину, от которой сознание Юла на миг помутилось.

— Еще раз так скажешь, я тебе ухо отрежу, понял, да! — прорычал он. — Лошади в поле пашут, а мы на байках скачем. Нельзя так называть верного байка. Если называешь, то добавляешь "стальной". Стальной конь, стальная лошадь, стальной жеребец, стальная кобыла. Или просто байк. Понял, да?!

Юл ничего не понял, но от греха подальше кивнул.

— Смотри мне! — кочевник принялся перерезать веревки, которыми парень был привязан к столбу. Щас суд будет. Ури решит, чей ты раб: его дочуры или Рекса.

— Что будет? — осмелился переспросить Юл.

— Суд! — раздраженно рявкнул патлатый. — Что тебе еще неясно?

— Все понятно, — сказал парень и даже нашел в себе силы улыбнуться.

Назло мерзавцу.

Гексаграмма 6 (Сун) — Суд

В споре рождаются лишь новые споры

Ури, Урал Громоподобный из клана Дэнджеров, президент клана Дэнджеров, байкер Стальные бедра и герой степных дорог сидел на высоком, покрытом паутиной трещин пне, угрюмо взирая на Юла и шесть молоденьких испуганных пленниц, двум из которых не исполнилось, наверное, еще и тринадцати. Лицо предводителя было помятым, под глазами набухли синяки, губы кривились в похмельном отвращении. То ли к самому себе, то ли окружающей действительности, то ли к тому и другому сразу. Возле главаря собрались пешие байкеры, улицу с обоих концов перекрыли конники. Местных жителей нигде не было видно. Скорее всего, им посоветовали не высовываться.

— Когда же я выплусь, провались все в баггерхелл! — Ури схватил мех с брагой, лежавший у его ног, сделал два внушительных глотка, передал его кому-то из байкеров.

Лицо предводителя просияло. Смачно отрыгнув, он изрек:

— Так, с чиксами лады, грузите их, пойдут призами на байкфест. А это что за кегль с бугра?

Шесть байкеров повели девушек в сторону реки, самая младшая из них расплакалась, прикрыв худенькими ладошками измазанное личико. Однако никто даже не думал сопротивляться. Где-то послышался глухой женский вой. Возможно, рыдала мать одной из пленниц. Но кочевникам было не до бабских причитаний. Десятки пар глаз жадно и с любопытством смотрели на Юла. От такого внимания парень слегка смутился.

— Это моя добыча, — вперед выступила Хона, та самая наглая девчонка, которая вчера вязала Юлу руки, — я его первая нашла.

— Я взял его на мушку арбалета раньше, — возразил Рекс, вставший рядом с Хоной, — просто я не высовывался в отличие от некоторых, и я требую его себе в качестве раба!

Байкерша и род-капитан из клана Файеров тут же начали громко спорить, кому должен принадлежать Юл. Девушка нажимала на то, что набег организовали Дэнджеры, а Рекс является лишь наблюдателем от остальных шести кланов. Однако род-капитан не собирался сдаваться. Ссылаясь на высокое звание в иерархии Файеров, он не преминул напомнить, что Хона пока что только шустрила, и то, что она приходится дочерью президента, не дает ей право на какие-либо привилегии. Спор постепенно перешел в яростную ругань, в которой Юл уже ничего не мог разобрать.

Видимо, ничего не понимал и сам Ури. Поморщившись, коснувшись пальцами висков, он внезапно гаркнул:

— Заткнитесь!!! — затем сделал нетерпеливый жест рукой.

Кто-то из окружения главаря подал ему мех с брагой. Отпив живительного напитка, Ури, размашисто вытерев рот рукавом, произнес:

— Этот спор — дерьмо! Вот, что я думаю! Свидетелей нет... кроме самого кегля. Не разве можно верить кеглю?

Вопрос был риторическим и потому байкеры ответили молчанием, а Юлу стало обидно.

— Потому я решаю так, — Ури прожег взглядом род-капитана, потом дочь, — берем кегля на байкфест, там его и разыграем в качестве приза. Приоритет в розыгрыше оставляю за Хоной и Рексом.

— Но, папа, так нечестно! — возмутилась девушка. — Это мой первый пленник! Я могла бы стать проспектом!..

— Заткнись! — рявкнул Ури. — Считай за счастье, что я взял тебя в поход! Разговор окончен!

Хона зло сверкнула глазами в сторону отца, резко развернулась и зашагала прочь. Рекс, победно ухмыльнувшись, отошел в сторону, слился с толпой байкеров.

— Откуда ты, чувак?

Вопрос был адресован Юлу. Парень не знал сленга кочевников, но уже понимал, что быть "чуваком" менее обидно, чем "кеглем". Однако это вовсе не обнадеживало. Сказать правду — значило навести варваров на родной дом, на Забытую деревню, отказаться отвечать — значило подписать себе смертный приговор. Оставалось только одно — сочинять на ходу, а Юл в этом деле преуспел.

— Я из Гиблой деревни, — сказал он без запинки и посмотрел в глаза предводителю с трепетом и предельной искренностью.

— Откуда?

— В трех месяцах пешего пути на восход есть такое место — Гиблая деревня, — начал объяснять парень. — Когда случилась Великая погибель, ну, то есть, когда большая часть человечества слегла от болезни безумия, мои предки обнаружили причину, по которой умирают люди. Это были бактерии... ну, такие маленькие демоны, которые поселяются в людях и начинают пожирать их мозг. С помощью специальных устройств под названием спутниковые антенны, они высосали всех бактерий из воздуха и поместили их в бронзовую кружку и закупорили ее. Они хранили ее сто лет. Вся моя деревня вымерла, и я остался один. И вот я решил навсегда уничтожить бактерии и несу их к морю, потому что, смешавшись с водой, они погибнут, и болезнь безумия отныне не будет опасна.

В нагрянувшей тишине кто-то прошептал:

— Эликсир смерти... он говорит об эликсире смерти...

Толпа внезапно загудела, и отовсюду послышались одни и те же слова: "эликсир смерти... эликсир смерти... эликсир смерти", в глазах байкеров читались испуг и недоумение.

Ури, скривив недовольную гримасу, резко поднял руку, сжатую в кулак. Кочевники тут же замолчали.

— А зачем ты идешь к морю? Почему бы тебе не высыпать этих самых... демонов в реку?

— Потому что в реке пресная вода, — тут же ответил Юл, — а бактерии не переносят соленую воду, то есть уничтожить их можно только в морской воде. Так завещали нам предки.

— Знаешь, что я думаю, — взгляд предводителя стал свирепым, — что твой базар — гнилой. Почему ты решил идти именно сейчас? Сто лет вы держали взаперти смерть, никуда не собирались, а тут вдруг надумали? Почему никто раньше не отправился в путь?

— Я остался один, саранча сожрала все наши поля, и мои родичи умерли от недоедания, — Юл потупился, глаза его увлажнились, будто действительно он потерял всех родных, — а я должен исполнить долг, ибо если умру, то не останется больше хранителей. К

тому же из-за периода полураспада раньше невозможно было уничтожить бактерии в морской воде.

— Из-за чего? — Ури наморщил лоб.

— Периода полураспада, — парень с умным видом обвел взглядом байкеров, — ну, это время, за которое бактерии, то есть маленькие демоны, теряют половину своей силы. Закупоренные в кружке, они чахнут и становятся все слабее и слабее. Раньше нельзя было высыпать демонов в море, поскольку они были слишком сильны и могли не погибнуть, и тогда болезнь безумия снова поразила бы людей, а теперь — другое дело. Они ослабли настолько, что морская вода справится с ними без проблем.

Байкеры молча переглянулись. Юл надеялся, что та чушь, которую он только что выдал на раз-два, подействует на кочевников в выгодном для него направлении. Впрочем, терять ему было нечего.

— А ну-ка, принесите суму этого кегля! — скомандовал Ури.

Минуту спустя патлатый байкер с гнилыми зубами, тот самый, который отвесил Юлу затрепину за то, что парень назвал лошадей "лошадьми", передал главарю вещмешок. Ури принялся не спеша изучать его содержимое. Сперва он отцепил резиновые сапоги, критически осмотрел их со всех сторон, хмыкнул, кинул к ногам. Затем повертел в руках малую боевую лопату. Видимо, боевой он ее не считал, и потому лопата полетела на землю вслед за сапогами. Ури рявкнул:

— Пойдет на перековку!

Предводитель развязал вещмешок, достал из него фляги, одобрительно кивнул, передал их гнилозубому. То же самое повторилось с шерстяной накидкой, кресалом, кремнем и льняной тканью. Главарь вытащил из мешка кусок недоеденной Юлом свинины, взглянул исподлобья на парня:

— Говоришь, родичи твои сдохли от голода? Откуда у тебя соленое мясо?

— По дороге мне попадались поселки, — сказал Юл, — добрые люди, понимая, какая на мне лежит ответственность, помогали кто чем.

— Ага, — обрадовался Ури, — значит, ты приведешь нас к деревням, где можно пожить!

Парень осознал, что попался в ловушку собственной лжи, но отступить было некуда:

— Конечно, если вы захотите, я вам покажу дорогу.

— Конечно, покажешь, куда ж ты денешься, — Ури, расстегивая карманы вещмешка, громогласно захохотал и следом засмеялись остальные байкеры.

Глиняную чашечку главарь бросил на землю и, наконец, достал бронзовую кружку с прахом деда Олега, запечатанную воском.

— Это оно? — спросил Ури.

Юл кивнул. Байкеры, стоявшие рядом с предводителем, инстинктивно отшатнулись. Главарь довольно оскалился:

— Это эликсир смерти, знаменитая чаша с останками Скальпеля Косноязычного из клана Сумеречных шакалов. А я полагал, что это сказки для сопливых младенцев. Я помещу ее в восковой куб, и он будет стоять в моем шатре. Легенда гласит, что тот, в чьи руки попадет эликсир смерти, объединит под своей дланью все кланы.

Парень не понимал, о чем вел речь предводитель, но в душе был несказанно рад, что его рассказ удачно лег на какую-то кочевническую байку.

— Это чаша принадлежит клану Файеров, — вперед выступил Рекс, — ибо я взял в плен

кегля, а, значит, его имущество принадлежит мне.

— Ты только наблюдатель! — рявкнул Ури. — Набег устраивали Дэнджеры! А значит, ты должен отдать половину награбленного в общак нашего клана. Ты ведь знаешь, как идет дележ. Раскладываются вещи, президент берет одну из них, следом берет тот, кто захватил пленника, и так по очереди. Я беру первый, и я беру чашу. К тому же ты еще не выиграл кегля на байкфесте, но в любом случае чашу я забираю себе, а его акинак я дарю тебе за храбрость, он ведь и так у тебя.

Рекс зло скрипнул зубами, а Ури расхохотался, полез в карман вещмешка и извлек из него пластиковую книжицу.

— Это еще что за хреновина? — разглядывая обложку, предводитель сощурился. — Ка... канн...канон... ка-а-а-нон пе...пе...пере... пе-ре-мен... как здорово, что батя научил меня читать!

— Это путеводитель судьбы, — сказал Юл, и сердце его сжалось, — с его помощью я собирался дойти до моря.

— Лады! — гаркнул главарь. — По байкам, парни! Послезавтра полнолуние, и мы опаздываем! Наша маленькая армия идет на байкфест!

Кочевники ответили возгласами одобрения.

Гексаграмма 7 (Ши) — Армия

Побеждает лишь тот, кто не останавливается на достигнутом

За время полуторадневного путешествия Юл получил еще одно обидное прозвище. Оказывается, он был не только "чуваком" и "кеглем", но также и "нажопником".

Нажопник в понимании кочевников — это тот, кто едет на коне вторым номером позади основного седока, то есть на крупе. В Забытой деревне разводили лошадей, но наездниками селяне были никудышными. Юл исключением не являлся. Уже через несколько часов непрерывной езды мышцы бедер и спины начали ныть.

Периодически парня и молоденьких пленниц спешивали и заставляли садиться на других лошадей. Животные, несущие на себе двух седоков, быстро уставали. Ночевали байкеры в открытом поле, выставив сменяющие друг друга конные дозоры. Пленникам выдали какую-то безвкусную бледно-зеленую труху и велели съесть. Несмотря на отвратительный вид, пища оказалась сытной. Дров и хвороста было очень мало, и потому кочевники развели жиденький совсем не греющий костерок. К утру Юл продрог до костей, и когда ему снова пришлось садиться на лошадь, он решил, что этот день — последний в его жизни. Мышцы одеревенели, и младший правнук с трудом передвигался. Но крепкая ругань и два пинка под зад от гнилозубого байкера помогли Юлу прийти в себя.

К полудню парень стал себя чувствовать лучше, ноги и спина по-прежнему болели, но, видимо, организм начал приспособливаться к новому виду передвижения по степи.

Ближе к вечеру, когда солнце прошло зенит, до ушей Юла стали доноситься странные далекие бухающие звуки: "Бум!.. Бум!.. Бум!..". Сперва парень подумал, что у него слуховые галлюцинации. Но спустя какое-то время звуки стали слышны отчетливо. Байкеры заметно оживились. Все чаще в речи кочевников попадалось слово "байкфест". Впереди виднелись холмы.

Вскоре дорогу сорвиголовам Ури преградил отряд байкеров. Кочевники будто бы появились из ниоткуда, Юл, по крайней мере, заметил их только в последний момент.

"Наверно, охранительный дозор, — подумал парень, — очень уж любят они конные

разъезды".

От группы новоприбывших кочевников отделился всадник, как и Ури с волчьим хвостом на шлеме, а также кирасой, обшитой светло-зеленой кожей, и рысью поскакал навстречу путникам.

— Кого я вижу! — громогласно возгласил предводитель Дэнджеров и подстегнул коня. — Это же Неп, Днепр Дальнозоркий, президент клана Вампиров.

Мужчина с худым лицом, с острой бородкой и не менее острым, пронзительным, змеиным взглядом учтиво кивнул. Тонкие губы его вытянулись в подобие улыбки.

— Ури, — сказал он, — Урал Громоподобный из Дэнджеров, ты все-таки явился к сроку. А мы думали, вы опоздаете, хотели начинать без вас. Вайс-президенты кланов уже затушили костер пивом, как жертвоприношение священному табу.

— Хотели начинать без меня? — Ури расхохотался. — А как же призы, которые я обещал! Без них состязания были бы скучны.

В глазах худощавого байкера на миг вспыхнул огонек любопытства, он вновь сделал попытку улыбнуться:

— Ты привез девочек? Надеюсь, твои олухи не сильно их попортили?

— Обижает, все целки, я лично проверял, — Ури расхохотался, вслед за ним засмеялись остальные кочевники.

— Лады, — Неп, кивнув, тоже засмеялся, — тогда едем на становище. Все только тебя и ждут. В этом сезоне твоя очередь открывать фест.

Становище представляло из себя голую, вытопанную конскими копытами поляну, находящуюся между двух холмов, утыканную деревянными столбами разной высоты, и огороженную по периметру многочисленными шатрами и палатками. Вдали виднелись постройки. Наверное, конюшни. В склонах холмов были вырезаны ровные глиняные площадки с низкими лавками из камня, на которых сидели галдящие люди — сотни мужчин и женщин, облаченных чаще в кожаные доспехи. На самых вершинах голые по пояс кочевники били дубинками в гигантские кожаные барабаны: "Бум!.. Бум!.. Бум!.."

Возле склонов стояли цилиндрического вида деревянные клетки высотой в человеческий рост или чуть меньше, диаметром в два-два с половиной локтя. В одну из них Юла и поместили. В другие клетки затолкали пленных девушек и девочек. Предварительно с них содрали всю одежду, и теперь они, заплаканные и обнаженные, прикрывая дрожащими ладошками срамные места, боязливо ежились под наглыми взглядами веселящихся байкеров. В клетке было тесно. Чтобы не биться головой о потолок, приходилось пригибаться, но парень радовался тому, что его, по крайней мере, не раздели.

Между тем барабанщики изо всех сил забили по толстым кожаным мембранам. Оглушительные звуки разнеслись над становищем и с бешеной скоростью помчались дальше, в безбрежную степь. К центру поляны, не спеша, на белом коне ехал Ури с большой деревянной кружкой, наполненной до краев светло-коричневым напитком. Наверняка, хмельным. Оружие во всю глотку кочевники и густо накрашенные девицы повскакивали с каменных лавок, замахали платками, мечами, какими-то палками с вбитыми в них гвоздями, мехами с брагой.

Сокрушающее ушные перепонки "Бум! Бум!" заставляло Юла вздрагивать.

— Семитри! Семитри! — закричал кто-то под ухом парня. — Семитри!

Юл обернулся, увидел рядом с клеткой старого кочевника, чьи седые грязные волосы были заплетены в косу и достигали середины спины. Болотные глаза байкера блестели

нездоровым огнем. Он морщил от удовольствия широкий нос и улыбался щербатым ртом голубому небу. Любопытство вдруг победило страх и неуверенность, и парню захотелось узнать, что же такое "семитри"? Но кто ему даст ответ в этом балагане?

Ури доехал до середины поляны, остановился, поднял вверх кулак. Барабаны вдруг перестали бить, а вслед за ними затихла и толпа.

— Я вижу вся рать, все войско в сборе! И это хорошо! — проорал он. — Братья-байкеры и сестры-байкерши! Чуваки и чувихи! Я, Ури, Урал Громоподобный из клана Дэнджеров, президент клана Дэнджеров, байкер Стальные бедра и герой степных дорог, имею высокую честь открыть сезон! Я желаю вам удачи в новом обороте колеса! Пусть же небесный стальной конь Харлей Изначальный и небесная стальная кобыла Ямаха Первородная всегда скачут над вашими земными байками, где бы вы ни находились. И пусть фарт прибудет с вами!

Ури отпил из кружки, довольно крикнул и снова заорал:

— А теперь, прежде чем открыть сезон, о чем я должен напомнить всем нам?!

— Семитри! — закричал кочевник с седой косой так, что Юл отдернул руки от прутьев клетки.

— Семитри! — отозвалось тысячеголосое эхо с обоих холмов становища.

— Верно! Семь кланов, три правила! Вот завет древних! — Ури отхлебнул из кружки и продолжил. — Я пью за семь кланов, семь кланов избранных, много лет назад ускакавших на стальных конях в степь: за Дэнжеров, за Файеров, за Вампиров, за Хандредов и Вилсов, за Реблов и Фалкомов! Пусть в шатре каждого из вас будет вдоволь хавки и бухла!.. и халявная чикса!

"Так вот, что значит семитри... — подумал Юл, — семь и три..."

Ури принялся пить, а над становищем пронесся невиданной силы рев, кочевники и их подружки откупоривали меха и буквально заливались брагой. Старый седовласый байкер тоже принял на грудь. Но выпил он из бутылки. Причем бутылки стеклянной. Это очень удивило Юла.

— Что смотришь? — спросил он вполне дружелюбно. — Тоже хочешь?

Юл замотал головой, но кочевник все уже решил за него.

— На, вмажься! — он протянул бутылку сквозь прутья. — Только не пролей и не разбей! Это раритет из древности.

Парень коснулся губами горлышка, жидкость обожгла язык. Дыхание сперло. Юл закашлялся.

— А! — обрадовался байкер. — Как тебе? Жестко? Давай, еще хлебни. Хлебни, я сказал! Такого теперь не делают.

Юл отпил и закашлялся еще сильнее. Ему показалось, что он только что проглотил раскаленный уголь, который теперь стремительно прожигал нутро и вскоре выйдет наружу.

— Ладно, давай сюда! — кочевник вырвал из рук парня бутылку. — Это я нашел в землях за рекой Пагубь. Представь, я там был в плену у вырождков, у аэсов. И выжил! Главное, выжил!!!

Парень и слова не смог выговорить, просто кивнул. Горло пылало страшным огнем, а из глаз сами собой катились слезы. В Забытой деревне, бывало, делали вино. Но пить его разрешалось либо тем, кому исполнилось восемнадцать, либо тем, кто вступил в законный брак раньше этого срока. Правда, Темерка однажды украл у отца немного хмельного напитка, и друзья тайком выпили его. Но то, что Юл хлебнул сейчас, ни в какое сравнение

не шло с вином. Это было нечто огненное, нечто такое, что нельзя понять...

Тем временем толпа вновь утихла. Ури громогласно расхохотался, борода его была мокра. Он прокричал:

— А теперь мы должны произнести три правила, по которым живет каждый правоверный байкер! Первое правило гласит... — президент Дэнджеров замолчал и резко вскинул руки вверх, из кружки плеснуло светло-коричневым.

— Не будь пидором!!! — дружно заорали кочевники.

Ури сделал глоток, а Юл, услышав незнакомое слово, недовольно цыкнул.

— Второе правило гласит... — предводитель снова поднял руки.

— Никогда не будь пидором!!! — задорно отозвалась толпа.

— Третье правило гласит...

— Никогда, ни при каких обстоятельствах не будь пидором!!! — проревел седовласый байкер, и Юл оглох на одно ухо.

Следом то же самое проорали остальные.

— Ибо пидоры погубили мир!!! — закончил Ури.

Кочевники взорвались радостными криками. Президент Дэнджеров, наконец, опустошил гигантскую кружку до дна и, оскалившись, швырнул ее о землю.

— Что ж! — прохрипел он. — Теперь исполним же, братья и сестры, судьбоносную балладу, завещанную нам древними, и начнем состязания! Ибо час пробил!!!

— Пробил час!!! — ответила толпа.

Неожиданно забили барабаны. Голые по пояс кочевники принялись отбивать странный, плотный, но завораживающий ритм. Юлу внезапно захотелось под него плясать, слиться с беснующимися байкерами, лапать разукрашенных женщин, почему-то одетых исключительно в брюки, целоваться с ними, и пить, пить, пить из мехов, заливаться смехом и брагой, утонуть в диком, необузданном и неконтролируемом счастье, в испепеляющем угаре безумства, где нет никаких запретов, где все можно, где ты не одинок, и каждый тебя понимает, ибо вокруг такие же сумасшедшие, как и ты.

А кочевники пели в разнобой. Пели так громко, что трудно было разобрать, о чем баллада.

— ...на дороге мы с тобой! — выводили откуда-то сверху.

— Время вдаль лететь, и нету сил терпеть! — визжал где-то женский голосок.

— Когда ты в коже на коне, а конь стальной! — ревел седовласый байкер, делая непонятный жест рукой: большой палец соединялся с безымянным и средним, а указательный и мизинец оттопыривались, отчего жест был похож на рогатое животное: корову или козу.

Юл осознал, что тянет его на безрассудство не только потому, что кочевники бьют в барабаны и люди придаются бесшабашным песнопениям, но и из-за горючей жидкости, которую ему дал седовласый байкер. Парень сообразил, что это опьянение, что ему нужно противостоять, но тело не желало слушать разум. Юл припал к клетке и вытянул руку.

— Дай... э-э-э... вмазаться! — прокричал он.

— Пробил час! — пропел седовласый, не глядя на пленника, выхватил из-за пояса бутылку и отдал ему. — Не остановишь нас!

Парень жадно припал к горлышку. Снова нестерпимый огонь опалил горло, снова сперло дыхание, снова по щекам потекли слезы. Юл осел, в глазах потемнело, на миг он потерял ориентацию во времени и пространстве.

Очнулся парень, от тряски. Седовласый кочевник тербил его плечо.

— Эй, братишка, ты только протекторы не отбрось, — прохрипел он, — я за тебя отвечаю! Я пленников победителям выдаю.

Юл скорее по инерции, нежели осознанно поднес горлышко к губам, но байкер вырвал бутылку у него из рук:

— Нет, тебе хватит! Спирт — это не шутки. Тем более для кегля. Для такого бухла нужна жжена глотка...

— Я не кегль, — просипел парень, поднимаясь, — я Юл. Меня Юл зовут.

— Странное погоняло, — заметил седовласый после некоторого раздумья, — наши не поймут, но ничего, мы тебя переименуем.

— Не надо меня переименовывать, — возмутился парень, запинаясь и пошатываясь, — нормальное у меня имя.

— А я Вир, Вирус Златорукий, — седовласый не обратил внимания на протест Юла, — главный кастомайзер клана Дэнджеров.

— Кто? — парень поморщился, горло по-прежнему жгло.

— Кастомайзер, — повторил кочевник, — это тот, кто байкам протекторы на копыта набивает, седла делает, сбруи, стремяна, боевые экипы, гравировает акинаки, кинжалы и все такое. Ты кем был, пока к нам не попал?

— Что значит, кем?

— Ну, владеешь каким-нибудь ремеслом?

— Я в кузнице работал иногда...

— Это гуд, пойдешь ко мне в помощники, — Вир приложился к бутылке, скривившись, мотнул головой, — если, конечно, тебя из Дэнджеров кто-нибудь выиграет. А буквы знаешь?

— Я умею читать...

— Полный гуд, значит точно быть тебе кастомайзером! Тупить не будешь, получишь шанс перейти Малую переправу, то есть стать байкером, и из рабов перейти в шустрилы.

Юл недовольно цыкнул. За последние двое суток как его только не обзывали: чуваком, кеглем, нажопником, теперь вот еще он, оказывается, станет рабом, а потом каким-то шустрилой. Парень отвернулся от кочевника, посмотрел на поляну. Там разыгрывалось действо: на два высоких столба с пазами положили перекладину, на нее набросили веревку с крюком, на который был нанизан кусок жареного мяса. Кочевники, главным образом мужчины в кожаных доспехах, проезжали на конях между столбами, а девушки и женщины, сидящие сзади, приподнимались и старались схватить мясо зубами. Когда это у кого-то получалось, зрители восторженно ревели. По мере неудач количество участников уменьшалось, пока, в конце концов, не осталась одна-единственная пара.

На середину поляны выехал уже порядком подвыпивший Ури.

— Победителями у нас стали Дукат Великолепный из клана Вилсов и его прекрасная нажопница! А в качестве бонуса они получают девственную чиксу. Пусть служит вам и вашему клану душой и телом!

Под одобрительный гул Дукат — юный шатен с едва пробивающейся растительностью на лице — подъехал к клеткам, спешил. Его подруга осталась в седле.

— Выбирай приз, — прохрипел Вир, заткнув бутылку за пояс, — заслужил.

Глаза юноши загорелись. Медленно он пошел вдоль живого товара. Голые девушки ежились под его пристальным взглядом, в котором было больше мальчишеской радости из-за победы, нежели взрослой похоти.

— А давай возьмем вот того красавчика, — наигранно томно произнесла подруга Дуката.

Она выглядела старше своего партнера, глаза у нее были зеленые и совершенно бесстыжие, волосы — с рыжинкой, а на щеке багровел рубец. Юлу наездница не понравилась.

— Извини, крошка, — сказал Вир, — но это особый приз. Его выбирать нельзя.

— Жаль, — произнесла девушка, впрочем, без всякого сожаления, и послала пленнику воздушный поцелуй.

Юл взглянул на густо покрасневшего Дуката и понял, что на самом деле всадница проявила к нему интерес лишь для того, чтобы подразнить своего парня. Это было обидно. Разозлившись, младший правнук последнего предка не нашел ничего более умного, как показать наглой стерве язык. Та в ответ рассмеялась, тряхнув густой копной. Наконец, Дукат выбрал пленницу — худую, слегка горбившуюся девушку с маленькой грудью. Седовласый Вир открыл клетку, накинул на плечи несчастной рабыни длинную шерстяную накидку, и широко улыбающийся юный кочевник увел живой приз.

Соревнования продолжились. Байкеры на скаку хватали деревянные чурки, стоящие на столбах, стреляли из арбалетов, устраивали гонки на четыреста два шага, почему именно на столько, Юл так и не понял. Победитель получал очередную обнаженную девушку с плащом из овечьей шерсти в придачу. Поздним вечером, когда последние лучи солнца почти скрылись за горизонтом, в клетках оставались только Юл и самая младшая из пленниц. Девочка сидела, поджав коленки и обхватив их руками. Ее трясло. Парень представил, что на месте молоденькой невольницы могла бы быть односельчанка из Забытой деревни и ему стало не по себе. Нет, он не останется рабом, или шустрилой, или кем-либо еще. Он обязательно сбежит. Нужно только время и терпение.

Между тем поляна преобразилась. Зрители обматывали темным сеном палки с гвоздями, затем резким движением высекали ими искры из камней — получались факелы. Вир Златорукий, заметив удивление Юла, сказал, что это высушенная бёрн-трава. Горела она медленно, но долго. И вроде как до Великой гибели такого растения не было, а появилось оно и заполонило берега реки Пагубь лет пятьдесят назад.

Запряженные в телеги быки привезли на поляну хворост, который молодые кочевники или, может, рабы шустро раскидали небольшими кучами по периметру. Несколько десятков парней носили деревянные ведра с водой, выливали их в центр поляны до тех пор, пока там не получилось грязевое болото.

Юл забыл о несчастной пленной девочке и с жадным любопытством следил за приготовлениями. В голове приятно шумело, огоньки факелов, покрывшие холмы, успокаивали и в то же время обещали нечто удивительное, необычное, такое, что парень никогда в жизни не видел.

Часть хвороста подожгли. Юл увидел в свете пылающих костров тень Ури Громopodobного на коне. В правой руке он держал секиру.

— Теперь, — проорал он, взмахнув оружием, — когда огненный небесный байк укатил на запад, и на степные дороги опустилась ночь, я объявляю о любимом всеми соревновании. О топлесфайте!

Толпа восторженно взревела, и огни лавиной покатались с холмов — кочевники вскакивали с каменных лавок, бегом спускались к центру поляны. Кое-кто из байкеров спотыкался, с отборной бранью кувырком летел по склону. Один даже с треском и руганью

врезался в пустую клетку, стоящую рядом с Юлом, отчего чуть не повалил ее.

Вскоре в центре поляны образовался живой галдящий круг.

— Кто из прекрасных чувих готов показать себя во всей красе?! — раздался голос Ури из темноты.

Парень заметил тени первых двух претенденток, стягивающих с себя верхнюю одежду. Обнажившись до пояса, под молодецкий посвист и одобрительные выкрики они вошли в круг. Юл догадался, что девушки будут бороться, но увидеть это с того места, где стояла клетка, он не сможет, слишком плотно кочевники стояли друг к другу.

Тем не менее, парень сгорал от любопытства и потому, вцепившись в прутья, вытянув до боли в мышцах шею и упершись головой в потолок клетки, пытался хоть что-то разглядеть. Но кроме факелов и байкерских кулаков, постоянно взмывающих вверх, Юл так ничего и не высмотрел.

Дюжину битв спустя, Ури объявил о финальном сражении между двумя лучшими воительницами.

— Чезета, — прохрипел седовласый Вир, — хочу позырить на мою старую кобылку. Дойки у нее что надо.

Главный кастомайзер Дэнджеров испытующе взглянул на Юла:

— Я не могу тебя оставить без присмотра. Клетки уж больно ненадежные. Если возьму тебя с собой, обещаешь не делать глупостей? Сбежать или еще что-то в этом роде сотворить не вздумаешь?

— Я буду послушным, — честно соврал Юл, — если дашь мне... вмазаться.

Ухмыльнувшись, Вир покачал головой, просунул бутылку сквозь прутья:

— На! Только не усердствуй! И вот тебе закусь, а то плохо станет.

— Что это? — спросил парень, вертя в пальцах черный корешок.

— Узнаешь, как глотнешь, сразу закусывай, спирт легче пойдет.

Юл так и сделал. Действительно, огненная жидкость показалась не столь обжигающей, как два прошлых раза. Корешок оказался кислым на вкус.

Вир открыл клетку, обвязал парня веревкой вокруг талии, намотал конец на руку.

— Двинули, — прохрипел кастомайзер.

Юл покорно, точно бычок на привязи, поплелся за кочевником. Опыянение навалилось на парня с внезапной силой. На душе стало весело и легко. Мысли о бегстве куда-то улетучились. Младшему правнуку подумалось, что хитрый Вир специально дал ему пожевать корешок, который отупляет и лишает воли, однако мгновение спустя Юл позабыл о коварстве старого байкера. Кастомайзер, бесцеремонно растолкав кочевников, пробился к самому краю сцены, по периметру которой в землю были воткнуты факелы.

Одетые в одни холщовые подштанники, друг на друга взирали исподлобья вымазанные в грязи соперницы. Первая байкерша была молодой жилистой женщиной с лицом не то что бы некрасивым, но каким-то мужиковатым, да и подстрижена она была совсем коротко. Взгляд парня сам собой упал на ее грудь — небольшую, с топорщившимися длинными сосками. Второй воительницей оказалась полноватая брюнетка в возрасте. Она зло скалилась, морща маленький нос. Груды у нее отличались значительным размером, а круглые, развратно чернеющие соски заставили Юла на довольно продолжительное время забыть о дыхании.

— Что, сучка белобрыся, это все, на что ты способна?! — выкрикнула брюнетка, явно работая на публику.

— Побереги нервишки, жируха! — наигранно захохотала жилистая блондинка.

Зарычав, выставив вперед согнутые пальцы, брюнетка кинулась на соперницу. Однако светловолосая бестия в последний момент отскочила, сделав подножку, и под общий хохот пьяных бородатых мужиков и не менее пьяных размалеванных женщин, брюнетка, перекувыркнувшись, полетела в слякоть, зацепив пяткой факел и обдав передний ряд восторженных зрителей мириадами мутных брызг. Она сразу же вскочила, зашипев от боли и запрыгав на одной ноге, а затем вновь метнулась в сторону блондинки. Однако и в этот раз промахнулась, с чавкающим звуком бухнувшись массивными грудями в лужу.

— Чезета, детка, что ж ты так! Провались все в баггерхелл!!! — разочарованно произнес Вир и приложился к бутылке.

Юл неожиданно пришел в себя. Он посмотрел на веревку, которой кастомайзер обвязал его вокруг талии, затем перевел взгляд на стоящего рядом гогочущего толстопузого байкера, у которого на поясе висел маленький нож. В голове парня мгновенно созрел план. Он потянулся к рукояти.

Юл тревожно осмотрелся. Вроде бы до него никому не было дела. Улюлюкающая, громко смеющаяся толпа с превеликим удовольствием взирала на то, как белобрысая фурия вдавливала в грязь истошно визжащую брюнетку, барахтающуюся в хлюпающем месиве.

Парень тем временем осторожно, сантиметр за сантиметром, извлек нож из ножен. Лезвие предательски блеснуло в свете факелов и полной луны, отчего у Юла неприятно кольнуло в груди. Но никто ничего не заметил... вроде бы.

На сцену вышел Ури. Расхохотавшись во всю глотку, он оторвал жилистую блонду от брыкающегося тела соперницы, поставил ее на ноги и прокричал:

— Победительницей объявляется Ява Бесноватая из клана Фалкомов! В награду ей — последняя рабыня!

— Да! Наши рулят! — заорал толстопузый, двинув локтем Юла.

От неожиданности парень выронил нож. Байкер перестал скалиться, повернулся, обдав Юла перегаром. Грохот, пьяный гвалт, отборная ругань, выпачканные в черно-коричневое фурии, горящая бёрн-трава на палках, воткнутых в землю — все это куда-то исчезло; во вселенной остались лишь налитые кровью, оупленные бухлом глаза кочевника, будто говорящие: "Сейчас кто-то огребет!"

Юл придурковато улыбнулся, моментально наклонился, поднял нож, протянул его толстопузому:

— У вас, кажется, выпало... ор... оружие... вот...

Байкер нахмурился, а парень только придурковатей заулыбался, приготовившись получить хороший удар по лицу, или под дых, или еще куда. Кочевник вдруг расхохотался, хлопнув Юла по плечу:

— Фалкомы рулят! — и забрал нож.

Парня потянуло вбок — Вир дергал за веревку.

— Пошли, выдам приз этой плоскодонной лезбухе, — прохрипел он.

Ява Бесноватая, получая рабыню в подарок, даже не удосужилась вымыть лицо, однако груди прикрыла каким-то подобием кофты. Девочку, вытащенную кастомайзером из клетки, сотрясала мелкая дрожь.

— Не бойся, милая, — сказала Ява, небрежно кутая в шерстяную накидку пленницу, — без моего разрешения тебя никто не посмеет тронуть, а мне нужна служка и... подружка. И только попробуй сачковать, отхватишь трендюлей лично от меня...

— Теперь ты, — невесело произнес Вир Златорукий, — идем на поляну. Все равно тебя

отдавать. Подарю победителю на месте.

Кочевники зажгли оставшиеся кучи хвороста, похватали факелы, встали в ряд. Байкфест шел к завершению, а для Юла наступал момент истины: скоро из пленника он превратится в ничтожного слугу. Ускользнуть незамеченным кочевниками, пускай и в дребезги пьяными, не имелось никакой возможности. Придется снова ждать. Дед Олег часто наставлял, что в сложных ситуациях голова должна быть чистой и холодной, а эмоции могут очень повредить. И парень вполне согласился с последним предком, тем более огненная жидкость седовласого кастомайзера слегка затуманила разум.

— Гонки вокруг холма без шлемов, без седел и без стремян! — объявил Ури и указал секирой на Юла. — Этот кегль с бугра был захвачен во время похода. Но возник спор, чей он раб: моей прелестной дочуры Хоны Молниеносной из Дэнджеров или славного байкера Рекса Неустрашимого из Файеров. Я принял решение, что тяжба эта решится на фесте. Однако и остальные могут вполне поучаствовать. Как распорядитель игр, я объявляю правила. Первыми стартуют Хона и Рекс, а семь чопов спустя остальные. Победитель получает кегля.

Толпа одобрительно загудела, сотни пьяных рож уставились на пленника. Юл тяжело вздохнул. Нет, сейчас сбежать решительно невозможно.

Вперед на лошадях между двумя рядами пеших факелоносцев выдвинулись два всадника: Рекс и Хона. За ними толпилась еще дюжина наездников. Род-капитан клана Файеров убрал волосы в косу. Видимо, чтобы не мешали во время скачек. Хона обвела самодовольным взглядом болельщиков, показала указательный и средний пальцы, разведенные в стороны. Что это значит, Юл не понимал, но кочевники отреагировали на жест благосклонными выкриками и свистом.

— Давай, детка, укатай этого упыря!!! — проорал Вир Златорукий.

Парню очень сильно захотелось, чтобы победила девчонка. Это, конечно, не очень хорошо и даже, пожалуй, позорно быть рабом какой-то малолетней мерзавки, но ведь от нее будет легче ускользнуть, да и справиться с ней можно без особых проблем. Хотя... кто знает, как там у степных варваров устроено...

— Внимание! — Ури поднял секиру.

Байкеры затихли. В нагрянувшей тишине слышалось лишь вялое шипение бёрн-травы, да потрескивание горящего хвороста.

— Чоп!!! — Ури опустил секиру.

Хона и Рекс, подстегнув коней, резко сорвались с места.

— Чоп-раз! Чоп-два! Чоп-три! — тут же заголосила толпа. — Чоп-четыре! Чоп-пять Чоп-шесть! Чоп-се-е-е-мь!!!

И вслед за двойкой лидеров под гулкой топот десятков копыт, лошадиное ржание и улюлюканье в ночную тьму устремились остальные всадники. Сердце Юла отчаянно забилось, он почувствовал, что задыхается. Парень попытался мысленно успокоить себя, но только все зря. Дрожь в коленях и звон в ушах заставили его пошатнуться. И тогда он нашел для себя единственный выход.

— Дай вмазаться, — слабый, нечеткий голос Юла, казалось, не дойдет да ушей Вира, но тот услышал парня.

— Ты борзый!

— Ну, пожалуйста, в последний раз, дай вмазаться! Что тебе стоит?

— Ладно, бери!

Юл резко опрокинул бутылку и захлебнулся огненной жидкостью. Перед глазами вспыхнуло ярко-алым, в нос ударила боль, в горле зажегся нестерпимый огонь.

— Э! А, ну, хорош! — Вир с силой вырвал у юнца бутылку. — Хрен тебе! Больше не дам!

Парень упал на колени. Слезы, слюни, сопли, перемешиваясь, стекали вязким потоком на землю. Юлу казалось, что сейчас он умрет, что эта нестерпимая резь в глазах, в носу, в глотке — последнее его переживание в жизни. Однако какое-то время спустя дрожь в руках и коленях исчезла, восстановились дыхание и сердцебиение, в голове окончательно помутнело. Слегка подташнивало.

Парень кое-как поднялся, осмотрелся, вспоминая, где он находится. Байкеры затихли и напряженно всматривались в темноту. В свете костров и факелов их лица напомнили Юлу сказки о демонах, вышедших после Великой гибели из чрева Радиации-Яги. Мама Талея часто рассказывала страшилки, чтобы дети не вздумали выходить ночью за порог землянки.

"А я ушел далеко от дома и встретился с демонами и они хотят поработить меня", — подумал парень, мотнул головой и, заметив Вира Златорукого, спросил заплетающимся языком:

— Кто победил?

— Никто пока, — буркнул кастомайзер, — еще не доскакали.

Юл почувствовал тошноту. Огненная вода беспощадно жгла нутро, неожиданно заболел желудок. Справившись с позывами рвоты, парень пробился в первый ряд толпящихся кочевников, веревка, который он был связан с Виром, это позволяла. Вдали послышался гул копыт. Кочевники оживились. Вытянув шею, Юл прищурился.

Вскоре показались силуэты двух всадников. Хона, Хонда Молниеносная всего лишь на четверть лошадиного корпуса опережала Рекса, Хорекса Неустрашимого. Пригнувшись, девчонка выкрикивала что-то гортанно непере译имое. Род-капитан мчался молча. Байкеры загудели, вверх взмыли кулаки. Безумный гвалт заглушил топот копыт. Юл никогда не подозревал в себе страстного болельщика, ибо любил игры с предсказуемым результатом, когда точно знал, что выиграет, но сейчас он вдруг вытянул вперед руку и заорал:

— Давай, мелкая мерзавка, давай!

До финиша оставались считанные десятки шагов. Хоть и с небольшим отрывом, но девчонка побеждала. И тогда Рекс протянул руку, схватил ее за шиворот, с силой дернул на себя. Хона, отчаянно взвизгнув, слетела со спины кобылы, в последний момент зацепилась за предплечье соперника и потянула его за собой. Противники рухнули с лошадей, покатались кубарем по траве. Толпа охнула. Ни девчонка, ни род-капитан не поднялись.

А в следующий миг бесшумным призраком промелькнул всадник, и кочевники, мгновенно забыв о только что случившемся инциденте, восторженно взревели. Юл понял, что его выиграл не Рекс и не Хона, а кто-то другой, но парня почему-то в данный момент совсем не занимала собственная судьба, он вглядывался в то место, где лежала девчонка.

Погибла... вдруг она погибла... она — мерзавка, мелкая наглая негодяйка... но все же почему-то так щемит внутри, и сердце колит...

Мимо ускоренным галопом мчались взмыленные лошади, но Юл ничего не замечал. Он смотрел сквозь них. Наконец, из тьмы поднялась тень и, пошатываясь, направилась к толпе. Парень облегченно вздохнул, когда в свете костра удостоверился, что это Хона. Лицо ее была вымазано, кожаные латы — помяты, а глаза зло горели. Следом за девушкой встал и Рекс.

"Нет, она не должна на меня так влиять, она просто маленькая мерзавка", — мысли Юла словно обрели плоть, нечеткую, переливающуюся вязкой неопределенностью, но все же плоть, живущую своей самостоятельной жизнью.

— И победителем объявляется Авас, Кавасаки Стальной из клана Дэнджеров! — послышался раскатистый голос Ури.

Юла снова затошнило. Желудочный спазм заставил поморщиться.

— Да! Дэнджеры рулят! — Вир, довольный и пьяный, добродушно подмигнув пленнику, отвязал его от себя:

— Пойдем, подгоню тебя чемпиону.

Но им никуда не пришлось идти. Победитель сам пришел к ним. И к ужасу Юла им оказался патлатый гнилозубый байкер. Тот самый, который ударил его за то, что парень назвал лошадей "лошадьми".

— Что, встрял, кегленок! — кочевник оскалился. — Чую, мы с тобой сблизимся и поладим...

Гексаграмма 8 (Би) — Сближение

Учитесь действовать сообща

Юла мутило. В горле на уровне кадыка противно булькало. Боясь, что его стошнит, парень прикрыл губы ладонью.

— Если я скажу танцевать, ты будешь танцевать, — увещевал патлатый Авас, — если скажу кукарекать — будешь кукарекать, если скажу жрать говно — будешь жрать говно! Понял, да, кегленок?

Юл молчал. Он просто не мог говорить. Одно слово — и все выпитое за вечер и ночь выплеснется наружу. Тело отказалось повиноваться ему.

— У тебя что, йенг в глотке? — Авас схватил парня за руку, резко дернул ее на себя.

Юл качнулся, открыл рот, спазм сжал желудок огненными тисками, парень согнулся пополам, и его вырвало. Струя блевоты окатила штаны и ботинки кочевника.

— Сука! — Авас отскочил на два шага.

Послышалось байкерское ржание, кто-то явно наслаждался наблюдением за происходящим. Юл разогнулся. Ему немного полегчало, в животе, по крайней мере, не ощущался нестерпимый огонь. Шумно дыша, он посмотрел на кочевника.

— Кава... Кава... — медленно произнес парень, морщась, теперь ему не подчинился и язык, хриплые слова сами собой вылетали из саднящей, пожженной спиртом глотки, — Кавасаки — хе... странное п-погоняло, надо тебя переименовать. Кавасаки звучит, как "моча лягушки".

Кто-то снова разразился хохотом, а лицо Аваса исказила гримаса ярости.

— Блядёнш! — патлатый кинулся на обнаглевшего юнца.

Юл не обучался кулачному бою, его и Темерку прадед Олег упражнял лишь в искусстве владения гладиусом и малой боевой лопатой. Однако реакция у парня была отменная. Впрочем, Юл не был уверен, что дерется именно он, так как тело и мозг из-за переизбытка алкоголя в организме потеряли между собой всякую связь. Парень успел отклониться корпусом, и кулак скользнул по груди, не причинив существенного вреда. Юл тут же подался вбок, а Авас, поскользнувшись, рухнул в лужу. Туда, где еще недавно месили друг друга полуголые девки. Послышался смех. На этот раз женский.

Патлатый байкер грузно поднялся. По кожаным доспехам стекала муть. Правая щека конвульсивно дергалась. В глазах пылала ненависть. Кочевник извлек из-за пояса нож. Юла

это не испугало. Он глупо улыбнулся. Вдруг кто-то ударил парня в спину, прямо промеж лопаток. Юл, охнув, вскинув руки, свалился как подкошенный. Дыхание парализовала резкая боль. Несмотря на это, парень попытался встать, уперся ладонями в землю, чуть приподнялся, но в этот момент чей-то ботинок опустился ему на голову, и мир потух.

Юл очнулся связанным по рукам и ногам в поваленной набок клетке. С трудом приоткрыв веки, он увидел догорающий факел из бёрн-травы и злое лицо Аваса.

— Повезло тебе, кегленок, что Ури тебя вырубил! А то бы я тебя порешил. Но ничего я преподам тебе урок. Ты щас бухой, и тебе все похер. Но завтра ты протрезвеешь, и я научу тебя жизни. Отрежу ухо, понял, да?!

Юл не ответил.

— Понял, да?! — закричал Аvas и ударил ногой по прутьям клетки.

Парень промычал нечто нечленораздельное. Просто для того, чтобы кочевник от него отстал.

— Жди солнца! — патлатый еще раз пнул клетку и ушел к одному из костров, возле которого сидели байкеры.

Юл терпеливо дождался, когда останется один. Руки затекли, между лопатками ныло, пульсирующая боль давила на затылок, горло жгла изжога, очень хотелось пить. Парень осознавал, что нужно что-то делать. Прямо сейчас. Время не терпит, и завтра, не возникало никаких сомнений, чертов Аvas исполнит свою угрозу.

Единственный выход: бегство. Немедленное! Но как? Руки были стянуты веревками так сильно, что кровь не поступала в кисти. Юл уже не чувствовал кончики пальцев. Тем не менее, парень решил не сдаваться. Прадед Олег говорил, что человек должен бороться до конца, даже если обречен на поражение.

Юл принялся тереть веревки о деревянные прутья. Затея так себе, глупая и бессмысленная. Но ничего лучше пока в голову не приходило. Парень провозился, пожалуй, с полчаса, пока не заметил направляющийся к нему силуэт. Юл замер и от досады цыкнул.

— А ты храбрый, — грустно сказал силуэт, и парень узнал Хону.

Девушка села на землю, скрестив ноги.

— Я думала, ты трус, раз сдался в плен без боя, а ты Аваса жабьей мочой назвал, а потом в лужу уронил. Так смешно было.

Юл молчал и настороженно слушал. Что-то ему подсказывало: с этой мелкой мерзавкой можно сблизиться. Только нужно найти, куда надавить...

— Вообще среди байкеров-мужиков столько козлов! — сказала Хона. — Вот если бы этот долбаный Рекс, жаль, что он себе шею не свернул, меня не схватил, я бы победила и из шустрил перешла бы в проспекты, а там и до мемберов недалеко. А ты знаешь, как круто стать мембером, особенно если ты чувиха?!

Парень не ответил.

— А ты правда нес к морю останки Скальпеля Косноязычного?

— Д-да... — вымолвил Юл.

— И ты шел на юг, к реке Пагубь?

— Д-да...

— И ты не боялся идти один, там ведь выродки?

— Д-да... Д-дай попить, — попросил Юл.

— Так не боялся? — переспросила Хона.

Парень сделал глубокий вдох, сосредоточился и выпалил на одном дыхании:

— Ради спасения мира, чего не сделаешь.

— Круто, — печально и восхищенно произнесла Хона, — а ты знаешь, что байкеры, перешедшие реку Пагубь и пробывшие на запретных землях семь дней, получают звание "стальные бедра", ну, или "стальная задница"? Можешь смело считаться мембером. Можешь голосовать на собраниях клана, получать лучшую долю добычи.

— Мне нужно доставить останки... э-э-э... — парень поморщился, потому что в горле нестерпимо жгло, — Скальпеля к морю. Иначе быть беде. Извини, Хона, но твой отец не понимает, что делает.

— Да он вообще ничего не понимает! — неожиданно вспыхнула девушка. — Он думает, что я маленькая! Знаешь, сколько трудов мне стоило, чтобы уговорить его взять меня в поход!

— Вот! — воодушевился Юл. — Ты настоящая героиня! И ты достойна звания стальные... э-э-э... бедра! Ведь так!

— Что? Что ты сказал? — Хона, схватившись за прутья, приблизила свое лицо к лицу парня.

Юл пожал плечами, насколько это, конечно, было возможно в связанном виде. Он испугался, что ляпнул что-то не то, как почти два дня назад назвал лошадь "лошадью".

— А ведь это идея! — восхищенно прошептала Хона. — Я ведь могу отправиться за Пагубь! На Пагуби стоит город древних Ростов. Там воют души умерших от безумия и истощают своим воем души живых. Ужасней его только Волгодон, где стоит Замок Смерти. А еще можно спуститься по течению реки к морю. Предки клана Дэнджеров вышли из города, где лестницы уходят в море. И если я омою свой акинак в волнах... это будет нереально круто! Я стану байкершой Стальные бедра. А из чувих такое звание имела только Яха, Ямаха Огнегривая из клана Реблов. И тот, кто преодолет свой страх, обретет силу. Так говорят предки...

— А еще нужно спасти мир, — как бы между прочим заметил Юл, — нужно высыпать останки этого вашего Скальпеля в соленую воду. А это еще круче! О тебе сложат баллады, которые будут передавать из поколения в поколение. Представляешь: баллада о бесстрашной Хоне! — парень, вспомнив красивые фразочки из какой-то книжки, прочитанной им несколько лет назад, как можно тверже произнес:

— Огонь сердца, триумф воли и сила разума, вот что будет приходить на ум твоим соплеменникам, когда они будут слышать твое имя.

Глаза девушки загорелись, она широко, почти по-детски улыбнулась и выдохнула:

— Да!!! И древние пели про волю и разум: "Пока не поздно, спасайте мир! Нельзя нам больше терпеть! Пока мы вместе..."

— Вот-вот! Вместе! И я тебе помогу, — поспешно добавил Юл, — это ведь пророчество! Ваши древние не просто так сочиняли баллады, они предвидели, что мы должны совершить подвиг!

— Но только посмей убежать! — настороженно произнесла Хона. — Ты раб не только Аваса, но и всего клана Дэнджеров. Я тебя тогда лично прикончу! Поклянись именем своей Гиблой деревни, именем своих умерших родителей, что не посмеешь сбежать, если я тебя отпущу. И помни, клятвы нерушимы. За нарушение клятвы ты получишь вечное проклятие от Харлея Изначального.

— Клянусь именем Гиблой деревни и именем своих мертвых родителей, — без запинки протараторил парень.

Честно говоря, он не боялся нарушения клятв. Тем более что Юл был родом не из Гиблой деревни, а папа Каен и мама Талея жили и здравствовали, и умирать, пока, вроде бы, не собирались. В общем-то, он клялся тем, чего на самом деле не было.

Хона напряженно посмотрела на парня, все еще не решаясь открыть клетку.

— Сама подумай, — сказал Юл, — у нас ведь цель одна: тебе нужно к морю, омыть меч, то есть акинак, и мне нужно к морю, растворить останки. Зачем мне тебя обманывать? Вместе ведь легче!

— Поклянись, — сказала девушка, — что пока мы не вернемся в стан Дэнджеров, ты будешь беспрекословно меня слушаться. Когда мы вернемся, ты перестанешь быть рабом, ибо совершишь подвиг под моим надзором, но до тех пор ты будешь в полной моей собственности, как мелкий скот.

— Клянусь, — охотно согласился Юл, — я в твоей собственности, как мелкий скот. Только развяжи меня и дай попить!

Гексаграмма 9 (Сяо-чу) — Мелкий скот

Когда не время мечтать о великом, выигрывает тот, кто умеет довольствоваться тем, что есть

После того как Хона открыла клетку и перерезала веревки, которыми был связан Юл, парень несколько минут разминал затекшие конечности.

— Мы сейчас пойдем к шатру моего отца, — зашептала Хона, — его там, скорее всего, не будет. Идем спокойно, не прячься, чтобы никто не подумал, что мы что-то замыслием. Если нам будут попадаться байкеры, поворачивайся ко мне и обнимай, точно мы парочка. Но не вздумай целовать, сразу без йенга останешься!

Хона, нагнав на себя серьезности, показала на акинак, висящий на боку. Внутренне улыбнувшись, Юл кивнул.

Беглецы, пробираясь к ставке Ури, старались находиться в тени, сторонились костров, возле которых пьяные кочевники орали песни, разговаривали или мирно храпели. Дважды им на пути попадались байкеры, парень и девушка тут же прижималась друг к другу. Горячее дыхание Хоны приятно обжигало шею Юла, и тогда его сердце билось чуточку быстрее. Младшему правнуку подумалось, что так не должно быть, потому что опасно, когда на тебя кто-либо влияет, учащая пульс. Один раз парень и девушка чуть не наступили на совокупающуюся пару, ускорились, чтобы побыстрее пройти мимо.

— Дети, зачатые на байкфесте — сыны и дочери небесного стального коня Харлея Изначального, — прошептала Хона.

Наконец они покинули поляну и очутились среди палаток, сшитых главным образом из шкур диких зверей и домашних животных. Большая часть их по высоте не доставала Юлу даже до груди. Тут тоже кое-где слышались подозрительные стоны и пыхтение. От этого парню стало не по себе, но Хона бесцеремонно схватила его за руку и потащила за собой. Вскоре они оказались возле шатра предводителя клана Дэнджеров. Это был купол радиусом в два роста. Перед входом в шатер горел костерок, возле которого сидел Вир Златорукий. Рядом с ним в землю была воткнута малая боевая лопата. Созерцая огонь, кастомайзер сделал глоток из стеклянной бутылки, затем с шумом занюхал косой.

— Баггерхелл! — зашипела Хона. — Что он тут делает?

Беглецы вынуждены были затаиться в темноте. Впрочем, в засаде долго им сидеть не пришлось. Возле костерка появилась полногрудая брюнетка, закутанная в шерстяную накидку. Юл узнал в ней женщину, проигравшую бой Яве Бесноватой.

— Хоть отмылась немного, — просипела она, обняла Виру сзади за плечи, что-то зашептала ему на ухо.

— Это гуд, но главное, чтобы согрелась, — глубокомысленно заметил кастомайзер и протянул брюнетке бутылку.

— Нет, — запротестовала она, — пей сам свое пойло. Его надо хотя бы водой разбавить.

— Ладно, — сказал Вир, оперся на ручку лопаты и, кряхтя, поднялся, — пойдём, разбавим.

— Вообще пьяный ты мне больше нравишься, оставляешь умняки и загрузки, веселишься, а завтра станешь опять унылым и рассудительным, — седеющая брюнетка, улыбнувшись, перевела взгляд на лопату. — Где ты откопал это убожество?

Юлу не понравились слова женщины, малая боевая лопата была его любимым оружием. Парень даже цыкнул от возмущения и тут же получил пинок от Хоны.

— Ури хочет перековать ее на нож или еще на что-нибудь, а я хочу себе оставить, — ответил кастомайзер. — Хоть у нас с железом и туго, а вещь полезная.

— Ты решил стать кеглем-пахарем? — брюнетка засмеялась.

— Очень смешно, Чезета. Вещь в самом деле неплохая. Знаешь, какая острая!

— Острая, острая, острая... — шаловливо пропела женщина, ее пальцы погладили пах Виры, — и твердая, твердая, твердая... — она прильнула к нему, — и стойкая, стойкая, стойкая...

— А... козочка, — кастомайзер пьяно осклабился, — хочешь своего козлика. Ну пойдём, порадую твою киску...

— Вот уж точно, кто мелкий скот. И причем здесь кошки? — прошептал Юл и получил новый пинок от Хоны.

Старый байкер и брюнетка, обнявшись, скрылись в темноте. Подождав какое-то время, убедившись, что они не вернуться, девушка тихо произнесла:

— Жди здесь! Никуда не уходи!

Бесшумной тенью она промелькнула мимо костерка, исчезла за материей, закрывающей вход. Юлу казалось, что он ждет Хону целую вечность, хотя, конечно (он понимал это), прошла всего лишь минута или две. От силы три...

В Забытой деревне люди не знали, что такое минута. Время они измеряли годами, сезонами, фазами луны, рассветами и закатами, положением солнца в небе. Минута — это нечто малоощутимое и ненужное для ведения хозяйства. Но прадед Олег обучал парня многим ненужным вещам.

"Секунда, — говорил он, — это хлопок, минута — шестьдесят хлопков, час — шестьдесят минут или три тысячи шестьсот хлопков. В одних сутках — двадцать четыре часа, год состоит из трехсот шестидесяти пяти и еще четверти суток. Взгляни на эти наручные часы. Старые механические часы. Они уже лет сорок, как не работают. Они отмеряли время. Полный круг часовой стрелки — это половина суток. Минутной — это три тысячи шестьсот хлопков. Секундной — шестьдесят хлопков. Люди привыкли измерять время кругами, и твои одноплеменники измеряют время циклами. Из года в год измеряют его. Но когда-то время шло не только кругами, но еще и вперед. Если бы... если бы можно было вновь запустить часы и сказать: "Время вперед..."

Где они теперь, эти часы? Наверное, пылятся в каком-нибудь ящике комода. И староста Имэн уничтожит их вместе с домом и памятью.

Хона выскользнула из шатра с вещмешком и сумой из бычьей кожи.

— Это твое, это мое, — быстро произнесла она, — уходим!

Но вместо того, чтобы послушаться приказа девушки, Юл принялся ощупывать карманы вещмешка.

— Можешь не искать, — сказала Хона, — чаши там нет. Я ее переложила себе, чтобы ты не убежал.

— Нет, я ищу книжицу, такую маленькую из пластика... ну из такого материала... неважно, в общем. Она желтого цвета и называется "Канон перемен". Я не могу ее найти.

— Значит, ее там нет, может, папа себе забрал. Идем!

— Нужно вернуться! — запротестовал Юл. — Она мне дорога!

— Ты поклялся меня слушаться! — зашипела Хона. — И вообще нужно уметь довольствоваться тем, что есть!

— Ладно, — неохотно согласился Юл, — но я хотя бы заберу боевую лопату, у меня ведь оружия даже нет.

— Не смейся! Как лопата может быть боевой?

Не ответив, парень побежал к костерку. Девушка последовала за ним. Юл уже схватился за черенок, как услышал знакомый голос:

— Какая встреча! Хонда Молниеносная освободила раба?

Из тьмы появилась фигура мужчины с гладиусом в руках.

— Рекс, скотина, — вспыхнула девушка, — это мой пленник! Если бы не ты, я бы его выиграла! И вообще, что ты делаешь в стане Дэнджеров?

— Байкер волен находиться там, где ему угодно, ибо на земле выше байкера нет никого. И пусть даже силы природы против него, он пойдет вопреки. Так завещал Небесный Харлей.

Хона выхватила акинак, но род-капитан клана Файеров мгновенно среагировал, рубанул мечом по клинку рядом с рукоятью, и девушка, вскрикнув, выронила оружие, схватившись за кисть руки. В этот момент Юл выдернул лопату из земли и обрушил ее плашмя на голову Рекса. Парень сам не ожидал от себя такой прыти. Род-капитан, пошатнувшись, посмотрел на Юла, гладиус выпал из его рук, а удивленный взгляд расфокусировался. Парень нанес новый удар. Опять плашмя. Рекс, мотнув головой, упал на колени, рухнул лицом в траву.

— Да! — Хона подскочила к обездвиженному телу и дважды пнула его ногой. — Получи, скотина!

Юл снял с род-капитана ножны, подобрал гладиус.

— Это мое оружие, — пояснил он девушке, — он забрал его у меня.

— Между прочим, я бы и сама справилась без твоей помощи, — запальчиво произнесла Хона.

— Конечно, справилась бы, — ухмыльнувшись, сказал Юл, — испугала бы его визгом, но со мной все произошло быстрее. А нам надо поскорее за реку, как ее... Пагубь, к выродкам. Чтобы ты совершила подвиг и все байкеры мира узнавали поступь Хоны Великой.

— Не дерзи, раб! — огрызнулась девушка, поднимая оброненный меч.

Юл только пожал плечами.

Гексаграмма 10 (Ли) — Поступь

Смелость вдвойне хороша, если она осмотрительна и разумна

Похитив лошадей, всю оставшуюся ночь беглецы ехали на юг. Хона недовольно шипела на Юла, который постоянно отставал. Парень плохо держался в седле. Лошадь не хотела слушать его, и пару раз он даже чуть не свалился. Если бы не стремяна, то точно сломал бы себе шею.

На рассвете, вместе с восходом солнца к Юлу пришло и понимание, что нужно делать для устойчивого равновесия. Он, слегка прогнув поясницу, старался, чтобы корпус был перпендикулярен земле. За лошадь парень держался согнутыми коленями, а пятки, наоборот, убирал от боков животного, чтобы не раздражать. И, главное: необходимо было умение, расслабив мышцы, входить в ритм движения четвероногого байка. Парень обрадовался тому, что так быстро дошел до сути дела, но все же в его сердце поселилась легкая обида. Хона, мелкая мерзавка, могла бы и подсказать, как лучше, а не обзывать.

Поздним утром всадники въехали в балку, где наткнулись на родник. Скрытый в камыше и рогозе, он издавал приятное журчание. Очистив родник от травы, путники сделали короткий перерыв: напоили лошадей, сами напились, позавтракали вяленным мясом и черствым ржаным хлебом.

В Забытой деревне пшеница, рожь и ячмень погибли из-за морозов, а остатки зерна были съедены, и потому Юл знал вкус только кукурузных лепешек. Ржаной хлеб ему понравился, и он отметил про себя, что нужно обязательно достать где-нибудь зерна, чтобы возродить злаковые культуры в родном поселке. С одной стороны парень принесет явную пользу соплеменникам, с другой — поднимет свой авторитет в их глазах.

Наполнив меха водой, беглецы отправились дальше. День выдался жарким. Ветра вовсе не было. Степь — бесконечное зеленое море — застыла, будто ожидая чего-то решающего, рокового. И Юлу начинало казаться, что она живая, эта степь, и следит за ним. Или, может, злые демоны Внешней Тьмы, которыми взрослые часто пугают детей Забытой деревни, наблюдают за всадниками, спрятавшись в траве, и ждут удачного момента, чтобы напасть. И даже стрекодушие насекомые будто предупреждали о надвигающейся беде. Парень косился на Хону. Та, облаченная в доспехи, ехала как ни в чем не бывало. Явно ничего мистического мелкой мерзавке не чудилось. И не жарко ей в латах из кожи?!

Покопавшись немного в себе, парень решил, что девушка, родившаяся и выросшая в среде варваров-кочевников, априорно не может испытывать страха к открытому пространству, да и к езде в коже она привыкла. А вот он, Юл, живущий среди балок и холмов, конечно, будет ощущать дискомфорт. Бытие ведь определяет сознание. Придя к таким выводам, парень успокоился.

После двух часов езды путники наткнулись на речушку, возле которой раскинулась небольшая рощица. Причудливо искривленные деревца, окутанные от корней до самых верхушек ползучими сильно ветвящимися кустарниками с ядовито зелеными листьями в фиолетовую прожилку, вызвали неприятное ощущение, будто тебя изнутри чешут гребнем для козьей шерсти. Юл, решив, что это очередной его страх перед неизвестным, предложил:

— Может, остановимся, поищем трут. Ночи ведь еще пока холодные, без костра будет плохо.

— Совсем дурной? — огрызнулась Хона. — Это адов плющ.

— И что?

— Что?! Ты еще спрашиваешь! Там любят селиться демы.

— Кто?

— Демоны.

Не удержавшись, парень засмеялся.

— Тише! — шикнула девушка. — Они могут услышать!

— Прости, — извинился Юл, впрочем, совсем неискренне, — я должен уважать твои обычаи и суеврия.

Щеки Хоны налились багровым румянцем. Она закричала:

— Тупой кегль, это не суеверие! Это демы!

— Ладно, ладно, — Юл примирительно поднял руку, — не злись, просто я никогда не видел демонов.

— Демы — это такие летуны, — девушка с крика перешла на шепот, — они — отродья баггерхелла. И адов плющ тоже. Они народились после гибели мира.

— Так это животные...

Разговор неожиданно прервался нарастающим жужжанием, сквозь которое пробивался противный посвист. Юл и Хона одновременно оглянулись. Листья с фиолетовыми прожилками вибрировали, а над дрожащими деревцами заколебался воздух.

— Смываемся... — успела произнести девушка.

И вдруг, разрывая в клочья листву, вверх, с яростным хлопаньем и визгом, взметнулись черные молнии. Лошади испуганно отпрянули и, громко заржав, понесли. Юл чуть не свалился на землю, но, подавшись вперед, вовремя схватился за поводья. Парень успел бросить мимолетный взгляд на небо. Твари, похожие на летучих мышей, с размахом крыльев в половину человеческого роста издавали пронзительные, режущие ухо звуки.

Больше Юл не оглядывался. Чуть пригнувшись, он смотрел только вперед, на спину Хоны. Девушка, мчась на всех парах, выкрикивала непонятное, что-то вроде: "Чоп! Чоп! Чоп!"

Сзади доносился свист, от которого у парня холодело внутри. Юл, болтаясь в седле, отставал от напарницы. Если к движению лошади рысью он кое-как по привычке, то галоп оказался для него неизведанным видом аллюра.

По земле промелькнула тень, за ней еще одна, и еще... и еще. Летучие мыши догоняли Юла. Мгновенно вспомнились все самые страшные истории о черных демонах Внешней Тьмы, готовых пожрать любого, в ком теплится искорка Внутреннего Света. Вот он, глупый мальчишка, рискнул покинуть родную деревню, уйти в неизведанные края, нарушил законы предков, обманул старейшину и теперь расплатится за это своей жизнью...

Самый проворный дем спикировал на спину Юла, на вещмешок, вцепился коготками в жертву. Заорав от ужаса, парень наугад схватил тварь, с силой рванул ее. Издав жалобный писк и разодрав в кровь шею Юла, летучая мышь исчезла под копытами перепуганной лошади. Еще одна бестия попыталась клонуть его на лету, но, промахнувшись, лишь зацепила крылом макушку головы. Третий дем, обогнав всадника, сделал круг и на бреющем полете сел на голову байка, закрыв жилистыми крыльями глаза животного. Лошадь встала на дыбы, а Юл выхватил гладиус из ножен, крутанув, взял его обратным хватом и проткнул тварь. Та, визгнув, соскользнула вниз.

Парень подстегнул байка, но тот, фыркнув, почему-то отказался бежать. Животное не желало сопротивляться неизбежному, застыло каменной статуей, приготовилось покорно умереть. Отчаяние захлестнуло Юла. Подняв гладиус, он вертел головой. Вокруг, издавая противные вопли, кружили чернокрылые бестии. И в их криках чудилась темная радость торжества и предвкушение роскошного пиршества. Конина с человечиной. Вкусно ведь!

Наверное, вкусно. Им — вкусно. Но тот, кого возжелали принести в жертву, вряд ли обрадуется. Потому что гулко стучит сердце, жизнь отчаянно бьется в висках и вопит: "Борись! Борись! Борись! Ты же Юл, любимый правнук последнего предка! Ты же не можешь вот так просто сгинуть! Ты же обманул старейшину и кочевников. Людей обманул. Неужели ты не сможешь придумать, как перехитрить летающих грызунов?!"

И Юл придумал. Вернее, он постиг шестым чувством, что твари, порхая над ним и злобно вопя, не хотят вступать в бой. Они потеряли двух братьев, и лишних жертв им не нужно. Они приговорили лошадь, а человека отпускают. Им хватит на сегодня. И на завтра. И на послезавтра. И, может, на всю неделю. Если, конечно, они не брезгуют разлагающейся мертвечиной.

Всего-то дела: слезть с лошади и уйти не оглядываясь. Главное, не оглядываться. Такова жизнь, кого-то придется принести в жертву. Для кочевника выбор не прост: оставить четвероного друга на съедение демонам во плоти сродни предательству, но и байкер был бы вынужден поступить именно так. А он, Юл, всего лишь селянин. Безлошадный кегль. Что ему какая-то кобыла?! И все же животное было жалко. Теплое. Присмирившее. Почти не дышащее.

Юл все еще колебался, когда несколько тварей пронеслись прямо над его головой. Цыкнув, парень спешил.

Вдруг послышался протяжный свист. Летучие мыши заверещали, яростно захлопали крыльями. Навстречу парню скакала Хона, а за ней еще с десятков всадников в кожаных кирасах. У нескольких из них были арбалеты. Новый свист заставил бестий пуститься наутек. Кочевники выстрелили им вдогонку и две твари, пораженные болтами, камнем обрушились вниз.

Юл, удивленный, глазел на окруживших его конников.

— Это... это... — Хона, отдышавшись, защелкала пальцами, указывая на парня, — это... в общем, это мой раб. Я его выиграла на байкфесте.

Тут только младший правнук последнего предка сообразил, что мелкая мерзавка даже не удосужилась узнать, как его зовут. Несмотря на только что пережитый страх, в его душе нашлось место и для обиды.

— Я Юл, — сказал он, стараясь выглядеть предельно спокойным.

— Дурацкое погоняло даже для раба, — заметил всадник со слегка раскосыми глазами в шлеме с приделанным к верхушке лисьим хвостом, — тебе нужно подобрать поприличней имя.

— Как только доберемся до становища Дэнджеров, я обязательно придумаю ему новое имя, — лицо девушки озарила самодовольная улыбка.

— Но стан Дэнджеров находится на востоке, даже на северо-востоке, а вы шли на юг, в сторону мертвого Новочека, — всадник снял шлем, показав слипшиеся, черные как смоль волосы, — и я, Зук, Сузуки Остроглазый из клана Хандредов, спрашиваю вас как род-капитан южного дозора, что вы делаете на окраине владений байкеров?

— Мы немного сбились с пути, — ответила Хона, — я просто хотела показать своему рабу степь. Я ведь теперь проспект, а не шустрила, и имею право на невольника.

"А врать она умеет не хуже меня", — подумал Юл.

— Странные у вас взаимоотношения, — Зук ухмыльнулся, — твой раб вооружен, и ты не боишься, что он убежит от тебя или даже убьет?

— Нет, не боюсь, — заносчиво заметила Хона, — во-первых, я его, если что, одной левой укатаю; во-вторых, он мечтает стать байкером, и потому поступит в подмастерье к кастомайзеру Виру Златорукому; а в-третьих, он в меня безнадежно влюблен и, если я только захочу, отдаст, не раздумывая, за меня свою жизнь.

Юл закашлялся. Так врать не умел даже он.

— Про похождения Вира Златорукого знают все, — Зук улыбнулся, — а ты ведь,

кажется, дочь Ури Громоподобного?

— Так и есть.

— Да-а-а, — протянул род-капитан, — я помню тебя совсем крохой. Надо же, победила на первом своем байкфесте! В твоём возрасте стать проспектом — это невероятно круто! Жаль дозор помешал мне быть на открытии сезона.

— Ничего, будешь на следующем, — заверила род-капитана Хона.

Зук согласно кивнул, затем спросил:

— Только скажи мне, как дочь Ури Громоподобного могла отправиться в степь без свистка, отпугивающего демонов?

Хона не нашла, что ответить, и лишь пожала плечами.

Вдруг прямо под ухом Юла заржала лошадь.

— Кажется, твой байк отходит, — сказал предводитель дозора, — все-таки одна из тварей его клюнула.

— А что, у них ядовитые клювы? — спросил парень. Природное любопытство взяло верх, и он решил заговорить с род-капитаном.

— Еще какие! Один раз клюнет, и ты в полной отключке. А пока ты лежишь, как бревно, с тебя кровь пьют. Прикинь, какая лажа, ты все понимаешь, чувствуешь, как из тебя высасывают жизнь, а ничего поделаться не можешь. Даже пальцем пошевелить. Страшно так подыхать.

— Нам пора ехать! — сказала Хона. — Спасибо за братскую помощь!

— А нам придется сжечь гнездо демонов, вместе с адовым плющом и роцей, — Зук, сощурив глаза, посмотрел вдаль, затем спросил у байкера, склонного к полноте:

— Нам хватит бёрн-травы?

— Должно хватить, — ответил кочевник.

Спустя полчаса беглецы, распрощавшись с дозором, отправились на восток.

— Когда они исчезнут из вида, мы свернем на юг, — тихо, но отчетливо произнесла Хона.

— Мне не нравится, когда ты меня называешь рабом, да еще и влюбленным, — в голосе Юла звучал укор.

— Ты и есть раб, — хмыкнула девушка, — и пока не совершишь подвиг вместе со мной, рабом и останешься. Терпи! Сам подписался на это, сам согласился.

Гексаграмма 11 (Тай) — Согласие

Удача идет к тому, кто сам идет к ней

Ури, Урал Громоподобный из клана Дэнджеров, президент клана Дэнджеров, байкер Стальные бедра и герой степных дорог был вне себя от ярости.

Ранним утром, когда прячущийся за горизонтом огненный байк только-только подкрасил восточную часть небосклона оттенками розового цвета, в шатер президента ворвался Рекс Неустршимый и, разбудив предводителя, принялся рассказывать ему о дочери, посмевшей освободить раба и вместе с ним скрыться в неизвестном направлении. Кое-как продрав глаза, Ури не сразу понял, кто перед ним, потому что левая сторона лица род-капитана посинела и опухла до неузнаваемости. Невероятно долго Рекс пытался объяснить президенту суть дела. Предводитель, ощущая сильную боль в висках и невероятное давление в мочевом пузыре, никак не желал взять в толк, что от него хотят.

"...дочура... какая на хрен дочура?.. а! дочу-у-у-ра?.. и что?.. провались все в баггерхелл, когда же я выплюсь?! Из-за поганого раба меня будить?.. ты вообще кто такой?.. Рекс... что

еще за Рекс?.. а-а-а, Рекс!.. что у тебя с рожей?.. это ты вчера бухой под шатром валялся?.. не бухой?.. а какой?.. и кто это тебя?.. кто?.. кегль?.. и чем он тебя?.. чем?!... лопатой?.. охренеть!!!"

Наконец, осознав произошедшее, Ури поднялся, испил из ковша студеной воды, и, выскочив в прохладу утреннего безмолвия, заорал:

— Вир!!! В-и-и-р!!! Вир Златорукий, мать твою!!! Ты где!!!

Вскоре появился Вир. Босой. С голым торсом, с татуировкой на левой груди в виде извивающейся змеи, пронзенной двумя длинными копьями. Седые волосы лежали беспорядочными клочьями на костистых плечах.

— Ты ведь вчера был у костра? — спросил Ури.

— Был, — подтвердил кастомайзер.

Взгляд президента случайно упал на пса, задравшего заднюю ногу и тщательно метящего шкуру шатра. Эта сцена заставила вспомнить о собственных потребностях.

— Я сейчас, — сказал Ури, развязывая штаны. Он отвернулся и начал мочиться на остывшее пепелище.

Немного поразмыслив, Вир присоединился к предводителю Дэнджеров.

— И ты ничего такого подозрительного не заметил.

— Нет, — кастомайзер, пустив струю, пожал плечами, — я, как обычно, ушел с Чезетой в ее палатку.

— Как? Как!!! — возмутился Ури. — Как она могла сбежать с кеглем! И куда?.. Куда, Вир?

— Может, на восток? — предположил вышедший из шатра род-капитан. — Деревня, из которой пришел раб, находится там. Если только он не врал.

Глаза Вира, увидевшего лицо Рекса Неустрасимого, округлились, он даже на несколько мгновений перестал мочиться:

— Хорекс, тебя покусали шмели-переростки?

— Лопатой, — огрызнулся род-капитан, — долбаный кегль огрел меня лопатой! Исподтишка! Я просто не ожидал, что этот грёбаный скутераст меня ударит! Небесный Харлей, теперь меня затрахают вопросами и насмешками! Я убью его, я найду и прикончу эту гниду!

— Думаешь, они могли пойти на восток? — спросил Ури то ли у Вира, то ли у Рекса, то ли у изрядно политого отходами байкерской жизнедеятельности пепелища.

— Думаю, они пошли на юг или юго-запад, — невозмутимо произнес кастомайзер, стряхивая конец и пряча его в штаны, — помнишь, что говорил Юл, когда ты его допрашивал? Он говорил, что идет к морю, чтобы растворить в нем останки Скальпеля Косноязычного, а твоя дочь вполне могла к нему присоединиться, она ведь мечтает стать мембером...

— Юл? Что за убогая кликуха? — президент завязал брюки.

— Кликуха как кликуху, вполне гут. Ты бы, Ури, посмотрел у себя, где бронзовая чаша, — предложил Вирус Златорукий.

Президент сорвался с места, заскочил в шатер, кинулся к волчьей шкуре, на которой спал, засунул под нее руку. Чаши там не оказалось. Зарычав, он сорвал шкуру. К его ногам упала желтая книжица. Ури подобрал ее, засунул в карман рубахи, выбежал на воздух.

— Ну, скутераст! — взревел предводитель. — Соблазнил дочуру, стырил Скальпеля! Гнойный скутер! Я убью его! Буду секирой рубать кусок за куском! Немедленно

выдвигаемся!

— Может... оно к лучшему, — задумчиво произнес кастомайзер, — чаша эта, как яблоко раздора...

— Что? — спросил Ури. — Ты о чем, Вир?

— Неважно, — Вир сохранял стоическое спокойствие, он вообще был таким по жизни, хладнокровным и рассудительным, и только на фестах, после трофейного спирта грубел и позволял себе веселиться как все:

— Подумай о другом, Ури, твоя дочь очень тщеславна, и, значит, направится к реке Пагубь, к вырожденкам. Сколько бойцов ты можешь взять с собой? Пять? Десять? Весь клан? Не если ты соберешь всех мемберов и проспектов клана и если, не приведи Небесный Харлей, сгинешь там, ты... — Вир замолчал, покосился на синелицевого род-капитана и продолжил, — подорвешь позиции Дэнджеров по отношению к остальным кланам.

— И что теперь? Ты предлагаешь мне забить на единственную родную дочуру?

— Нет, я предлагаю собрать всех президентов и вайс-президентов и предложить совместный поход в Запагубье. С целью исследования территорий, очищения земли от вырожденков и... какой-никакой наживы.

— Дело говоришь, — согласился с кастомайзером Рекс, — может, и Файеры подключатся. Я-то точно приму участие. Лично удавлю щенка...

— Встанешь в очередь, — проворчал предводитель.

Ури и Вир прошлись по палаткам, подняли шустрил, отправили их со срочными донесениями к главам кланов. Байкерский слет был собран к завтраку. Четырнадцать человек, семь президентов и семь их заместителей (вайс-президентов) сидели за одним столом. Решение совета не оправдало надежд предводителя Дэнджеров. Кочевников в значительно большей степени интересовали шулюм и недопитые после вчерашней вакханалии пиво и брага. Ури очень долго говорил, пытаясь убедить товарищей в необходимости вторжения на территорию вырожденков. Однако байкеры лишь молча уплетали за обе щеки горячую баранину. Наконец, Неп, Днепр Дальнозоркий, президент клана Вампиров, тот самый худолицый мужчина с острой бородкой, встретивший отряд Ури по дороге на байкфест, доев вторую порцию шулюма, взял слово.

— Мы все понимаем, — сказал он, хитро улыбаясь, — но, Урал, признайся идти за реку, в которую когда-то испражнилась адская шлюха Радиация, тебя заставляет страх за родную дочуру и желание вернуть себе бронзовую чашу с прахом Скальпеля Косноязычного, а не здравый смысл. Ты хочешь взвалить свои проблемы на чужие плечи. Это твои дела, а не наши. К тому же, если предания не врут, чашу эту нельзя вскрывать, иначе на землю вновь падет болезнь безумия. Кому это нужно? Пускай идут к морю, пускай растворят смерть в волнах... если смогут дойти.

В свой лагерь предводитель Дэнджеров вернулся ни с чем. Необузданная ярость стискивала его грудь.

— Где мой экип?! — проорал он. — Я сам поеду! Пошли все на хрен! Труссы!

Из шатра с кожаной кирасой предводителя вышел Вир Златорукий.

— Я тут немного подлатал экип, — сказал он.

— Вир, поедешь со мной? — произнес Ури уже спокойным тоном. — Не хочу никого заставлять. Ты ведь был в плену у вырожденков, знаешь их язык и все такое. Тебя я просто прошу, остальных не буду. Не хочу подставлять своих.

— То, что ты говоришь, это бэд. Не пори горячку, Ури, — сказал кастомайзер, —

неужели ты думаешь, что нет никакого выхода? Что нужно срываться вдвоем в пекло? Думаешь, нельзя поиметь судьбу?

— Судьбу... — слова Виры неожиданно вогнали президента в кратковременный ступор, — судьбу... судьбу...

Он вспомнил о желтой книжице, которую кегль с дурацким именем Юл назвал "путеводителем судьбы". Она, вроде как, должна была его вести к морю. Ури выхватил ее из кармана рубахи и открыл наугад. В верхнем правом углу страницы из гладкого, неизвестного байкерам материала были нарисованы шесть черточек: внизу — три сплошные, вверху — три прерванные посередине. За ними непонятный знак, состоящий из черточек с пояснением: 泰 (Тай), за знаком — число 11, за числом — слово. А дальше шел сплошной текст.

— Вир, сделай одолжение, — Ури протянул кастомайзеру книжицу, — разбери-ка, что тут написано, а то сам знаешь, я не особо мастак в этом деле.

— Согласие, — начал читать Златорукий, — удача идет к тому, кто сам идет к ней...

Слушая Виру, президент все больше и больше хмурился. Единственное, что он понял — это первые строки, дальше шел какой-то бред про потоки духа, приносящие радость, про расширение участия в дележе энергией, про изначальную радость, про сосредоточение и прочее, и прочее, и прочее.

— Ладно, хватит! — прервал кастомайзера президент. — Я понял: если удача не идет к нам, то мы сами должны к ней прийти.

— Да, — Вир вернул книжицу предводителю, — а теперь пораскинь мозгами, Ури, что можно сделать такого, чтобы собрать команду, в которой присутствовали бы байкеры всех семи кланов, чтобы в случае неуспеха ущерб разделился на всех?

Сошурившись, Ури внимательно посмотрел на собеседника.

— Чего уже не было, как минимум, пять оборотов небесного колеса?

— Ты об испытании длинной дорогой? — на лице предводителя появилась улыбка.

— Именно, — улыбнулся в ответ кастомайзер, — и ты, как открывший сезон, имеешь право призвать на испытание байкеров. Получить звание "Стальные бедра" захотят многие. Впрочем, мало кому это удавалось. Президентам даже придется сдерживать ребят и отсеивать.

— Вир, ты гений! — Ури, расхохотавшись, крепко обнял седовласого кочевника. — Немедленно иду объявлять об испытании длинной дорогой.

Президент ценил Виру Златорукого, хоть когда-то и отказал ему в побратимстве. Дал слабину, испугался смешивать свою кровь с тем, кто оставлял свое семя в самках вырожденцев. Впрочем, это было давным-давно. Очень давно.

Из-за палатки выскочил гнилозубый байкер, вчерашний победитель гонки вокруг холма.

— Ури, — заговорил он зло, с нажимом, — если ты отправишься в погоню, я с тобой! Слышишь, да? Я убью этого кегленка! Он мой раб и посмел сбежать.

Президент, похлопав по плечу патлатого кочевника, сказал:

— Мне неприятно тебе это говорить, Аvas, но ты должен встать в очередь.

Гексаграмма 12 (Пи) — Неприятие

Прислушиваясь ко всем, доверяйте только себе

Ури, Урал Громоподобный из клана Дэнджеров, президент клана Дэнджеров, байкер Стальные бедра и герой степных дорог был доволен проделанной работой.

Согласно обычаям, президенты не могли ему отказать в сборе отряда. Испытание

длинной дорогой — опасное, но почетное путешествие, о котором мечтает каждый уважающий себя байкер. Бывало, какой-нибудь кочевник объявлял себя фрирейдером и срывался в одиночку на запретные территории за реку Пагубь. Чаще всего такие храбрецы бесследно исчезали в землях выроdkов. Но те, кто возвращался из похода, пользовались незыблемым авторитетом. Единственная женщина, ныне покойная Яха, Ямаха Огнегривая, вернувшаяся целой и невредимой, была избрана на совете мемберов трежером клана Реблов, то есть распорядителем продовольственными и прочими запасами. Смельчаком, находившимся в плену почти три года у выроdkов-аэсов и сбежавшим от них, являлся Вир Златорукий. И сам Ури в Запагубье пробыл девять дней, на два дня больше положенного срока, и благодаря этому факту впоследствии стал вождем. Как правило, доказательством подвига служила отрубленная голова выроdkа, привезенная в родное становище.

Реже, примерно раз в шесть-восемь лет какой-нибудь отчаянный президент после открытия сезона объявлял испытание длинной дорогой. Тогда предводители кланов отбирали кандидатов в поход. Их должно было быть одинаковое число от каждого становища. Путешествие скопом в страну аэсов небезосновательно считалось менее рискованным, нежели странствие в одиночку, и потому вернувшиеся пользовались меньшим авторитетом, но прозвище "Стальные бедра" получали все участники, если, конечно, им удавалось продержаться по ту сторону Пагуби семь дней. А подобное удавалось отнюдь не всегда.

В этот раз кланы выделили по пять бойцов. Итого: тридцать пять кочевников, возглавляемых Ури. Победители в состязаниях имели приоритет, и все они им воспользовались. Среди воинов, облаченных с головы до ног в кожаные доспехи, иначе именуемые экипом, присутствовала единственная женщина: Ява Бесноватая из Фалкомов. Она, так и не удосужившись умыться после финальной битвы с Чезетой, с серым, перемазанным глиной лицом и грязными нечесаными локонами, беспорядочно торчащими из-под круглого шлема, выглядела весьма устрашающе.

Здесь же был и совсем юный шатен Дукат Великолепный из Вилсов. Он кидал беспокойные взгляды на свою зеленоглазую подругу с багровым рубцом на щеке. Женщина вела себя вызывающе. Не обращая внимания на возлюбленного (или делая вид, что не обращает), она в открытую заигрывала с плюгавым низкорослым кочевником. Дукат покраснел, и, чтобы скрыть досадный румянец, напялил на себя шлем.

А вот Рекс из Файеров собрался в поход без защиты для головы, виной тому была распухшая левая сторона лица. Кроме Ури, из президентов возжелал испытать себя длинной дорогой предводитель Вампиров — Неп Дальнзоркий. Совсем недавно он выступил против вождя Дэнджеров, но теперь в корне поменял мнение, и Ури догадывался почему: Неп не хотел, чтобы прахом Скальпеля Косноязычного завладел кто-то другой. Ведь если бы Ури отправился в погоню один или с небольшой группой, то вероятность успеха стремилась бы к нулю, а теперь положение дел в корне менялось.

Из своего клана Ури взял с собой Вира Златорукого, как опытного следопыта и байкера, лучше всех знающего Запагубье и владеющего наречием аэсов. По праву победителя в странствие отправлялся Аvas Стальной. Он во всеуслышание, помахивая цепной булавой, объявил, что лично разделается с неверным беглым рабом. Кроме вышеперечисленных бойцов из Дэнджеров к экспедиции присоединились два друга — не разлей вода: лысый Иж и владелец роскошных усов Крайд.

На пять всадников приходилось семь байков. Две лошади везли не людей, а провизию,

поскольку в запретных землях ловить дичь воспрещалось.

Люди, столпившись, приветствовали храбрецов криками одобрения и только Чезета стояла в отдалении, на склоне холма, будто не желая сливаться с остальными. Когда Вир Златорукий встретился с ней взглядом, она подняла руку, сжала ее в кулак и заставила себя улыбнуться.

— Удачи! — прокричала она. — Удачи, старая ты задница! И попробуй только не вернись, я найду тебя даже в преисподней!

Отряд выступил в полдень. Довольно-таки скоро Вир напал на след беглецов. Как он и предполагал, дочь и раб ушли в южном направлении. Этот факт обрадовал Ури, поскольку он мог вести свое маленькое войско только к реке Пагубь, и любое отклонение от намеченного пути вызвало бы шквал недоумения и откровенного неприятия со стороны участников похода.

Ближе к вечеру Неп Дальнозоркий заметил дымок на горизонте, а кастомайзер подтвердил, что следы ведут в ту сторону. Кочевники ускорились. Президент надеялся, что его непутевая дочь и прохиндей с дурацким именем Юл по глупости решили устроить привал, не ожидая, что за ними в тот же день отправится погоня. Однако Ури постигло разочарование. Они встретили южный дозор во главе с род-капитаном Сузуки Остроглазым.

Дозорные выжгли рожицу, опутанную адовым плющом и ставшую гнездом демонов. Предки крылатых тварей до эпидемии являлись, скорее всего, безобидными ночными хищниками, но в дни Великой гибели адская шлюха Радиация совокупилась с ними и родила дневных монстров-кровопийц. Так, по крайней мере, утверждал дед Ури — Харлей Верномыслящий, изобретатель свистка, отпугивающего мерзких бестий.

От Суза Остроглазого Ури узнал, что дозор пересекался с Хоной и ее рабом, и те отправились на восток, к становищу Дэнджеров. Это озадачило предводителя. Отозвав Вира, он отъехал с ним на несколько десятков шагов.

— Послушай, — сказал президент, — ты тоже думаешь, что дочура укатила на восток? Я вот лично сомневаюсь.

— Полагаю, они сделали петлю, чтобы обмануть дозорных, — рассудил кастомайзер.

— И что теперь, сворачивать вслед за ними? Как это объяснить байкерам?

— Можно просто попросить войти в положение. Предложи прогулку до нашего стана. Байкеры не откажут тебе, особенно если угощение и питье будет за счет Дэнджеров. Только так и никак иначе. За крюк придется расплачиваться.

Выслушав совет Вира, президент, молча созерцал степь. Зеленое бескрайнее море, разрезанное лениво текущей речушкой, колыхалось на весеннем ветру. Кое-где оно уже успело поседеть, покрыться белыми пятнами. Это начинал цвести ковыль. Степь пела, нашептывала давно забытую колыбельную. Древние не хотели ничего знать о музыке трав. Древним были милы стенания проклятых мест — городов. Древние получили по заслугам. А потомки, чтобы выжить, вынуждены были вспомнить язык полей, холмов и рощ. В трудных ситуациях они помогают, подсказывают, как правильно поступить...

— Как вариант, можно еще разделиться, — Вир Златорукий прервал размышления Ури, — я, ты, еще пара бойцов поедем по следу, остальные под командованием Непа двинут прямо к Пагуби.

— Нет, — сказал президент, — мы идем на юг.

— Но мы рискуем потерять след...

— И все же мы пойдем на юг, — Ури подстегнул лошадь, поскакал к остальным

кочевникам, тем самым дав понять, что разговор окончен.

— Может, это и не плохо, что потеряем след, — задумчиво произнес Вир Златорукий, — может, это гут, что у нас нет единомыслия...

Никто не услышал речь кастомайзера. Никто, кроме степных трав.

Гексаграмма 13 (Тун жэнь) — Единомышленники

Одному муравью никогда не построить муравейник

Надеясь запутать след, Юл и Хона ехали не по тропам предков, а по голой степи. Солнце еще стояло высоко, когда на горизонте, на юго-западе появились странные очертания. Перед глазами путников встал как бы невысокий, распространяющийся вширь, неровный холм, сплошь усеянный нагромождениями, развалинами, более-менее целыми зданиями, многие из которых были сокрыты высокими деревьями.

— Это что такое? — сощурившись, удивленно прошептал парень.

— Это проклятое место, город, — ответила так же тихо девушка, — я здесь сама никогда не была, я знаю от других, что это Новочек. Байкеры обходят его стороной.

— Значит, нам нужно ехать туда, — сделал вывод Юл, — там нас точно не будут искать.

Парню вдруг пришла мысль, что в подобном месте он вполне может провести остаток весны и лето в относительной безопасности.

— Ты совсем дурной?! — Хона вытаращилась на напарника. В глазах ее читался не то что бы испуг, но какая-то смесь недоумения, раздражения и легкого любопытства.

— Разве я не прав?

— Не прав, в городах появилась болезнь безумия, превратившая людей в безмозглых тварей.

— Это было сто лет назад, Хона! — Юл пожал плечами. — Неужели ты думаешь, что там кто-то остался жив?

— Не в этом дело, — отмахнулась девушка, — нам нужно идти к Пагуби. Нам нужен подвиг!

— Послушай, — парень криво улыбнулся, — а кто узнает, была ты у вырождков или не была? Можно переждать в городе, а потом придумать историю своих приключений. Будем ставить силки на зайцев, кроликов и полевок, охотиться на птиц, и дикие абрикосы с яблоками там должны расти...

— Ты предлагаешь мне, байкерше, родной дочуре президента клана Дэнджеров, врать?

— А что тут такого? — искренне удивился Юл. — Ты вот недавно наврала дозорным про свою победу и про мою влюбленность...

— Это другое, — возразила Хона, — Сузуки мог бы нас задержать и помешать совершить подвиг. А подвиг для байкера — главное.

— А для меня главное — спокойно пережить лето.

— А как же останки Скальпеля Косноязычного, их надо выкинуть в море, чтобы спасти мир.

— Понимаешь, Хона... — парень потупился, дурачить он умел с легкостью, но раскрывать обман перед человеком, которого ввел в заблуждение, ему приходилось впервые. Возможно, мелкую мерзавку стоило и дальше водить за нос, только вот отчего-то не хотелось. Хотелось наоборот, чтобы она все узнала, поняла, и поделила его убеждения. Хотелось, чтобы она одобрила его решение, чтобы поехала вместе с ним, чтобы жила вместе с ним. Чтобы делила кров и пищу. А еще заглядывая в серые глаза девушки, любуясь ее непослушными темно-русыми волосами, вслушиваясь в ее голос, парень испытывал чувство

легкой эйфории. И такое с ним случилось впервые. Это было приятное ощущение, которое в то же время где-то в глубине души настораживало, ибо младший правнук не имел над ним контроль.

— Понимаешь, Хона, — повторил он, — ты прости меня, но это не останки Скальпеля, это прах моего прадеда Олега, последнего из тех, кто видел мир до Великой гибели. И если вскрыть кружку, ничего не будет. Просто один глупый старик из моей деревни решил избавиться от меня, и убедил селян отправить меня к морю, чтобы я над ним рассеял предка. Вроде такой поступок должен отвести беду от моего племени, но я знаю, что это суеверия. Они все старше меня, но ума у них мало...

— То есть ты наплел всякую чушь?! Обманул меня, отца, всех байкеров?! Так?!

— У меня не было выхода, — Юл взглянул на девушку, — твои соплеменники грабят деревни, угоняют в рабство людей, творят зло, одним словом. И ты хочешь, чтобы я говорил им правду?

— Не смей так говорить о байкерах! — щеки девушки зарделись. — Они имеют право так делать! По праву одного процента! А ты всего лишь раб! И я приказываю тебе заткнуться и молчать до самой Пагуби!

— Я не знаю, что такое право одного процента, но очень хотел бы узнать. Поехали со мной в город, ты мне расскажешь, — парень улыбнулся так, как умел это делать в сложных или неоднозначных жизненных ситуациях: придурковато и наивно.

— Ты обещал меня слушаться, — гневно отчеканила Хона, — и мы едем на юг! К тому же у меня чаша с останками, и я тебе ее не отдам.

— Я пообещал бы тебе все что угодно, лишь бы не попасть под нож патлатого идиота, у которого имя звучит как "моча лягушки". А кружку с прахом оставь себе на память, это всего лишь пыль, а не живой человек.

— Жаль, что Кавасаки Стальной не убил тебя, — выпалила Хона, извлекая из ножен акинак, — но я сделаю это за него!

Она подъехала вплотную к парню, приставила лезвие к его горлу.

— Ладно, ладно! — Юл очень осторожно, медленно поднял руку вверх в знак примирения. — Я буду делать то, что ты скажешь.

Расставаться с мелкой мерзавкой не хотелось, все-таки было в ней что-то неуловимо притягательное, но другого выхода парень для себя не видел. Глаза его вдруг округлились, и он с дрожью в голосе, указывая вдаль, за спину Хоны, произнес:

— Кажется, демоны летят!

Уловка детская и глупая, но девушка на нее клюнула, резко повернула голову. Этого оказалось достаточно для того, чтобы чуть отклонившись корпусом, перехватить руку Хоны и с силой потянуть вниз и на себя. Девушка вскрикнула, но в седле удержалась. Стремена не дали упасть. Тогда парень начал выкручивать ей кисть. Байкерша зарычала от злости и боли, саданула противника кулаком свободной руки наотмашь. Удар пришелся вскользь по голове, и на Юла не произвел практически никакого эффекта. Наконец, пальцы девушки сами собой разжались, и она выронила акинак. Тогда парень отпустил ее, развернулся и поскакал в сторону города.

Краем глаза он заметил, как Хона спешила, схватила оружие и вскочила на байка. Она не собиралась отступать. Она хотела его догнать.

Юл подстегнул лошадь. Он понимал, что байкерша его настигнет, она ведь с детских лет на коне. И еще, теперь она со зла может убить его по-настоящему. Но отступать было

поздно. Принятое решение не вернуть назад.

Парень мчался, не оглядываясь. Сперва по голой степи, затем между зарослей кустарников. Он чуть не свалился, когда неожиданно выскочил на берег речки шириной в пятнадцать-двадцать шагов. Громко заржав, лошадь встала на дыбы. Юл удержался в седле и, совсем не размышляя, подстегнул животное. Лошадь послушно вошла в воду.

— Стой, скотина! — послышалось где-то сзади. — Я пощажу тебя, если остановишься!

Парень, естественно, не остановился. Речка оказалась неглубокой, вода едва достигла щиколоток всадника. Переправившись на другой берег, Юл помчался дальше. Теперь город не казался длинным холмом, покрытым нагромождениями. Теперь его вообще не было видно. Перед парнем предстала сплошная стена зарослей. Юл не остановился, он продолжал скакать, судорожно ощупывая взглядом зелено-коричневую массу, состоящую из листьев, веток, лиан, тонких и толстых стволов деревьев. Сзади отчетливо слышался стук копыт, а яростные выкрики Хоны становились все громче.

Вдруг парень заметил брешь в зарослях, высотой в два-два с половиной человеческих роста. Это была как бы пещера, ведущая внутрь. Юл метнулся к ней.

Он оказался на дороге, очень похожей на исполосовавшие степи тропы предков. На ней почти не было кустарников, только невысокая трава, местами уступающая место странным образованиям, похожим на мох, а кое-где и вовсе проглядывалась голая земля.

Если бы не погоня, Юл, конечно, остановился бы, чтобы повнимательней осмотреться, обнаружить что-нибудь удивительное, сотворенное еще до Великой гибели. Но злые возгласы Хоны, не давали ему такой возможности.

Парень скакал мимо спрятанных в деревьях, укутанных плющом гигантских коробок. Двух-, трех-, пяти- и даже шестиярусных домов, многие из которых были полуразрушены, с бесчисленными прямоугольными дырами, расположенными на одинаковом расстоянии друг от друга. Ведь это были дома. Да, именно дома, в которых обитали древние. Покойный прадед Олег рассказывал о них.

Юл мчался со скоростью ветра, но Хона все равно догоняла его. Впереди появился просвет, а в нем — высокое здание с куполами. Один из куполов, выцветший, потрескавшийся, был намного выше других. Парень очутился на широченной поляне, заросшей пыреем. В нескольких местах над травой возвышались колючие кусты, на которых уже появились фиолетово-розовые цветки.

Парень поскакал вдоль опушки поляны, надеясь найти улицу, по которой можно было бы улизнуть от навязчивой девчонки. Но, как назло, все проулки, все промежутки между обветшалыми стенами домов были закрыты непроходимыми зарослями. Наконец, он увидел довольно-таки широкую дорогу между двухэтажной и, кажется, четырехэтажной коробкой. Туда Юл и рванул.

Однако, откуда не возьмись, прямо перед парнем выскочила Хона. С мечом наголо, оскалившись, выкрикнув нечленораздельный клич, она ринулась в атаку. Юл успел увернуться корпусом, и лезвие промелькнуло в нескольких сантиметрах от шеи парня. Нога младшего правнука соскользнула со стремени, и он, не удержавшись, свалился с лошади, покатился по земле. Байкерша, оказывается, не гналась за ним вдоль опушки, а пошла наперерез через поляну.

Парень сильно ушиб плечо, но инстинкт тут же заставил его вскочить на ноги. Он выхватил из ножен гладиус. Хона развернулась и, подстегнув лошадь, прокричала:

— Семь и три!

Юл успел отпрыгнуть в последний момент, и Хона вновь промахнулась. Парень, упав на ушибленное плечо, взвыл от боли. Поднялся. На этот раз уже не так ретиво. Развернувшись, приготовился продолжить битву.

Но Хона будто забыла о нем. Острие акинака было направлено вниз, а сама она смотрела совсем в другую сторону.

На гранитной глыбе, скрытой до половины разросшимся шиповником, стоял бронзовый бородатый мужчина. В одной руке он сжимал то ли копье, то ли что-то другое, трудно было определить из-за свисающего рваными клочьями засохшего плюща, а в другой руке, протянутой, памятник держал какую-то непонятную шапку.

Решив, что Хона больше не будет на него нападать, Юл опустил гладиус, но прятать оружие в ножны посчитал преждевременным.

— Из Новочека пришли Реблы и Вампиры, и часть Вилсов, — восхищенно прошептала девушка, — а это...

Она замолчала, но Юл тут же подхватил недосказанное:

— А это, — произнес от вкрадчиво, — первый байкер. Предок всех байкеров.

— Нет, только Реблов и Вампиров, — сказала Хона, — Дэнджеры из другого города... из Тагана, где лестницы ведут прямо в море. Так говорили древние...

— Все равно ты совершила подвиг, добралась до статуи...

Байкерша резко повернула голову, прожгла Юла острым взглядом, подняла акинак. Восторженность с ее лица как ветром сдуло.

— Хона, Хона! — затараторил Юл. — Мы должны держаться вместе. Послушай, ведь мы в городе, а это опасно... к тому же благодаря мне, ты попала сюда, а это тоже подвиг. Да еще какой подвиг!.. да...

— Ты лгун! — прошипела девушка, медленно надвигаясь на парня. — И я убью тебя!

— А я вот никогда не думал тебя убивать! — Юл, крепче сжав гладиус, отступил на несколько шагов. — Просто я сказал тебе правду. Сказал потому, что ты мне очень нравишься.

— Ты всего лишь раб! — Хона крутанула акинак. — И ты посмел меня послушаться, хотя обещал совсем другое.

— Я не раб, — возразил Юл, — но я могу тебе подчиняться. Добровольно. Просто потому, что ты очень красивая, очень сильная и в будущем достойна стать президентом клана Дэнджеров. И к тому же солнце заходит и нам придется заночевать здесь.

— Нет, — сказала девушка, — сейчас ты поймаешь своего байка, и мы покинем Новочек.

— Ты что боишься? — Юл изобразил искреннее удивление. — И это говорит дочь Ури Громоподобного? Ты только представь, если переночуешь в городе, в проклятом месте. Это ведь очень... круто. Так у вас говорят?.. К тому же в путеводителе, который твой отец у меня забрал, сказано, что настанет момент, когда необходимо будет единомыслие, иначе ничего не получится, а я верю путеводителю. Мы должны быть едины. Или ты все-таки боишься?

— Не дави на меня, лгун! Я ничего не боюсь, я владею собой и своим страхом!

— Вот! — подтвердил парень. — А кто владеет собой, тот владеет многим! Мы можем заночевать в этом большом доме с куполами. Куда нам спешить? Успеем к твоей Пагуби.

Хона остановила лошадь, прикрыв веки, сделала глубокий вдох и произнесла уже не так зло:

— Иди за хворостом, скотина, и учти, я слежу за тобой!

Путники развели костер внутри здания с куполами. Они съели по куску вяленого мяса, после чего Хона заметила, что еды у них осталось совсем немного и с завтрашнего дня придется охотиться или питаться подножным кормом.

Не зная, какие хищники обитают в городе, байкерша не рискнула оставлять лошадей на поляне, и велела Юлу завести их внутрь.

Парень и девушка сидели друг напротив друга на седлах, снятых с байков, созерцая потрескивающие язычки пламени. Где-то вверху жутко завывало. Это поднявшийся ветер играл в куполах. Лошади испуганно всхрапнули. Хона бросила тревожный взгляд на Юла и прошептала:

— Зря мы здесь остались. Дурное это место.

Честно говоря, парню тоже было не по себе, и от дьявольского гудения невольно холодела спина. Вспоминались сказки о демонах Внешней Тьмы, похищающих непослушных детей. Демоны приносили добычу в гнезда, сплетенные из человеческих жил, и пожирали ее там. Тем не менее, Юл, пытаясь справиться с суеверным страхом, сказал:

— Нам некуда торопиться. Это всего лишь ветер, Хона. А город — мертв. Бояться нужно живых, а не погибших сто лет назад.

— Не в этом дело, — прошептала байкерша, — ты видел знаки на стенах?

Сейчас она была похожа не на отчаянную забияку из кочевых племен, а на испуганную девочку из родной Забытой деревни.

— Видел? — переспросила она. — Кресты с кривой перекладиной.

— Ну и что? — сам того не замечая, Юл тоже перешел на шепот. — Это просто символы, которым люди издревле поклонялись. Ну, что-то вроде вашей чаши Скальпеля Косноязычного. Люди вообще любят поклоняться крестам, полумесяцам, статуям, всяким значкам и медальончикам.

— Нет, — Хона замотала головой, — это знаки баггеров-гомофобов, проклятых Харлеем Изначальным.

Для своего возраста и времени Юл прочитал очень много книг, но религиозный отдел в Архиве Памяти он посещал редко. Пару лет назад разобрал притчи о воскресшем боге, да перед уходом из деревни проштудировал Канон перемен, который у него забрал вождь Дэнджеров. И все же парень знал, что крест с кривой перекладиной — это символ того самого воскресшего бога. Однако Юлу стало интересно, что расскажет напарница. Он решил не спорить с ней и спросил:

— А кто такие баггеры?

— Баггеры — это то же самое, что и... пидоры, — ответила девчонка, — ты ведь слышал на байкфесте три правила?

— Слышал. А кто такие пидоры? — спросил Юл.

— Тс-с! — шикнула Хона. — Это проклятое слово, его можно произносить только на байкфесте, а в остальное время — нельзя. Это слово такое же проклятое, как... — девушка запнулась и сделала над собой усилие, чтобы продолжить говорить, — такое же проклятое как... как "депутат", "мент" и "чиновник"... и еще... "банкир" и "кредит"... в общем, все эти слова заменяются одним-единственным: "баггер".

От резкого порыва ветра загудели купола. Девушка вжала голову в плечи. Парень,

поддавшись порыву, сел рядом с байкершей и прошептал:

— Не бойся, это всего лишь...

— Я не боюсь! — вспыхнула Хона, оттолкнув Юла.

Парень чуть не повалился на спину, однако успел подставить руку. Стрельнуло в ушибленное плечо.

— Хорошо, не боишься, — сказал он, пытаясь скрыть боль и обиду, немного отодвинувшись от напарницы, — расскажи про баггеров.

— Ладно, — сдалась Хона после минуты молчания, — тебе можно поведать тайну происхождения мира, ты ведь раб клана Дэнджеров, а значит, имеешь право знать...

В начале не было ни степи безбрежной, ни ветра вольного, ни Пагуби зловонной, ни байкеров удалых, а были лишь небесный стальной конь Харлей Изначальный, да небесная стальная кобыла Ямаха Первородная. И жили они в извечной пустоте, которая породила их.

И вот Харлей Изначальный воспылил страстью к Ямахе Первородной и покрыл ее. И понесла она, и родила вскоре солнце, луну, небо, звезды, а также небесных стальных жеребцов и кобылок, и нарекла их именами разными: Хонда и Урал, Кавасаки и Ява, Сузуки и Блата, и многими-многими другими. Так появились байки священного табуна. И увидел Харлей, что это хорошо.

Прошли дни, прошли ночи. Увидел Харлей Изначальный, что небеса полны, но внизу пустота и нечем заполнить ее. И тогда вновь воспылил он страстью к Ямахе Первородной и покрыл ее. И понесла она, и родилась от этого земля и степи на ней, и реки в степи, и звери да птицы разные, и рыбы да гады ползучие. И увидел Харлей, что это хорошо.

Прошли дни, прошли ночи. Увидел Харлей Изначальный, что живности сотворил он много, да только неразумна была она. Тогда вновь воспылил он страстью к Ямахе Первородной и покрыл ее. И понесла она, и родила близнецов разнополых. Так на свет появились первые байкер и байкерша. От них пошло племя удалое да славное, разделившееся на кланы многие. И велела Ямаха Первородная байкерам называть своих детей именами небесных стальных коней и небесных стальных кобыл. И увидел Харлей, что это хорошо.

Прошли дни, прошли ночи. Узрел Харлей Изначальный, что байкеры и байкерши должны быть лучше кого-то. Тогда вновь воспылил он страстью к Ямахе Первородной, но изрекла она: "Не должен ты меня покрывать, ежели желаешь тех, кто будет хуже". Тогда покрыл Харлей Изначальный корову. И понесла она, и родила близнецов разнополых. Так на свет появились кегли. От них пошли бычье и телки, созданные по образу и подобию человека. И было их девяносто девять на каждого байкера. И чтобы отделить удалое племя от кеглей, создал он право одного процента, чтобы байкеры вольны были делать то, что им угодно. И увидел Харлей, что это хорошо.

Прошли дни, прошли ночи. Увидел Харлей Изначальный бухло, сделанное кеглями, и испил его. Захмелел он и покрыл корову. Да только не в ту дыру попал. И понесла она, и родила не из той дыры близнецов однополых: баггера-гомофоба и баггера-гомолюба. Так на свет появились пид... ну ты сам понял, те, кого можно называть так только на байкфесте. От них пошло племя гнилое, мажорное и злобное. И возжелали они владеть миром, и возненавидели гомофобы и гомолюбы друг друга, ибо хотели править единолично. И увидел Харлей, что это плохо.

Прошли дни, прошли ночи. Увидел Харлей Изначальный, что гомофобы и гомолюбы захотели владеть многим и поделили мир, и поработили обманом кеглей. И стали бычье да телки слугами баггеров, глядели все время в зомбоящики, висели все время в сети, и

радовались своему рабству и не замечали его. Только вольные байкеры не подчинялись мажорам гнилым и ездили по дорогам предков, куда им угодно. И увидел Харлей, что не все так плохо.

Прошли дни. Прошли ночи. Увидел Харлей Изначальный, что черная зависть взяла баггеров. Задумали они свести с пути истинного хотя бы часть удалого племени. И подкатили они к Скальпелю Косноязычному из клана Сумеречных шакалов и предложили ему владеть многим. И продался Скальпель, и весь клан вместе с ним продался. И увидел Харлей, что это пиздец.

Прошли дни, прошли ночи. Увидел Харлей Изначальный, что баггеры от власти и богатства совсем свихнулись и захотели владеть еще большим, и ополчились друг на друга, и возжелали воевать гомофобы с гомолюбями, а гомолюбые с гомофобами; и Скальпель и его клан участвуют в этой войне, позоря честь удалого племени. И решил тогда Харлей наслать на землю болезнь безумства, чтобы уничтожила она всех, кто продался, и рабов и хозяев. И наслал он болезнь. И сдохли все нечестивцы, и отправились в подземный ад — баггерхелл. И увидел Харлей, что это правильно.

Прошли дни, прошли ночи. Харлей Изначальный сжег Скальпеля Косноязычного и всех, кто продался, а прах их укатал в урну, и нарек ее эликсиром смерти. Байкерам же велел жить в степи. Велел им не давать спуска кеглям, а баггеров, хоть гомофобов, хоть гомолюбых, велел валить на месте. И за то нам уготована дорога в небеса — в байкпарадайс. И увидел Харлей, что это просто зашибись.

Прошли дни, прошли ночи. Увидел Небесный Харлей, что вселенная стала справедливой, и каждый получает свое. Байкеры — волю, бычье и телки — смирение, баггеры — позорную смерть. Байкеры — это Судьба мира, остальным — неразумно спорить с Судьбой! И увидел Харлей, что все теперь как надо.

Гексаграмма 15 (Цянь) — Смирение

Неразумно спорить с Судьбой

Юл не заметил, как заснул. Сон его был тревожен. Он видел опутанных паутиной людей, сидящих на лавках внутри храма баггеров, и плящущихся в деревянные, плохо сколоченные, пустые ящики из-под брюквы. "Зомбо, зомбо! Зомбо, зомбо!" — повторяли люди с отсутствующим выражением лица. А сзади них гигантская паучиха плела сеть и накидывала ее на несчастных человечков. "Зомбо! Зомбо!" — кричали люди, когда паучиха сильно дергала за липкие нити. Устав от плетения, кошмарное восьминое чудовище подтягивало к себя жертву и впивалось в нее искривленными волосатыми жвалами. Человек, пожираемый заживо, начинал хохотать, а вязкая слюна членистоногого вперемежку с кровью лениво стекала на пол, усеянный обглоданными черепами. От омерзения и ужаса парень просыпался, спохватывался, тревожно озирался, вспоминал, где находится, и под гудение шального ветра снова утонул в беспокойном сновидении.

И так до самого утра.

Юла разбудили крики Хоны. Парень вскочил, схватившись за гладиус. Однако ничего страшного не произошло, девушка была цела и невредима. Она, яростно рыча, месила ногами пепел.

— Что случилось? — спросил озадаченный Юл.

— Баггерхелл! Мы спали! — зло выпалила байкерша.

— И что с того? На то и ночь.

— Ты совсем дурной! — Хона с размаху ударила кострище, обдав штаны юноши серым

пеплом. — Мы заснули, а караул не выставили. Мы должны были дежурить по очереди!

— Да ладно, — Юл, рефлекторно отряхнулся, — этот город мертв, разве что зверье нас могло учуять, так окна тут забаррикадированы, а ворота мы закрыли. И в храм баггеров могли попасть только летучие мыши... — парень немного подумал и добавил:

— ...или демы.

— Демы ночью не летают, их предки летали, а они нет, — спокойно произнесла Хона, — все равно мы поступили не по-байкерски.

Юл не первый раз отмечал резкие перемены настроения у напарницы. Гнев с быстротой молнии мог трансформироваться в веселость, а затем также моментально обращаться в бешенство. С одной стороны это настораживало, с другой — притягивало, но в любом случае такие метаморфозы были непонятны, а Юлу, обладавшему врожденным любопытством, нравились загадки.

— Так или иначе, это неплохое место, чтобы прожить здесь остаток весны и лето, — заметил младший правнук последнего предка.

— Ты опять за свое?

— Послушай меня, Хона, — парень, широко раскрыв глаза, дружелюбно улыбнулся, так, ему казалось, он выглядел убедительней, — я ведь тебе рассказывал, что путеводитель, который теперь у твоего отца, дает указания, как правильно поступить. И если мы останемся в городе, мы поступим мудро. Ведь с судьбой глупо спорить. Там так и написано.

— А с чего ты взял, что наша судьба — оставаться в городе? — ухмыльнувшись, Хона скрестила руки на груди. — Наша судьба — идти за Пагубь!

— Ладно, — сказал Юл, — давай тогда испытаем судьбу, выясним, чего она хочет: оставить нас здесь или отправить на юг.

— И как же ты это собираешься сделать?

— Через испытание игрой.

— Игрой? — тонкие брови Хоны искривились дугой, отчего у Юла сердце забилося чуть быстрее.

— Игрой, — подтвердил он. — Есть такая игра. Называется "Испытание Судьбой". Берешь камушки, раскладываешь их в ряд, потом каждый из испытуемых забирает один, два или три камня по своему усмотрению. Проигрывает тот, кто забирает последний камень.

— Ну, хорошо, — на удивление легко согласилась Хона, — давай сыграем.

— Пятнадцати хватит? — спросил Юл, собирая осколки кирпича.

— Двадцать один хватит.

— Почему? — парень насторожился. Дело в том, что при правильной игре побеждал тот, кто начинал первым, если только количество фишек не равнялось тринадцати, семнадцати, двадцати одному, двадцати пяти и так далее. Тогда наоборот, выигрывал тот, кто вступал в игру вторым. Юл частенько облопошивал Темерку и знал особенности игры досконально.

— Потому что три правила и семь кланов, а три раза по семь будет двадцать один. Священное число, — пояснила Хона.

— А... понятно, — сказал Юл.

Парень собрал нужное количество камней, а девушка не без труда отворила скрипучие ворота, которые выглядели весьма солидно и через сто лет после Великой гибели. В храме стало светло, и напарники сели друг напротив друга.

— Я уступаю тебе право первого хода, как самой храброй среди всех девушек и женщин,

которых я когда-либо встречал в жизни, — Юл любезно улыбнулся.

— Как будто ты видел женщин, — хмыкнула Хона.

Парню стало обидно, но этого он не показал.

— Ходи ты первым! — сказала девушка. Даже, скорее, не сказала, а приказала.

— Почему я?

— Потому что мне так хочется, ты ведь сам говоришь, что я храбрейшая из байкеров, и, значит, имею право выбирать какой по счету мне ходить, — Хона улыбнулась, и в улыбке просматривалось лукавое озорство.

Так, по крайней мере, показалось Юлу. И это ему не понравилось, но отступить было поздно, и парень взял один камень. Хона небрежным движением руки отшвырнула три. За два хода получилось четыре.

Чтобы перехватить инициативу нужно было, чтобы девушка хоть раз ошиблась. Юл забрал три камушка, байкерша щелчком выбила из ряда еще один. Опять в сумме выходило четыре.

Парень убрал два камня, и Хона столько же. Младший из правнуков непроизвольно цыкнул. Он уже понял, что мелкая мерзавка знала секрет игры. Но рука сама собой потянулась к крайнему камушку и схватила его. Девушка убрала три камня.

Оставалось пять фишек, и как бы Юл ни походил, он проигрывал.

— Ну, давай, — сказала Хона, победно ухмыльнувшись.

— Слушай, это все ерунда, — парень пожал плечами, — я пошутил насчет испытания судьбой. Неужели ты думаешь, какая-то глупая игра может влиять на нашу жизнь?

— Ходи, давай, а потом смиришься и прими поражение.

— Я еще не проиграл, — заметил Юл.

— Ты проиграешь, — заверила напарника девушка, — или думал надурить меня? Только фиг тебе! Когда мне было двенадцать оборотов небесного колеса, этому фокусу меня научил Вир Златорукий!

— И о каком испытании судьбой можно говорить, если ты знала секрет?

— А ты будто бы не знал!

— Не знал.

— Врешь!

— Не вру.

— Я сказала, врешь!

— А я сказал, не вру!

— Заткнись, раб!

— Я не раб!

— Раб!

— Ладно, Хона, — парень поднялся, — в таком случае нужно бросить жребий, кто будет ходить первым, а кто вторым, и только потом играть заново. Так будет честно.

— Нет! — вспыхнула девушка. — Ходи, давай!

Ситуация зашла в тупик, и Юл разрешил ее радикальным способом. Он отшвырнул ногой пять оставшихся камушков, и те исчезли во тьме угла, из которого тянуло сыростью. Лошади испуганно фыркнули.

— Придется играть заново, — парень придурковато улыбнулся.

— Скотина! — Хона вскочила на ноги, извлекла акинак. — Ты ответишь за эту вольность!

Гексаграмма 16 (Юй) — Вольность

От свободы до своеволия — один шаг, ведущий в пропасть

Юл успел отпрыгнуть, и меч со свистом прошел в двух мизинцах от его лица. Парень выхватил гладиус, молниеносно отскочил вбок, подобрал с пола малую боевую лопату, теперь у него имелось явное преимущество. Разумеется, убивать девушку он не собирался, но вот только она, раскрасневшаяся, подобравшаяся, будто саблезубый каплан перед решающим прыжком, жаждала пролить кровь.

— Послушай, Хона, нельзя же быть такой неуравновешенной, ты на лицо свое глянь! У тебя сосуды полопаются. Знаешь, что такое кровеносные сосуды?

— Умри! — рыкнула девушка и бросилась на противника.

Юл не без труда отразил несколько ударов. Все-таки мелкая мерзавка умела драться.

— Хона, перестань! Мне придется поступить с тобой как с Хорексом.

— Не придется! — и акинак со звоном отскочил от стального лотка лопаты. — Какая же ты скотина!

Юл парировал еще три или четыре выпада, когда краем глаза заметил движение возле ворот. Он бросил туда быстрый взгляд. К сражающимся крались худощавые люди с лицами, выкрашенными в разные цвета. Из одежды на них присутствовали лишь набедренные повязки, а в руках они держали шиповые палицы и деревянные копья, к которым были привязаны заостренные ржавые куски металла. Они бесшумно заходили внутрь храма, выстраиваясь в дугу.

— Хона, там какие-то дикари... — голос парня дрогнул.

— Дважды на твою уловку я не попадусь! — клинок в очередной раз был отбит лопатой.

— Хона, я серьезно! — Юл отскочил, и меч байкерши вновь не достиг цели.

— Серьезно он! Скотина!

Испуганно заржали лошади, и только тогда девушка обернулась. Дикари тут же застыли, будто они и не живыми были вовсе, а памятниками, чем-то схожими с монументом, стоящим снаружи здания.

— Беги к байкам! — успел шепнуть Юл, прежде чем люди в набедренных повязках, издав громогласный клич, ринулись в атаку. Хона метнулась к лошади, а Юл принял боевую стойку. Один из дикарей, рыжеволосый и толстомордый, злобно шурясь, кинул дротик. Но не попал.

Другой ублюдок обрушил на парня дубину, усеянную ржавыми гвоздями, но младший правнук успел поднырнуть под него, черканув бедро неприятеля лопатой, и сразу же с разворота рубанул его гладиусом по спине. Протяжно взыв, дикарь рухнул наземь. Другой абориген получил плашмя лопатой прямехонько в лоб. А в третьего Юл швырнул ногой лежащее возле кострища седло, тот, перекувыркнувшись, расшиб себе голову.

Убитый и два оглушенных соплеменника мгновенно остудили пыл нападающих. Образовав полукруг, рыча и изрыгая проклятия на каком-то странном, искаженном или, скорее, безграмотном языке, они начали медленно надвигаться на парня. Кто-то метнул дротик, но Юл успел отклониться.

Вдруг послышался крик Хоны. Она вскочила на лошадь, съездила ногой по морде дикарки, которая пыталась ее стащить с байка. Сзади к девушке подбежал бородатый увалень, замахнулся палицей. Еще немного и он обрушил бы дубину на круп лошади, но Юл успел метнуть боевую лопату, которая, бешено свистя, пролетела пол зала, и с чавкающим хлопом вошла в глотку дикаря. Тот, издав сиплый звук, уронив себе на темя палицу, упал.

Хона, бросив тревожный взгляд на Юла, пришпорила лошадь и поскакала к выходу. Ее попытались схватить два аборигена, но она их с легкостью сшибла. Вторая лошадь помчалась следом, и, казалось, вот-вот покинет стены баггерского храма, однако прилетевшее неизвестно откуда копье вонзилось в шею несчастного животного, и оно, жалобно заржав, рухнуло возле самого выхода. Байк пытался встать, но копыта его беспомощно скользили по захлавленной плитке. Наконец, бородатый дикарь подбежал и трижды опустил дубину на голову лошади, и та навсегда замерла. По полу начала медленно растекаться густая бардовая лужа.

"Вот и все", — сердце Юла будто провалилось в бездну. Он остался один на один с дикарями. Хорошо, хоть Хона успела удрать...

Аборигены, почувствовав на себе боевое искусство парня, не решались перейти в наступление. Они размахивали палками, дротиками, дубинами, рычали, плевались, но никто не хотел жертвовать собой.

Наконец, женщина с обвисшими, высушенными грудями и с перекошенной от ярости, разукрашенной в три цвета рожей, бешено тараща налитые кровью глаза, ринулась на Юла. Она была вооружена только заостренным камнем. Не рассчитав прыжок, женщина напоролась на выставленный вперед гладиус. Остальная дикарская масса тут же пришла в движение. Парень не смог вытащить меч из аборигенки, зато она закрыла его от нескольких дротиков. Юл, потеряв равновесие, повалился вместе с мертвым телом, тут же вскочил на ноги. Уже без гладиуса. Увернувшись от очередного дротика, отпрянул на три шага, споткнулся, снова упал. Врезал кому-то промеж ног, и тут же новый дротик, зацепив ушибленное плечо, рассек его и отскочил куда-то в сторону. Юл закричал, попытался отползти, но уперся в стену. Над ним навис узколобый гигант с массивными челюстями, в маленьких глазках которого пылала тупая злоба. Он занес над парнем огромную дубину.

— Нет! — внезапно послышался окрик. — Нет, Валуй! Еда много! Эта еда потом. Еда убить — еда гнить!

Громила недовольно зарычал, затем открыв зубатую пасть, исторгнул:

— Ну, Милон!

— Нет! Милон сказать: нет! Еда убить — еда гнить!

Разочарованный великан с размаху вмазал по стене палицей. Каменное крошево и пыль посыпались на голову Юла. Перед ним предстал толстомордый рыжеволосый дикарь. Тот самый, который первым метнул в парня дротик.

— Нелюдь! — рявкнул он. — Нелюдь убить три реальные людя Думдума! Теперь они еда! Людя Думдума убить зверь-четыре-копыта. Теперь зверь-четыре-копыта еда. Людя Думдума убить тебя потом. Нелюдь будет еда потом. — Рыжеволосый ткнул пальцем в парня и проревел. — Связать!!! И идти за Милон!

К Юлу тут же подбежали две дикарки, одна из которых крепко схватила парня за пораненное плечо. Острая боль пронзила младшего правнука, и он, лишаясь сознания, услышал повторную команду дикаря:

— Идти за Милон!!!

Гексаграмма 17 (Суй) — Следование

Рано или поздно рассеется любой туман

Как и опасался Вир Златорукий, байкеры сбились со следа. Они пошли прямо на юг. По всем расчетам беглецы должны были следовать в этом же направлении, но только восточнее.

Вечером первого дня похода поднялся ураганный ветер. Кочевники разбили лагерь с

подветренной стороны небольшого холма, развели несколько костерков. Всю ночь сквозь шум бушующей стихии прорывался протяжный, полный нескончаемой тоски вой. Юные воины жались к огню, тревожно вглядываясь в беспросветную тьму. Байкеры старшего возраста спокойно поглощали кровяную колбасу, запивая ее можжевельниковой водой. Байки, сгрудившиеся неподалеку, вели себя беспокойно, то и дело всхрапывали, испуганно ржали. Вир Златорукий успокаивал юных соплеменников, утверждая, что опасность лагерю не угрожает. Судя по всему, были не волки и не дикие псы, а вердоги. Отродья степных кошмаров, звери чрезвычайно коварные, при охоте действующие на удивление слаженно, иные особи были столь же умны, как люди. И именно это обстоятельство обеспечивало безопасность ночному становищу. Животные прекрасно знали, кто такие байкеры. И если на одного, на двоих, на троих они могли бы устроить жестокую охоту, то связываться с тридцатью пятью бойцами сметливые твари не пожелают. Однако далеко не все верили Виру, ведь черные вердоги умели обездвиживать одним только взглядом, и если подобный зверь попадался на пути, то сражаться с ним стоило, не смотря ему в глаза.

Это очень тревожило Ури, ведь Хона, его маленькая девочка, и двуличный говнюк с дурацким бабьим погонялом могли стать жертвами кровожадных вердогов. Сопляка и не жалко вовсе, но дочура... любимая единственная дочура... поневоле вместе с дремой приходят старые легенды...

На востоке, в нескольких переходах от владений байкеров стоял самый запретный среди всех городов, родина клана Хандредов. Мертвые Новочек, Шахты, Ростов, Калитва и Таган были раем по сравнению с ним. До Великой гибели там находился Замок Смерти, и величали его Аэсом. Древние владели тайным колдовством. Они умели извлекать из смерти чудесный огонь. К замку были подведены стальные канаты, по которым сияние и жар шли в города, и ночью было светло как днем, а зимой дома согревались без печей и костров. Когда разгневанный Харлей Изначальный наслал болезнь безумия на баггеров и кеглей, некому стало следить за Аэсом. Чудесный огонь вырвался из проводов и из-за стен замка и поразил людей мором испепеления, иначе называемом лучевой болезнью. А еще из Аэса вышла адская шлюха Радиация, у которой между ног пылала неугасимая похоть. Она сходилась со всякой зараженной болезнью безумия тварью и зачинала от всех зверей и людей, но все никак не могла утолить свой неисчерпаемый голод, пока, наконец, Харлей Изначальный не спустился с небес, и не ударил ее копытом. Радиация упала в реку и, умирая, обмочилась и загрязнила своей скверной воды. С тех пор река получила название Пагубь, а земли за ней — Запагубье.

Но даже мертвой адская шлюха творила зло. Из ее чрева вышли твари. Демы появились от случки Радиации с летучими мышами, леопоны — с котами и рысями, вердоги — с собаками, хорсаты — с лошадьми, угрени — с рыбами, а аэсы, названные в честь Замка Смерти — с людьми из баггеров.

С тех пор прошел век, и твари, рожденные в дни Великой гибели, расплодились и разошлись по всей бескрайней степи, напоминая смертным о скорби прошлых лет...

Дрема Ури прервалась с первыми лучами солнца. Что-то потревожило его беспокойный сон. Стоял густой туман. Совсем рядом кто-то шуршал травой. Еще не отдавая отчет в собственных действиях, предводитель схватился за секиру.

— Тише, — вождь услышал знакомый голос.

Из тумана выплыла фигура Вира Златорукого. Седые волосы его были заплетены в косу, а в глазах читалась строгая решимость.

— Баггерхелл, когда же я выплыву! — проворчал Ури.

— Знаешь, о чем я подумал? — прошептал кастомайзер, присаживаясь на корточки. —

Твоя дочь могла уйти в Новочек.

— Глупости, — крихтя, Ури сел, — это запретный город. А дочура рвется за Пагубь.

— Да, — согласился Вир, — но ты не забывай, что ее напарник очень смекалистый малый, я это понял еще на байкфесте, и он вполне может предложить ей переждать погоню. Ведь мы никогда не пошли бы в город. Просто поставь нас на их место.

— Там ведь свирепствовала болезнь...

— Свирепствовала, — не стал отрицать кастомайзер, — но если убрать предрассудки, то в городе может быть даже безопасней, чем в степи.

— Наши предания ты называешь предрассудками? — президент покачал головой. — Вир, ты знаешь, как я тебя уважаю, но иногда ты перегибаешь палку.

— Знаю, — кастомайзер кивнул, — только, если бы я не перегибал палку, я не выжил бы в плену у выроdkов-аэсов, а они меня почитали за великого бога Ингодвитраста.

Туман вдруг разразился смехом.

— Да, Вир, все знают, как тебе пришлось сношать девственниц-уродок, которых к тебе приводили со всего Запагубья, — это был голос Непа Дальнозоркого, президента клана Вампиров, — после такого с тобой ни одна байкерша не захотела разделить ложе, кроме Чезеты. Но она всегда была чокнутой.

— Тебе, Неп, просто неведомо такое понятие, как любовь, — угрюмо проворчал кастомайзер.

— Да, конечно, любовь, — из марева показался смеющейся худолицый байкер с острой бородкой и столь же острым взглядом, — любовь, что же еще...

— Я рад, что у тебя хорошее настроение, Неп, — сказал Ури.

— Только боюсь, я могу испортить твое, — главарь Вампиров присел на корточки сзади Вира и, схватив его за плечи, взглянул на президента Дэнджеров:

— Я гляжу, наш великий осеменитель подговаривает тебя отправиться в Новочек, только наша цель не запретный город, а аэсы. И я против того, чтобы сходить с пути.

— Верно, наша цель — Запагубье, — кастомайзер высвободился из объятий Непы, — но ты сам подумай, три клана из семи, в том числе и твой, родом из Новочека, неужели тебе, президенту Вампиров, не любопытно посетить родину предков. Запагубье — запретное место, но мы туда периодически набегаем, так чем же хуже любой из городов?

— Брось Вир, — Неп засмеялся, — твои уловки на меня не действуют, мы идем на юг, не сворачивая, ибо это наша цель.

— Поход в город тоже можно посчитать за подвиг.

— Мне, моему клану, да и всем остальным не нужен такой подвиг...

— Тогда решим голосованием, — подвел итог Ури, поднимаясь с походной шкуры, — если мемберы проголосуют за Новочек, пойдем на Новочек, проголосуют за Пагубь, значит — прямиком на Пагубь.

— Это не по правилам, — воспротивился Неп, — ты не имеешь право ставить на голосование этот вопрос. Ты сейчас исполняешь волю небесного стального коня Харлея Изначального, и демократия тут неуместна!

— Какое архаичное слово "демократия", — заметил Вир.

— Что такое "архаичное"? — одновременно спросили президенты.

— Неважно, — Вир заговорщицки посмотрел сперва на одного, затем на другого

главаря, — я могу предложить компромисс. Неп, ты ведь пошел в поход не только во имя подвига, но и ради чаши Скальпеля Косноязычного, ведь так?

— Я не...

— Постой, не спеши отрицать, чаша — это великая реликвия...

— Что такое "реликвия"? — задали вопрос главари.

— Неважно, — Вир перешел на шепот, — важно другое, если мальчишку убьет или захватит в плен кто-либо из клана Вампиров, то чаша достанется клану Вампиров. Понимаешь, Неп, свою выгоду?

Неп ухмыльнулся.

— Вот и я о том же, — воодушевился Вир Златорукий, — вреда от заезда в Новочек никому не будет.

Предводитель клана Вампиров поднялся и произнес:

— Хорошо. Туман рассеивается и нам пора выдвигаться в путь. Заедем в Новочек, вреда от этого я не вижу.

Когда Неп ушел, Вир шепнул на ухо Ури:

— А говорил, мои уловки на него не действуют.

Байкеры расхохотались.

— В любом случае я первым удавлю щенка. Так что вреда от твоих посулов и я не вижу, — сказал Урал Громopodobный.

Гексаграмма 18 (Гу) — Вред

Чтобы изменить грядущее, иногда достаточно разобраться в прошлом

Первое, что услышал Юл, когда очнулся — это треск горящих поленьев. Парень дернулся и понял, что руки у него связаны за спиной. Открыв глаза, он сел резким рывком. Тут же стрельнуло в плечо. Впрочем, рана, нанесенная дротиком, была несерьезна. По крайней мере, кровотечение отсутствовало.

Младший правнук последнего предка обнаружил себя возле валуна на просторной площадке, в центре которой стоял громадный котел, а под ним пылал костер. Несколько каннибалов разделявали ржавыми ножами туши убитых соплеменников и лошади. Срезая мясо с костей животного и людей, они кидали его на расстеленную серую кожу. Сморщенная старуха с отвратительно длинным носом, плотоядно облизывая губы, выбирала куски пожирней и бросала их в котел. К ней подбежал совершенно голый, пузатый мальш, дернул ее за грязные космы неопределенного цвета.

— Дай, дай, дай! — затараторил он.

— Отлезь! — буркнула старуха.

— Дай, дай, дай! — заскулил ребенок.

Старуха, недовольно ухнула, взяла маленький кусочек мяса, человеческого или конского, Юл определить не мог, да и не очень-то хотелось, засунула его в морщинистый рот, пожевала и, сплюнув, отдала малышу. Тот, радостно завизжав, принялся грызть лакомство.

— Отлезь! — прикрикнула старуха.

Повеселевший ребенок убежал.

Юл ощутил на языке горький привкус. Он закрыл глаза, чтобы его не стошнило. Так он, опершись спиной на большой валун, сидел до тех пор, пока громкий голос не заставил его вздрогнуть. Парень открыл глаза и увидел рыжеволосого вождя. Боевая раскраска с его морды была смыта, но от этого рожа выглядела еще более отвратительно, она была похожа

на раздутую перезрелую дыню, изъеденную паразитами. Главный людоед, держа в руках трофейные гладиус и лопату, подслеповато щурясь, стоял чуть поодаль от котла, вокруг которого расселись обмотанные набедренными повязками мужчины, женщины и дети. Детей было заметно меньше.

Юл медленно поворачивал кистями рук. Связан он оказался некрепко. Это обнадеживало. Парень принялся потихоньку тереть веревки, сделанные, по всей видимости, из жил животного, о выступ на валуне, который он случайно нащупал.

— Реальные людя Думдума! — закричал рыжий главарь. — Милон реальный скипер Думдума говорить как бог-птица-два-голова! Бог-птица-два-голова дать много еда! Бог-птица-два-голова дать зверь-четыре-копыта. Зверь-четыре-копыта кончиться, реальные людя Думдума кушать нелюдь, — каннибал ткнул пальцем в сторону Юла.

— Нелюдь не любить традиция! Нелюдь ездить зверь-четыре-копыта, — продолжил увещевать каннибал. — Нелюдь не любить традиция! Нелюдь ходить много одежда. Нелюдь не любить традиция! Нелюдь ходить закрытый нога! Нелюдь не уважать традиция! Нелюдь надо кушать! Кушать нелюдя быть традиция реальные людя Думдума! Так хотеть бог-птица-два-голова!

Юл внимательно вслушивался в слова людоеда. Это был человеческий (дед Олег называл его русским), но только примитизированный язык. Парень знал в общих чертах грамматику. Имел представление о существительных, глаголах, подлежащих, сказуемых, простых и сложных предложениях. Последний предок учил правнука многому, что казалось жителям Забытой деревни бесполезным и даже вредным. Юл вдруг понял: дикари почти не использовали склонение и спряжение. Теперь смысл сказанного вождем становился ясным. Как это часто бывало, любопытство одолело страх, и юноша, продолжая рефлекторно тереть веревки о выступ на валуне, забыл на время, что его жизнь висит на волоске.

— Людя Думдума уважать традиция! И остаться единственный людь! Остальные остаться нелюдя! Остальные умирать! Людя Думдума четыре сотня и половина прийти здесь и жить. Людя Думдума кушать нелюдя! Так хотеть бог-птица-два-голова!

Главный каннибал, войдя в раж, размахивая гладиусом и лопатой, перешел на визгливый ор, и Юл не сразу услышал шепот:

— Эй... э-э-э-й...

Парень прислушался. Кажется, с другой стороны валуна кто-то настойчиво звал его.

— Эй... э-э-э-й... это я...

— Хона! — неожиданно для самого себя произнес Юл.

— Тс-с-с!

Парень опасливо посмотрел на дикарей, но те с открытыми ртами слушали речь бесноватого рыжего полудурка. По правде сказать, тот факт, что байкерша пришла к нему на выручку, обрадовал парня, но в то же время и обеспокоил. Ее ведь могут схватить.

— Если ты прямо сейчас вскочишь и убежишь за камень, я быстро перережу веревки, и мы успеем сбежать...

— Нет, Хона, это опасно, — вполголоса ответил Юл, — уходи, я сам как-нибудь!

— Перестань препираться и слушай меня!

Парень хотел повторить свой отказ, но, как назло, вождь людоедов внезапно угомонился, перестал активно жестикулировать и скомандовал:

— Яра, давай еда!

Старуха, та самая, что недавно кормила жеваной кониной или, быть может,

человечиной ребятенка, схватила рогатину, помешала содержимое котла и поддев кусок недоваренного мяса, выплеснула его на землю. Узколобый гигант поднялся и потянул руку к пище.

— Валуй, нет! — закричал главварь. — Отдать нелюдь! Нелюдь кушать! Нелюдь нехудой, когда его кушать!

— Ну, Милон! — недовольно протянул гигант.

— Валуй! — взвизгнул главный каннибал. — Валуй спорить, Валуй кушать последний! Валуй кушать после женщины!

Гигант зло зарычал и врезал палицей оземь, подняв столб тяжелой пыли, затем схватил кусок полусырого мяса и направился к Юлу. Глаза людоеда пылали яростным огнем, массивная челюсть совершала произвольные жевательные движения, ноздри с бешеным свистом вдыхали и выдыхали теплый воздух. И тут сердце парня по-настоящему посетил не страх, а самый натуральный и беспросветный ужас. И благодаря именно этому ужасу в его голове молниеносно созрел план действий.

Гексаграмма 19 (Линь) — Посещение
Находясь на вершине, действуйте!

— Что скажешь, Вир? — спросил Ури.

Кастомайзер, оторвав ладонь от травы, поднялся с корточек, вскочил на лошадь.

— Они прошли здесь, — медленно произнес он, и указал в сторону мертвого города, чем-то схожего с широким невысоким холмом, который словно засохшая язва бугрился на теле великой степи, — ушли к Новочеку. Скакали галопом.

— Галопом? — встревожился президент. — За ними кто-то гнался?

— Не похоже, — задумчиво сказал Вир, — других следов не видно... они... просто скакали. Может, мчались наперегонки, кто быстрее. Они ведь оба совсем еще зеленые, могли и порезвиться...

— Порезвиться! — сжав кулак, Ури ударил себя по бедру. — Моя дочура, моя кроха, резвится с каким-то говнюком с бабским именем!

Сзади послышался смех. Предводитель Дэнджеров обернулся. Неп Дальнозоркий лукаво щурясь, даже не думал скрывать свой сарказм. Остальные кочевники притворились глухими.

— Я просто сделал самое вероятное предположение, — Вир виновато улыбнулся.

— Ладно, вперед! — проворчал Ури и подстегнул байка.

Отряд двинулся к городу, однако вскоре остановился. Маленькая речка преграждала им дорогу. Во времена дедов и прадедов и еще раньше, до Великой гибели она была полноводней, а теперь высохла. Речка не представляла собой значительную преграду, ее ничего не стоило пересечь вброд в любом месте, но она отделяла мир живых от мира мертвых. Байкеры смело ходили за Пагубь, в края, населенные вырожденками-аэсами, однако города посещать не смели. Память об ужасе, наводнившем обитель больших каменных домов, передавалась из поколения в поколение. Матери рассказывали своим детям страшные легенды. Обезумевшие люди нападали на все, что движется, поедали живую плоть еще не умерших жертв. Других обуревала похоть, и они стремились совокупляться до тех пор, пока не обессиливали. Третьих накрывала черная тоска, они ложились и застывали как статуи, не желая принимать пищу, безропотно ждали смерти. Четвертые кончали суицидом, прыгали с высоких домов-скал, резали себе глотки и вены, бились о стены до тех пор, пока мозги не вылезали наружу. И лишь немногим удалось спастись, уйти из проклятых мест, затеряться в

великой степи, чтобы больше никогда не возвращаться в города.

— Первый, кто пересечет реку, навлечет проклятие на себя и своих потомков, — тихо прошептал Рекс Неустрашимый, опухоль с его лица сошла, однако вокруг левого глаза по-прежнему чернел синяк. — В судьбоносных балладах сказано, что город — это двуликий зверь, днем он открывает дверь, а ночью становится врагом, в городах прячутся стаи волков...

— Мне бабка то же самое говорила, — юный шатен Дукат Великолепный испуганно зыркнул на Рекса.

— Йенг мне в глотку, — сказал владелец роскошных усов Крайд, — а ведь дочура-то у Ури с яйцами, не зассала.

— Да и кегль тоже отважный малый, хоть и с бабским погонялом, — заметил лысый Иж, — может, его стоит принять в шустрилы?

— Какой шустрила! — сняв с головы шлем, возмутился патлатый и небритый Кавасаки Стальной. — Он мой раб! Я выиграл его на скачках! Когда я его найду, я отрежу ему ухо. И йенг тоже.

— Встань в очередь, — буркнул Ури.

— Я могу признаться, — заметил Вир Златорукий, — когда я сбежал от выроdkов, я одно время прятался в городке, который мне попался по пути. Никакого проклятия на себе я не ощущаю. И абрикосы там вкусные.

— Разве что теперь тобой брезгают женщины, кроме чокнутой Чезеты, — Неп Дальнозоркий расхохотался и следом за ним засмеялись несколько байкеров. — Так или иначе, а кто-то должен первым пересечь черту. Посетить обитель мертвых.

Ури задумался. Руки сами собой достали из кармашка на седле желтую книжицу. Ту самую, которую беглый кегль назвал путеводителем судьбы. Президент открыл ее наугад и с трудом прочитал вслух:

— На... нахо... находясь на... на... верш-ш-ш... ине... дей... действуй... вуйте... ага, находясь на вершине, действуйте...

Вдруг Ява Бесноватая, издав гортанный крик, выхватив акинак и пришпорив байка, поскакала к речке. Очень быстро она переправилась через нее и оказалась на другом берегу.

— Или волки или мы! — прокричала она. — Здесь для слабых места нет!

— Лучше действовать, чем созерцать, — сказал Вир Златорукий и поехал к отважной кочевнице.

— Раскачаем мир! — воины проревели древний клич, оставленный им от предков, и устремились к реке следом за женщиной-воином и кастомайзером.

Ури стало неловко, что он оказался последним. Президент спешно спрятал книжицу в кармашек и поскакал.

Гексаграмма 20 (Гуань) — Созерцание

Когда нельзя выиграть битву, можно попробовать выиграть время

— Кушать, — прорычал великан Валуй, тыкая Юлу в нос недоваренным куском человечины, — Милон сказать нелюдь кушать.

От противного запаха парня чуть не стошнило, но, сосредоточившись на собственном ужасе, он сдержался. Сейчас нужно было вступить в вербальный контакт с дикарем на понятном ему языке. Юл, прикрыв веки, строил перед мысленным взором предложения на людоедском языке.

— Я не... Я не мочь есть... Я не мочь есть со связанный рука...

Каннибал выдохнул гортанное недоумение. Юл осмелился открыть глаза. Дымящийся буро-розовый кусок мяса издавал сладковато-тошнотворный запах.

— Кто быть я? — спросил Валуй.

Парень перевел взгляд с недоваренной человечины на массивную челюсть дикаря, а затем на котел, возле которого столпились людоеды. Они были поглощены дележом пищи, и потому вряд ли обратят внимание на приватный разговор.

— Кто быть я? — повторил вопрос Валуй.

— Ты быть Валуй.

— Кто быть ты?

— Я быть я.

— Валуй не быть ты. Вылуй не быть я. Валуй быть Валуй.

Юл вдруг осознал, чего не понимает здоровяк. Каннибалы не вели речь от первого лица. Вождь по отношению к себе использовал свое имя: "Милон", а не "я". Дикари вообще почти не употребляли местоимений.

— Я быть нелюдь, — дал пояснение парень. — Нелюдь не мочь кушать связанный рука.

— Валуй кормить нелюдь, — от слов гиганта у парня заиндевел затылок.

Юлу вдруг почудилось шевеление за валуном, он испугался, что Хона выдаст себя и затараторил:

— Валуй кушать еда. Валуй сильный. Валуй должен быть... должен быть скипер людя Думдума. Милон не уважать традиция. Милон давать еда Валуй после женщины. Милон не уважать традиция. Милон ходить с большой нож и... и... — парень зажмурился пытаясь сообразить, как может звучать на примитивном языке малая боевая лопата, — палка-широкий-нож-на-палка. Кто уважать традиция, ходить с камень, а не металл-нож. Милон не уважать традиция. Валуй уважать традиция. Валуй ходить большая дубина. Валуй скипер людя Думдума. Так хотеть бог-птица-два-голова.

Громила на мгновение замер, затем наклонившись и обдав смрадным дыханием юношу, грозно рыкнул:

— Милон нарушать традиция?

Глаза каннибала исторгали нечто запредельно звериное, давно уже забытое, а потому и совершенно непонятное простому человеку, выросшему среди мирных землепашцев и животноводов. Подмышки Юла мгновенно вспотели. От острого запаха изо рта людоеда живот передернуло спазмом.

— Да... — с трудом выдохнул парень.

Ведь этот увалень может решить, что нелюдь оскорбил вождя, а в его лице дурацкую птицу-два-голова. Вот возьмет сейчас и отгрызет нос или учинит что-нибудь вроде этого, что-нибудь неопишимо страшное...

— Валуй должен кушать еда раньше женщины? — прохрипел дикарь, забрызгав слюной щеки парня.

— Да... — выдавил из себя Юл.

— Милон не уважать традиция? Милон ходить с большой нож?

— Не уважать, — подтвердил парень, — ходить!

Великан вдруг с легкостью, точно пушинку, подхватил парня, поставил его на ноги, отчего у Юла закружилась голова, и заныло пораненное плечо.

— Нелюдь-Я хорошо говорить, — сказал Валуй, — Нелюдь-Я говорить людя Думдума! Нелюдь-Я говорить Валуй не нарушать традиция. Нелюдь-Я говорить Милон нарушать

традиция!

— Я... я... — последний правнук от неожиданности замешкался, — говорить...

— Говорить! — прорычал каннибал и, нагнувшись, с легкостью разгрыз массивными челюстями веревки, которыми были связаны запястья юноши.

Гексаграмма 21 (Ши-хо) — Разгрызание

Глядя на грозу, не забывайте о солнце, которое скоро покажется из-за туч

Язык людоедов не отличался разнообразием, но парень вложил все свое красноречие, чтобы до убогих дикарей дошел смысл сказанного. В принципе, он говорил то же самое, что и Валую, но только еще более дерзко и вдохновенно. Юл очень волновался, и спина его была мокра от пота, однако лицо, жесты и голос выражали незыблемую уверенность. Младший правнук скорее интуитивно, нежели осознанно понимал, что малейшее проявление страха будет воспринято как слабость. И главное сейчас не смысл сказанного, а то, как это говорится. Впрочем, не только примитивные вырожденцы, но и жители Забытой деревни, воспринимали информацию чем угодно, но не головой.

Морды обитателей мертвого города кривились в недоумении, и парень начинал опасаться, как бы на него не набросились, но здоровяк Валуй, стоявший рядом с устрашающего размера дубиной, придавал храбрости. Наконец, когда Юл прокричал: "Милон нарушать традиция! Милон не любить бог-птица-два-голова!", рыжий вождь с диким криком метнул в парня малую боевую лопату. Но, как обычно, промахнулся. Предводитель каннибалов был подслеповат. Лопата резво просвистела около уха младшего правнука и со звоном срикошетила от валуна. Юл машинально поднял ее.

Раскрасневшийся Милон, зарычал и, сорвавшись на визг, ринулся в атаку с трофейным гладиусом наголо. Что случилось дальше, впоследствии юноша так и не смог понять. Внутри головы отрывисто щелкнуло, и мир преобразился. Воздух налился густой яростью. Но густота эта являлась преградой лишь для нападающего людоеда. Юл же в измененном пространстве скользил с неподражаемой легкостью. Он без особого труда отвел удар каннибала, поднырнул под него, и с разворота рубанул сверху. Остро заточенный стальной лоток с хрустом вошел в темя Милона, точно в созревший арбуз, разрубив голову почти надвое. Вождь начал оседать, а парень потянул черенок на себя. Милон упал на колени, его рыжая копна волос окрасилась в бурое. Парень уперся ногой в спину каннибала и выдернул лопату, вымазанную мозгами и кровью. Тело, живое и яростное еще несколько мгновений назад, гулко повалилось, заливая землю и камни багровыми кляксами.

Гробовая тишина накрыла площадь. Морды аборигенов вытянулись от удивления и ужаса. Пауза длилась целую вечность. Наконец, старуха Яра, та самая носатая уродина, которая кормила детеныша человечинкой, завизжала:

— Нелюдь убить Милон!

Толпа взревела. Юл бросил быстрый взгляд на Валую, надеясь найти у того поддержку своим действиям. Но вместо этого он увидел наливающиеся кровью глаза и зло играющие на скулах желваки. Рука, в которой гигант держал дубину, напряглась. Народ племени Думдума утратил нормальную человеческую речь, позабыл все технологии, и даже чурался их, опасаясь "нарушать традиция", но интриговать, пускай и подсознательно, не разучился. Валую Юл больше был не нужен. Валуй теперь станет новым вождем. Эта мысль молниеносным озарением вспыхнула в мозгу парня, и он, больше не думая, нанес упреждающий удар, в прыжке рассек малой боевой лопатой горло громилы, из которого хлынула красная струя. Здоровяк выронил дубину. Младший правнук произвел резкий тычок

в пах каннибалу и, не дожидаясь пока тот рухнет, схватил гладиус и бросился наутек.

Толпа вновь взревела и пришла в движение. Из-за валуна выскочила Хона.

— За мной! — прокричала она и понеслась впереди парня.

Юл бежал за девушкой, не оглядываясь. Они петляли в каких-то проулках, выскакивали на широкие улицы, поросшие кустарником, и тут же вновь ныряли в рощицы между высокими домами-коробками с множеством окон без стекол. Сзади слышались крики людоедов. Дважды дротики падали совсем рядом с Юлом, но парень нёсся на всех парах, не оборачиваясь. Сердце готово было выскочить наружу. Казалось, каннибалы вот-вот нагонят беглецов.

Сколько времени продолжалась эта гонка — неизвестно. Младший правнук уже отчаялся оторваться от упырей племени Думдума, когда Хона, а следом за ней и он выскочили на открытую местность, где к деревцу был привязан байк. Девушка быстро отвязала поводья, вскочила на лошадь.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Что уставился! — проорала она. — Запрыгивай, давай!

У Юла в одной руке была боевая лопата, в другой — гладиус, ножны людоеды у него отняли, и вложить оружие было некуда.

— Подержи, — сказал парень, отдавая Хоне гладиус.

Он попытался запрыгнуть на круп байка, но, соскользнув, растянулся во весь рост.

— Баггерхелл! — выругалась девушка. — Давай скорей!

Юл быстро поднялся и сделал вторую попытку оседлать байка. Снова неудачно. Правда, на этот раз он приземлился на ноги, а не на спину.

— Кегль чахоточный! — проорала Хона. — Из тебя даже нажопник никакой!

С третьего раза Юл сумел залезть на лошадь. К этому моменту на пустырь уже выскочили несколько дикарей. Впереди всех мчалась грязнолицая людоедка с залысинами на черепе. Прокричав нечленораздельный клич, она бросилась к наездникам. Хона осуществила резкий выпад гладиусом, и острое клинка вонзилось прямо в разинутую пасть дикарки.

— Чоп! Чоп! — девушка подстегнула байка, и тот сорвался с места.

Рядом просвистел дротик, за ним второй и третий. Однако расстояние между беглецами и людоедами быстро увеличивалось. Сзади слышались возгласы, преисполненные бессильной злобы и разочарования. Впрочем, подумалось Юлу, едой каннибалы обеспечены: Валуй, Милон, дикарка, которую проткнула Хона, все они пойдут в котел, и маленький каннибал будет требовать у сморщенной старухи очередной кусочек свежей человечинки и с радостью будет обгрызать плохо сваренный палец рыжеволосого вождя...

Проскакав несколько проулков, парень и девушка оказались возле рощицы, внутрь которой вела узкая тропа. Они поехали по ней. Ветки то и дело били Юла по раненному плечу, царапали лицо. Но младший правнук терпел. Внезапно они оказались на открытой местности. Вечерело. Солнце клонилось к закату, но, несмотря на это, после темноты зарослей глаза неприятно резало.

Впереди была речка шириной шагов в тридцать, а за ней — седая степь, уходящая в бесконечную даль. Это цвел ковыль.

— Мы переправимся через реку и потом, до наступления темноты, должны пройти как можно дальше на юг... — произнесла Хона, когда копыта лошади коснулись воды. — И я тебе должна сказать кое-что важное.

— Хорошо, — согласился Юл, — созерцая пышное убранство степи, белой невесты, готовящейся к встрече с жарким и иссушающим летом.

Гексаграмма 22 (Би) — Убранство

Труднее всего быть честным с самим собой

Беглецы прошли не более трех тысяч шагов, когда оказались возле заброшенного поселка. Многие дома были скрыты зарослями, а деревья росли прямо внутри зданий, пробив мощными стволами обветшавшие крыши. Ночь надвигалась стремительно, и парень и девушка решили заночевать в вымершей деревне, расположенной недалеко от речки, той самой, которую, видимо, они недавно пересекли, поскольку русло петляло по местности причудливыми зигзагами. Хона выбрала самый большой и красивый двухэтажный дом с хозяйственной пристройкой в виде сарая, безусловно возведенный еще до Великой гибели. Дом был сделан из кирпича и огражден каменным забором в полтора человеческого роста. Из забора торчали ржавые пики длиной с половину локтя. Ворота давно уже сгнили или, возможно, были выбиты, и спутники без труда заехали внутрь. Во дворе росло четыре дерева, множество побегов от них и несколько кустарников. Травы здесь тоже было достаточно для того, чтобы насытить лошадь.

Беглецы спешили. Юл осмотрелся. Здание очень сильно напоминало ему родную обитель, где жил дед Олег. В груди защемило что-то тоскливое, отдающее роковой безысходностью. Правда, дом находился в жутком запустении, двор зарос бурьяном, почти все окна были без стекол. Рамы оказались сделанными не из дерева, а из какого-то странного серо-коричневого материала. Парень присмотрелся: когда-то, должно быть, он был белым, а теперь со временем потемнел. Гладкая, скользкая, твердая на ощупь рама не вызвала никаких ассоциаций. Юл предположил, что это пластик. Предки производили из него не только книги, не только канистры и бидоны, которые до сих пор верно служат жителям Забытой деревни, но и очень много разных вещей, о которых уже давным-давно никто не помнит.

— Надо завалить вход, — Хона прервала размышления парня.

— Может, в пристройке что-нибудь найдем, — предложил Юл.

В сарае с дырявой крышей и стенами, покрытыми многолетними лианами, дверей не имелось. Возле самого входа что-то серое вдруг рвануло резко вверх. Еще не понимая, что случилось, чисто рефлекторно парень метнул боевую лопату, срезав налету громоздкое нечто. Этим нечто оказалась самка фазана.

— Будет чем поужинать! — обрадовалась Хона. — А то у нас уже почти ничего не осталось.

— Здесь у нее кладка, — сказал младший правнук.

Байкерша подбежала к яйцам, взяла одно из них, внимательно рассмотрела и удовлетворенно произнесла:

— Недавно отложены, без зародышей.

В сарае беглецы обнаружили склад пластмассовых бидонов. На некоторых была выдавлена надпись: "Вода на продажу".

— Что здесь написано? — спросила Хона.

— Папа тебя не учил читать?

— Баггерхелл! — неожиданно вспыхнула девушка. — Проклятый кегль, я, кажется, вопрос задала!

— Ладно, ладно, успокойся, здесь написано: "Вода на продажу".

— Что?

— Вода на продажу...

— А что такое продажа?

Юл сам точно не знал значение этого слова, но пояснил, что это почти то же самое, что обмен. Гнев Хоны исчез так же быстро, как и возник. Она засмеялась:

— Как это, обмен на воду?.. ха-ха... обмен на воду возле реки!.. Теперь я понимаю, почему небесный стальной конь Харлей Изначальный наслал на них мор. Он не любит дураков! Интересно, на что они меняли воду: на свиней, уток или рабов, произошедших от бычьих и телок?

В отличие от байкерши, Юла озадачил не смысл надписи, а способ, которым она была нанесена на бидоны. В принципе на дереве можно вырезать любой рисунок, но как такое сделать на пластике? На пластике такое невозможно. Но ведь надпись есть, вот она.

— Чем можно перегородить вход? — Хона вывела из задумчивости парня.

— А нужно ли это? — спросил Юл.

И словно в ответ где-то вдали послышался заунывный, долгий, полный голодной тоски вой.

— Это вердог, — девушка перешла на шепот, — вернее, вердоги, отродья степных кошмаров. Если одинокий наездник случайно повстречается с ними, считай, что он мертв.

Повертев головой, младший правнук обнаружил длинные пластмассовые поддоны, на которых стояли бидоны для продажи воды.

— Перегородим вход этими штуками, — сказал он, — свяжем их лианами и прикрепим к пикам на стене и к чему-нибудь на земле. Защита, может, и не совсем надежная, но мы, по крайней мере, успеем услышать, если кто-то начнет к нам пробираться.

Спутники так и сделали. Баррикадирование входа они закончили с последними лучами солнца. Затем они направились в дом. В просторном помещении, которое, скорее всего, когда-то было гостиной, беглецы сложили костер из сухих веток. С помощью сена и кресала Юл разжег огонь. Хона тем временем ловко ошипала и распотрошила фазаниху.

После полуголодных дней жареная птица почудилась роскошным пиршеством. К тому же в кладке оказалось целых шестнадцать яиц, половину из которых парень и девушка выпили, остальное оставили на потом. Насытившись, Хона и Юл разговорились.

— Знаешь, — сказала девушка, — хоть Харлей Изначальный за дело наслал на людей мор, все же раньше умели классно строить. Этот дом, в котором мы сейчас, красивый, хоть и весь в траве. Ты видел, как кирпичи ровно сложены! И еще такими узорами сделаны, как бы такое убранство... не знаю, как сказать...

— Ты мне хотела сказать что-то важное, помнишь? — Юл вопросительно посмотрел на Хону.

Странно, в отблесках костра байкерша не казалась наглой и надменной. Куда-то исчезла ее бравада, желание ничем не уступать взрослым кочевникам. Сейчас она выглядела хрупкой, немного печальной, но по-прежнему очаровательной. Словно Хона только что открылась по-новому, показала другую сторону женской красоты, которая манит мужчину, но никогда не откроет до конца свои магнетические тайны.

— Да, — Хона тяжело вздохнула, вытащила из походной сумы бронзовую кружку с прахом прадеда Олега и бросила ее Юлу, — я подумала и решила... что ты свободен. Можешь идти, куда хочешь. Мне надоело все время следить за тобой. Завтра я поеду на юг. А ты отправляйся, куда глаза глядят. Или можешь даже в этом доме остаться. Переживешь лето

и пойдешь к своим, будешь им врать, как ты растворил в море последнего предка.

Наступила тишина, если не считать убаюкивающего потрескивания веток в костре. Глядя на языки пламени, Юл вдруг осознал, что не хочет расставаться с Хоной. Когда она называла его рабом, он жаждал избавиться из-под ее опеки, когда она освободила его, он возжелал остаться с ней. Можно было найти тысячи причин, почему так происходит, но парень не стал их искать. Он просто честно признался самому себе: девушка ему невероятно нравилась. Вот и весь ответ.

Завтра Хона продолжит свой путь на юг, к выродам. И разве можно отпускать ее одну?

— Я поеду с тобой, — сказал он тихо.

— Поедешь? — удивилась байкерша. — Почему?

Почему... отвечать не имело смысла. Как можно объяснить тысячью или пускай миллионом слов то, что происходит внутри тебя? Юл впервые встретился с подобной проблемой. Как это выразить. И он нашел способ.

Парень подсел к девушке и коснулся губами ее губ. Коснулся неумело, ибо никогда в жизни не целовал девчонок. Хона ответила на поцелуй, ответила нежно и страстно, дыхание ее участилось. Она, с затуманенным взглядом, коснулась щеки Юла, погладила ее, а потом вдруг резко оттолкнула парня.

— Я те йенг оттяпаю! — выпалила байкерша. — Думаешь, если я тебя освободила, то все можно?!

Младший правнук отодвинулся от юной воительницы на приличное расстояние и произнес:

— Я все равно поеду с тобой...

— У нас один байк на двоих, и если я захочу, я от тебя ускачу. Нужен ты мне больно!

— Так ты хочешь уехать без меня?

— Посмотрим, — хмыкнула байкерша, — спать ложись.

— Ответь мне...

— Отвали! Все, нам пора спать. И только попробуй до меня дотронуться, сам знаешь, что будет!

— Ты не ответила, — Юл упорствовал.

— Отвали, я сказала! Все, спим! Завтра рано вставать. И зачем я только с тобой вожусь, от тебя одно разорение.

Улыбнувшись, Юл прилег возле костра. Он поедет вместе с ней...

Гексаграмма 23 (Бо) — Разорение

И могучие дубы ломаются от ветра

В мертвом городе байкеры чувствовали себя неуверенно. Чрезвычайно медленно они продвигались по довольно-таки широкой улице, покрытой высокими травами. Вир Златорукий, Неп Дальнозоркий, Ява Бесноватая и еще несколько наездников ушли далеко вперед. Они искали следы Хоны и беглого раба с дурацким именем. Что и говорить, уйти в разведку в этом гиблом месте — поступок, достойный восхищения. Ведь дома древних, высокие многоэтажные клетки, частично закрытые деревьями, частично разрушенные, заставляли нервничать даже такого бывалого воина, как Урал Громоподобный.

— Зря мы сюда заехали, — сзади послышался шепот.

Президент Дэнджеров оглянулся. Это был юный номад из клана Вилсов Дукал Великолепный. Перепуганные глазища таращились из-под круглого шлема на стены, иссеченные огромными трещинами и покрытые вьюнами и лианами, на черные проемы

прямоугольных окон, в которых мерещились призрачные тени, на ветки, зловеще покачивающиеся на ветру.

Где-то пронзительно закричала птица. И ей тут же ответила другая. Заметно потемнело. Солнце клонилось к закату.

— Это проклятые места, — вновь прошептал Дукат, — Вилсы ушли из Новочека, чтобы никогда не возвращаться, и вот мы здесь накликаем беду на становища...

— Небесный Харлей, заткни свою поганую пасть! Своей трусостью ты призовешь души умерших от безумия! — проворчал род-капитан Рекс Неустрашимый, ехавший неподалеку. Синяк под глазом придавал ему вид зловещий и комичный одновременно.

Ури ухмыльнулся. Все-таки неплохо его приложил кегль. И как только Рекс не получил сотрясение? Пожалуй, Неп Дальнозоркий прав, сказав, что там просто нечему сотрясаться.

Словно в ответ на мысли Ури впереди показался разъезд, возглавляемый президентом клана Вампиров. Разведчики возвращались.

— Что там? — спросил Ури.

Вместо Непа Дальнозоркого ответил Вир Златорукий:

— Мы прошли огромную поляну, на которой растет шиповник, такие поляны раньше назывались площадями. Там стоит высокий дом с куполами. Мой отец говорил, что такие дома называли церквями и мечетями, храмами, помогающими держать бычье и телок в повиновении...

— Баггерхелл! Ты можешь говорить по существу! — рявкнул Ури.

— Прости. В купольном доме мы обнаружили следы борьбы. Скорее всего, прошлой ночью там перекапывались твоя дочь и Юл. Мы обнаружили след нападавших, и вышли к их становищу. Они нас не заметили. Это племя каких-то недоносков и, по-моему, они промышляют человечиною.

— Что?! — Ури почувствовал, как к щекам приливает кровь.

— Мы не видели там ни Хоны, ни беглого раба...

— Сколько их?

— Полагаю, — задумчиво произнес Вир, — вместе с женщинами и детьми шесть десятков или около того.

— Они тупые отродья мертвого города, они даже дозоры не выставляют, — вмешался в разговор Неп Дальнозоркий, — мы их перебьем в два счета. Какими бы страшными уродами они ни были, мы выкорчем эту мразь.

— Да, — согласился Рекс Неустрашимый, — согласно завету Харлея Изначального, всех потомков баггеров мы должны валить не раздумывая. А тот, кто ест человечину, может быть только баггером.

— Это вымирающее племя, — подтвердил Вир, — вырожденцы.

— А вдруг они не люди? — испуганно произнес Дукат. — Вдруг они неубиваемые духи-людоеды? Бабка мне о таких рассказывала...

— На твоём месте, — Неп, сощурившись, плотоядно засмеялся, — я бы беспокоился не о злых духах, а о своей любимой нажопнице. Пока ты здесь бред несешь, ее уже по десятому разу шпилят.

Юнец с только пробивающейся растительностью на лице, казалось, мгновенно забыл о всех своих страхах и схватился за акинак.

— Полегче, сопля! — сказал Неп, впрочем, беззлобно. — Ты только из шустрил выбился, а уже забываешься, кто перед тобой.

— Ты президент не моего клана! — с нажимом выдавил из себя Дукат. — И я волен вызвать тебя на бой!

Предводитель Вампиров засмеялся, а Ури рывкнул на парня:

— Какой еще бой? Что за дерьмо у тебя в башке! Хочешь подраться? Я сейчас предоставлю тебе такую возможность.

Главарь похода не обманул юного шатена. Байкеры без долгих обсуждений решили напасть на становище людоедов с налета. Они разделились на группы по восемь-десять всадников, и одновременно с четырех сторон ворвались в стан каннибалов. Боем это нельзя было назвать. Это было избиение.

Дикари, разделяющие человеческие туши возле костра: гиганта и толстяка с разрубленной почти надвое головой, видимо, готовились ко сну или, может, к каким-то ритуальным пляскам, и для них стало полной неожиданностью нападение байкеров.

Ури несся вперед, размахивая своей любимой секирой с остро заточенным обухом. Первой дикарке, попавшейся на пути, он лихо снес голову, да так, что та, плескаясь кровью, закатилась в костер. Истошно орущий каннибал метнул в предводителя Дэнджеров копье, которое лишь черкнуло по доспехам, не сумев пробить толстую просоленную кожу, к тому же покрытую шкурой угреня — мерзкого гигантского сома, обитающего в реке Пагубь. В следующий миг людоед-неудачник был разрублен от ключицы до копчика. Какой-то оборванец, по виду подросток, попался под лошадиные копыта и был затоптан. Байкеры никого не жалели: ни женщин, ни стариков, ни малых детей. Кочевники испытывали трансцендентный ужас перед теми, кто, живя в запретных местах, поедает себе подобных, и потому убивали жестоко и без оглядки. Дерево первобытного зла, выросшее на руинах мертвого города, следовало уничтожить под корень. Ури ощущал это каждой клеточкой своего организма и знал, что то же самое чувствует любой из его соратников.

Ява Бесноватая, спешившись, с остервенением перерезала горло визжащей, точно свинья под ножом мясника, плоскогрудой девахе. Авас Стальной снес цепной булавой полчерепа какому-то хлипкому недомерку. Юному Дукату повезло меньше всех, его сшиб огромной полусухой веткой рослый дикарь. Однако род-капитан клана Файеров, Рекс Неустрашимый успел выстрелить из арбалета. Болт вошел в правый глаз людоеда. Дукат поднялся, отделавшись испугом и ушибленным коленом.

Неп Дальнозоркий размахивая акинаком с диким, леденящим душу смехом преследовал улепетывающих к ближайшим многоэтажкам малолетних каннибалов. За ним следовала неразлучная парочка Иж и Крайд, истошно орущие что-то вроде: "Йенг вам всем в глотку!"

Остальные байкеры, опьяненные кровью недолудей, неистовствовали в боевом трансе. И только Вир Златорукий сохранял ледяное спокойствие. Спешившись, он поймал за длинные грязные локоны старуху с уродски длинным носом. Но не проткнул ее мечом, а потащил к костру.

— Как ты можешь прикасаться к этой вонючей суке? — скривившись, выдавил из себя Ури. — У нее на губах еще не засох человеческий жир.

— Он ее еще и отжахать может, — произнес, смеясь, подъехавший к костру Неп, — самками аэсов ведь не брезговал, когда прикидывался богом... как там он у них называется?

— Ингодвитраст, — сказал Вир без всякого выражения, — нам нужна информация.

— Что нужно? — спросил Ури. Слово ему показалось знакомым.

— Информация. То есть нам нужно узнать, что ей известно о твоей дочери и Юле.

Только сейчас Ури сообразил, что в пылу боя совсем забыл о "языке".

— Верно мыслишь, — сказал он, радуясь, что в походе оказался такой сметливый воин, умеющий контролировать себя.

— Как тебя зовут? — Вир заглянул в слезящиеся глаза людоедки.

— Думдума умирать, — старуха всхлипнула.

— Как тебя зовут? — медленно, почти по слогам повторил кастомайзер клана Дэнджеров.

— Людя Думдума умирать...

— Сраная старая шлюха! — взревел Ури и пнул пленницу пяткой в голову. — Отвечай, сука, где моя дочура?

— Яра, Яра, Яра... — залепетала носатая бабка.

— Что ты буровишь, тварь! Я сказал, отвечай...

Вир поднял вверх ладонь:

— Подожди, Ури... Тебя зовут Яра?

Старуха непонимающе завертела головой. Тогда Вир ткнул ее в грудь и произнес:

— Яра.

Людоедка кивнула.

— Вир, — кастомайзер указал на себя, — и Вир спрашивает Яру, не видела ли она парня и девушку. Не съели ли вы их?

— Что!!! — взревел Ури, но Златорукий вновь поднял ладонь в сторону президента и медленно повторил вопрос.

Старуха испуганно зыркала на байкеров и молчала. Вир терпеливо спросил третий раз, а затем и четвертый, и пятый.

Наконец, до людоедки дошел смысл и она забубнила:

— Людя Думдума кушать зверь-четыре-копыта, людя Думдума не кушать нелюдь. Нелюдь и жена-нелюдь убегать. Людя Думдума не поймать нелюдь.

— Куда они убежали?

Вир повторил дважды, прежде чем пленница махнула рукой в сторону юга.

— Когда?

— День-сегодня...

— Это гуд, — задумчиво произнес кастомайзер.

— Вир отпустить Яра? — жалобно промямлила старуха.

— Отпустить, — сказал Златорукий, — в баггерхелл...

Вывхватив нож, Вир ударил людоедку под левую грудь. Та, вострепнувшись, беззвучно рухнула в костер. Где-то в ночи послышался плаксивый детский крик:

— Баба!.. Баба!.. Баба!..

Даже у каннибалов есть чувства. Даже каннибалам жаль своих мертвых. Неп Дальнозоркий, бросив пронзительный взгляд в темноту, засмеялся:

— Баггерята, мы их так и не поймали. Ушли в кущери, а потом в окна древних домов, а сейчас их ловить нет никакого смысла.

— Нам нужно заночевать, — Вир Златорукий вытер нож о тряпье, которым были обмотаны ноги старухи, чей корпус уже охватывало жадное пламя, — без солнца мы не сможем напасть на след.

В нос предводителя Дэнджеров ударил отвратительный запах паленой человеческой кожи.

— Только не здесь, — сказал Ури, сморщившись, — вернемся на поляну с баггерским

храмом. Отсюда возьмем лишь угли, чтобы быстрее разжечь костер.

Гексаграмма 24 (Фу) — Возвращение

Самый короткий путь не всегда самый быстрый

Рано утром беглецы выпили по два фазаньих яйца и наскоро перекусили мясом, недоеденным прошлым вечером. Еще четыре яйца они оставили на потом. Порывшись в комнатах второго этажа, Юл обнаружил сумку в сносном состоянии, которая, конечно, не могла заменить его вещмешка, но, тем не менее, была вполне пригодна для походных нужд. К ней он привязал лианы, получился своеобразный рюкзак. Из лиан же парень наскоро сплел себе поножи для гладиуса.

Юл и Хона разбаррикидировали вход в особняк, оседлали байка и, набрав воды в реке, отправились на юг. Лошади было тяжело нести двух наездников, и потому они ехали медленно. Парень даже предложил идти пешком, на что получил язвительный ответ, что от этого он не перестанет быть нажопником.

Юла удивило то, что слова спутницы совсем его не обидели.

"Наверное, я к ней привыкаю", — подумал парень.

Впрочем, проехали они не более тысячи шагов. Хона вдруг резко дернула поводья, поднялась на стременах.

— Что такое? — спросил парень.

— Тихо! — шикнула она, вытянув шею, и внимательно оглядывая местность.

Юл посмотрел туда, куда смотрит Хона, но ничего такого не заметил. Тогда он прислушался, однако, кроме стрекотни насекомых, никаких посторонних звуков до его ушей не дошло. Он сделал вдох. Пахло цветущей степью. Утро еще не сменилось дневной жарой, и было прохладно. Мир да благодать, одним словом.

— Видишь темные и серые пятна? — Хона указала куда-то в степь. — Там, вдали, видишь?

— Нет...

— Они к нам приближаются... это вердоги, отродья степных кошмаров...

— Да не вижу я ничего...

— Неудивительно, ты ж безмозглый кегль!

— Слушай, давай без оскорблений, — предложил парень.

Произнес он это совершенно бесцветно, просто по инерции. Вспоминая демонов, Юл очень внимательно отнесся к словам напарницы.

— Они настигнут нас, — сказала Хона, — нужно возвращаться в тот дом, где мы ночевали.

— А как же Пагубь? Ты отказываешься от похода?

Девушка, не ответив, развернула и пришпорила лошадь. Байк тяжело поскакал. Юл периодически оглядывался, но по-прежнему не замечал никакой опасности.

"Может, она меня обманывает", — подумалось парню. Впрочем, вряд ли. Хона не из шутниц. Это, скорее, Юл мог бы разыграть ее.

Вскоре показались заросшие и полуразрушенные дома деревни. Проскакав по тропе, которая когда-то была улицей, наездники на всех парах ворвались во двор двухэтажного дома.

— Ты уверена, что за нами кто-то гонится? — парень прыгнул на землю.

— Заткнись! — проорала Хона, спешившись. — Закрываем проем! Быстрее! Быстрее, давай!

Парень и девушка схватили сплетенные друг с другом пластиковые поддоны, подтащили к входу и загородили его, принялись спешно связывать конструкцию со штырями на стене и деревцами.

— Этого мало! — выкрикнула Хона. — Нужно чем-нибудь завалить их. Чем-нибудь тяжелым!

Юл забежал в дом, нашел комнату, где по углам стоял различный ржавый хлам. Побежал к побуревшему ящику, предназначение которого для него оставалось загадкой. В длину и ширину ящик равнялся трем локтям, в высоту он был с человеческий рост и еще четверть. Упершись в стену, парень с грохотом свалил его, затем позвал Хону. Пыхтя и обливаясь потом, напарники выволокли ящик на улицу, затем подтащили его к заграждению, плотно притиснули к поддонам, побежали в дом за более мелкими предметами.

Они безостановочно наваливали рухлядь на поддоны, скрепленные лианами. Хону была тяжелая одышка, но она продолжала вытаскивать из дома металлическое барахло, имеющее хоть какой-нибудь вес. Юл следовал примеру девушки, хотя особого страха не испытывал.

И, наконец, после десятой или даже двенадцатой ходки, байкерша, подскочив к баррикаде, вдруг пронзительно взвизгнула, уронив проржавевшую до дыр толстую трубу. Выхватив гладиус, Юл бросился к напарнице и тоже замер. В щель между перекладинами поддонов скалилась черная, вытянутая в длину собачья морда. Сзади испугано заржала лошадь. Парень вздрогнул.

Пес глухо зарычал. Желтые глаза его сверкнули бешеной злобой. С клыков стекала вязкая слюна. Юл не мог отвести взгляда от зверя. Острые зубы, мощные челюсти, поджарые мышцы — животное являло собой безупречное орудие убийства.

— Не смотри! Не смотри на него! — Хона закрыла рукой лицо. — Черные вердоги умеют зачаровывать! Они отродья степных кошмаров!

Но Юл будто не слышал напарницу.

— Безупречно, — прошептал он, и гладиус в его руках задрожал.

Гексаграмма 25 (У-ван) — Безупречность

Лучшее наслаждение настоящим — знать, что лучшее еще впереди

— Нет! — взмолилась Хона. — Прошу, не смотри на него! Он приманит тебя!

Парень молча и медленно двинулся в сторону рычащего пса.

— Нет! Не надо! — байкерша схватила напарника за плечо трясущейся, слабеющей рукой, но, видимо, ужас был настолько силен, что пальцы сами собой разжались и сползли по руке юноши.

Парень сделал очередной шаг навстречу баррикаде, а Хона плаксиво залепетала:

— Умоляю, Юл, не надо! Спротивляйся, Юл, умоляю!

Пес зарычал громче и утробнее. В медных жестких глазах его пылали властное неистовство, неистребимый голод и беспощадная ярость. Он подзывал к себе жертву грозным рыком, который просто невозможно было послушаться.

— Юл... Юл, борись... — прошептала девушка, но голос ее был тих и немощен, а зов пса — свиреп и силен. Никакой надежды на спасение теперь не имелось.

Последний правнук подошел к щели, из которой торчали острые изогнутые клыки, нагнулся и вдруг сделал резкий выпад гладиусом. Морда исчезла, и за оградой послышался жалобный скулеж.

— Это всего лишь собака, только большая и сильная, — сказал парень, разогнувшись.

Хона, убрав руки от заплаканного лица, удивленно вытаращилась на напарника:

— Он что, не зачаровал тебя?

— Нет, зато теперь псина будет без одного глаза, — Юл пожал плечами. — Просто я подумал, почему именно черные собаки должны уметь гипнотизировать? А чем другие хуже? Это всего лишь страшилки. Все эти демоны Внешней Тьмы, Скальпели Косноязычные, шлюхи Радиации, писающие в реки, всякие там небесные лошади, все это люди придумывают, чтобы объяснить себе необъяснимое. Я даже книгу читал... ну, не читал, просматривал, "Истоки мифологии" называется. Знаешь, сколько мама мне в Забытой деревне сказок нарасказала, пока я к прадеду Олегу не попал на обучение?

— Скотина! — вспыхнула девушка. — Я переживала за тебя, а ты...

— Нет, мне было, конечно, страшно, но не так, как тебе...

— Мне не было страшно! Понял, кегль? Я вообще ничего не боюсь!

Юл засмеялся:

— Конечно, ничего...

Это стало последней каплей. Хона, издав гортанный клич, кинулась на насмешника. Парень только и успел, что отбросить от греха подальше гладиус, когда разъяренная байкерша повалила его. Они покатались по земле.

— Хона, да успокойся ты! — Юл с трудом оторвал руки девушки от своего горла.

Байкерша, вырвав запястья из захвата, хлестнула младшего правнука ладонью по щеке. Это разозлило парня, но отчего-то он перестал бороться и с гневной обидой посмотрел на девушку. Та, встретившись взглядом с напарником, замерла на мгновение, а потом вдруг прильнула к Юлу и поцеловала его. Долго и страстно.

— Мне так нравится это, — прошептала она, вновь касаясь губами губ юноши, — мне очень нравится это... — Хона еще раз поцеловала Юла, а затем резко отпрянула от него. — Но этого больше не будет, — девушка поднялась и отряхнулась.

Парень, пожав плечами, тоже встал. Где-то в глубине души он понимал, что не стоит спорить со взбалмошной девчонкой, иначе она будет делать все наоборот, а так, нет-нет, да снова захочет ласки, а может и чего-то большего... впрочем "о чем-то большем" Юл старался не думать, невозможность контролировать влечение настораживало парня, именно поэтому он испытывал двойственное чувство к девушке. С одной стороны хотелось быть рядом с ней, с другой — страшновато.

— Мы крупно влипли, — Хона прервала размышления парня, — вердоги так просто от нас не отстанут. Они будут бродить вокруг забора, искать дыры, в которые они могли бы пролезть. Они очень терпеливые и могут держать нас в осаде до двадцати дней.

— Ты-то откуда знаешь?

— Вир Златорукий рассказывал. А за двадцать дней мы с голоду помрем.

Парень цыкнул и, почесав макушку, посмотрел на лошадь, жующую траву.

— Я своего байка на съедение не отдам. Я скорее тебя съем! — сказала девушка, и глаза ее сверкнули яростной решительностью.

— Может, этих собак совсем мало. — Юл осторожно заглядывал в щели, но так никого и не увидел. — Может, она вообще одна была...

— Не смейся, я заметила в степи много движущихся пятен, — с нажимом произнесла байкерша, — и если на тебя не действуют чары вердогов, и если ты даже поранил одного из них, это не значит, что ты сильнее их. Их может быть несколько десятков. Они нападают на своих жертв беззвучно, без лая. А ночью они воют, чтобы устроить. И сейчас они сидят в засаде и ждут, когда же мы вылезем наружу. Они очень терпеливы и хитры. Они

безупречные убийцы...

— Ладно, ладно, я тебя верю, не нагнетай, пожалуйста... — торопливо произнес Юл.

Спорить с кочевницей, верующей во всеилие собак парню не хотелось. Так глядишь, и его переубедит, заставит думать о вердогах, как в легендах, как об отродьях степных кошмаров. И тогда псы обретут над ним власть, как когда-то в детстве рассказы о Радиации-Яге и демонах Внешней тьмы материализовывали ужас, превращали сказки в жуткую быль, не отличимую от реальности. Прадед Олег говорил, что на его глазах всего лишь за три, даже за два с половиной поколения жители Забытой деревни превратились из свободомыслящих людей в забитых и покорных слуг собственных страхов, от которых они прятались за стеной иллюзий. Да, именно так прадед Олег и говорил. Он потратил немало сил, чтобы научить Юла смотреть на мир непредвзятым взглядом.

— В любом случае мы в ловушке, — заключила Хона.

— Давай, взглянем сверху на твоих собак, — предложил Юл.

Беглецы вошли в дом, поднялись по довольно-таки крутой винтовой лестнице на второй этаж. Некоторые ступеньки провалились, и через них приходилось перескакивать. На втором этаже они прошли несколько комнат со сгнившей мебелью, и вышли на лоджию.

Когда-то лоджия была ограждена, но сейчас она являла собой ровную бетонную площадку, возвышающуюся над рекой, с обгрызенными эрозией краями. Кое-где из бетона торчали ржавые штыри.

Юл осмотрелся, заметил лестницу из потемневшего металла, прикрепленную к стене и ведущую на крышу. Парень выразительно посмотрел на байкершу и та кивнула. Спустя несколько мгновений беглецы, обдуваемые легким ветром, взирали на покосившиеся, полуразрушенные дома заброшенного поселка. Юл спустился по крыше к краю, посмотрел вниз. Действительно, вдоль стены бесшумно рыскали бледно-желтые, коричневые, серые, пятнистые звери. Они были похожи на обычных больших собак, только тела их были поджары и морды удлинены. Твари обнюхивали землю, беззвучно, но свирепо скалились, касались носами друг друга, будто таким образом обменивались информацией и продолжали искать брешь, в которую можно было бы проникнуть внутрь двора. Вдруг из закоулка выскочила молодая собака, подбежала к самому рослому гривастому черному псу, кажется, тому самому, кому Юл только что выбил глаз. Молодая собака ткнулась носом в шею вожаку, что-то отрывисто тявкнула. Предводитель вердогов в ответ мотнул головой и с десяток зверей сорвались с места, исчезли в кустарниках проулка.

Парень осторожно поднялся наверх, к напарнице.

— Они там что-то замышляют, — шепнул он. — Там часть собак убежала куда-то.

— На охоту, — сказала девушка и ткнула пальцем, — там, вон там пасутся ковы. Они загрызут одного из них и принесут мясо остальным. Они будут есть, а нас держать в голодной осаде, пока мы не умрем или не решимся бежать.

Юл взглянул туда, куда указывала девушка. Вдали он увидел столбы пыли и темные пятна пасущихся одичавших коров. В Забытой деревне их так и называли: дикими коровами. Видимо стадо шло на водопой, а вердоги решили полакомиться, при этом не упустив и человеческую добычу.

— Как-то это неправильно, нелогично. Неужели мы такие вкусные, чтобы нас так долго караулить?

— До Великой гибели вердоги были домашними животными в услужении у человека, но люди их бросили и за это они сошлись с адской шлюхой Радиацией, стали верными ее

слугами. Ои Радиации родились вердоги, которые нас ненавидят и готовы убивать просто так, а не ради еды.

Парень задумался. Да, уж слишком разумны эти твари для обыкновенных собак. Но разве люди глупее животных? Парень отвел взгляд от далекого стада, повернулся к нему спиной, посмотрел на речку. По ней проплывало большая ветка. И тут Юла осенило.

— Знаешь, Хона, — сказал он радостно, — не все ведь так плохо. Лучшее у нас еще впереди. Мы можем сделать плот, сбросить его сверху и уйти по реке.

— Совсем дурной? — байкерша хмыкнула. — Мы не сумеем сделать плот. У нас из инструментов только мечи да твоя лопатка. Еще и крыша может вес бревен не выдержать. Она ведь старая. Да и вообще ты попробуй, затащи плот на крышу...

— Подожди, — перебил ее парень, — никаких бревен не нужно. Там, в сарае есть пластиковые поддоны и пластиковые бидоны. Пластик, ну... это как тебе сказать, очень-очень легкий материал, мне о нем последний предок рассказывал, да и у нас в деревне еще остались пластиковые банки и все такое прочее. Из него мы и сделаем плот. Делать будем на лоджии, а не на крыше, оттуда и сбросим. А связать поддоны можно лианами, как мы уже делали.

Сердце Юла гулко забилося, когда в глазах Хоны просиял восторг.

— Какой же ты умный! — девушка обняла парня, и беглецы простояли так некоторое время.

Затем байкерша, взяв себя в руки, отстранилась и произнесла:

— Нет, ты на самом деле глупый кегль... но все равно молодец!

Младший правнук совсем не обиделся. Он лучился счастьем, глядя то на реку, то на мельтешащий вдали крупный рогатый скот, когда-то бывший домашними быками и коровами, а теперь рассекающий безбрежные просторы вольной и дикой степи.

Гексаграмма 26 (Да-чу) — Крупный скот

Порой остановка — это лишь выдох перед вдохом

Два президента, Днепр Дальнозоркий и Урал Громоподобный, и кастомайзер Вирус Златорукий находились на вершине небольшого холма. Примерно в сотне шагов от них толпились остальные всадники.

— ...остановка... выдох перед вдохом... хрень какая! — Ури, забрав у Вира желтую книжицу, спрятал ее в кармашек на седле.

Порой предводитель Дэнджеров жалел, что не умеет так хорошо читать, как кастомайзер. А ведь отец Урала Громоподобного довольно-таки сносно владел этим искусством, а дед уж и подавно. Байкерская молодежь вообще была сплошь безграмотной. Ури даже не удосужился обучить чтению Хону. И Вира не попросил.

И, правда, зачем номаду знать буквы? Обычному кочевнику это не обязательно. Другое дело кастомайзеры. Они подписывают оружие, седла и прочие личные вещи воинов. Имя на седле — это заговор от бед. Но президент клана, если он только сам этого не пожелает, и не обязан заниматься непостыдными ремеслами.

Однако именно сейчас знание грамоты Ури непременно пригодилось бы. Ведь у него в руках был, как сказал беглый раб с дурацким именем, путеводитель судьбы. Предводитель Дэнджеров теперь твердо уверился в значении книжки. Иногда с большим трудом он сам читал ее, чаще просил об услуге Вира. Сперва всегда думалось, что в книжице написана бессмыслица, но потом оказывалось, что многое сходится. Вот прочитал Ури, что находясь на вершине, нужно действовать, и тут же Ява Бесноватая смело пересекла реку, за которой

стоял Новочек. Или когда президенты и вайс-президенты отказывались организовать погоню, путеводитель голосом Вира Златорукого поведал, что удача идет к тому, кто сам идет к ней. И ведь так и вышло, Ури организовал поход в Запагубье и увлек за собой тридцать четыре воина. Разве это не удача?

Теперь же вновь понадобился оракул. Утром байкеры оставили Новочек, но так и не смогли напасть на след Хоны и раба. Они рыскали по степи, точно голодные волки или вердоги в поисках отбившихся от стада ковов, но обнаружить беглецов так и не смогли. И вот уже солнце прошло зенит, и номады, те, что не из Дэнджеров, начали роптать, мол, почему мы не идем строго на юг, к Пагуби, а бродим кругами. Ури должен был принять решение. Либо послушаться большинства, либо потянуть время, стать лагерем на ночевку прямо здесь и послать бойцов из своего клана прочесать местность до заката. Может им повезет...

— Остановка... — проворчал Ури, — выдох и вдох... вдох и выдох...

— Смотрите! — Неп Дальнозоркий ткнул пальцем в горизонт.

— Что там? — Ури прищурился. — Ну, вижу, стадо ковов. Ты предлагаешь поохотиться? Да, ты прав, свежее мясо нам не помешает...

— Нет, чуть правее, видите?

— Что? — президент Дэнджеров напряг зрение. — Провались все в баггерхелл, ни хрена не вижу! Глаза уже не те...

— Вердоги, — Неп опустил руку на гриву коня, — кажется, они загрызли одного из ковов.

— И что?

— Они его не жрут, они тащат куски мяса куда-то...

— Как ты можешь это различать на таком расстоянии? — удивился Ури.

— Он ведь у нас Дальнозоркий Вампир, — сказал Вир.

— Ну уж никак не любитель аэсок, — Неп засмеялся, — как это должно звучать, Уродколюбивый Дэнджер?

— Эх, Неп, разве ты не знаешь, что шутка, повторенная сто раз, уже не шутка, а клинический дебилизм?

— Клинический? — Неп перестал смеяться. — Что за слово такое? Откуда ты только их берешь?

— Неважно, — отмахнулся Вир, — но то, что вердоги не едят кова — это очень даже гуд.

— Поясни, — Ури уже начал догадываться, к каким выводам пришел кастомайзер, но хотел услышать подтверждение.

— Вердоги несут добычу своим собратям, а те, скорее всего, карают жертв, однозначно людей. Жертвами вполне могут оказаться твоя драгоценная дочь и Юл.

— Да! — радостно выкрикнул Ури. — Так и есть! Вот она, остановка! Мы остановились на холме, и нашли правильный путь! Книжка-то хорошая! Верно ведь, Вир?

— Это всего лишь интерпретация, но пусть будет по-твоему, — ответил Златорукий.

— Небесный Харлей! — взявшись за тонкую бородку, Неп хитро улыбнулся. — Опять непонятное говоришь. Это какое-то ругательство? Ты таким словам научился у запагубных выроdkов? Ответь, Вир! Только не говори, что это не важно, просто скажи, что такое интер... — предводитель Вампиров покрутил ладонью, — интер... вот это вот самое.

— Бесполезно объяснять, — кастомайзер самодовольно ухмыльнулся, — но будем

считать, что это слово-заговор от степных хищников.

— Напишешь мне его на седле, когда вернемся в стан, — сказал Ури, — а теперь вперед, за вердогами!

Два президента и кастомайзер спустились с холма к остальным кочевникам.

— Братья-байкеры! — проорал Ури, вытащив из чехла секиру. — Чуваки и... — Ури указал на Яву Бесноватую, — чувиха! Скоро нам предстоит битва с вердогами. Я очень надеюсь, что никто из вас не засыт! Помните только, тварям черного цвета нельзя смотреть в глаза, иначе кранты! Просто бейте их, стреляйте в них, не глядя в их поганые зенки! Мы байкеры, с нами Небесный Харлей и поэтому мы победим! Мы воспитаны степью! А тот, кто воспитан степью, не боится отродий степных кошмаров!

— Семь и три! — прокричали в ответ кочевники.

Гексаграмма 27 (И) — Воспитание

Умеренность в делах хороша, когда она начинается в мыслях и чувствах

— По-моему, неплохо получилось, — сказал Юл, одобрительно цыкнув.

— Да, — согласилась Хона.

Действительно, плот удался на славу. Занимая добрую половину лоджии, он состоял из десяти поддонов и шести пластмассовых бочек. Шесть палет были связаны друг с другом и бочками с помощью лиан и вьюнов, второй ряд, состоящий из четырех поддонов, лежал поперек первого и был скреплен с остальной конструкцией все теми же ветвящимися вездесущими растениями.

Кроме того Юл вырезал из молодой осины длинный шест и нашел широкую пластмассовую шпуковину, схожую по форме с веслом. Ведь плотом необходимо будет управлять. Хона же смастерила удочки. В сарае она обнаружила длинные, чрезвычайно прочные нити, намотанные на катушку, которые младший правнук назвал "леской". Из побегов она сделала несколько удилиц, крючки соорудила из проволоки, а в качестве грузила решила использовать маленькие металлические статуэтки, валявшиеся в грязи на полу в одной из комнат первого этажа. В темном и сыром месте девушка накопала червей.

Хона утверждала, что нужно наловить рыбы до того, как они окажутся в устье речки; ведь она впадает в Пагубь, а все, что обитает в Пагуби и в землях за ней, употреблять в пищу недозволено. Юл не стал возражать, хотя и сомневался в правильности выводов спутницы.

— Уже вечерет, — сказал парень, — так что переночуем здесь, на втором этаже, а то вдруг собаки сумеют пробраться во двор. А завтра поплывем.

— Я... — Хона вдруг помрачнела, — совсем забыла о Стреле. Она же останется здесь...

— Кто? — не понял Юл.

— Стрела, так зовут моего байка. Вернее байкерицу.

— Ты никогда не произносила ее имени.

— Имена четвероногих друзей нельзя произносить при посторонних.

Парень обрадовался тому, что Хона не считает его чужим. И тем менее, осторожность в общении не помешает. Юл мог бы сказать правду, что придется пожертвовать животным, но вместо этого он произнес:

— Лош... то есть байка, конечно, жалко, но он останется запертым и травы с листьями на деревьях хватит надолго, а потом, может, ему повезет, и он выберется.

— Ты бессердечный, — констатировала Хона, — тебя еще воспитывать и воспитывать.

Вдруг послышался заунывный, душераздирающий вой. Сперва заголосила одна собака, а

следом к ней присоединилась вся стая. Девушка вздрогнула.

— Не бойся, они за стеной, — сказал Юл, и тут же мысленно обругал себя за такие слова. Ведь Хона не любила признавать собственных страхов. Сейчас возьмет и накинется на него.

— Я не... — глаза девушки сверкнули, но вопреки ожиданиям парня она спокойно сказала:

— Тебе легко, на тебя ведь не действуют чары черных вердогов.

— Не действует...

Юлу очень хотелось доказать, что и на Хону гипнотическая сила собак тоже не будет влиять, если она разуверится в сказках, которые внушили ей в детстве. Но как ей это объяснить? Он уже один раз пытался. И тут парня посетила идея. Когда-то прадед Олег в шутку лечил его и Темерку от страха перед вездесущей демоницей Радиацией-Ягой. Темерка, наверное, до сих пор так и верит в силу заговора, а подростку Юлу последний из предков объяснил суть.

— Хочешь, и на тебя не будут действовать?

— Как? — брови Хоны поднялись.

— Понимаешь, — Юл скорчил серьезную мину, — мне нельзя об этом говорить, но тебе скажу. Мой прадед Олег, чей прах я везу к морю, был великим колдуном, и он знал заклинание, благодаря которому не страшен никакой гипноз... ну, то есть чары.

— Врешь, как всегда! — выпалила Хона, но глаза ее загорелись жадным любопытством.

— Эх, это мне тебя еще воспитывать и воспитывать, — произнес Юл, — хочешь, прочитаю заклинание специально для тебя. Оно называется "заговором Великого Плацебо".

— Чего?

— Плацебо. Возможно, так звали одного из небесных байков, о которых вы просто не слышали...

— И зачем тебе это нужно?

— Ну, просто... — парень как бы замялся, смутился, — при посторонних это заклинание нельзя произносить, но... ты ведь мне не посторонняя...

— Ладно, давай, — согласилась Хона после минутного раздумья.

Парень потер ладони, приложил их ко лбу девушки и продекламировал:

— Интерпретирую твою фобию, как иррациональное, которое есть самоподдерживающаяся фрустрация по отношению к непостижимой, а оттого враждебной окружающей среде, и дарю тебе Великое Плацебо отваги, дабы страхи твои канули в Лету, и ты оседлала собственную Тень.

Парень убрал руки от головы девушки.

— Все, — сказал он, — теперь ты можешь смело смотреть в глаза черным собакам.

— Я ничего не поняла, — призналась Хона, — но... это правда? Вердог теперь не зачарует меня?

— Не зачарует, — не моргнув глазом, произнес Юл.

— И я тебе не посторонняя?

— Не посторонняя, — подтвердил юноша, и сердце его забило чаще и сильнее.

Он вдруг страстно возжелал наступления ночи, но день все никак не хотел уступать свои права темноте, небо с облаками на горизонте было по-прежнему светло и будто специально мучило парня невыносимой яркостью. Он заглянул в глаза Хоны и провалился в какое-то всеоблакивающее счастье, где каждая клеточка напряженного тела пузырится

неизъяснимой радостью и жадной слиться в безумном экстазе с другим таким же напряженным и счастливым телом. Юл привык контролировать себя, но сейчас он не мог обуздать это наваждение и, главное, не имел никакого желания делать это.

— Я не хочу, чтобы ты был рабом, — прошептала Хона, необычайно ловко скинув с себя кожаную кирасу, — я хочу равного...

"...хочу равного... что бы это значило?.." — вопрос, будто маленькая волна от камушка, брошенного в воду, прошел легкой рябью по сознанию парня и тут же затух.

Юл коснулся ладонью груди Хоны. Он ощущал ее тепло и силу даже через ткань, а затем парень прильнул к девушке и повалился с ней на плот.

— Закрой глаза, коснись меня, ты пахнешь соблазном и медом, — зашептала байкерша, стягивая с юноши рубаху, — исчезнет грязь осколков дня... ударит в гонг природа...

— Что это? — выдавил из себя Юл, задыхаясь от сладостного предвкушения, от прикосновения к чему-то, чего он еще ни разу не испытывал.

— Это судьбоносная баллада об искушении и любящих сердцах...

— Я о другом, что это?..

— Закройся уже, и ничего не спрашивай! — Хона буквально впилась в Юла, прокусила ему до крови нижнюю губу.

Было больно, но и безумно приятно. Парень захлебнулся восторгом, а его руки сами собой проникли в брюки байкерши, пальцы нащупали бугорок, едва покрытый растительностью и...

Хона вдруг отстранилась, глубоко втянула воздух, к чему-то прислушалась. Юл потянул ее к себе, но она оттолкнула младшего правнука:

— Тихо!

— Что? Давай...

— Тихо, я сказала! Слышишь вердоги воют?

— Они и до этого выли... — разочарованно произнес парень.

— По-другому выли... и еще...

И тут Юл услышал конский топот, а следом знакомый голосище заглушил отчаянный вой псов:

— Только не смотрите черным в зенки, лупи тварей!

— Папа! — воскликнула Хона, вскочив на ноги. — Все, триндец!

Юл никак не мог прийти в себя, лежал на плоту, а Хона, схватив суму с удочками и нацепив акинак, уже орала:

— Долбаный кегль, какого баггера ты разлегся, вставай, уходим!

На улице слышались рык, подвывание, скулеж, конское ржание, отборная ругань, звон тетивы и металла.

Юл подорвался, одел рубаху.

— Сталкиваем плот, — протараторил он, — по идее он должен упасть на край берега, потом прыгаем, только отталкивайся посильней, чтобы в воду упасть, а не на землю.

— Без тебя знаю! Давай, давай, быстрее!

С первого раза сдвинуть плот не получилось. Одна из бочек зацепилась за штыри, торчащие из бетона. Пришлось приподнимать всю конструкцию. Наконец, после минутного усердия плот полетел вниз. Следом Юл скинул осиновый шест и пластмассовое весло. Парень хотел что-то сказать напарнице, но не успел, Хона молча, с короткого разбега сиганула с лоджии. Послышался плеск. Младший правнук закинул на плечо походную сумку,

схватил гладиус, принялся искать малую боевую лопату. Было уже довольно-таки темно, и парню пришлось на ощупь перебирать хлам, лежащий в углу.

— Ну где ты там! — слышался нетерпеливый окрик Хоны. — Я уже плот в воду затолкала!

— Я... лопата! — прохрипел Юл.

— Да здесь она! Ты ее с веслом скинул, наверно! Давай, быстрее!

Парень прыгнул вниз. На какое-то мгновение он полностью погрузился в воду, а потом с силой оттолкнулся от дна, буквально взлетев над поверхностью; место, куда упал Юл, оказалось неглубоким. В следующий миг он уже залазил на палеты.

— Шест! Где шест?

Хона протянула младшему правнука то, что он хотел. Парень быстро выгнал плот на середину речки. Течение было очень медленным, и потому Юл неустанно работал шестом, а его напарница — веслом, чтобы как можно быстрее покинуть злополучное место, где схватились не на жизнь, а на смерть псы и люди.

Парень уже было обрадовался тому, что им удалось уйти незамеченными, как вдруг увидел на фоне догорающего вечернего горизонта силуэт всадника. Фигура Юлу показалась знакомой. Не тот ли самый это кочевник, которого младший правнук так удачно оглушил боевой лопатой?.. Да... это был он. И наездник целился в парня из арбалета. Речка была неширокой, и беглецы ушли от преследователей не так уж и далеко. Попасть в Юла для хорошего стрелка не являлось проблемой. Парень перестал работать шестом, напрягся, приготовившись получить болт в грудь или в голову.

И вдруг сзади и сбоку что-то взметнулось. Плот качнуло, Юл чуть не потерял равновесие. Присев, он обернулся. Суча задними лапами, разбрызгивая во все стороны воду, на палету взбиралась огромная черная взъерошенная псина. Рыча и обнажив свирепый оскал, зверюга прожигала единственным, полным лютой ненависти взглядом Хону, которая, выронив весло, побледневшая, с широко раскрытыми глазами, беспомощно взирала на вердога. Рука парня сама собой потянулась к гладиусу. Но девушка его опередила. Сощурившись, она схватила боевую лопату, лежащую на поддоне, и, взвизгнув, резким размашистым ударом рассекла псу горло. Зверь, захлебнувшись собственным рычанием, обрызгав густой струей крови поддон, соскользнул в воду.

— Ты видел! — воскликнула Хона, дрожа и задыхаясь. — Я... я его... я сперва решила, что все... что он меня... а потом вспомнила про Великое Плацебо... и... я... я... потому что ты меня заговорил... и я его... я... я... люблю тебя Юл... правда, люблю...

— Молодец... — только и смог выговорить парень.

Внезапно раздался громогласный крик:

— Хона! Хонда Молниеносная! Вернись немедленно! Я все равно тебя поймаю, засранка! А твоему хахалю я отрежу йенг и затолкаю в задницу!

На берегу теперь стояли три всадника, и один из них размахивая секирой орал непристойности.

У Хоны мгновенно прошла дрожь, она схватилась за весло и принялась грести. Юл, взявшись за шест, последовал примеру спутницы. Угрозы Ури отнюдь его не радовали.

— Я не засранка! — неожиданно прокричала девушка, на мгновение перестав работать веслом. — И он не мой хахаль! А я все равно дойду до Пагуби, а потом еще и к морю пойду! Пойду туда, куда еще ни один байкер не ходил! Потому что я круче вас всех! Сами вы засранки!

— Дряннь малолетняя! Ну, дряннь!!! Плохо я тебя воспитал! Пороть тебя надо было!!! Е кого ты только такая уродилась! В тещу, никак иначе!..

Ни Хона, ни Юл не слушали ответную брань, они гребли на пределе сил.

— Река петляет, — шептала сквозь одышку девушка, — она небольшая и не глубокая. Мы сейчас обратно к Новочеку плывем, там есть переправа, по которой мы в город прошли. Они нас на переправе возьмут! Быстрой, Юл, давай, быстрой...

Парень, в очередной раз оттолкнувшись шестом от дна, бросил тревожный взгляд на берег. Там уже никого не было.

Гексаграмма 28 (Да-го) — Большая переправа

Сдержанный дольше удержит удачу

С тех пор, как беглый кегль оглушил его, голова у Рекса, Хорекса Неустрашимого из клана Файеров постоянно трещала. Он старался не показывать виду перед остальными байкерами, но иногда боли были поистине непереносимыми. За время похода род-капитан возненавидел лютой ненавистью проклятого раба, посмевшего поднять руку, вернее лопату, на свободного воина. Не раз и не два Рекс представлял, с каким удовольствием и особой жестокостью он разделается с поганцем. И когда Ури объявил, что беглецы совсем рядом и, скорее всего, их осаждают свора вердогов, кочевник воодушевился. Даже боль ушла. Степные псы, несмотря на жуткий вид, его совсем не пугали. Не зря же к его имени был приставлен эпитет "Неустрашимый". Пару лет назад род-капитан даже пристрелил нескольких. Правда, с черными вердогами Рекс никогда не пересекался. Ну, так что с того? Три с лишним десятка бойцов перебьют любую стаю. Зверь не может зачаровать больше одного человека, а значит, товарищ всегда придет на выручку и выведет из оцепенения соплеменника. Вряд ли в своре найдется сразу тридцать пять отродий черного цвета. Но главное не это, главное — сопляк. Уж до него-то род-капитан дотянется раньше всех, опередит и Аваса Стального и даже самого Ури.

Уже на подступах к заброшенной деревне байкеры слышали вой. Видимо, треклятые вердоги прознали о приближении неприятеля. Хитрые твари, подобно номадам, всегда выставляли дозоры. Воем они пытались отпугнуть непрошенных гостей, но это лишь подстегнуло бойцов.

Безумным, ожесточенным вихрем кочевники ворвались на улицу, заросшую бурьяном. Рекс, увидев скалящуюся из кустов морду, тут же в нее выстрелил.

— Только не смотрите черным в зенки, лупи тварей! — где-то совсем рядом проорал Ури.

Род-капитан перезарядил арбалет. Благодаря вороту это делалось сравнительно быстро. Лет десять назад на одном из байкфестов проводилось соревнование по скорострельности. Рекс, пока судья хлопал в ладоши и считал до ста, умудрился послать в мишень аж восемь болтов, что стало рекордом, который до сих пор никто не побил. Именно за счет этой победы он перешел из шустрил в проспекты, а уж потом и в полноправные мемберы, а с прошлой весны на собрании ему доверили должность род-капитана, иначе прокладчика маршрутов.

Сейчас навыки Рекса, как превосходного стрелка, оченьгодились. Вердоги были явно ошеломлены, ибо не ожидали, что кто-то посмеет напасть на них. Ведь даже волки опасались иметь с ними дело. Но только не байкеры. Лошади, обычно боящиеся гигантских псов, с остервенением били копытами пытающихся подобраться к ним хищников. Если акинаки были малопродуктивны, то пики Ижа и Крайда очень дажегодились. Два

заядлых дружбана с азартом протыкали дико визжащую молодую самку. Огромный пятнистый пес бросился на Ури. Президент успел отразить нападение топорищем. Вердог, приземлившись на четыре лапы, тут же подобрался, чтобы снова ринуться в атаку, но Рекс послал болт прямо в ухо зверю. Род-капитан закрутил ворот, вставил очередной снаряд, повертел головой.

Громадная серая псина, выскочив из кустов, бросилась под копыта байка, на котором восседала Ява Бесноватая. Лошадь, испуганно заржав, встала на дыбы, и женщина, не удержавшись, соскользнула вниз. Вердог, отрывисто рыкнув, одним прыжком оказался сверху воительницы. Та лишь успела подставить предплечье левой руки под подбородок зверя, а правой Ява выхватила кинжал и вонзила его в брюхо псу. Однако вердог даже не заскулил, он глухо зарычал и сильнее налег на женщину, жаждая дотянуться до ее лица. Ява, ведя утопленное по рукоять в живой плоти лезвие к паху животного, завопила леденящим душу воем. Зверь с обнаженными клыками и человек с оскаленным ртом смотрели глаза в глаза и исторгали непередаваемо жуткие звуки. Рекс даже на мгновение остолбенел, но миг спустя прицелился и выстрелил. Болт с хрустом вошел в переносицу вердога. Пес дернулся, в последний раз брызнул слюной и завалился на бок. Ява тут же оседлала умирающего зверя и принялась бить его кинжалом, да так, что вскоре на шее твари не осталось целого клочка шерсти.

Повсюду вердоги терпели поражение, большая часть псов пустилась наутек. Начало темнеть. Рекс осмотрел поле боя. С десятков собачьих трупов и ни одного человеческого. Славная победа.

Внезапно род-капитану попался на глаза молодой всадник Дукат Великолепный. Он находился вдалеке, примерно в трехстах шагах, в проулке, ведущем в степь. Рука его безвольно обвисла и из нее выпал акинак. Юноша спешил, встал на колени. А потом к нему бесшумно метнулась черная тень. Рекс все понял. Он подстегнул байка.

Целиться на скаку было крайне неудобно. Род-капитан боялся попасть в Дуката, а потому просто мчался на помощь товарищу. Он уже был достаточно близко, чтобы различить зубы вердога, алчно вгрызающиеся в горло юноши. Губы молодого воина трепетали, но он не сопротивлялся, руки его по-прежнему висели плетями, и только пальцы сотрясала мелкая дрожь. Осознав, что медлить больше нельзя, Рекс выстрелил. Болт ушел в землю рядом с задней лапой зверя. Псина оторвалась от жертвы и повернулась навстречу новому противнику. Юноша повалился. Рекс, натянув поводья, спешно отвел взгляд от перепачканной кровью одноглазой морды, принялся перезаряжать арбалет. Вот он раскрутил ворот, натянул тетиву, вытащил болт из колчана и вставил его в паз. Теперь главное не смотреть вердогу в глаза. Однако выпустить снаряд он не успел. Смекалистая тварь в последний момент дала деру в высокую траву.

Рекс спешил, встал на колени перед юношей, зажал рану на горле. Понимая, что это бесполезно, и парень вот-вот умрет, род-капитан все же сжимал рваную глубокую дыру, пальцы его утонули в липкой красной жиже, бьющей пульсирующими толчками, под головой юноши образовалась кровавая лужа, которая не успевала впитываться в отсыревшую землю.

Прискакали Ури и еще с десятков байкеров. Послышался голос Виры Златорукого:

— Рекс, ему уже не помочь.

Род-капитан поднял взгляд, посмотрел сперва на кастомайзера, потом на вождя Дэнджеров и произнес:

— Черный вердог. Его зачаровал черный вердог. Мерзко, когда вольный байкер погибает без сопротивления.

Рексу никто не ответил. В нагрывшей тишине был слышен лишь стрекот сверчков, вдруг показавшийся скорбным, полным невыносимого отчаянья чириканием маленьких и ничтожных насекомых.

Нет, не только черные вердоги являлись чарующими зверями, вся природа и есть одно сплошное наваждение. Когда-то древние владели колдовством. Но уже как сто оборотов небесного колеса человек лишился своего могущества. И природа вновь обрела над ним власть. Черную магическую власть. Она не поет гимны пышущей буйным цветом жизни, как думают некоторые, природа — это вечная боль и страдание, бесконечное пожирание друг друга.

Магия смерти — вот, во что закован весь мир, и человек — более всего.

Сверчки плакали от того, что рано или поздно достанутся на обед птицам. А птицы в свою очередь возопят с утра пораньше о скорбной участи погибнуть в острых когтях хорей и диких котов. Но и этим хищникам приходится прятаться от волков и вердогов. И никто не пожелает встречи с саблезубым лепоном. Да и сами сверчки лгуны и лицемеры, они ведь тоже жрут более слабых и ничтожных. Оковы и вечное рабство. Природа прячет смерть в потоках жизни, с помощью колдовства заставляет байкера любить женщину, любить охоту и войну, любить вкусно поесть и выпить браги. И все лишь для того, чтобы быть перемолотым в прах.

Мысль о жизни обратилась в жуткое откровение, стряхни хоть на миг с себя чары и увидишь обглоданные скелеты бесконечного множества существ, живших до тебя.

"Но я Неустрашимый, — подумал род-капитан, — я пойду наперекор. Пускай и я в оковах, но я буду на вершине! Знай это, природа! Я найду псину и убью ее, и никакая магия ей не поможет! Потому что я — Неустрашимый, и никто не смеет жрать байкеров".

— Пацана нужно проводить к Большой переправе, где его встретит Харлей Изначальный, — сказал кто-то из кочевников.

— Да, — Ури спешился, подошел к умирающему, — я это сделаю.

Рекс поднялся с колен, отошел в сторону, а на его месте оказался президент. Он бережно взял парня под голову, заглянул в стекленеющие, но все еще пылающие живым страданием глаза.

— Сынок, — сказал Ури, — я провожу тебя к Большой переправе, откуда ты помчишься на небесном стальном коне Харлее Изначальном в байкпарадаиз. Ты слышишь меня, сынок? Моргни, если слышишь?

Дукат несколько раз сжал и разжал запекшиеся губы, затем моргнул.

— Ты готов услышать слова из судьбоносной баллады? Ты готов услышать слова, завещанные нам предками, слова о Свободе?

Юноша моргнул.

— Хорошо, — выдохнул Ури, — смотри мне в глаза, сынок, и слушай... над тобою тишина, небо полное огня, свет проходит сквозь тебя, но боли больше нет... нет больше боли, сынок, она уходит, уходит же...

Дукат моргнул, взгляд его потухал.

— Ты свободен от молвы, — продолжил Ури, — от любви, от вражды, ты теперь свободен от судьбы и от земных оков, ты от всего свободен, сынок, даже от зла и добра...

Парень вдруг сделал глубокий вдох, веки его широко раскрылись, а в горле забулькало.

— Ты уже на Большой переправе, сынок, — заторопился Ури, повышая голос, — ты видишь Небесного Харлея? Видишь же! Он отнесет тебя вдаль, сынок! Отнесет беспечным ангелом, отнесет в байкпарадайз!!! В страну, где есть блаженство и нет боли...

Искра жизни в последний раз сверкнула в глазах умирающего, в последний раз восковое лицо озарила слабая улыбка. И Рекс внезапно проник в тайну этой улыбки, он вдруг узрел чудесной, невероятной красоты белого жеребца, на котором по полям, залитым мягким светом, мчался лучившийся безграничным счастьем вечно юный Дукат Великолепный из клана Вилсов.

— Да... свободен... — прошептал Рекс.

А потом прекрасное видение исчезло, и род-капитан оказался возле коченеющего трупа, вокруг которого толпились байкеры, а в вечерней степи пели злые сверчки и пряталась черная тварь, возомнившая себя венцом природы. Природы, чьи оковы бессрочным ведьминым проклятьем висят на людях. Некоторые байкеры просят кастомайзеров начертать на седле заговор древних: "Свобода или смерть". Но на самом деле — род-капитан понял это только сейчас — нет выбора между свободой и смертью, потому что это одно и то же, потому что только смерть приносит свободу.

"В твоей душе нет больше места для нее", — такие слова есть в судьбоносной балладе, которую произносят умирающему. Иногда байкеры спорят, о чем говорили древние? Некоторые утверждают, что речь идет о расставании с любимой женщиной. Но на самом деле — это молитва прощания с жизнью, которая есть лишь колдовской обман.

Это откровение ранило больней любой стрелы.

"Я убью тебя, тварь! — подумал Рекс, запрыгивая на коня. — Просто из принципа убью. Потому что ты заставила меня познать истину и постичь боль!"

Байк уже шел в высокой траве, когда до род-капитана донесся голос Ури:

— Ну, все, пацан ускакал на небеса. Ищем дочуру и этого говнюка с бабским погонялом!

— И чаша Скальпеля, — добавил Неп Дальнозоркий, — главное, найти чашу...

Род-капитан желал смерти беглецу, но уничтожить вердога он жаждал гораздо сильнее. А потому пусть Юлом и артефактами занимаются другие. У Рекса, Хорекса Неустрашимого из клана Файеров, найдутся дела поважнее. Арбалет байкера был заряжен. Однако надвигалась ночь, солнце опустилось за горизонт на три четверти. Попасть в увертливую тварь в темноте будет тяжело. А если промах? Если зверюга тут же бросится на него?.. Ничего, есть еще акинак. Главное, не смотреть в глаза. Вернее в глаз. Магия не должна сыграть с ним злую шутку, как с Дукатом.

Конь тревожно всхрапывал, чувствовал близость хищника, но кочевник подстегивал несчастное животное, заставляя его идти вглубь степи, навстречу кошмару. Сверчки залились невыносимо тревожной трелью. Внезапно поднялся легкий ветер, предательски зашумела трава. Вся природа сейчас была против байкера, скрывала свое отродие от праведной мести.

— Я все равно убью тебя, — прошептал Рекс, сканируя острым взором через прицел колышущиеся, утопающие в полутьме стебли.

Ветер. Сверчки. Трава. Шепот ветра. И больше ничего.

Но тварь была здесь. Иначе байк так не нервничал бы. Род-капитан пригнулся потрепал за гриву коня.

— Где он? — тихо спросил Рекс. — Ты ведь чуешь его. Чуешь... Где он?

Конь вдруг остановился и дернулся вправо. Кочевник автоматически повернулся в противоположную сторону. Мелькнул желтый огонек. Закрыв левой рукой глаза, род-капитан выстрелил. Бесшумная тень метнулась мимо байка в сторону реки.

— Чоп, чоп! — Рекс, подстегнув коня, помчался вслед.

Род-капитан не отставал от пробивающей травяную гущу темной туши. Если сейчас он упустит вердога, больше байкер его никогда не увидит. Пес рвался к воде. Перезарядить бы арбалет, но на это не было времени.

— Чоп, чоп!!! — Рекс пришпорил байка.

Конь, всхрапнув, ускорил галоп. Но расстояние до вердога не сокращалось. Будто некая дьявольская сила не позволяла настичь проклятую тварь. Но почему же "будто"? Черные степные псы — отродья мерзкой демоницы Радиации, она им и даровала чары. Природа — зла.

— Чоп, чоп!..

Род-капитан не успел. Пес с разбега плюхнулся в реку. Тихо выругавшись, кочевник закрутил ворот. Один оборот, два... три... как же долго... вердог, неустанно работая лапами, уходил от возмездия... четыре... пять оборотов... и еще половинка, все! Рекс потянулся за болтом но липкие от крови Дуката пальцы не слушались, уронили снаряд в траву.

— Баггерхелл! — такой оплошности с род-капитаном не случилось с самых юных лет. Рекс потянулся за вторым болтом, и тот тоже выскользнул. Два раза подряд — это невероятно, это невозможно... если только ты не охотишься на демонического пса, которому помогает силы природы...

Третий болт попал в паз. Род-капитан вскинул арбалет, но не увидел цели. Вердог будто исчез, испарился. Или, может, утонул? Нет, демоны не тонут. Неужели тварь успела переплыть на другой берег? Нет, этого не может быть. Рекс окинул судорожным взглядом темную водную гладь и вдруг увидел плот. На нем были Хона и беглый раб, орудующий шестом.

Байкеры искали мерзавцев на земле, а они уходили по воде. Род-капитан прицелился, палец сам собой лег на спуск. Что ж... сегодня еще не все умерли. И если не удалось убить одно отродье, так пускай погибнет другое. Речка неширокая. Расстояние небольшое. Промахнуться нереально.

Юноша заметил целящегося в него кочевника и замер в нерешительности. Еще мгновение и болт вошел бы под сердце сопляку, но вдруг вода взметнулась тысячами темных брызг, и на плот полез черный взъерошенный вердог. Оскалившись и глухо рыча, псина уставилась единственным глазом на Хону. Девушка окаменела от ужаса и чар. Еще чуть-чуть и тварь вцепится в горло байкерши. Рекс перевел арбалет на зверя, прицелился, но Хона, неожиданно выйдя из оцепенения, схватила лопату и рубанула пса по горлу, наверняка перебив артерию.

Обомлев, род-капитан опустил арбалет. Кочевница только что на его глазах преодолела чары вердога и убила демонического пса. А потом, заикаясь, она принялась благодарить сопляка за то, что он заговорил ее и еще она сказала, что любит его.

— Колдун... — прошептал изумленный Рекс, — мальчишка — колдун...

Странно, но ненависть к беглому рабу, так культивируемая последние несколько дней, куда-то исчезла, а ее место заняло... что-то другое... не благоговение, но нечто близкое к нему. Оковы природы не висели на парне бессрочным проклятием, как на остальных людях, они были как бы браслетами, оберегами, помогающими жить и побеждать. Этот мальчишка,

этот сопляк, увлекший за собой дочь одного из семи вождей, не был хищником и не был травоядным, не был байкером, но и не был деревенским бычьем, и уж тем более он был не из баггеров, погубивших мир. Он был кем-то другим...

К берегу прискакали два всадника: Ури Громоподобный и Вир Златорукий.

— Вон они! — воскликнул президент и ткнул секирой в сторону плота. — Рекс, пристрели этого сученка!

— Нет, — сказал род-капитан, — он колдун.

— Что? — Ури скривился. — Что за дерьмо ты несешь? Дай арбалет, я сам грохну ублюдка!

— Нет! — решительно воспротивился Рекс. — Он дал твоей дочуре силу, с помощью которой она разбила чары вердога. Черный вердог смотрел ей в глаза и не сумел заморозить ее. Хона перерубила отродью степных кошмаров глотку и даже не зажмурилась.

— Да ты просто рехнулся! Это оттого, что тебя приложили лопатой!

— Клянусь Небесным Харлеем и всем священным стальным табуном, я видел это собственными глазами! — зло, с нажимом проговорил род-капитан. — Я не сумасшедший, я видел это!

— Интересно, — задумчиво промолвил Вир.

— Да чтоб вас всех! — Ури повернулся в сторону уплывающего плота и заорал:

— Хона! Хонда Молниеносная! Вернись немедленно! Я все равно тебя поймаю, засранка! А твоему хахалю я отрежу йенг и затолкаю в задницу!

— Я не засранка! — послышался в ответ девичий крик. — И он не мой хахаль! А я все равно дойду до Пагуби, а потом еще и к морю пойду! Пойду туда, куда еще ни один байкер не ходил! Потому что я круче вас всех! Сами вы засранки!

— Дрянь малолетняя! Ну, дрянь!!! — Ури погрозил секирой. — Плохо я тебя воспитал! Пороть тебя надо было!!! В кого ты только такая уродилась! В тещу, никак иначе!..

Президент еще какое-то время выкрикивал непристойности, потом, когда плот скрылся за изгибом, он сказал:

— Мы их перехватим на переправе возле Новочека! Давай, погнажи...

— Нельзя, — неожиданно возразил Вир, — на испытании длинной дорогой мы потеряли первого байкера. А ты знаешь традиции, первого, погибшего в бою, обязаны хоронить все участники и особенно предводитель похода. Я, конечно, не против, но остальные тебя не поймут.

— Я не пойму, — прохрипел Рекс, — и мои Файеры не поймут, и твои Дэнджеры, и все остальные тоже. А главное, тебя не поймет Небесный Харлей! Мальчишка — колдун. Не стоит накликать беду на становища.

— Провалитесь вы в баггерхелл! — взревел президент.

— Мы настигнем их, — спокойно произнес Вир, — теперь ведь мы точно знаем их маршрут, а течение не настолько быстрое, чтобы они далеко ушли. Сейчас мы похороним Дуката, а утром продолжим погоню. Не волнуйся, тот, кто сдержан, удержит удачу.

Ури зарычал, стукнул себя кулаком по бедру, но, в конце концов, согласился с доводами товарищей:

— Лады, скачем обратно! Только быстрее давай, быстрее!!!

Каким бы авторитетом президент ни обладал, а нарушать традиции было делом неблагодарным и опасным.

Гексаграмма 29 (Си-кань) — Повторная опасность

Малая травинка, пригибаясь к земле, не пострадает от урагана

Юл и Хона провели бессонную, полную тревожного ожидания ночь. Парень без устали отталкивался от речного дна шестом, а девушка помогала, гребя веслом. Они прошли мимо Новочека, прошли мимо переправы, но, вопреки ожиданиям, байкеров там не оказалось. Однако это не успокоило беглецов. Впереди ведь наверняка имелись перекаты и просто мелководные места. Но кочевники по какой-то неведомой причине отказались от преследования.

Когда на востоке занялась алая заря, Юл вытащил шест, положил его на палеты, сел и взглянул на свои ладони. Даже в полутьме различались кровавые мозоли.

— Сегодня они нас уже не догонят, — поморщившись, парень сжал и разжал несколько раз пальцы, — извини, Хона, но я... очень хочу спать.

— Ничего, — устало произнесла девушка, — я покараулю.

Младший правнук лег на поддоны, закрыл глаза.

— А с другой стороны, — байкерша примостилась рядом с парнем, положила голову на его плечо, — мы ведь по воде плывем, нас никто не тронет, Пагуби еще нет, можно и мне поспать. Ничего не случится, правда?

— Правда, — еле выговорил Юл, проваливаясь в глубокое забвение без сновидений, страхов и беспокойных лишних мыслей.

Он проснулся оттого, что замерз. Чуть саднила заживающая рана на плече. Болели мышцы спины и рук. Парень приподнялся на локтях, река стала намного шире. Дул холодный северный ветер. Плот плыл посередине, и до каждого берега было примерно восемьдесят, а то и все сто шагов. Хона, прижав колени к груди, сидела на краю и смотрела на напарника. Рядом с ней лежала рыба длиной с локоть.

— Я долго спал? — спросил Юл.

— Солнце уже прошло зенит, я сама только недавно проснулась. Вот поймала рыбку. Мы уже почти в Пагуби...

Вдруг прямо над головой грянул раскатистый гром. Парень вздрогнул, посмотрел вверх. Только сейчас он заметил, что небо затянуто тяжелыми тучами.

— С чего ты взяла?

Хона кивнула:

— Видишь, черная трава? Это бёрн-трава. Если ее высушить, то она воспламенится даже от искры. Она растет рядом с Пагубью, здесь ее байкеры и собирают.

Действительно, на берегу колыхались темные стебли, а дальше за ними была густая чащоба, сквозь которую кое-где проглядывались развалины домов. Парень решил измерить глубину, поднялся, взял шест. На ладонях тут же лопнуло несколько мозолей. Юл недовольтно цыкнул. Шест вошел в воду на всю длину, но до дна не достал.

— А еще я забыла свой экип, когда мы сбежали.

— Что забыла?

— Доспехи...

— А, — Юл вытащил шест из воды, положил его на палеты, — ты имеешь в виду кирасу. Ну... ничего страшного, я же тоже без кирасы.

Ветер вдруг резко усилился, и парень вспомнил, что не умеет плавать. В считанные мгновения Юлом овладела паника, как тогда, когда он впервые увидел номадов, грабящих деревню. Встав на четвереньки, он вцепился в перекладыны поддона и принялся медленно и глубоко дышать, пытаясь таким образом справиться с нахлынувшим ужасом.

— Когда байкер теряет оружие или доспехи, Небесный Харлей сердится, — сказала Хона замогильным голосом, — это он насыплет на нас бурю.

Парень умоляюще посмотрел на девушку, надеясь, что она поймет его взгляд, и не будет городить глупости. Но спутница не поняла, она жила своими страхами:

— Мы подошли к запретной реке, а я потеряла экип, это очень плохой знак. Может, ты знаешь заговор от бури? Я не хочу утонуть...

— Хона, ради Божьей Четверицы, замолчи! — закричал Юл, срываясь в фальцет. — Просто замолчи! Не напоминай мне о демонах Внешней тьмы! Пожалуйста, прошу тебя, надо! Я... мне... я не умею плавать, понимаешь?! Не умею!!!

Внезапная истерика, охватившая спутника, подействовала на девушку отрезвляюще.

— Ты ведь можешь заговаривать от чар черных вердогов, — озадаченно проговорила она, — вот я и решила, что ты колдун...

Неожиданно волна, большая, чем остальные, ударила в бочки плота. Юл вскрикнул, руки его задрожали от напряжения.

— А ты и не колдун вовсе, ты, оказывается, боишься...

— Ты просто дура вместе со всеми своими байкерами! — Юл разозлился, и злость стала постепенно вытеснять страх.

— Сам дурак! — вспыхнула Хона. — Я тебя сейчас в воду сброшу!

— Давай, попробуй, дура! Сама улетишь туда!

Байкерша зарычала и швырнула в напарника рыбиной. Та шлепнулась о щеку Юла и, проскользнув в щель между перекладинами поддона, ушла в речную пучину.

— Ну, точно дура, мы остались без еды... — и страх и злость как рукой сняло.

Парень и девушка посмотрели друг другу в глаза и внезапно рассмеялись. Это беззаботное веселье среди волн, быть может, длилось бы еще долго, если бы не прогремел оглушительный гром, а следом резкий порыв ветра действительно чуть не скинул обоих за борт.

Парень тревожно осмотрелся:

— Мы уже в Пагуби! Вон, сзади устье реки, по которой мы плыли.

— Давай так, — предложила Хона, — я спущусь в воду, раз ты боишься...

— Я не боюсь...

— Заткнись! Я спущусь в воду, и буду грести ногами к берегу, а ты давай веслом.

Парень согласился с планом напарницы. Единственное, что он добавил от себя, достал из сумы втрое сплетенную лиану и привязал Хону к палете, чтобы девушку ненароком не унесло. К счастью, ветер дул в сторону суши, и вскоре Юл нащупал дно шестом. Тогда он помог байкерше залезть на поддоны и быстро, несмотря на кровавые мозоли на руках, погнал плот к берегу. Когда спутники оказались на отмели, грянул ливень.

Похватав вещи, парень и девушка бросились в рощу. От дождя нигде нельзя было укрыться, и они неслись между деревьями, сквозь кустарники, пока не выскочили на травяной пустырь, оканчивающийся песчаным берегом, о который разбивались черные волны. Напарники вовремя причалили, начинался самый что ни на есть натуральный шторм.

— Как это?! — удивленно прокричала девушка. — Почему здесь вода?

— Может, мы на острове? — предположил парень.

— Баггерхелл! — выругалась Хона.

— Смотри, там что-то есть! — младший правнук указал в чашу, где в глубине темнело странное пятно.

Напарники помчались к нему. Пятном оказался покосившийся двускатный шалаш. Навес был сделан из сиреневой шкуры неизвестного Юлу животного: то ли коровы, то ли лошади, то ли еще какого-то копытного.

Парень заглянул внутрь. Толстая ветка, служащая несущим стропилом, оказалась надломанной посередине. В центре был вырыт порядком засорившийся приямок. Повсюду валялись солома, сухие ветки, раздробленные кости мелких животных. Видимо, с прошлого года хозяин не посещал своего жилища.

— Я туда не полезу, — запротестовала Хона, — это палатка выроdkов. Посмотри на навес, он же сделан из шкуры хорсата.

— Из кого? — не понял парень.

— Из отродья, рожденного адской шлюхой Радиацией от случки с жеребцом.

— Перестань, ты даже в Пагубь полезла, чтобы плот до острова быстрее дотянуть. А ведь у вас она запретная река и наплевала ты на то, что ваш стальной Харлей рассердился и бурю наслал.

— Я не наплевала, — дрожа, произнесла Хона, с ее подбородка тонким ручейком стекала дождевая вода, — у байкеров просто положено идти наперекор судьбе. Это считается особым подвигом, и Харлей Небесный на самом деле любит тех, кому он шлет испытания и кто не боится их проходить, даже если ты поносишь весь священный табун самыми последними словами. У нас есть даже такая судьбоносная баллада: "Жить вопреки" называется...

— Ну, вот, — сказал Юл, — погреться в палатке выроdkа — это тоже вопреки.

— С тобой не поспоришь, — произнесла Хона и нырнула в шалаш.

Развести костер с помощью кресала не получалось очень долго. Наконец, солома занялась и путники, набросав веток в приямок, протянули к огню трясущиеся руки.

— А я и вправду дура, — сказала Хона, немного отойдя, — бросила в тебя рыбу, а теперь и съесть нечего. А кушать очень хочется.

Юл ничего не ответил, у него у самого сводило желудок.

— Вспомнила! — внезапно обрадовалась девушка и полезла в суму. Порывшись, она достала фазанье яйцо, пробила кресалом дырочку в скорлупе:

— Одно осталось. На!

— Пей его сама, — сказал парень, но живот его предательски заурчал.

— Я что похожа на пидо... то есть на баггера, чтобы жлобиться? — байкерша чуть отпила из яйца и поднесла его к губам младшего правнука. — Пей, давай, а то я разобью его о твою глупую башку. Не веришь?

Юл достаточно знал Хону, чтобы поверить, а потому взял яйцо и отпил, затем передал его обратно напарнице. Так они, глядя друг на друга, и цедили желток: вымокшие, голодные, продрогшие, но отчего-то невероятно счастливые. И в этот миг каждый из них готов был променять все что угодно на маленькое непостижимое чудо единения сердец в покосившемся шалаше на неизвестном острове посреди бушующей стихии, лишь бы только греться в теплоте улыбок и сиянии глаз и никогда больше не расставаться.

Гексаграмма 30 (Ли) — Расставание

Не бывает пути без препятствий, а приобретений — без потерь

Обряд прощания с Дукатом Великолепным из клана Вилсов, первым павшим на испытании длинной дорогой, закончился после полуночи. Труп занесли в заросший заброшенный покосившийся сарай, который обложили ветвями и сухим сеном, и подожгли.

Ури произнес нараспев обязательную в таких случаях заупокойную судьбоносную балладу, начинающуюся со слов: "Этот парень был из тех, кто просто любит жизнь...".

При свете горящего здания байкеры устроили скромную поминальную трапезу, вспоминая погибшего только добрым словом, потом, выставив дозоры, разместились на ночлег. Утром отряд не стал следовать руслу речки, по которой ушли беглецы, но, забрав с собой байка Хоны, отправился в юго-западном направлении, тем самым срезав путь. Местность была испещрена многочисленными ериками, что существенно затрудняло быстрое продвижение. Каждый раз, объезжая или переправляясь через очередной ледяной ручей, Ури изрыгал неисчислимые потоки брани, кляня всех известных отродий баггерхелла и родственников собственной дочери по материнской линии вплоть до седьмого колена. А когда ко всему прочему начала портиться погода и первые молнии озарили почерневший от грозowych туч небосклон, президент Дэнджеров изрек такую многоэтажную тираду, которую, пожалуй, земля не слышала с самого ее сотворения Харлеем Изначальным.

Рекс Нестрашимый, резко поменявший мнение о беглом рабе с прошлого вечера, выдвинул гипотезу, что стальные кони священного табуна насылают бурю, чтобы скрыть мальчишку от номадов, ведь пацан не просто какой-то кегль с бугра, а настоящий колдун, избранный Судьбой, за что тут же был зло высмеян сперва Непом Дальнозорким из клана Вампиров, а затем и Авасом Стальным, мечтающим поймать дерзкого невольника и отрезать тому в назидание уши. Перепалка между воинами чуть было не закончилась вызовом на дуэль, однако Ури вовремя пресек намечающуюся резню.

Ливень настиг байкеров возле небольшого озерца. До Пагуби оставалось каких-то две с половиной — три тысячи шагов, но кочевникам пришлось сделать остановку. Попрятавшись под байками и под походными шкурами, воины терпеливо ждали окончания проливного дождя. К вечеру слегка распогодилось. Тучи по-прежнему давили своей чернотой, но ветер почти стих, и номады продолжили путь.

Честно говоря, Пагубь хоть и имела зловещую репутацию, с первого взгляда не казалась какой-то ужасной. Она была схожа с другими реками, только шире. От ее левого берега тянулась такая же степь, как и от правого. Разница состояла лишь в том, что первая являлась обителью вырождков-аэсов, а второй правили байкеры, да еще вдоль Пагуби колосилась черная бёрн-трава, которую кочевники так любили использовать для розжига. Кое-кто поговаривал, что трава эта выросла из лобковых волос адской шлюхи Радиации, другие же утверждали, что она произошла от семени Харлея Изначального, которое стекло по крупу небесной стальной кобылы Ямахи Первородной. Случилось это, когда священный табун праздновал гибель старого мира и конец власти баггеров на земле.

Так или иначе, бёрн-трава хоть и появилась после эпидемии безумства, запретной не считалась.

Копыта байков омылись волнами Пагуби, когда солнце уже клонилось к горизонту. Здесь было удобно переправляться, поскольку имелся перекат. Правда из-за ливня уровень воды поднялся, и ширина реки в этом месте составляла вместо ожидаемых трехсот-трехсот пятидесяти шагов все четыреста.

— Завтра к утру чуть спадет, — сказал Неп Дальнозоркий.

— Что значит завтра к утру? — возмутился Ури. — Мы переправляемся сегодня. Дождь шел недолго. Тучи полили и ушли дальше. Вода не так и высоко поднялась.

Между президентами завязался спор, в который постепенно вовлеклись остальные байкеры. Многие считали резонным переночевать на правом берегу, а уж с восходом пойти в

земли вырождков. Другие им возражали, что по светлону можно пройти еще минимум пять тысяч шагов.

— Как считаешь, — спросил Ури Вира Златорукого, — дочура уже плывет по Пагуби?

Кастомайзер задумался, посмотрел на запад. Там, дальше по течению, где речка, по которой плыли беглецы, впадала в Пагубь, находился остров довольно-таки приличных размеров. Он был покрыт роцей.

— Не знаю, — сказал Вир, — но на их месте, когда началась буря, я бы пристал к берегу. Поэтому вполне возможно, что они только на полпути к Пагуби. Или, в крайнем случае, дошли до устья. Ну, вот они могли бы находиться на том острове... хотя вряд ли. Полагаю, мы их опередили.

— Что ж... — произнес Ури, — тогда можно заночевать здесь.

— Эй, гляньте! — Ява Бесноватая прервала размышления президента. — Там!

Головы байкеров повернулись туда, куда указывала воительница.

— Что там? — рявкнул предводитель Дэнджеров. — Долбанное солнце, ни хрена не видно! Неп! Неп, посмотри, что там?

Президент клана Вампиров подъехал к Ури, приподнялся на стременах, сощурился:

— Кажется, кто-то переправляется... где-то в трех тысячах шагах ниже по течению... да... два всадника... а за ними... за ними еще с десятков... нет, даже больше. Видимо, гонятся.

— Гонятся!!! — вскипел Ури. — Посмотри, Неп, там есть моя дочура?

— Слишком далеко, чтобы что-то различить...

— Если бы мой батя по пьяни не расхерачил подзорную трубу! — Громоподобный ударил себя по бедру:

— Переправляемся! Никаких ночевок здесь! Там вырождки, и они должны сдохнуть под нашими топорами, акинаками и стрелами еще до захода солнца!

Скорость течения реки не отличалось быстротой, однако переход по перекасту нельзя было назвать простым делом. Из-за ливня, прошедшего ранее, в некоторых местах лошадям приходилось слегка задирать головы, чтобы вода не попала в ноздри. Однако, несмотря на трудности, байкеры переправились на левый берег без эксцессов. Вырождки перебрались раньше и заметно оторвались от кочевников. Но аэсы использовали не лошадей, а хорсатов, которые отличались большей выносливостью и грузоподъемностью по сравнению с обыкновенными лошадьми, но при этом бегали они чуть ли не в полтора раза медленнее. К тому же русло Пагуби на этом участке имело изгиб, и байкеры шли под небольшим углом наперерез вырождкам, а не прямо за ними.

Вскоре преследователям удалось сократить расстояние. Аэсы заметили байкеров, перестали гнаться за двумя всадниками, развернулись и поскакали навстречу номадам. Оба отряда остановились друг напротив друга на расстоянии примерно в двести шагов.

— Небесный Харлей, какие же они уроды, — сказал Неп Дальнозоркий и по привычке засмеялся.

Даже издали аэсы, одетые в мешковину и в шкуры, внушали отвращение. Волосатые лица их были покрыты бородавками и серыми наростами, широкие носы занимали чуть ли не пол лица, чрезвычайно узкие, покатые лбы в сочетании со свинячьими глазками вызвали стойкое желание садануть чем-нибудь острым по отвратительной роже. Вырождки щербато скалились, обнажая толстые, словно пни, зубы. Большинство из них выделялось грузным телосложением. Аэсы в среднем были сильнее взрослого мужчины, однако отличались

неповоротливостью. Восседали они на копытных сиреневого цвета, отдаленно напоминающих лошадей, с отвратительно жирными ногами и толстой пластиной на слегка приплюсненной морде.

— Двадцать два всадника, — прошептал Вир, подъехав к Ури, — я посчитал. Двадцать два против тридцати четырех. Численное преимущество у нас. И это гуд.

Президент одобрительно кивнул. Он оценивал вооружение противника; аэсы угрожающе размахивали небольшими топориками и копьями средней длины, у трех выродков имелись пращи.

— Слушай, Вир, я вот что хочу спросить, — к кастомайзеру наклонился Неп Дальнозоркий, — ты в ноздри ихних девок шпилить не пробовал? А то, глянь, какие у них носы здоровые!

За Вира Златорукого ответил Ури:

— Я рад, что ты не теряешь чувство юмора перед битвой.

Неп громогласно, напоказ расхохотался.

— В прямом столкновении мы, скорее всего, победим, — сказал Вир, — но рискуем потерять многих бойцов.

— Что поделать, — угрюмо произнес Ури, — без потерь не бывает приобретений. С кем-то придется расстаться.

— Верно, — сказал Вир, — но нам необязательно сразу схлестываться с выродками. Если мы будем взаимодействовать друг с другом как единый организм, мы обойдемся гораздо меньшими потерями. Я вот что предлагаю...

Гексаграмма 31 (Сянь) — Взаимодействие

Сила одного — в единстве со многими

В отряде кочевников имелось десять арбалетов. Байкеры чаще использовали их для охоты, а не для боя. Но сейчас вперед выдвинулись стрелки.

Три пращника-аэса проскакали примерно с треть расстояния между войсками, раскрутили пращи, пустили каменные пули и помчались обратно к своим. Ни одна из пуль не долетала до кочевников.

— Косорукие жопники! — проорал Иж, напяливая на лысую голову круглый кожаный шлем.

— Йенг вам в глотку, говноеды! — проорал следом владелец роскошных усов Крайд.

— Готовсь! — рявкнул Ури.

Номады подняли под небольшим углом самострелы, прицелились.

— Пуляй!

Под звон тетивы десять болтов устремились во вражью сторону. Два выродка свалились с хорсатов. Войско байкеров огласил радостный рев. Между тем стрелки, закрутили ворота, перезаряжая арбалеты.

— Два из десяти... неплохая эффективность для такого расстояния, — сказал довольный кастомайзер.

— Эфффе... ктивность, — Неп засмеялся, — Вир, ты опять говоришь непонятности!

— Готовсь! — рыкнул Ури.

Стрелки вновь подняли арбалеты.

— Пуляй!

На этот раз еще три аэса отправились в баггерхелл, а чуть погода и четвертый упал с лошади-мутанта. Байкеры взорвались веселым улюлюканьем.

Вожак выроdkов, здоровая образина с рыжеватыми волосами на лице и невероятно толстыми надбровными дугами, видимо, сообразил, что кочевники не собираются биться с ними в рукопашную, а хотят просто расстрелять с почтительного расстояния. И главное, аэсы попали в ловушку. Если они решат отступить, байкеры будут преследовать их на более быстрых лошадях и преспокойно выбивать бойцов, пока не прикончат последнего. Оставалось только одно: отчаянная атака.

— Андермансы маздаи! — проревел вожак, поднял копье и поскакал на врагов, следом за ним устремились остальные выроdkи.

Стрелки отчаянно крутили ворота арбалетов, надеясь успеть перед схваткой сделать еще один залп, остальные байкеры обнажили оружие.

— Что там гавкнула эта мохнорылая тварь? — весело спросил Неп Дальнозоркий у Вира, перекидывая акинак из руки в руку.

— Что-то вроде "сдохните выроdkи!", — ответил кастомайзер.

— Выроdkи? Они нас считают выроdkами?

— Да, для них мы именно они и есть.

Первым перезарядил арбалет Хорекс Неустрасимый. Он не дождался команды и, почти не целясь, выстрелил, засветил вожаку прямо между глаз. Предводителя аэсов вышибло из седла. Род-капитан, закинув теперь бесполезный самострел за плечо, вытащил акинак.

— Пуляй! — выкрикнул Ури.

Звон тетивы, и еще несколько выроdkов получили практически в упор увесистые байкерские болты.

— Семь и три! — кочевники ринулись в атаку.

В конной рубке, безусловно, имеет значение подготовленность бойцов, их численность, дисциплина в отрядах, вооружение и экипировка, а также общий уровень организации, но, пожалуй, главное — это стойкость. Основные потери проигравшие получают при бегстве. Паника — враг любого боя. Аэсы, осознав, что находятся в подавляющем меньшинстве, что вожак агонизирует с пробитым черепом, что им никогда не выиграть этой битвы, развернули хорсатов перед самым носом байкеров и пустились наутек. Номадам оставалось просто добить заочно сдавшихся.

Авас Стальной нагнал мохнатого жирдяя и нанес тому сокрушительный удар цепной булавой по затылку. Ява Бесноватая перепрыгнула с лошади на хорсата, обхватила шею противника и воткнула ему в ухо кинжал. Ури перебил секирой позвоночник юному, довольно-таки стройному по меркам выроdkов аэсу. Остальные были добиты точно также — в спину.

— Йенг мне в глотку! — радостно воскликнул Иж. — Вот это победа!

— У нас даже ни одного раненного! — подхватил Крайд, втыкая пику в горло стоящему на коленях и умоляюще вскинувшему руки выроdkу.

— Не забудьте обшмонать аэсов! — послышался голос Вира Златорукого. — Все металлические предметы пойдут на переплавку на благо семи кланов!

Ури не разделял радостей и забот товарищей. Он, приподнявшись на стремянах, осматривался:

— Куда те двое ушли? Баггерхелл, где они есть? Как испарились!

Вечерело. На степь должна была скоро опуститься ночь. К президенту подъехал Вир:

— Солнце уже коснулось горизонта.

— Да, знаю я! — зло выцедил предводитель похода. — В темноте они могут далеко

уйти.

— Нам даже неизвестно, были ли это Хона и Юл, — возразил Златорукий.

— Что тебе вообще известно?! — Ури ударил себя по бедру кулаком. — Ты говорил, что дочура не доплывет до Пагуби, а могла ведь и доплыть!

— Могла, — подтвердил Вир, — а я не Небесный Харлей, чтобы все знать.

— Ладно, извини... — президент хлопнул по плечу товарища.

— Я постараюсь выйти на их след сейчас, — сказал Вир, — но до наступления темноты мало времени. В любом случае они далеко не уйдут. Если то были Хона и Юл, они устроят ночлег, а, если они разведут костер, мы их обнаружим.

— Лады, — согласился Ури, стирая кровь с топорика куском мешковины, — когда они ушли по реке, им просто повезло, но постоянно им везти не может.

Гексаграмма 32 (Хэн) — Постоянство

Когда под ногами зыбкий песок, помните о твердой земле, которая ждет впереди

Ураганный ветер с ливнем, стремительно налетевший на Пагубь, также быстро сошел на нет. Шалаш внутри рощи оказался неплохим укрытием. Парень и девушка вышли наружу. Было свежо и зябко.

— Я не знаю, что нам делать, — сказала Хона, — у нас совсем не осталось еды, а в Пагуби ловить рыбу нельзя.

— Из-за демоницы Радиации?

Байкерша кивнула.

— Слушай, — возразил Юл, — но ведь ты совсем недавно ловила рыбку. И она могла обитать в Пагуби, а потом просто заплыть в другую реку.

— Все равно нельзя, — заупрямилась девушка, — это запретили наши предки, которые покинули города и пришли в степь на стальных конях.

Парню трудно было представить, как это вообще возможно, скакать на лошади, сделанной из металла. Он не стал подвергать сомнению версию напарницы, Юл возразил в другом ключе:

— Послушай, Хона. Ваши предки, конечно, правы, но это было сто лет назад, сейчас бы они разрешили ловить рыбу в Пагуби. У нас в забытой деревне есть Архив Памяти, и там хранится много-много книг, наподобие той, которую забрал твой отец у меня. И я кое-что читал о радиации и прадед Олег мне кое-что рассказывал. Не думаю, что рыбы, птицы и звери, пойманные в Запагубье опасней для здоровья, чем те, которых ты ловишь в родной степи.

Байкерша, поджав губы, задумалась. Внутри нее происходила борьба отнюдь не между разумными доводами, а между суеверным страхом и голодом. Второй, в конце концов, одержал верх.

— Ладно, — сказала она, — пойдём к плоту. Ты знаешь какой-нибудь заговор против чар адской шлюхи Радиации? Только не смей называть меня дурой, как ты это постоянно делаешь!

Парень замялся. Обманывать напарницу почему-то не хотелось, хотя раньше он запросто мог бы соврать и даже глазом не моргнуть.

— Не постоянно, — возразил Юл, — я назвал так тебя только один раз и то со зла.

— Так знаешь заговор? — не унималась Хона.

Младший правнук кивнул:

— Я уменьшу силу радиации специальным заклинанием.

— Вот и хорошо, идем!

Однако плота на месте не оказалось. Видимо, его унесло ураганным ветром.

— Баггерхелл! — воскликнула девушка. — Почему ты его не привязал или не вытащил на землю?

Парень зашел по щиколотку в воду, растеряно осмотрелся. Вокруг плавали ошметки водорослей и травы, да мелкая рыбешка шныряла между ног. На другом берегу чернела бёрн-трава.

— Я думал, на отмели он никуда не денется...

— Думал он! Всегда так!

— А почему ты сама не привязала плот? — возразил Юл.

Девушка хотела что-то сказать, причем явно оскорбительное и злое, но не успела. Послышалось лошадиное ржание. Звуки приходили из-за рощи, с другой стороны острова. Беглецы, не стовариваясь, пригнулись, опрометью помчались к деревьям. Бесшумно пройдя почти весь лесок, спутники увидели, от кого исходил шум.

С левого берега Пагуби на остров переправлялись выродки. Где-то с двадцать с лишним особей. Хона много слышала о них от соплеменников, но никогда не видела вживую, а для Юла вид аэсов и вовсе оказался откровением. Двунogie обитатели Запагубья были в основной своей массе грузны, даже жирны и чрезвычайно волосаты. Одежда их была сшита либо из шкур, либо из мешковины. Лица, покрытые редкой шерстью, лишь отдаленно напоминали человеческие. Скошенные лбы упирались в толстые надбровные дуги. Более всего на них походил людоед Валуй, которого Юл так удачно порешил в Новочеке.

Под стать аэсам были лошади, вернее, как называла их Хона, хорсаты. Мясистые, толстоногие твари с уродливым наростом на слегка вытянутых и приплюснутых мордах. Переправившись, отряд расположился на опушке рощи. Рослый выродок (Юл сразу решил, что это вожак) с рыжеватой шерстью, спешил, направился в сторону шалаша. Немного погодя, главарь выскочил обратно к берегу и прорычал:

— Андермансы возл хирес!

Остальные аэсы как-то мгновенно напряглись, начали озираться по сторонам.

— Фууд-андермансы возл хирес! — вновь прорычал главарь и, указав копьём на лесок, прочертил воображаемый полукруг. — Фууд-андермансы е хирес. Иай фийлую! Зейни в вудсе!

Выродки, спешившись, выстроились вдоль края рощицы примерно на одинаковом расстоянии, где-то в двадцати — двадцати пяти шагах друг от друга. Стало ясно, что они собираются прочесать лесок на предмет поиска чужаков. Мозг Юла лихорадочно заработал. Что нужно предпринять прямо сейчас, чтобы спастись?

Первый вариант, немедленно отступить на противоположный край и попытаться переправиться на правый берег Пагуби.

"Но мы не успеем скрыться с глаз аэсов, и они догонят нас на своих уродских лошадях... и плавать... я не умею плавать..."

Второй вариант, цепь не охватывает всю рощу. Можно попробовать проскользнуть на другую половину острова.

"Но нам придется пробираться перпендикулярно движению выроdkов, причем передвигаться быстро, и те наверняка заметят движение, или услышат..."

Третий вариант, сидеть тихо в кустах, не высовываться, надеясь, что цепь пройдет мимо.

Юл и Хона переглянулись и, не произнеся ни слова, поняли друг друга. Они затаятся, ожидая милости от фортуны. Девушка залегла за деревом, а парень, прячась за кустарником, прикрыл лицо листвой, продолжая следить за выродками.

Аэсы двинулись по команде вожака. Они шли не спеша, издавая гортанные выкрики, порывая и стуча по веткам топориками и копьями. Спустя какое-то время, Юл с ужасом осознал, что один из выродков идет прямо на него. Шаг за шагом он приближался к кустарнику, за которым прятался парень. Аэс скалился, подвывал, бил обухом по веткам, распугивая птиц. Еще немного и он наступил бы прямо на голову младшего правнука.

В мозгу Юла что-то щелкнуло, время будто замедлилось, и он, как тогда, в стане людоедов в Новочеке, оказался в преображенном сгустившемся пространстве, в котором, в отличие от противника, парень скользил с невероятной легкостью. Юл вскочил из-за кустов и нанес излюбленный боковой удар малой боевой лопатой.

У байкерши и младшего правнука теперь оставался только один выход — безоглядное бегство.

Гексаграмма 33 (Дунь) — Бегство

Будущее счастье приходит лишь к тому, кто умеет сполна насладиться настоящим

Взвыв, аэс рухнул с рассеченной мордой. Юл бросил быстрый тревожный взгляд на Хону, та тут же подорвалась, и спутники помчались что есть мочи к опушке, к хорсатам. Где-то сзади сбоку послышался яростный рев.

— Мерзость!.. мерзость! — вскрикнула девушка, подбежав к коню-мутанту, но тут же запрыгнула на него и пришпорила.

Юл последовал примеру напарницы. Хорсат, на котором скакала байкерша, грузно въехал в воду, подняв мутную волну. Парень же приостановился. Сто шагов до другого берега. Всего-то сто шагов. Там были руины домов и дальше шли запагубские равнины, мало чем отличающиеся от степей, по которым рассекали байкеры. Но перед младшим правнуком предстала иная картина: он, не удержавшись, смывается течением и захлебывается...

В реальность Юла привело просвистевшее рядом копьё, выродки один за другим с диким ором выскакивали из рощи.

— Просто иди за мной! Тут пережат! — прокричала Хона, обернувшись. — Просто иди за мной! Я жду! Давай же!

Парень, наконец, решился, подстегнул хорсата и въехал в реку. К счастью для Юла, даже в самом глубоком месте вода доставала ему только до колен, а копытный мутант безропотно слушался парня, двигаясь к противоположному берегу стремительно и без задержек. Выехав на сушу, младший правнук поскакал за байкершой.

— Чоп! Чоп! Чоп! — выкрикивала девушка, пришпоривая хорсата.

Мутант, на котором галопировал парень, ускорился следом за скачущим собратом. Возможно, стадное чувство у них было развито даже сильнее, чем у обычных лошадей. Юл обернулся. Первые всадники-аэсы были только на середине переправы. Фора у беглецов имелаась.

Спутники проскакали мимо фундаментов разрушенных зданий и помчались вглубь Запагубья, в цветущую и влажную от недавнего ливня степь.

Парень постоянно оглядывался и, в конце концов, заметил, что за ними гонятся два отряда: выродки, а следом — люди. А потом аэсы вдруг отстали, построились и поехали навстречу новому неприятелю.

Юл окликнул Хону. Беглецы остановились.

— Это папа! — произнесла девушка, тревожно всматриваясь. — Они будут драться.

— Поехали! — сказал Юл. — Твоих больше, они победят!

— А вдруг, нет, вдруг нужна наша помощь? — байкерша непроизвольно схватилась за рукоять акинака.

— Если мы поедem навстречу, ты точно ни до какого моря не дойдешь, а мне... — парень потупился, — мне вообще не жить.

— Боишься? — на мгновение в глазах Хоны насмешка вытеснила беспокойство.

— Если ты поедешь, то и я поеду, — твердо произнес парень, ощутив обиду вкупе с раздражением.

Девушка взглянула на напарника, затем на два отряда готовящихся к битве, затем снова на Юла.

— Ладно, — сказала она, посмотрела в сторону байкеров, подняла вверх кулак и продекламировала:

— Да хранит вас от вражьих клинков Ямаха Первородная и да дарует вам славную победу Харлей Изначальный!.. А теперь погнали!

Беглецы поскакали в степь. Хорсаты галопировали грузно и тяжело дыша, однако скорости не снижали. Впрочем, обычные лошади в любом случае бежали бы быстрее. Вечерело, и спутники надеялись на то, что темнота вскоре скроет их от вероятных преследователей.

Когда на горизонте, на юго-востоке неожиданно показались дома, спутники остановились.

— Здесь так много заброшенных поселков, — заметил Юл, — мы могли бы спрятаться в одном из них.

— Они не заброшены, вернее, не все заброшены, — сказала Хона, — там живут выродки. Нам некуда бежать, это их земля.

— Тогда, — парень задумался, — нам нужно скакать обратно к Пагуби.

Байкерша поднялась на стремянах, указала вдаль, на юг.

— Видишь там?

— Нет, — ответил Юл, сощурившись.

— Ну, там, что-то белое... стены или что-то такое...

Парень отрицательно помахал головой.

— Поехали туда, — предложила Хона, — это не похоже на дома выродков. Это что-то другое.

Юл хотел возразить, что она на самом деле не знает, кто там обитает, но байкерша уже подстегнула хорсата и поскакала навстречу неизвестности. Парень не хотел кричать вслед напарнице, боясь, что его могут услышать, ведь неизвестно, насколько острый слух у аэсов, а потому поехал следом за непутевой девчонкой.

Начало темнеть, когда беглецы приблизились к странному сооружению. Это было бледно-серое здание в виде большого шатра, окруженное по периметру таким же бледно-серым высотой в полтора роста забором из неизвестного материала. По крайней мере, Юл, знавший по книгам о предках больше, чем кто-либо, не смог его опознать.

В заборе имелся проход. Спутники въехали внутрь. Странно, но здесь, в отличие от заброшенных домов древних, было чисто. Трава была скошена, под навесиком из шкуры хорсата возле стены странного дома лежали сухие дрова, а рядом с ними стеклянные сосуды, наполненные водой. Парень бесшумно извлек меч, то же самое сделала девушка. Тут явно

кто-то жил. Напарники объехали здание, но оно, казалось, не имело ни окон, ни дверей. Вернее в бледных стенах проглядывались треугольники и прямоугольники, но можно ли было попасть через них внутрь, ребята не захотели пробовать. Несколько раз им на глаза попадалась надпись: "МЭЦ-18". Кое-где попадались ступеньки, ведущие наверх, к широкому выступу, окольцовывающему верхнюю часть купола.

— Никого нет, — сказала Хона после того, как беглецы объехали дом трижды.

— Но кто-то здесь живет, — парень спешился, подошел к стене, и после некоторых колебаний поковырял гладиусом контуры большого прямоугольника, попытался засунуть клинок в узкую вертикальную щель, над которой были выведены все те же непонятные три буквы и две цифры.

— Нужно убираться отсюда, — заключила байкерша, — это недоброе место.

Юл согласно кивнул, подошел к своему копытному мутанту и только сейчас заметил на его крупе сумку. Парень засунул руку в нее, нащупал что-то мягкое и вытащил мертвого зайца.

— Смотри! — почти крикнул он. — Аэсы охотились и подарили нам это! И он совсем свежий.

Лицо девушки сперва озарилось радостью, а потом скривилось в отвращении:

— Мерзость! Выродки касались его своими грязными лапами! И вообще этого зайца поймали на запретных землях!

Юл никак не мог согласиться с мнением напарницы, живот его громко запротестовал:

— Мы ведь сегодня ничего не ели, кроме фазаньего яйца.

— Но... — байкерша посмотрела жадным взглядом на зайца, — но... слушай, если ты знаешь заговор, то можно его съесть... поедem в степь, разожжем костер...

— Лучше остаться здесь, — возразил парень, — стены скроют огонь. Оглянись, уже совсем потемнело. А хозяина нет, и вряд ли он придет ночью...

Девушка еще немного попрепиралась, но пустой желудок быстро победил все опасения. Напарники развели костер, содрали с зайца шкуру, разделали его и начали жарить на малой боевой лопате, предварительно смазав лоток козьим жиром, который имелся у Хоны в небольшом количестве. Беглецы, оголодавшие как волки в конце зимы, не дождались приготовления мяса и похватили первые куски полусырыми.

Ничего и никогда более вкусного Юл не ел. Вгрызаясь в сочную, сочащуюся живой влагой мякоть, он, с усилием отрывая и пережевывая шмат недожаренной зайчатины, смотрел на Хону, а та смотрела на него. И глаза обоих, отражая пламя костра, светились голодом и желанием.

Ближе к полуночи, когда убывающая луна вышла из-за туч, напарники закончили трапезу, обглодав зайца до костей. Ночь была прохладной и тихой. Ночь была волшебной. Ночь пахла свежестью и счастьем. Ночь едина для всех. Ночь всегда одинакова: и в степях, где живут байкеры, и в запретных землях. Не перекинувшись и словом, парень и девушка почували это одновременно. Сейчас их никто не посмеет потревожить: ни вердоги, ни капланы, ни другие хищники, ни выродки, ни люди, ни даже демоны. Наступал неизъяснимый миг сладчайшего безумства, и было бы преступно пропустить его.

Юл не успел понять, как оказался рядом с байкершой, а руки уже сами собой стягивали с нее рубаху. Хона же ловко расстегивала штаны парня.

"Как там у них в балладах... ударит в гонг природа...", — подумалось Юлу, но мысль тут же растворилась в океане желания; природа действительно ударила в гонг, и юношеский

разум оказался бессилён перед её великой мощью.

Гексаграмма 34 (Да-чжуан) — Мощь Великого

Там, где сильный ломает закрытую дверь, мудрый — найдет к ней ключи

Проснувшись, Юл ощутил сильнейшее беспокойство. Сначала он решил, что это из-за холода и потому плотней прижался к посапывающей теплой Хоне. Ведь от костра остались лишь несколько едва тлеющих углей. Но тревога никуда не ушла. Тогда он приподнялся на локтях и осмотрелся. В утренней полутьме чернела человеческая фигура с палкой, на конце которой было приделано нечто, похожее на клюв аиста. Парень вскочил на ноги, в руках у него оказалась боевая лопата. Сонливость мгновенно ушла. Миг спустя рядом с ним стояла Хона, успевшая выхватить из ножен акинак. Юл вдруг сообразил, что он и его спутница абсолютно голые.

— Говэйте отсель! — угрожающе прорычала фигура и двинулась на беглецов.

Парень и девушка, готовясь к бою, разошлись в разные стороны. Противником оказался молодой аэс. Морда его, несмотря на шерсть и массивные надбровные дуги, походила на обыкновенное мужское лицо. Он был одет в накидку и шерстяное платье до колен. На груди выродка, на цепочке, висел талисман: прямоугольная металлическая коробка с выдавленной на ней надписью: "МЭЦ-18".

— Говэйте отсель! — вновь прорычал аэс. — Ице лэндя Ингодвитраста! Иай сооал!

Парень присмотрелся к палке с железным, вытянутым в длину набалдашником, которую держал в мохнатых лапищах выродок. Кажется, такие штуки назывались "клевецми".

— Говэйте! — аэс, бросил свирепый быстрый взгляд сперва на парня, затем на девушку, и, видимо, решив, что последняя более слабый противник, ринулся на нее.

Хона, вскрикнув, отразила удар, а Юл подскочил к выродку и с короткого, но резкого размаха перерубил ему шейные позвонки. Когда все было кончено, девушка произнесла слегка дрожащим голосом:

— Надо уходить отсюда.

Парень посмотрел на подругу. На левой груди, прямо под соском, чернел синяк. Наверное, вчера Юл, забывшись, слишком сильно хватал девушку. А ниже, на внутренней стороне бедра темнело... запекшаяся кровь?

— Что уставился? Я говорю, уходить отсюда надо!

Младший правнук отвел взор. Хона, наскоро протерев ладошкой между ног, принялась напяливать на себя одежды, и Юл последовал ее примеру. Однако одевшись, парень не спешил оседлать хорсата. Любопытство, как это часто бывало с ним, взяло верх над осторожностью. Он подошел к убитому выродку, перевернул его на спину. Парню был непонятен смысл надписи на медальоне. Он снял коробку с трупа, повертел ее в руках.

— Юл, ну, что ты там! — воскликнула Хона.

— Погоди! Тебе разве не интересно, что это может значить?

— Я не хочу сдохнуть здесь! Вот, что мне интересно!

— Сейчас, — Юл вдруг заметил кнопку и, немного поколебавшись, нажал ее.

Медальон внезапно открылся, отчего парень вздрогнул. Внутри лежала тонкая прямоугольная пластинка.

— Смотри! — сказал младший правнук.

Байкерша подошла к другу, взяла пластинку:

— Что здесь написано?

— Вверху — "МЭЦ-18", посередине — "старший специалист", внизу — "Марат"

Галимиев".

— И что это значит?

Юл пожал плечами.

— Забирай эту шуковину и поехали! — заторопила напарника Хона.

— Подожди! — парень подошел к прямоугольному контуру, рядом с которым была щель, сверил надписи на карточке и на стене. И там и там были выведены одни и те же буквы и цифры: "МЭЦ-18".

— Ты совсем псих...

Юл еще раз взглянул на пластинку, и вдруг его посетила невероятная догадка. Он вставил карточку в щель. Что-то пикнуло, а затем контур выдвинулся вперед, превратившись в дверь, и с чуть слышным поскрипыванием ушел вверх, открыв темный коридор, из которого повеяло спертым воздухом.

Хона, вскрикнув, отскочила.

— Вот это да!.. — восхищенно произнес парень, — это ведь древние создали.

— Юл, — робко проговорила девушка, — ты ведь не собираешься идти внутрь?

Парень лукаво улыбнулся и спросил:

— Боишься?

— Я ничего не боюсь! — вспыхнула Хона. — Я просто осторожна!

Ухмыльнувшись, вытащив карточку из щели, младший правнук выставил перед собой боевую лопату и шагнул в коридор. Тут же послышался слабый треск и тусклый свет озарил темное пространство.

— Ох! — вскрикнул Юл, зажмурившись, сердце его гулко забилося, отдавая тяжелыми пульсациями в виски.

Хона подскочила к возлюбленному, прижалась к нему и, встав на цыпочки, прошептала:

— Юл, это мощь великих предков, не стоит...

Осмотревшись, опустив лопату, парень повернулся к девушке и улыбнулся:

— Когда еще будет такой шанс?

— Здесь мы в ловушке, — возразила Хона, — если выродки придут сюда, мы даже убежать не сможем.

Младший правнук подошел к выходу и, внимательно осмотрев его, обнаружил еще одну щель. После того, как он вставил туда пластинку, дверь закрылась. Беглецы оказались замурованными. Тогда парень вновь ткнул карточкой и проход открылся. Поупражнявшись так несколько раз, Юл сказал Хоне:

— Теперь нас никто не схватит. У нас есть ключ.

Напарники двинулись вглубь коридора. Сердце младшего правнука то замирало, то начинало биться с безумной силой, отчего темнело в глазах. Вдоль коридора были расположены прозрачные двери, ведущие в комнаты. Беглецы заглядывали в каждую из них. Как только нога ступала в помещение, автоматически зажигался тусклый бледно-желтый свет. Сперва Юл и Хона чертыхались, но затем привыкли. В комнатах они обнаруживали разные диковинные вещи совершенно непонятного предназначения: какие-то странные запыленные экраны на одряхлевших столах, пустые коробки, металлические кровати на колесиках, колбы разных размеров, большие капсулы, куда мог вполне поместиться взрослый человек и еще множество разного мелкого хлама.

— Юл, — прошептала Хона, — здесь очень душно. Давай, уйдем отсюда!

Действительно, лоб у парня покрылся испариной. У этого впечатляющего дома предков

имелся очень существенный недостаток: сюда не поступал воздух.

— Сейчас, — сказал младший правнук, — подожди немного.

Юл вошел в одну из комнат. Она привлекла его своим содержимым. Ровно посередине лежал большой обожженный кусок глины, а вдоль стены аккуратными стопочками были сложены такие же обожженные глиняные плитки.

— Как же здесь жарко! — Хона шумно вздохнула.

Парень, заметив контур треугольника и щель возле него, подошел и воткнул карточку. Контур, превратившись в окно, уехал вверх. Ударило дурманящей свежестью.

— Так лучше? — спросил Юл.

Зажмурившись и блаженно улыбаясь, подставив личико холодку, Хона кивнула. Парень же подошел к глиняному камню. На нем были продавлены письма. Младший правнук прочитал вслух:

Марат Галимиев, ученый-эпидемиолог из города Казань, прежде чем навсегда покинуть МЭЦ-18, Мобильный Эпидемиологический Центр, оставил здесь память о минувшем. Я знаю, что в мире есть выжившие, но я не уверен, что их потомки будут владеть грамотой. И все же я надеюсь, мой труд не пропадет втуне. Электронные носители никто не сможет прочесть, бумага недолговечна и только обожженная глина сохранит мое послание на тысячелетия. Благодаря глиняным таблицам, мы узнали о шумерах, благодаря им же вы узнаете обо мне и об ужасной катастрофе, постигшей человечество. Здесь, с небольшими пояснениями и сокращениями, я перепишу свой дневник, который вел все эти месяцы ада.

Мобильный центр создан с помощью самых современных технологий и напичкан пьезоэлементами, которые осветят коридоры даже через сто лет, даже через триста.

Читайте! Внимайте! Помните!

— Ты слышала! Слышала, Хона! — с восторгом произнес парень. — Послание предков! Вот оно! Здесь!

— Нужно уходить! — девушка отвернулась от окна, взглянула с беспокойством на напарника. — Мы здесь в ловушке.

То, что подруга не поделила с ним радости и не оценила важности текущего момента, покорило парня. Щеки его загорелись и, насупившись, он произнес:

— Хорошо, иди. Оставь мне хорсата и иди. Я останусь здесь, мне знание дороже жизни...

— Ты просто дурак! — констатировала девушка. — Гадкий и глупый кегль, вот кто ты!

— Иди, — парень потупился, — иди, Хона, я тебя не держу. Мы ведь больше никогда не вернемся сюда и никогда не узнаем, что здесь написано. А я хочу знать!

Наступило гробовое молчание.

— Еще бы ты меня удержал, — пересилив тревогу, девушка хмыкнула, отошла от окна. — Я байкерша и вольна находиться там, где угодно моей душе. И сейчас я хочу находиться рядом с тобой. Я бы уехала отсюда, но спорить с глупым кеглем — только тратить время. Я не желаю покидать тебя. Ты псих, только не такой как мои соплеменники, а особый. И это очень круто!

Юл не ответил, лишь взглянув на напарницу, слабо улыбнулся.

— Я останусь с тобой, — деловито проговорила Хона, — но пообещай, что взамен выполнишь любое мое желание.

— А какое?

— Я еще не придумала.

— Хорошо, — парень кивнул.

— Тогда читай! Только, чур, вслух!

Обрадованный Юл подошел к стопкам и взял верхнюю и крайнюю таблицу.

Ль1. Человечество поразил раннее неизвестный нейротропный вирус. Мы так и не успели его исследовать. На территории нашей страны были оперативно развернуты пятьдесят шесть МЭЦ, самых современных станций, которые можно собрать и разобрать в течение суток в любом месте и при любой погоде. Несмотря на кажущуюся хрупкость, эти здания сделаны на века.

Причина, по которой ни одна лаборатория в мире так и не успела создать иммуноглобулин или придумать какой-либо иной способ противодействия инфекции состоит в том, что болезнь слишком поздно обнаружили. Возбудитель болезни передается от организма к организму различными способами: аэрогенным, контактным, трансмиссивным, алиментарным. Иначе говоря, заразиться можно воздушно-капельным путем, через кожу и слизистую оболочку, через укусы, царапины и испражнения.

— Ты что-нибудь понял? — спросила Хона.

— Не все слова мне известны, но кое-что я уяснил, — парень, пожав плечами, взял следующую таблицу.

Ль2. Болезнь развивается в три этапа:

1) Продромальная стадия. Длится от трех до девяти дней. Сопровождается появлением у зараженного зуда, повышенной температуры, беспокойного сна, белки глаз чаще всего краснеют. Также нередки спонтанные вспышки гнева и беспричинного страха. У части больных возникает повышенное половое влечение.

2) Акматическая стадия. Длится от четырех до шестнадцати дней. Зараженный становится сверхраздражительным, теряет контроль над собственным поведением. По моим наблюдениям, около шестидесяти процентов заболевших охватывает непреодолимое желание убивать и пожирать себе подобных. Около тридцати процентов проявляют повышенную сексуальную агрессию. Около десяти — забиваются в темные места, где медленно умирают от обезвоживания, голода и страха. На данной стадии нередки самоубийства.

3) Затухающая стадия. Длится месяц-полтора. Зараженный, продолжая оставаться сверхраздражительным, постепенно теряет контроль над мышечной деятельностью, все чаще впадает в оцепенение, длящееся от нескольких минут до нескольких часов, и, в конце концов, умирает от паралича в страшных муках.

Болезнь получила название "инсэнития" от английского insanity — "безумство". Вероятность самоизлечения в инкубационный период 2,5 %. Вероятность смертельного исхода при переходе болезни в продромальную стадию: 99,75 %.

— Значит, правильно говорили предки, что Небесный Харлей наслал на землю болезнь безумия, — заключила Хона и, немного подумав, спросила:

— Процент — это как право одного процента?

— Да, — подтвердил Юл, — один шанс из ста.

— То есть шестьдесят процентов — это шестьдесят шансов из ста? — сообразила байкерша.

— Да.

— И это то же самое, что... что... шесть из десяти?

— Да.

Хона радостно, совсем по-детски захлопала в ладоши:

— Я начинаю понимать, о чем писал древний!

Сердце Юла обожгла горячая нежность к девушке. Байкерша была отнюдь не глупа, она тоже стремилась узнать новое. Просто младший правнук не замечал этого раньше. Сейчас глаза Хоны светились жадным любопытством, таким же, как и у него самого. А когда ты смотришь в одном направлении и идешь по одной дороге, когда ты на одной волне с близким человеком, получается резонанс невероятной силы. Так говорил прадед Олег.

Но в то же время парня начала одолевать смутная тревога. Эта нежность, это обожание кружили голову, не давали рационально мыслить. Казалось, он попал в самый центр сладостного, неуправляемого смерча. А можно ли удержать ураганный ветер в руках?

— Ты научишь меня читать? — спросила Хона.

Спросила неожиданно тихо. Даже робко. Юлу захотелось коснуться девушки, погладить размякшие щеки, темно-русые волосы, заплетенные в короткую косу, прижать ее к себе и задохнуться от счастья. Но вместо этого парень произнес всего одно слово:

— Да, — и потянулся за новой таблицей.

Ль3. В год, когда случилась катастрофа, Марина Энн Хэнцис, более известная как Саша Грей, стала кандидатом в президенты от Демократической партии США, в Нидерландах узаконили женитьбу на собаках, Русская Православная церковь еще при жизни канонизировала президента России, Китайская Коммунистическая партия объявила себя транснациональной корпорацией с капитализацией, намного превышающей Apple, Exxon Mobil и Google вместе взятые, а Джастину Биберу вручили Нобелевскую премию по литературе.

Я писал, что болезнь слишком поздно обнаружили, а вирус распространился с невероятной быстротой. Инкубационный период инсэнтитии составляет от шести до девяти месяцев. Именно поэтому, когда на глаза врачам попались первые заболевшие, более девяноста процентов человечества уже было заражено. Но даже резко участвовавшие кровавые убийства среди бела дня сначала не обеспокоили власти. Ведь уже давно никого не удивляло то, что американские школьники расстреливают своих учителей и одноклассников, в городах Европы происходят массовые изнасилования, на улицах Москвы режут баранов и людей, участвуют в массовых побоищах и даже расхаживают с отрезанными головами, а на Ближнем Востоке поедают печень и сердце убитых врагов.

В итоге, когда ученые всерьез взялись за инсэнтитию, было слишком поздно. Миллиарды уже заразились.

— Теперь я мало что понимаю, — Юл протяжно вздохнул, — тут некоторые слова латиницей написаны... ну, это такие буквы, которые читаются по-другому... и еще какие-то церковь и партия, Саша Грей, Бибер...

— Зато я поняла, — Хона самодовольно улыбнулась, чуть наморщив нос, — здесь написано то же самое, что говорится в легендах наших предков. Перед Великой погибелью баггеры-гомофобы и баггеры-гомолюбы захватили весь мир и одурманили бычье и телок. И поэтому, когда пришла болезнь безумия, очень трудно было отличить пораженных ею от тех, кого просто зазомбировали.

— Что сделали? — не понял парень.

— Зомби... — девушка нахмурилась, пытаясь сформулировать ответ, — зомби... это как бы такие люди, у которых нет своих мыслей. Они думают чужие мысли... вернее, даже не думают, а пропускают через себя бездумно. Они уже мертвы, хоть и живы. Так мне объяснял

Вир Златорукий.

— То есть болезнь не заметили, потому что люди и так уже были зомби... — медленно произнес Юл.

— Слушай, если здесь написано про бычье и телок, значит должно быть и про байкеров, — сказала Хона, — найди и прочитай мне!

— Я хотел просмотреть все таблицы по очереди, — возразил парень.

— Прочитай!

— Любой материал нужно изучать по порядку...

— Мы не успеем так. Пожалуйста, Юл, найди! Пожалуйста, я тебя прошу!

Парень бросил на напарницу взгляд, полный изумления. Впервые за все время знакомства с Хоной он услышал от нее "пожалуйста". Младший правнук ощутил на себе то, что оставил в почти забытом детстве, в тесной землянке, где мама рассказывала о Радиации-Яге и демонах Внешней Тьмы, пугая детей почти до смерти. Страх превращал бестелесных призраков в самых настоящих злобных монстров, летающих в холодной ночи и подвывающих степным ветрам.

Сейчас Юл вновь почувствовал силу магии слова. Прадед Олег учил парня не поддаваться чародейству, рассеивать его критическим осмыслением. Но одно дело бороться с черным ужасом, а совсем другое — с "пожалуйста", которое сошло с уст наглой, порой невыносимой, но, тем не менее, такой близкой и непосредственной девчонки. Вряд ли она часто произносит подобное. А потому "пожалуйста" Хоны казалось чем-то бесценным, имеющим внушительный вес, и давящим запредельной нежностью на юношескую грудь. Этой магии хотелось подчиниться с большим удовольствием, чтобы нечто бесплотное и неуловимое связало вдруг два сердца крепкими и нерушимыми цепями...

Но ведь ей нужно сопротивляться? Еще как нужно! Сегодня ночью, самой прекрасной ночью в жизни парня, он начисто позабыл о самоконтроле, он был рабом чего-то неизведанного и сверхсильного, дарующего наслаждение. И это радовало и корбило одновременно.

— Хорошо, — парень с трудом взял себя в руки, положил на место табличку и внимательно просмотрел верхний ряд стопок.

Не найдя искомого слова, он по очереди поднимал глиняные плитки, но так ничего и не обнаружил. Тогда он стал поднимать по две таблицы, и, наконец, неожиданно для самого себя отыскал то, что просила подруга.

— Вот, кажется здесь. Слушай!

Льб3. День пятьдесят шестой. Местная администрация пала. В Ростове — хаос. Полиция и военные бессильны. Большинство из них сами заразились и теперь потихоньку начинают рвать друг друга. Я в очередной раз порадовался, что мы разбили лагерь в удалении от города. Инфицированные не сбиваются в кучи, как это любят показывать в фильмах про зомби. Они просто становятся безумцами, которые убивают всех подряд, в том числе и таких же больных. Так что организованного нападения мы не ожидаем, если не считать банд мародеров. Но спецы держат периметр, одиноких зомби устраняют бесшумно и быстро. Весь персонал МЭЦ-18, кроме меня, заражен. Теперь уже никто не пользуется защитой, потому что она больше не нужна. Еще две недели назад в моей крови, как и у других, были вирусы. Я уже смирился, ждал, когда закончится инкубационный период и у меня появятся первые признаки инсэнитии. Тогда бы я покончил с собой или попросил бы кого-нибудь убить меня, но последние анализы внезапно показали, что я чист. Тем не менее, получить антитела

не удастся. То же самое по спутниковой связи нам сообщают и с других МЭЦ. Периодически попадаютса самоизлечившиеся люди, но сыворотка из их крови не действует на других.

С МЭЦ-17 расположенного под Волгодонском, пришла интересная весть. Одна из спецгрупп пересеклась с дюжиной байкеров. У некоторых из них имелись следы укусов инфицированными. Однако мотоциклисты утверждали, что не заражены. Парням из спецгруппы не без помощи угроз и автоматов удалось убедить байкеров сдать анализы, прежде чем они отправятся дальше. Как это ни странно, следов вирусов у них не было обнаружено.

— Это значит, — обрадовалась Хона, — что Харлей Изначальный уберег их от безумия. Здесь говорится о клане Хандредов. Они пришли из Волгодона, оттуда, где стоял Замок Смерти, который породил адскую шлюху Радиацию.

— Это странно, вот, что это значит, — чуть подумав, произнес Юл, всматриваясь в черты лица подруги. Еще вчера она ему просто нравилась. А сейчас, после невероятной, божественно сладостной ночи, парень ощущал нечто иное, что-то запредельное, не поддающиеся рациональному объяснению. Еще вчера он видел в Хоне не только достоинства, но и недостатки, а сейчас хотелось думать, что она идеальна, непогрешима, прекрасна, что нет большего греха, чем усомниться в ее безупречности. Она — безукоризненное воплощение Анимы, богини, в которую верили жители Забытой деревни.

Но ведь это не так! Это неправда! Это морок! Любовная магия. Но как же приятно отдаться в ее власть!

— Читай дальше, читай! — нетерпеливо проговорила девушка. — В следующей таблице должно быть что-нибудь еще про предков.

Ль64. День пятьдесят седьмой. Утром пришло сообщение с МЭЦ-3 из Подмосковья врачи встретили группу беженцев. Каких-то сектантов, верующих в свое спасение и неким "последним пророком судного дня". Шли фанатики на юг: "к Лукоморью, земле обетованной, где построят град божий". И все они, как и байкеры, оказались незараженными. Тогда впервые я подумал о загадочной связи между субкультурами и иммунитетом к инсэнитии. Однако работа в лаборатории не дала мне возможности как следует поразмыслить над данной проблемой.

Другое сообщение пришло с МЭЦ-40, что была развернута возле Ямантау. В правительственном подземном комплексе поселилась паника. Большие бонзы не избежали общей судьбы, и болезнь начала выкашивать и их. Так уходит земная слава. И это справедливо.

Под вечер мы получили еще одну весть с МЭЦ-25 из-под Мурманска. Наши северные коллеги нашли сомнительный способ борьбы с инфекцией. Там, где бессильны даже генетики, на помощь пришли радиобиологи. Простой физраствор, обогащенный радиоактивными нуклидами, вводимый внутривенно останавливал (не изничтожал, а именно останавливал) болезнь. Инъекции делались больным два раза в сутки. Только одно непонятно, что хуже: умереть от лучевой болезни или инсэнитии. Кроме того, оставался невыясненным механизм консервации инфекции.

Ночью с МЭЦ-17 был послан экстренный сигнал на всех частотах. На Ростовской АЭС произошел взрыв. Радиация вырвалась наружу. Полагаю, скоро и мы почувствуем на себе последствия.

— Все как в легендах, — прошептала Хона, — адская шлюха вышла из Замка Смерти.

— Но про байкеров здесь вряд ли что-то еще написано, — Юл потянулся за следующей

таблицей, — это был всего лишь незначительный эпизод.

— Эй, не говори так про моих предков! — девушка двинула напарника в плечо.

От неожиданного толчка Юл отдернул руку, свалив две пластинки на пол. Глиняные прямоугольники, гулко ухнув, разлетелись на несколько частей.

— Хона! — закричал парень. — Что ты делаешь!

Младший правнук, будто мышь, в последний момент ускользнувшая в норку от цепких когтей степного сокола, разорвал цепи очарования, стягивающие сладкими путами сердце. И его вдруг переполнила такая злость, что он готов был убить мелкую мерзавку. Только и умеет, что портить артефакты! Ведь это сокровенное знание! Где еще можно узнать о последних днях прежнего мира? А она... она... она...

Не найдя слов, как выразить возмущение, Юл выругался по-байкерски:

— Баггерхелл!

— Я не виновата, что ты криворукий, — произнесла девушка.

— То есть я виноват! — возмутился Юл. — Оказывается, я виноват, а не ты?

— Конечно, ты! — Хона начала злиться. — Ты ж разбил, а не я!

— Дура безголовая, зачем я только с тобой вожусь?!

— Что? Это ты со мной возишься? — девушка пихнула парня в грудь. — Да если бы не я, ты бы рабом сейчас был! Тебе Аवास уши отрезал бы! И язык, потому что болтаешь много! И правильно сделал бы!

— Ты освободила меня не из доброты, а потому что боялась одна ехать за Пагубь...

— Я ничего не боюсь, понял, кегль!

— А еще ты завидуешь другим! — поддавшись раздражению, Юл уже не мог остановиться. — Ты ведь просто жалкая шустрила, и такой останешься навсегда, потому что ты безответственная мелкая дрянь. Даже если ты станешь... как там у вас это называется... даже если ты станешь мембером, ты все равно останешься папенькиной дочкой, которую мало пороли в детстве! Ты ведь знаешь, что тебе ничего не будет, ведь ты дочь вождя, а не кегля! Уши тебе не отрежут, за папочкой спрячешься!

Щеки девушки мгновенно налились густой краской:

— Ну, и пошел ты в жопу! Без тебя обойдусь! — сорвавшись с места, байкерша выпрыгнула в треугольное окно и помчалась к мирно пасущемуся хорсату.

— Хона... — Юл хотел было остановить напарницу, даже, возможно, попросить прощения, но новая волна гнева заставила его прокричать вдогонку:

— Шустрила! Папенькина шустрила!

В ответ послышался глухой топот копыт. Хона ускакала в степь.

Парень посмотрел на свои чуть подрагивающие пальцы рук, и ему стало стыдно. Никогда нельзя поддаваться негативным эмоциям. Это ведет к беде. Наделаешь глупостей, а потом пожалеешь тысячу раз. Так говорил прадед Олег. И Юл всегда стремился к самоконтролю, а сейчас вышел из себя. Почему?.. Только ли из-за разбитых таблиц?

— Или я психую из-за нее? — прошептал парень. — Из-за нее... я не контролирую себя, когда она рядом... потому что... я...

Слово "люблю" младший правнук не решился произнести вслух. Невероятное одиночество навалилось на него. Даже когда Юл расставался с Темеркой и уходил из родного поселка во Внешнюю Тьму, он не чувствовал себя таким осиротевшим. А сейчас будто сердце вырвали. С кровью. С хрустом. С жестокой болью. Все было так хорошо, так

чудесно, и вот, стоило один раз сорваться, и мир рухнул. Не нужен теперь ни поход к морю, ни возвращение в Забытую деревню. Жизнь не нужна. Умереть хочется.

Что делать? Догнать? Попросить прощения? Но тогда она решит, что права... с того момента она будет всегда права...

И что с того? Ведь раньше мне все равно было, кто, что думает. Главное, добиться своего. Главное — победить...

Где прежнее спокойствие? Где оно?.. проклятая магия окутала липкими цепями, лишила разума... человеческая магия, скроенная из чувств, слов и обстоятельств всегда одолевает слабую душу...

Вот и весь ответ. Прадед Олег с самого начала приучал Юла контролировать свои эмоции, но наглая смазливая девчонка ворвалась в его жизнь ураганом, лишила привычной опоры на собственные силы, сделала безвольным. Трудно, почти невозможно противиться любовной стихии, когда тебе всего лишь шестнадцать лет. Именно поэтому, а не из-за разбитых таблиц Юл пошел на обострение, наступив на большую мозоль Хоны, на байкерское самолюбие и желание показать себя крутой и независимой от отца и старших соплеменников. Младший правнук сделал это неосознанно. Так он пытался одолеть то, над чем не имел власти, но что имело власть над ним, то, что превращает человека в перекачиполе, которое безропотно катится по бескрайней степи, поддавшись буйному ветру.

Именно таким засохшим растением, готовым поддаться чувствам и помчаться вслед за любимой, и представил себя Юл.

"Я слаб... но я не поеду... не поеду за ней!.." — по щекам парня потекли слезы.

Тогда, чтобы окончательно не раскиснуть и хоть как-то отвлечься, Юл схватил первую попавшуюся глиняную таблицу и принялся читать.

Л73. День шестьдесят шестой. Радиационная обстановка: 1260 микрорентген в час, что более чем в шестьдесят раз превышает норму.

Сегодня ночью была перестрелка. Банда мародеров пыталась взять наш лагерь. Убито тринадцать бандитов. С нашей стороны легко ранен один спец.

Еще пять человек помещены в карантин. Двоих пришлось усыпить, поскольку у них болезнь перешла в акматическую стадию. Есть и обнадеживающие новости. Не только физраствор с нуклидами, но и внешнее облучение (начиная примерно с 800 микрорентген в час) замедляет развитие инсэнтити. Благодаря взрыву на АЭС под Волгодонском инфекция законсервирована. Если бы не это обстоятельство, полагаю, не два человека а около четверти персонала Центра уже сошли бы с ума. Однако пройдет месяц, может чуть больше, может чуть меньше, и радиационный фон спадет, и тогда зараза вновь вступит в свои права. Это отложенная агония.

В МЭЦ-17, где радиационный фон значительно выше нашего, проводят эксперименты не только на людях, но и на домашних животных и летучих мышах. Инсэнтития заразна для человека, для прочих млекопитающих она, по всей видимости, безвредна. Однако ученые отмечают странное поведение животных, которым кроме вируса ввели в кровь нуклиды. У них будто появляются зачатки "коллективного разума". Впрочем, о чем-либо судить пока что слишком рано. Необходимы дополнительные экспериментальные подтверждения.

Юл отложил таблицу и тут же взялся за следующую.

Л74. День шестьдесят седьмой. Радиационная обстановка: 1330 микрорентген в час.

Меня посетила идея. Вирус поражает главным образом нейроны мозга. Именно там он размножается. В других частях организма вирус погибает в течение нескольких недель. Это

уже доказанный факт. В последнее время с территории России и из-за рубежа к нам поступала информация о людях, обладающих иммунитетом к инсэнтитии. Главным образом это лица, сгруппировавшиеся по интересам, иногда, как в моем случае, попадают и одиночки. Значит, этим счастливицам каким-то образом удалось очистить собственные нервные клетки от болезни.

Одно из фундаментальных правил неврологии гласит: нейроны, используемые вместе, соединяются в сеть. Если человек что-то делает постоянно — эта сеть становится устойчивой. У индивида, чем-либо страстно увлеченном, подобные сети сверхустойчивы и сверхживучи. Инсэнтития в некотором роде "коллективный вирус", перестраивающий нейросети под свои задачи. Что если борьба идет именно на уровне сетей? Люди с устойчивыми увлечениями имеют несравненно больший шанс на выживание. То есть сверхустойчивые нейросети чаще всего побеждают вирусные, угнетают их, и клетки, инфицированные инсэнтитией, погибают. Это только гипотеза. Мне даже механизм такого действия до конца не ясен.

Тем не менее, я переговорил с начальником нашего МЭЦ, и меня ждало разочарование.

Парень отложил таблицу. Его вдруг кольнуло острое предчувствие. Нужно было прямо сейчас уходить. Выродки не будут церемониться с человеком, если обнаружат его на своей территории. Юл подумал о Хоне. Как-то все нереально произошло. Будто с кем-то другим. Прошлой ночью они были невероятно счастливы, а сейчас... какая разница, что будет потом?..

— Я просто идиот, — сказал сам себе парень, — что я здесь делаю? Что вообще происходит?.. что со мной?.. уходить надо... уходить...

Но Юл наперекор собственному рассудку схватил следующую глиняную плитку.

И, правда, какая разница? Пусть лучше меня убьют выродки...

Ль75. День шестьдесят седьмой. Продолжение.

Я сообщил начальнику свою гипотезу и попытался убедить его в необходимости изучения проблемы в данном ключе. Я хотел послать запрос в столицу на дополнительное оборудование. Но мне было отказано. Начальник сказал, что сегодня вечером состоится собрание, а завтра утром персонал МЭЦ-18 эвакуируется в Волгодонск, поближе к источнику целительной радиации. Мир стремительно вымирает, а потому существует острая необходимость в выживании лучших представителей человечества. Времени на исследования не остается, и правительство приняло решения задействовать весь пока еще действующий авиатранспорт для переброски материальных и людских ресурсов к Ростовской АЭС.

Под "лучшими представителями человечества" понимались вполне определенные экземпляры вида хомо сапиенс: высокопоставленные чиновники, миллиардеры, их мажорные отпрыски, жившие за границей, и их же зажавшаяся обслуга. На остальных, впрочем, как всегда, элите было наплевать.

Вечером действительно состоялось собрание. Начцентра предложил остаться пяти добровольцам в МЭЦ-18 для замеров радиоактивного фона и общего наблюдения за эпидемиологической обстановкой. Одним из волонтеров, естественно, оказался я. Остальные ранним утром отправились автоколонной в Волгодонск.

Прочитав таблицу, парень потянулся к следующей. Он действительно готов был остаться здесь до конца. Если уж не можешь противиться любовной стихии, если тебя ломает, как жалкого раба, то...

Да и вообще, уже слишком поздно куда-либо уходить. Отправляться в путь надо было с восходом, а теперь...

Что "теперь", парень додумать не успел, поскольку услышал топот копыт и протяжный крик Хоны:

— Юл! Ю-ю-юл! Открой!

Сердце юноши тревожно и радостно екнуло и, забыв обо всем на свете, он опрометью выскочил из комнаты, помчался по коридору к выходу.

Гексаграмма 35 (Дзинь) — Восход

День начинается с восхода солнца, но не заканчивается на этом

Байкеры провели ночь без костров, опасаясь, что огни заметят выродки. Ночь была тиха, но тревожна. Запретные земли тяготили. Каждый номад с самого детства помнил рассказы убежденных сединой воинов о Запагубье, где когда-то устраивала безумные оргии адская шлюха Радиация. Ведь не случайно именно здесь живут ее потомки — аэсы. И хоть с тех пор прошло сто лет, и силы демоницы иссякли, все же проклятье и по сей день лежит на этой степи. Предки возбранили есть рыбу, выловленную в Пагуби, и бить зверя на поруганных территориях.

Единственным, кто не побоялся вкушать пищу, выращенную в Запагабье, был Вир Златорукий. Почти три оборота небесного колеса он находился в почетном плену у выродков. Кастомайзера спасла тогда татуировка на груди в виде извивающейся змеи, проткнутой двумя копьями. Этот знак считался священным символом у аэсов. Вира приняли за живого бога, в связи с чем к нему приводили юных уродок для дефлорации. Когда кастомайзер сбежал и вернулся в родное становище, его не сразу приняли. Байкера отправили в степь очистить тело и душу от скверны пребывания в запретных землях. В полном одиночестве он прожил от весны до весны. Но и потом, несмотря на то, что Вир получил почетнейшее звание "Стальные бедра", соплеменники относились к нему с осторожностью и недоверием. Часто он становился объектом насмешек, на которые, впрочем, не обращал особого внимания. Женщины не желали иметь с ним дело. За исключением полногрудой Чезеты, этой странной, слегка чокнутой, стареющей толстушки...

С восходом солнца, позавтракав солониной, кочевники отправились на юг. В авангарде на расстоянии около двухсот шагов от основного отряда ехал Вир Златорукий и еще пара воинов. После вчерашнего ливня степь расцвела буйным цветом. Весело жужжали насекомые, чирикали невидимые птички, а в голову бил вездесущий дурман весны. Но главное, не было жарко. Степь, считавшаяся проклятой, откровенно радовала глаз, освежала, навела на мысли о чем-то светлом и прекрасном.

Ури пребывал в хорошем настроении. Да, сейчас байкеры на вражеской территории, и в любой момент выродки могут напасть на след непрошенных гостей. Ну, так что с того?! Погибнуть в бою в такой замечательный день — угодить самому Небесному Харлею и всему священному табу.

Мысли предводителя Дэнджеров будто призвали беду. Авангард вдруг остановился, Вир Златорукий, находясь на небольшой возвышенности, подал знак, и остальные галопом помчался к разведчикам.

— Смотрите, — сказал кастомайзер, указав руками в противоположные стороны.

С запада и востока к байкерам, поднимая пыль, стремительно приближались два отряда, каждый из которых состоял, пожалуй, из полсотни бойцов. Это были выродки. Теперь

сражение могло закончиться отнюдь не в пользу кочевников, как вчера.

Принять бой прямо здесь Ури виделось нецелесообразным. Быть окруженным, пускай и на небольшой возвышенности, отражать удары с двух сторон значило неминуемо проиграть. Имелся и такой вариант: сперва напасть на одних, быстро разбить их, затем сражаться со вторыми. Благо и тот и другой отряды находились примерно в трех тысячах шагов от байкеров. Но кто даст гарантии, что аэсы будут молниеносно разгромлены? Если они дадут достойный отпор, то смелый маневр обратится катастрофой. Оставалось отступить на север, к Пагуби, и занять оборону на одном из островков, или...

— Я знаю, где может быть Хона, — второпях произнес Вир, указывая на юг, — там скачет всадник.

— Глаза мои! — Ури смог разглядеть только очертания конника, мчавшегося сломя голову прямо на кочевников.

— Да это же Хона и есть! — Неп Дальнозоркий, сощурившись, засмеялся. — Я вижу, точно она! На хорсате! Надо же!

— Там, на юге, вон, видите, белеет на горизонте, — сказал Вир, — дом древних. Аэсы считают его храмом бога Ингодвитраста, на самом деле это мобильный центр, построенный предками против болезни безумия. Там я и был жрецом...

Вряд ли кто-то из номадов знал, что такое "мобильный центр", но сейчас, в момент крайней опасности, даже Неп не удосужился сострить по поводу непонятных словечек.

Всадница вдруг остановилась, замерла в нерешительности, словно находилась в прострации и только сейчас заметила байкеров, как будто тело восседало на лошади, мчалось по степи, а душа — совсем в иных мирах.

Нет же... так оно, видимо, и было... Хона и в самом деле не видела, куда ее нес хорсат. Девушка развернула лошадь-мутанта и поскакала обратно, в южном направлении.

— Укроемся в храме выроdkов, — Ури, выхватив секиру, проорал:

— За ней!

Кочевые варвары с гиканьем устремились за беглянкой.

Гексаграмма 36 (Мин-и) — Просвещение варваров

Самой темной ночь кажется перед рассветом

— Юл! Открой, скотина, за мной гонятся! — Хона затарабанила снаружи.

Парень, не помня себя от радости, подбежал к двери, ткнул карточкой в щель. Пусть называет его, как хочет, главное, что вернулась. Дверь ушла вверх, и в коридор заскочила всклокоченная байкерша.

— Закрывай! Закрывай, давай! Быстрее!

Младший правнук закрыл дверь.

— И окно! Окно тоже!

Юл побежал в комнату с глиняными таблицами, затворил треугольный проем.

Вскоре послышался гул копыт. Всадники оказались внутри центра, кто-то стал объезжать здание по периметру. Напряженно вслушиваясь, беглецы вышли в коридор.

— Провались все в багтерхелл, куда она делась?! — это был голос Урала Громоподобного.

— Они внутри! — ответил Вир.

Раздался настойчивый стук.

— Хона, Юл, вы ведь здесь! — прокричал кастомайзер. — Откройте! Скоро сюда прибудет целая сотня выроdkов, нам нужна ваша помощь!

Парень и девушка подкрались к двери и затихли.

— Хона, Юл, послушайте, у вас ведь есть такая пластинка, там еще написано "МЭЦ-18".

Иначе вы не смогли бы попасть внутрь, — Златорукий снова постучал.

Беглецы ничего не ответили. Юл только крепче сжал малую боевую лопату в правой руке и пластиковую карточку в левой.

— Никто вас не тронет, я обещаю. Нам нужно закрыть ворота. Закрыть их можно только с помощью пластинки. Откройте! Вы там все равно задохнетесь, вентиляция уже при мне барахлила!

— Пусть мой отец поклянется, что не сделает ничего дурного ни мне, ни Юлу! — прокричала байкерша. — Не убьет его и не покалечит!

— Мерзавка! — прорычал Ури. — Ты еще торговаться со мной собралась!

— Я не открою, — прошептал Юл, — я в любом случае не открою...

— Там выродки, у нас выхода нет... — тихо, на пределе слышимости сказала Хона, а затем вновь перешла на крик:

— Поклянись! Иначе не откроем!

Послышался короткий спор между Ури, Виром, Непом и еще несколькими номадами.

— Хорошо, — недовольно пробасил президент Дэнджеров, — клянусь Харлеем Изначальным, Явой Первородной и всем священным табуном, что не трону и не покалечу этого говнюка! Довольна?

— Да...

— Только быстрее давайте, аэсы уже рядом! — скороговоркой проговорил кастомайзер.

Парень и девушка переглянулись. Хона кивнула, и Юл передал ей карточку, а сам вытащил гладиус из петли. Оружие теперь у него было в обеих руках. Байкерша ткнула пластинку в щель, дверь пошла вверх, а младший правнук отступил на несколько шагов вглубь коридора.

В проеме показался седовласый Вир с протянутой рукой. Хона тут же отдала ему карточку, кастомайзер исчез. Несколько мгновений спустя послышался скрип — ворота закрывались, делая ограду вокруг купольного здания сплошной.

— Наверх, нужны стрелки наверху! — прокричал Вир. — Пусть следят за аэсами!

Ури сделал знак рукой и несколько воинов с арбалетами полезли по ступенькам на выступ, окаймляющий купол. Затем, заглянув в коридор, президент прорычал:

— Ну, сопляк, вылазь давай, наружу!

Юл не шевельнулся, только дыхание его участилось, и по спине потекли холодные капельки пота.

— Ты обещал! — с натугой прошипела Хона. — Обещал не трогать его!

— Обещал, — подтвердил президент, — а вот Авас Стальной ничего не обещал. Это его раб, он выиграл его на байкфесте. И раб сбежал. А значит, хозяин имеет право наказать беглеца!

— Да, — в коридоре появился патлатый байкер, — это мой раб. И он пожалеет о том, что родился на свет.

— Ты не можешь убить его! — яростно возразила Хона. — Я помню наши кодексы, я не дура! Раб в твоём распоряжении, но не в собственности. Юл принадлежит всему клану сразу.

— А я не собираюсь его убивать, — Авас зло оскалился, — я просто отрежу ему ухо в назидание. Имею право...

— Тогда, — девушка извлекла акинак и вся напряжинулась, — я выступаю в защиту

Юла и вызываю тебя, Аvas, Кавасаки Стальной из клана Дэнджеров, на дуэль.

— Хона, — хрипло произнес парень, — я и сам могу постоять за себя, если что...

— Заткнись, кегленок, — взревел Аvas, пряча нож и вытаскивая из-за спины цепную булаву, — ты, вшивый раб, не смеешь драться со свободным!

В коридоре появился еще один байкер с хитрым прищуром и лукавой улыбкой — Неп Дальнозоркий.

— А мне нужна чаша Скальпеля Косноязычного, — сказал он.

— Дочура, положи меч, — строго произнес Ури, — ты не победила на соревнованиях и потому остаешься шустрой. А шустры не имеют права вызывать на дуэль мемберов. И поверь мне, маленькая засранка, за свое поведение ты еще надолго останешься не при делах. Совет не даст тебе проспекта в ближайший пяток оборотов небесного колеса. Уж я позабочусь об этом!

— Я... я... — девушка замаялась, но не на долго, — да плевала я на вас! Давай, папа, убей дочурку заслушание!

— Ах ты... — побагровев Ури, хотел что-то сказать, но лишь беззвучно открыл рот.

Юл между тем обдумывал, каково ему будет сражаться против Аvasа, вооруженного цепной булавой. В принципе, в узком коридоре преимущество будет у гладиуса и боевой лопаты, а главное, можно не бояться нападения с нескольких сторон. Вот только у байкеров имеются арбалеты, а это уже никуда не годится...

— Я разрешу эту проблему, — в проходе появился мужчина с довольно-таки аккуратной бородкой, пристальным взглядом и большим синяком под глазом. Он обнажил акинак.

Юл узнал его. Это был тот самый байкер, которого парень так хорошо приложил лопатой — Рекс Неустрасимый, род-капитан клана Файеров. Цыкнув, младший правнук сплотнул горький ком. Жажущих убить его с каждым новым мгновением становилось все больше.

— Я разрешу эту проблему, — повторил Рекс, — Хона всего лишь шустрила, но я — мембер. И я могу вызвать на бой Аvasа... и тебя, Неп, если понадобится.

Президент Вампиров засмеялся:

— Мне нужна чаша, на жизнь и свободу мальчишки я не претендую.

Парень искренне удивился такому повороту событий, но тут же взял на заметку новый расклад сил. Если среди кочевников имеются разногласия, значит, стоит попробовать воспользоваться ими.

— У тебя крыша совсем съехала? — сказал Аvas, не поворачиваясь к Рексу, а все также сверля злым взглядом Юла. — Заступаешься за какого-то жалкого кегля?

— Он колдун! Не стоит убивать колдуна! — безапелляционно заявил Рекс. — Это принесет несчастье становищам. Лучше сразу принять его в байкеры...

— Ты сбрендил! — Аvas попытался засмеяться, но у него это не получилось. — Колдун он. Вы поняли, да? Колдун!

— Я в здравом уме, — отгрызнулся род-капитан, — я видел чудо собственными глазами!

— Юл заговорил меня от черных вердогов, — подтвердила Хона, — и теперь я могу смотреть им в глаза и не бояться, что они меня зачаруют.

— Чушь! — рявкнул Аvas. — Да и ты не смеешь вызывать меня на бой из-за кегленка, это личное дело Дэнджеров. Файеры здесь не при чем.

— Тогда я буду биться с тобой не из-за пацана, а потому что ты оскорбил меня, — сказал Рекс.

— Чем же?

— Дурным дыханием изо рта!

— Что? — Авас повернулся к род-капитану. — Да пошел ты знаешь куда, Рекс...

— Я могу заговаривать от отродий степных кошмаров! Я могу вам всем дать способность противостоять тварям! — произнес парень как можно тверже, чтобы ни у кого не возникло даже крупицы сомнений в его тайной силе, которая, если честно, зиждилась только на слепой вере в сверхъестественное и глубоком страхе перед непонятным. Юл это знал, а варвары — нет. А, значит, он действительно обладал колдовской мощью, ибо, как говорили древние, знание — сила.

— Я убила черную псину благодаря заговору Великого Плацебо! — отчеканила Хона. — Так зовут одного из стальных небесных коней, о котором мы ничего не слышали!

— Заговор Великого Плацебо? — в проходе появился Вир Златорукий. — Интересно. Может, стоит отложить разборки? Аэсы уже под стенами. Нам нужны лишние воины, а не лишние трупы.

— Верно мыслишь, — произнес Ури после недолгой паузы, — потом разберемся. Авас, Рекс, Хона опустите оружие и айда наружу. А ты, говнюк, — помрачнев, президент ткнул пальцем в сторону младшего правнука, — следуй за ними. Ты остаешься общим рабом клана и личным слугой Аваса и, значит, будешь защищать клан и, если понадобится, и своего хозяина. И не вздумай повернуть оружие против нас.

— Не поверну, — Юл облегченно вздохнул, — уж лучше вы, чем выродки.

Авас, смачно выругавшись, вышел на воздух. Следом коридор покинул Рекс.

— Мне нужна чаша, — настойчиво произнес Неп.

— Она в комнате с глиняными таблицами в сумке, — сказал младший правнук.

— Пусть там и остается, — в голосе Ури появились нотки угрозы, который явно не желал уступать артефакт конкуренту, — потом разберемся, Неп.

Президент Вампиров, криво ухмыльнувшись, кивнул и вышел вон.

Все пространство между стеной и зданием было заполнено людьми и лошадьми. Байкеры подозрительно косились на парня, и он ощущал себе полевой мышью в клетке, на которую уставилась дюжина котов.

— Можно мне на крышу залезть? — спросил он у Вира. — Хочу посмотреть, сколько там выродков.

Златорукий, добродушно усмехнувшись, кивнул:

— Скажи только, что для тебя это здание?

— Там есть таблицы из глины, — ответил Юл, — в них написано, что это Мобильный Эпидемиологический Центр древних.

— А для аэсов — это храм бога Ингодвитраста, — кастомайзер внимательно посмотрел на юношу, — грядет лютая резня. Понимаешь меня? Сейчас не время для обид и разборок.

Юл кивнул.

— Вот и гуд. Давай, ступай наверх.

Парень поднялся по ступенькам на выступ и уместился рядом с низкорослым байкером без шлема с арбалетом наизготовку. На вид тому было лет сорок. Кочевник искоса взглянул на парня и усмехнулся сквозь бороду:

— А ты пацан с яйцами. Пойти против Ури, да еще с его дочурой утечь — это надо быть конченым психом.

Юл кивнул и осмотрелся. Выродки, объезжая заброшенный центр, наматывали круги на

хорсатах, но приближаться к стенам отчего-то не решались. Аэсов было много. Очень много. Наверное, сотня всадников. Или даже полтора. А, может, и того больше. Периодически они вскидывали вверх топоры, чаще каменные, реже металлические, издавали гортанные звуки, полные ярости и обещаний беспощадного истребления врагов, посмеявшихся вторгнуться на их земли и осквернивших великую святыню.

— Я Шер, — байкер, прервав размышления младшего правнука, подал ему руку, — Шерко Фартовый из клана Хандредов.

— Юл, — парень пожал руку кочевника, — просто Юл.

— Дурацкое погоняло, — заметил новоявленный знакомец, — ну, да ладно. Ты, я вижу, отважный малый, мы таких любим. Главное, не унывай, не будешь тупить, через пару годков переведешься в шустрилы, получишь новое имя, станешь байкером. Сечешь, о чем я?

Парень кивнул. Из вежливости и нежелания что-либо говорить.

— Вот, — продолжил болтовню Шерко, — будешь, например, Бренном, Бреннабором Беспроигрышным из клана Дэнджеров, — кочевник, хохотнув, легонько толкнул Юла в плечо, — заполучить дочуру президента, это ведь беспроигрышно. Так ведь? Верно ведь говорю, скажи?

Юл кивнул.

— У тебя было с ней что-нибудь? Было ведь? Скажи! Не ссы, не выдам.

— Нет, — соврал парень, наблюдая за перемещениями выродков, — ничего не было.

— Эт ты лоханулся, — многозначительно заметил байкер, — хотя... может то и к лучшему, а то Ури, не приведи Харлей Изначальный, яйца тебе отрежет. Будешь тогда Бренном Безъяичным, а не Беспроигрышным, — Шерко хохотнул, — прикольно придумал... Бренн Безъяичный... прикольно же, скажи?

Юл кивнул.

— Имя ведь много значит, я вот не случайно Фартовый. И стрела меня не берет, и пика не колет. И детишек у меня семеро и все здоровые и ни один не помер еще, и врагов переживу, потому что счастливый я. Так что проси, чтоб тебя Беспроигрышным назвали. Никогда не будешь проигрывать...

Шерко нес какую-то околесицу, а парень, изображая заинтересованность, кивал и иногда поддакивал, совершенно не вслушиваясь в болтовню собеседника. Он следил за выродками.

Те еще долго разъезжали на хорсатах, выкрикивали угрозы, но не атаковали, словно ждали чего-то. Наконец, когда солнце уже прошло зенит, и Юл порядком подустал от речей Шерко и уже хотел спуститься вниз, на горизонте показалась кавалькада. Полтора десятка аэсов не спеша ехали к Мобильному Центру. Возглавлял процессию рослый выродок с клевцом в правой лапше и круглым щитом в левой, облаченный в платье из шкур. На голове его красовался череп зверя с огромными рогами. Младший правнук никогда не видел оленей, только читал о них, но понял, что аэс использует останки именно этого животного в качестве головного убора.

Кавалькада проехала мимо основного войска и остановилась примерно в ста пятидесяти шагах от центра. Арбалетчики зашумели. Ури, а следом за ним Вир и Неп, поднялись на купол.

— Андермансы маздаи! — проорал аэс с оленьим черепом. — Мис дестроем ас олзих. Неймим Ингодвитраста! Килую, рейпую, ийтапаю олзих! Неймим Ингодвитраста!

— Что это за недосок? — спросил Неп.

— Это бигчиф, — ответил Вир, — вождь выроdkов и его гвардия. Бигчиф выбирается из кровожаднейших воинов, которые за свою жизнь сумели убить, изнасиловать и съесть хотя бы четырех врагов.

— Я тебе правильно понял, они сначала убивают, потом насилуют, а потом еще и съедают? — удивился Неп.

— Очередность не важна, но обычно именно в такой последовательности. Бигчиф — самый главный в Запагубье, жрец — второй по важности среди выроdkов. Я был жрецом. Кстати там, под забором лежит дохлый урод с перебитой шеей, судя по одежде, мой преемник и клевец рядом с ним валяется как символ власти. Клевец из металла. Его стоит забрать. Разве я не рассказывал о бигчифах?

— Рассказывал, — угрюмо произнес Ури, — и что-то мне совсем не хочется, чтобы в моей, пусть даже мертвой заднице, оказался мохнатый йенг этого упыря.

Вождь аэсов повторно проорал угрозу.

— Переведи, — попросил Неп.

— Он говорит, что мы выроdkи, что нас всех изничтожат, расправятся в самой извращенной форме. В общем: убьют, изнасилуют и съедят, — невозмутимо произнес Вир. — И все это будет твориться во имя великого бога Ингодвитраста.

— Ну, скутераст! Гнойный скутер!.. Эй, кто-нибудь! — прорычал Ури, повертел головой и указал на Шерко. — Вот ты! Как там тебя?..

— Я Шер, Шерко Фартовый из клана Хандредов...

— Вот-вот, давай-ка пульни в этого ублюдка. Пусть сдохнет, засранец!

Шерко вскинул арбалет под углом к горизонту, прикинул траекторию и выстрелил. Болт стремительно ушел по дуге, но попал в аэса, находящегося чуть сзади и справа от бигчифа. Выродок взревел и упал с хорсата.

— Баггерхелл! — выругался президент Дэнджеров. — Кто-нибудь, пульните еще!

Вождь аэсов оглянулся, увидел поверженного соратника, яростно проорал:

— Иайфакалёмазувэсс! — и поскакал к основному войску.

Следом за ним устремилась свита. Три арбалетчика выпалили вдогонку, но ни один из болтов не нашел цели.

Вечером байкеры развели два костра и приготовили пищу, благо дрова имелись в достатке, а воду взяли из стеклянных сосудов, сделанных, разумеется, еще до Великой гибели.

Авас Стальной согнал Юла с купола и заставил прислуживать себе. Парень, скрипя зубами, выполнял поручения гнилозубого байкера: принес ему миску супа и кусок солонины, а потом еще и воду из кувшина. Младший правнук невольно задумался, почему байкеры запрещали себе есть мясо, добытое в Запагубье, но безбоязненно пили воду. Была в этом какая-то неувязка. Даже не неувязка, а элементарная глупость. Ведь если земли заражены, то жидкость вредней любой еды. Впрочем, прадед говорил, что радиация давно сошла на нет, и опасность для жизни представляет разве что только в отдельных местах, но никак не на обширных территориях. Но разве это можно объяснить варварам? Для них радиация — это не какие-то там невидимые лучи, а кошмарная похотливая демоница, совокупляющаяся со всем живым и рожающая от этого уродов. Впрочем, жители Забытой деревни были такими же недалекими людьми. И как их всех просветить? Да и стоит ли просвещать?

Поужинав, Авас немного подобрел и пообещал, что, когда все закончится, он отрежет Юлу не все ухо, а только верхнюю часть. Парень ничего не ответил. Он хотел увидеть Хону,

но она будто испарилась. Может, просто не желала попадаться ему на глаза, чтобы не давать своему отцу лишний повод для гнева, а, может, просто решила больше не иметь с ним дело. В конце концов, сейчас не та ситуация, чтобы выяснять отношения. К тому же девчонка слишком уж сильно влияла на младшего правнука. Так что лучше и вовсе не встречать байкершу.

С наступлением ночи кочевники расставили часовых, разлеглись возле лошадей, приготовились ко сну. Однако отдыха не получилось. В полночь аэсы пошли на приступ. Юл уже почти провалился в забытье, когда услышал выкрики:

— Идут! Выродки идут!

Испуганно заржали лошади. Кочевники с крепкой бранью и оружием наголо повскакивали с мест, кинулись к стенам. Арбалетчики полезли на купол. Волею случая Юл оказался между президентами: Уралом Громopodobным и Днепром Дальнозорким.

Из-за стены слышалось леденящее душу улюлюканье и громовой топот двух сотен хорсатов.

— Мало нас, — прорычал Ури, — мало... один к шести или к семи.

— Значит, полетим в байкпарадайс, — Неп громко засмеялся, — беспечными ангелами.

Гул нарастал, и младший правнук крепче сжал боевую лопату, вытащил из петли гладиус. Аэсы непрестанно выкрикивали грозные кличи, от чего внутренности сжимались в судорожные, напряженные, вибрирующие смутным ужасом комья. Враг был незрим, и это страшило более всего. Юл, покрывшись холодным потом, ожидал в любой момент увидеть лезущих через высокий забор узколобых выродков с перекошенными от лютой злобы мохнатыми рожами. Шум стал непереносим, аэсы были уже под стенами. Мышцы младшего правнука напряглись, он замахнулся лопатой, готовясь ударить по волосатым ручищам или головам, но... вдруг все стихло.

Будто перед самым забором в полтора человеческого роста разверзлась безмолвная беспросветная бездна и поглотила проклятую орду вместе с ее кличами, улюлюканьем и яростью. Нагрянувшая тишина больно ударила по ушам, отчего Юл невольно пригнулся.

— Что за дерьмо? — высказался вслух Ури.

Затишье длилось несколько мгновений, которые, казалось, вытягивались в бесконечные и мучительные часы ожидания. Черное небо, усеянное зловеще яркими, режущими глаз звездами, и ледяная, съеденная тьмой почти до половины луна, словно посылали осажденным свой прощальный привет, словно нашептывали о грядущей, неизбежной смерти.

Затем тишину разорвал свист, и первый камень упал с небес, оцарапав бок байка. Лошадь, обиженно заржав, встала на дыбы. А следом на Центр посыпался целый град камней.

— Пращники! — закричал Ури. — К забору! Все к забору!

Байкеры подались к стене, возле которой была слепая зона, шириной примерно в пару шагов. В ответ гневно защелкали арбалеты. Байки, осыпаемые рукотворным ливнем, будто сошли с ума. Метались в узком пространстве между забором и зданием, тыкались, били друг друга копытами и так и норовили зацепить кого-нибудь из людей.

Обстрел прекратился так же резко, как и начался. И следом на стену полезли тени. Из-за переполоха, устроенного лошадьми, они казались бесшумными и оттого похожими на обретших плоть призраков, на кошмарных двуногих монстров, которых ночная степь подняла из забытых могил и натравила на отважных воинов, посмевших нарушить запретные

границы. Кто дерзнет сражаться с фантомами?

Очарованье жутью прервал Неп, рубанув по затылку низкорослого аэса, прыгнувшего с забора. И следом ожили остальные байкеры. Ури, взревев, коротким, но мощным взмахом секиры снес верхнюю половину черепа массивному выродку, неудачно приземлившись и оттого завалившемся на бок. Ошметки мозгов упали прямо под ноги Юла, отчего он чуть не споткнулся, однако, удержав равновесие, ринулся сразу к двум врагам. Прежде чем те успели повернуться к нему спиной, парень рассек поясницу одному из них. Второй выродок ударил топором с разворота. Юл отскочил. На короткий миг взгляды противников пересеклись. Страх и ярость, отчаянье и решимость читались в глазах мутанта, в глазах, налитых кровью и пещерной злобой. Аэс оскалился, обнажил кривые пеньки зубов и пошел в атаку.

Младший правнук предугадал движение выродка, удар топора пришелся по касательной к лотку лопаты, а следом Юл совершил стремительный выпад гладиусом. Аэс отшатнулся. Из его горла, с правого стороны, чуть ниже кадыка ударила темная струя. Тужась зарычать, мутант поднял топор, сделал шаг, но кровь непрекращающимся потоком хлестала из перерезанной артерии, и, мгновенно обессилив, он рухнул под ноги парня.

Краем глаза Юл заметил вспышку. Это сработали пьезоэлементы. Вир Златорукий забежал внутрь Центра. Дверь за ним плавно пошла вниз. Сбежал? Испугался? Кастомайзер клана Дэнджеров заперся в доме древних, спасая собственную шкуру?

Размышлять было некогда. Новая партия выроdkов, численностью намного превосходящая первую волну, уже перепрыгивала через стену.

Ури рубанул секирой подскочившего к нему урода чуть выше колена. Раздался хруст костей и оглушительный вопль. Мутант, лишившись ноги, свалившись, забился в агонии, а из обрубка забила фонтанчиками вязкая, кажущаяся черной в темноте жидкость. Аэсы, вытаращившись на поверженного соплеменника, на миг опешили, но тут же продолжили наступление. Тогда президент Дэнджеров закрутил секиру восьмеркой. Неп и Юл встали с разных сторон в одну линию с Ури.

— Ну, кто?! — прохрипел Ури. — Давай, по одному!!!

Топорики выроdkов имели очевидный недостаток, в сравнении с секирой они были слишком короткими. Двунogie мутанты замешкались. Никто не желал умирать первым, в надежде, что в его теле застрянет оружие байкера, а прочие аэсы успеют прикончить врага.

Вперед вышел рослый, жилистый выродок. По сравнению со своими соплеменниками он казался невероятно худым. Сощурившись, втянув в себя воздух широкими ноздрищами, он медленно и неуклюже занес топорик над головой и вдруг резко метнул его. Тот, чиркнув о рукоять секиры, угодил прямо в грудь Ури. Топорик был каменный и, видимо, не особо хорошо заточен. Он не пробил кожаную кирасу, покрытую к тому же шкурой угреня, гигантского речного сома, но отскочил от нее. Тем не менее, силы удара хватило, чтобы Ури всхрипнув, повалился навзничь, а его секира с бешеным свистом улетела во тьму, где, судя по протяжному "хгаааа!" и жалобному ржанию, убила лошадь.

Победно взыв, аэс выхватил кремневый нож и устремился к сбитому с ног кочевнику. Юл метнул боевую лопату. Ты вошла практически на глубину всего лотка в живот жилистого мутанта. Выродок, согнувшись в три погибели, упал.

Младший правнук и президент Вампиров встали спина к спине, между ними лежал тяжело дышащий Ури. Аэсы обступили воинов со всех сторон. Их было с два десятка. Тут Юл вдруг четко и ясно осознал, что доживает последние минуты своей жизни. Последние минуты — это в лучшем случае. А так: секунды. Мгновения. Спина парня вновь покрылась

холодным потом, и птица отчаянья забила в висках, а тело само собой приняло боевую стойку, готовясь дать последний бой.

— Давай, подходи! Мы будем драться в небесах! — Неп захохотал страшным демоническим голосом обреченного. — Мы будем драться до конца!

Зловеще взревев, мутанты вскинули топоры и... замерли. Кровожадная ярость в их глазах почти мгновенно сменилась недоумением, а затем — паническим, потусторонним ужасом.

Тело парня, будто живущее отдельной от разума жизнью, вздрогнуло, внизу живота зародился леденяще липкий страх, который тут же медленно, но неуклонно пополз вверх к солнечному сплетению и дальше, к сердцу, к горлу, к мозгу. Юл, задрожав, не сразу понял, что случилось, и только потом осознал, что над Центром воет нечто невероятно оглушительное и мощное, заставившее пригнуться к земле и людей и выродков. Будто сама Божья Четверица сошла на землю и возжелала, чтобы всякая живая тварь пала ниц перед несокрушимыми повелителями Внутреннего Света.

Завывания затухали на короткий период, а затем повторялись с новой силой. В стене здания открылось треугольное окно, озарившее желтоватым мерцанием внешний мир, погруженный в кошмарную грохочущую тьму.

В окне появилась фигура кастомайзера клана Дэнджеров. Распушенные седые волосы его колыхались на легком ветру и в искусственном освещении казались золотистыми. В руках Вир держал странную, сплюсненную палку с плоским и широким дугообразным отростком. Кастомайзер не спеша окинул полупрезрительным взглядом сражающихся, вылез наружу, приставил палку к плечу и направил ее на самого рослого выродка.

А потом грянул гром, палка, полыхнув огнем, дернулась назад и вверх, и из нее вбок с щелчком вылетел маленький цилиндр. Но самое поразительное заключалось в другом: аэса откинула незримая сила. Вздернув руки, мутант врезался в забор, оставив на нем кровавое пятно, вскрипнул и замер навсегда. Вир направил палку на другого выродка:

— Что уставился, недоносок, — прохрипел он, — никогда не видел автомат Калашникова?

И снова гром. Нечто невидимое снесло аэсу пол лица.

— Оружие древних... — благоговейно выдохнул из себя Юл, — никакая не Божья Четверица... оружие древних...

Выродков охватила паника. Суеверный ужас перед непознанным, убивающим на расстоянии и не стреляющим при этом ни камнями, ни стрелами, заставил их обратиться в безоглядное бегство. Некоторые из мутантов даже побросали топоры. Ни один из байкеров и не подумал преследовать неприятеля, все они зачарованно глазели на кастомайзера, хладнокровно сеющего смерть с помощью невиданного самострела.

Два аэса погибли от незримого огня. И следом, у третьего, уже почти перелезшего через забор мутанта образовалась дыра в боку, и он дико заскулив, отчаянно засучив ногами, перекувыркнулся на другую сторону. Вир успел подстрелить еще четверых, прежде чем последний выродок сбежал с территории Мобильного Центра.

Внезапно вой, так поразивший и людей и аэсов, стих. Нагрянула тишина. Лошади больше не дергались, не ржали, не били копытами, они пребывали в состоянии шока и теперь просто жались друг к другу, чуть дрожа.

— А сирена до сих пор работает, — констатировал Вир Златорукий, — и автомат тоже.

— Откуда ты это все... — Неп Дальнозоркий сделал несколько нервных жестов,

пытаясь обрести дар речи, — как ты это все.... как...

Кастомайзер усмехнулся:

— Я знаю лучше этот купол, чем любой из аэсов, потому что я его изучал, а не поклонялся ему. Каким бы великим богам они здесь не молились, для них он — храм, а для меня — дом. Почти родной дом.

Гексаграмма 37 (Цзя-жэнь) — Домашние

Близкие принимают нас такими, какие мы есть, справедливо ответить им тем же Ури, Урал Громоподобный, байкер Стальные бедра и герой степных дорог поднялся на локти, а затем с трудом сел.

— Провались все в баггерхелл! Что ты тут устроил, Вир?

Кастомайзер ничего не успел ответить. Стройная тень мелькнула с быстротой молнии и повисла на плечах президента.

— Папа! — дрожаще прошептал девичий голос. — Ты живой? Живой? И не ранен? Нет?

— Небесный Харлей! — мученически выдавил из себя Ури. — Хона, не налегай так! Грудак ломит!

Девушка нехотя отстранилась.

— Кто-нибудь, помогите мне встать! — прокряхтел Ури.

Две мускулистые байкерские руки подняли предводителя Дэнджеров.

— Ох-х-х-х! Баггерхелл! — выдохнул Ури, поморщившись.

Хона снова обняла отца, но теперь намного осторожней.

— Убитые, раненые есть? — спросил Неп Дальнозоркий.

— Кажется, убит только один наш, и у нескольких чуваков царапины, — отозвался кто-то.

— Счастливо отделались, — сказал Неп, — а кто погиб?

— Шер, Шерко Фартовый из клана Хандредов. Камень из пращи угодил ему прямо в висок. Он ведь без шлема всегда воевал, говорил, что ничто его не берет.

— Значит, неподфартило, — философски заметил президент Вампиров, а затем, повернувшись в Златорукому, спросил его:

— Скажи, Вир, почему ты никогда никому не рассказывал об этой... — Неп указал на автомат, — штуковине? Какие еще сюрпризы нас ожидают?

— Знаешь, Неп, — печально произнес кастомайзер, — я вам много что рассказывал, только вот вам почему-то ничего не запомнилось, кроме обязанности жреца Ингодвитраста лишать невинности юных уродок.

— Такое трудно забыть! — Неп расхохотался.

Вслед за ним засмеялись остальные кочевники и даже Ури, который, впрочем, быстро умолк, скривившись и схватившись за грудь.

— Вот поэтому и не рассказывал, — Вир повесил автомат на плечо, — для вас это просто запретные земли, и все вещи, находящиеся здесь, запретны. Я потом год постился в одиночестве...

— Ладно, — предводитель Дэнджеров высвободился из объятий дочери, — проехали. Спасибо, что спас нас, Вир. Без тебя мы бы все были уже мертвяками.

— Кстати, пацан, — Неп указал на Юла, — тоже тебя спас, метнул свою лопатку в выродка, который уже занес над тобой нож.

Ури, бросил быстрый взгляд на младшего правнука, кивнул:

— Пожалуй, когда вернемся в становища, стоит из него сделать шустрилу. Хорошо

дерется, сопляк. А Авас Стальной... где ты Авас? А... вот ты... а ты получишь двойной выкуп. Этот пацан заслужил свободу.

Патлатый байкер, держа в одной руке медленно покачивающуюся из стороны в сторону цепную булаву, а в другой окровавленный нож, зло сверкнул глазами, но решение президента оспорить не посмел.

Хона встрепенулась, лицо ее просияло детской радостью. Это не ушло от внимания Ури.

— У тебя с ним что-нибудь было? — строго спросил он.

Девушка перестала улыбаться.

— Было? — переспросил президент.

— Разве это важно? — Хона взглянула исподлобья на отца.

— Ладно, — Ури взялся за грудь и поморщился, — не сердчай на папу, дочура. Пойдем, поговорим по душам, наедине. Заодно поможешь мне снять экип.

Юл, присев возле стены, с грустью проводил взглядом отца и дочь. Нечто неуловимое зародилось внутри, и теперь скребло, обливало болезненной тоской сердце. Что это, ревность? Ревность к Ури?

Юл недовольно цыкнул. Нет, нужно все эти чувства задавить, вырвать с корнем, сделать что-нибудь. Хона стала слишком много для него значить. Ведь и думать ни о чем невозможно, все мысли только о ней. Только о ней, никакого контроля...

Младший правнук печально вздохнул. Как одолеть любовь?

— Сегодня они уже на нас больше не нападут. Да и завтра тоже. Так что можно отдохнуть.

Юл поднял глаза. Перед ним стоял Вир Златорукий. Что действительно могло отвлечь парня от тоски по Хоне, так это изобретения древних. Младший правнук, как замороженный, уставился на автомат, висевший на плече кастомайзера. Вир заметил интерес юноши, ухмыльнулся, сел рядом:

— Ты слишком грамотен для простого землепашца. Слишком много знаешь. И еще ты слишком любопытен.

— У нас в деревне было много книг... — Юл слегка замешкался, испугался сболтнуть лишнее, ведь кастомайзер как-никак принадлежал к кочевникам, любящим поживиться за счет незащитных поселков:

— Я читал книги, пока все не умерли в моей деревне.

— Читать — это гут, — сказал Вир. — Мне тоже всегда это было интересно. Да вот только никому больше знания не нужны.

— Мне нужны, — возразил Юл.

— Нужны... — кастомайзер поставил автомат к стене, — думаешь, кто-то оценит твою эрудицию? Ты ведь знаешь, что такое эрудиция?

Парень кивнул.

— Вот, знаешь, а для моих соплеменников слово "эрудиция" — это в лучшем случае заклятие от поноса, которое стоит написать на экипе или на седле.

Юл промолчал. Парню было близко то, что говорил Златорукий. Ведь и жители Забытой деревни никогда не интересовались чем-либо, что выходило за пределы их узкого крестьянского горизонта.

— Я пытался донести до своих те знания, которые успел почерпнуть здесь, — продолжил кастомайзер. — В первый раз меня послушали с интересом, поразвлекались, а

потом сказали: "Вали-ка ты, Вир, в степь отшельником на оборот небесного колеса. Ты был в запретных землях слишком долго, ты ел запретную пищу, ты прикасался к мерзким волосатым девкам, ты должен очиститься". И я просуществовал целый год в полном одиночестве. За это время я много что обдумал и понял: никому мои знания кроме меня самого не нужны.

— Ты читал глиняные таблицы? — спросил Юл. — Оттуда ты получил знания?

— Нет. Таблицы — это всего лишь описание того, что было в последние месяцы прежнего мира, — сказал Вир. — Я умудрился активировать одну штуковину. Называлась она "компьютер" и работала на солнечных батареях, то есть... как тебе объяснить... на солнечных лучах, поглощала их, за счет них и включалась. Там я и нашел очень много интересного о жизни древних. И если бы чудо-машина не сломалась, я бы, наверное, до сих пор терпел бы дурацкие ритуальные подношения вырожденков и их вонючих девственных самок. А так, когда однажды я не смог включить компьютер, я принял решение бежать из Запагубья, ибо делать мне здесь больше было нечего. Ночью я нагрузил хорсата найденным в нычке спиртом, которым я тебя на байкфесте поил — у меня еще, кстати, осталось пара бутылей — и отправился домой. Дома я получил звание "Стальные бедра", но собратья относились ко мне с недоверием, даже с насмешкой. Мне пришлось стать ремесленником, кастомайзером, чтобы хоть как-то восстановить авторитет. Тем не менее, печать запретных земель лежит на мне до сих пор.

Вир вздохнул и добавил:

— Только Чезета никогда ее не замечала.

Юл внезапно ощутил близость к этому стареющему седовласому человеку. Он, конечно, не являлся столько же мудрым, как прадед Олег, но все же был гораздо образованней любого из тех, кого парню довелось встретить за свою не столь долгую жизнь. Вот от такого отца Юл не отказался бы. Или хотя бы родного дяди.

— Ладно, — Вир улыбнулся, — не стоит думать о плохом. Тебе не повезло, пацан, компьютеры давно не работают. Вообще, это чудо, что один из них прожил так долго. Так что остаются только глиняные таблицы. Ты их читал?

— Некоторые, — сказал Юл, — но мне интересно, чем все закончилось.

— А на чем ты остановился?

— Я так понял, эти Центры были поставлены для борьбы с болезнью безумия. А потом... — Юл наморщился, — когда взорвалась АЭС... то инсэницию решили лечить радиацией, и все отправились туда. А ученый Марат Галимиев и еще несколько человек остались здесь. Дальше я не знаю, что было.

— Да, — кивнул Вир, следя за огоньками разгорающегося костра, который только что сложили байкеры, — радиация в МЭЦ-18 поднялась до двух тысяч микрорентген в час, потом быстро пошла на спад. Болезнь продолжила прогрессировать, и все коллеги, оставшиеся с Маратом Галимиевым, умерли от инсэниции. Вернее он их вынужден был убивать. Он потом долго общался с МЭЦ-17 под Волгодонском. Там происходили страшные вещи.

Кастомайзер, созерцая пламя, вокруг которого еще не успели рассесться кочевники, умолк. Юл терпеливо ждал.

— Те, кого мы называем баггерами, кто захватил старый мир и правил им, съехались к Ростовской АЭС и поселились там, — продолжил рассказ Вир. — Они не умерли, но начали вырождаться. Их речь деградировала, значительная часть словарного запаса была утрачена.

А язык их нам непонятен потому, что дети баггеров-управителей жили в далеких странах, изучали другие наречия, хотели остаться там навсегда и не собирались возвращаться. Только катастрофа и страх смерти заставили их вспомнить о родных землях. Но главное, в отличие от остальных, кто заразился инсэнитией, у вырожденцев осталась способность к организованным действиям. Одним словом, инфекция и радиация, одновременно воздействуя на организм, превращали человека в нелюдя, но нелюдя коллективного. Людоеды Новочека и вырожденки Запагубья — это потомки тех, кто надеялся спастись возле реакторов АЭС. В общем, получилось так: бычье и телки вымерли, те, кто ими правили превратились в вырожденцев, а те, кто хоть чем-то интересовался, кроме поклонения богу Ингодвистрасту, те, кто не были убиты в дни Великой погибели, выжили и остались людьми.

— А кто такой Ингодвистраст? — спросил Юл.

— В последние дни люди очень любили такие штуки, — Вир сделал несколько неопределенных жестов, — как бы тебе объяснить, я сам не очень понимаю... в общем, они обожали карточки, бумажки и всякое прочее. За всю эту хрень можно было получить разные вещи: еду, питье, одежду, красивых женщин, добровольных рабов, а также то, что мы разучились делать: высокие дома, самопередвигающиеся тачки, летающие аппараты, разные штуки вроде компьютера. За эти бумажки и карточки люди готовы были устраивать войны, убивать друг друга, ввергать в голод целые племена. И на этих карточках и бумажках очень часто писали Ингодвистраст. Я не знаю, что это значит. Наверное, это был их бог. Бог баггеров, бычья, телок и даже байкеров, таких, как Скальпель Косноязычный. Многие отрицали Ингодвистраста, но все же любили его всем сердцем, ибо он давал блага.

— А куда делся Марат Галимиев?

Вир Златорукий пожал плечами:

— Он ушел. Закрыв МЭЦ-18, спрятал свой допуск, устроил нычку, о которой написал в последней таблице, и ушел. Куда — никому неизвестно.

Кастомайзер, тяжело вздохнул, поднялся, закинул автомат на плечо:

— Ладно, пойду я. Отдыхай. А то что-то эти воспоминания меня угнетают. Прямо ощущаю внутри себя разлад.

Гексаграмма 38 (Куй) — Разлад

Нельзя исправить ход событий, не исправив разлад в своей душе

Юл спал тяжелым, беспокойным сном. Ему снились орды вырожденцев, наступающие на него сплошной стеной. Он бесстрашно рубил их малой боевой лопатой, резал гладиусом, затаптывал уже поверженных врагов ногами, но нелюдей не становилось меньше. Наконец, устав, парень с диким криком сделал отчаянный выпад и вдруг обнаружил, что проткнул не аэса, а Хону. Девушка смотрела на него широкими удивленно-обиженными глазами:

— Я не они, — прошептала она, и из ее рта стрельнула струйка крови, — не они... за что... за что...

— Нет, Хона, нет, я люблю тебя, люблю! — младший правнук схватил за плечи байкершу.

Но взгляд девушки потухал, и она медленно начала оседать.

— Нет! Нет!

Юл проснулся с мокрыми щеками. Рассвело. Рядом с парнем сидела Хона.

— Ты что плакал во сне? — спросила она.

— Нет, — Юл спешно вытер лицо.

— А, — понимающе кивнула Хона, — знаешь, что сказал папа?

— Что?

— Что когда вернемся, ты пройдешь через Малую переправу, то есть тебя посвятят в байкеры, и мы можем быть вместе, — девушка хлопнула в ладоши и просияла, — так вот!

— Ага, — неопределенно произнес Юл.

— Ты что, не рад?

— Рад, — сказал Юл, но сказал как-то совсем уж уныло.

— Мне не нравится, как ты отвечаешь, — Хона нахмурила брови, — что-то не так?

Парень сам не особо-то понимал, что с ним происходит и потому сказал первое, что пришло в голову:

— А как же поход к морю?

— Ты же сам говорил, что тебе наплевать на прах твоего прадеда. Что от этого ничего не зависит, — возразила девушка.

— Говорил, — согласился Юл, — но... но... Хона, честно, я не знаю, что тебе ответить. Правда, не знаю, давай об этом поговорим попозже. Не могу тебе объяснить...

Байкерша внимательно посмотрела на напарника, пожалала плечами:

— Лады. У нас все равно сейчас много работы. Поговорим потом.

Работа действительно имелась. Убедившись, что выродки находятся на почтительном расстоянии от Центра, Вир Златорукий открыл ворота с помощью пропуска эпидемиолога Марата Галимиева, и кочевники вынесли за пределы ограды трупы аэсов. Кроме того во время сражения были убиты три лошади, но их пока решили не трогать, лишь оттащили в одно место. Павшего в бою Шерко Фартового похоронили внутри МЭЦ, выкопали яму глубиной в человеческий рост, положили туда байкера, затем забросали землей и хорошенько утрамбовали. В этом деле очень помогла малая боевая лопата Юла.

Конечно, убитого в сражении лучше было бы предать огню, но дров оставалось катастрофически мало, а выродки никуда не собирались уходить. Уверовав, что лобовая атака не принесет успеха, что оружие древних в разы сильнее пращей и топориков, они, видимо решили взять номадов измором. Аэсы разбили три лагеря вокруг Центра приблизительно на одинаковом расстоянии друг от друга.

— И долго они нас будут держать в осаде? — спросил Ури.

— Столько, сколько нужно, — ответил Вир, — это их главный храм, их святыня, и они не оставят нас в покое. Впереди лето и им спешить некуда. Земля прокормит.

Копая могилу для Шерко Фартового, Юл порядком подустал. Заживающие после ночной гонки на плоте мозоли вновь заныли. После обеда, младшему правнуку не дали отдохнуть, поскольку все кочевники собрались на обряд похорон и поминальную трапезу, где, согласно традиции, произносились и пелись судьбоносные баллады предков, а затем парня поставили в караул, следить за врагом с купола. Отдежурив положенное время, отужинав, вечером Юл наконец-то смог прилечь. С Хоной он так и не поговорил по душам, поскольку на закате юную воительницу вместе с Явой Бесноватой отправили на крышу. Среди байкеров существовало поверье, что в темноте женщины видят лучше мужчин. Впрочем, вторую половину ночи оставили на совесть Непа Дальнозоркого, Рекса Неустрашимого и еще нескольких опытных воинов, ведь предутренние часы — оптимальны для внезапного нападения. Ури не дежурил вовсе, он все никак не мог отойти от точного попадания каменного топорика в грудь.

Погружаясь в сон, чувствуя, как утомление берет свое, Юл подумал о Хоне: "Почему я не могу сформулировать отношение к ней? Вроде бы она мне очень нравится, но все равно я

ее боюсь... или не боюсь... как это назвать? Отталкиваю ее, точно она меня поработит, сделает послушным мямлей..."

— Это ложный страх, — донесся до парня знакомый голос.

Юл поднял голову. Перед ним стоял прадед Олег, одетый в черное рубище, на фоне которого белая борода, казалось, сверкает невиданной чистотой.

— Вы? — удивился парень.

— Ты, — ответил старик.

Юл не совсем понял, что имел в виду первопредок.

— Да, ты, — повторил прадед, — ответы на любой вопрос ищи не у пращуров, а у себя, — старик коснулся виска и по-доброму улыбнулся, — в голове. Спрашивай, прежде всего, самого себя.

— У меня внутри ничего не ладится, — сказал младший правнук, — и что же мне делать?

— И? Каков ответ? — последний из предков поднял седые брови.

— Я не знаю, — честно признался Юл.

— Хорошо, — кивнул старик, — я это и есть ты, а ты — это я. Поэтому ты получишь подсказку. У тебя завелась подружка?

Парень кивнул.

— И ты давишь чувства к ней только потому, что боишься, что они сметут все твои разумные построения, что ты потеряешь контроль над собой и собственным "я"?

Парень снова кивнул.

— Хорошо, — прадед указал вдаль и произнес, — там океан.

Юл обернулся и замер. Не было стены, не было степи, но до самого горизонта сияла в солнечных лучах безбрежная водная гладь. Прозрачно-синяя. Тихая. Манящая своей безмятежностью.

— Ты читал о море, но никогда не видел его, — сказал старик, — но разум человека, его мозг умеет моделировать и не такое.

Парень посмотрел себе под ноги и с удивлением обнаружил, что они босы.

— Море должно волноваться, — произнес первопредок, — оно редко бывает абсолютно спокойным.

Водная гладь потемнела, приобрела темно-зеленый окрас. Вдруг поднялись волны и мерно, одна за другой, пошли к песчаному берегу, и зашумели, разбиваясь о него и брызгая пеной. Какой-то непонятный, никогда ранее не встречаемый запах ударил Юлу в нос. Пахло солью. Пахло рыбой. Пахло звенящей мощью. Пахло свежестью и силой. И еще чем-то непередаваемым.

— За два года до Великой гибели, когда мне было шесть лет, папа и мама свозили меня на Средиземное море, и мне нравилось делать так, — прадед нагнулся, отыскал среди мокрого песка камушек, и кинул его.

Камушек отскочил от одной волны, врезался в другую и, прыснув белесыми капельками, навсегда исчез.

— Человек подобен океану, — первопредок отряхнул руки, — мы осознаем лишь то, что на поверхности. Остальное сокрыто в глубине. Ты видел камень, который я бросил, теперь не видишь. И тысячи камушков, и не только они, таятся внутри каждого из нас.

Парень молча слушал.

— Ты хочешь крепко стоять на ногах, — продолжил старик. — Боишься, если чувства

твои будут глубоки, то ты в них утонешь, как в океане. Пытаешься выхолостить их, сделать поверхностными, чтобы видеть дно. Когда-то я говорил, что чувства должно контролировать. Но контролировать и выхолащивать — это разные вещи.

Прадед прижал руки к груди, затем развел их в стороны. И случилось чудо: море, мгновенно успокоившись, начало отступать. Обнажилось темное дно, на котором, поблескивая чешуей, подпрыгивали рыбешки.

— Вот она, твердь, стой на ней! — сказал прадед. — Возможно, ты даже найдешь тот камушек, который я бросил. Только это не принесет тебе успокоение.

Внезапно Юл заметил вдалеке, почти на самом горизонте бурлящее нечто. Что это было, парень пока не мог рассмотреть. Но оно стремительно надвигалось.

— Ты ведь читал о цунами? — неожиданно ударил резкий порыв ветра, и седая борода старика расплескалась серебряными локонами на черном рубище.

— Да... — сказал неуверенно Юл, — кажется, это очень большая волна...

— Именно, — прадед кивнул, — впрочем, ты никогда не видел даже обычных морских волн, но не суть важно...

Тяжелый глухой гул разнесся над миром. Гигантская стена мутной бушующей воды с невероятной скоростью пожирала открывшееся морское дно.

— Цунами практически незаметно на глубине, но возрастает во стократ на мелководье.

Юл испуганно посмотрел на прадеда. Тот был невозмутим. Будто сметающая все на своем пути стихия не касалась его.

— Всякая человеческая сущность подобна древнему океану, а эмоции — это волны, блуждающие по поверхности души. Но бывает так, что колебания идут из глубины, от литосферных плит, от самой сердцевины естества и порождают ряби немислимой скорости. Вот эти ряби и превращаются в цунами.

Водная стена была уже совсем близко. Верхушка ее закручивалась, яростно вскипала белым, зло пенилась и грозила вот-вот накрыть старика и юношу. Гул стал непереносимым, и прадед перешел на крик:

— Цунами — это первобытная стихия и бесполезно ее подавлять. Захочешь подавить, и рано или поздно она смоеет тебя, и вот тогда ты точно потеряешь контроль над своей жизнью, над волей, над разумом. Есть только два способа спасения. Первый: бежать вглубь суши, надеясь, что волна не достанет. Ты готов навсегда отречься от своего океана? Готов отречься от собственной души? От счастья и несчастья, от радостей и печалей? От того, что дает тебе силу идти вперед, не трепетать перед богами и смело смотреть в глаза любому из смертных существ. Готов стать отшельником? Нет?! Тогда есть второй способ: наоборот, не бежать, а идти навстречу стихии, туда, где глубоко. Там, где глубоко, цунами — лишь малая волна, не способная принести разрушение.

Внезапно потемнело. Юл поднял глаза и услышал болезненный стук собственного сердца. Гигантский, бурлящий неистовством водяной вал закрыл солнце.

— Люди любят мелководье и избегают глубины. Именно поэтому болезнь безумия так легко уничтожила цивилизацию. Ни к чему не стремиться, ничего не творить, ничего не хотеть сверх примитивных потребностей, и совсем не думать, ибо за тебя думает бог Ингодвитраст — это так легко, но и так же поверхностно. И именно живя на мелководье, люди сметаются волнами истории, инстинкта и страсти, теряют контроль, хотя до поры уверены, что все у них идет как надо. А глубина дает шанс. Впрочем, выбор всегда за тобой...

Голос старика утонул в раскатистом гуле. Парень с нескрываемым ужасом взирал на изогнутый, клокочущий смертоносной дугой исполинский вал, который уже занесся над его головой. Ноги младшего правнука задрожали, подняв руки и зажмурившись, он закричал. А потом — проснулся.

Была поздняя ночь. Храпели байкеры. Громко дышали кони. Потрескивал догорающий костерок. Где-то наверху, на куполе тихо переговаривались дозорные. А рядом, завернувшись в походную шерстяную накидку, мирно посапывала Хона. Отдежуривав свое, девушка легла спать возле младшего правнука. Юл осторожно натянул на ее плечи накидку и поцеловал в щеку.

— Время меняет тишину на цунами... — пробормотала байкерша, повернулась на другой бок.

"Наверное, что-то из судьбоносных баллад, — подумал Юл, вновь погружаясь в сон, — цунами... время... неважно... я не буду ничего подавлять и ставить преграды между нами... я пойду туда, где глубоко и обрету контроль... если повезет, обязательно обрету..."

Гексаграмма 39 (Цзянь) — Преграда

Если препятствие нельзя преодолеть, его можно просто обойти

Утром, после завтрака, президенты, Урал Громоподобный и Днепр Дальнозоркий, собрали кочевников на совет.

— Чуваки, — сказал Ури, — братья, у нас проблемы. Долбаные выродки никуда не собираются уходить. Видать, они хотят взять нас измором.

— У нас пока еще есть еда, — заметил кто-то.

— Да, — согласился предводитель Дэнджеров, — вяленое мясо. И куча байков. Три из них мертвы, и с ними нужно что-то делать, они уже начинают гнить. Мы можем съесть своих стальных коней. В такой ситуации, Небесный Харлей не разгневется. Но у нас нет дров и мало воды. Конечно, мы воздадим священному табуны молитвы о дожде, но, кто знает, когда они подействуют.

— То есть мы сдохнем от жажды? — спросил кто-то.

— Можно пить кровь байков, — заметил Вир Златорукий, — но лишаться стальных коней смерти подобно. Не пешком же нам отступить.

— Йенг тебе в глотку, Вир, — сказал владелец роскошных усов Крайд, — что ты мелешь! Пить кровь байка — мерзость и святотатство.

— Ну, и дурь же ты толкнул, — добавил лысый Иж, — я щас блевану.

— Он эту дурь подцепил от аэских девок половым путем! — послышался крик из толпы.

Байкеры заржали.

— Если бы не я и не эта штукавина, — Вир поднял вверх чудо-самострел, который минувшей ночью он назвал "автоматом Калашникова", — то ты сам стал бы мертвой девкой для вождя. Правда, уже ничего подцепить не смог бы.

Над Центром вновь разнесся смех.

— Баггерхелл! — прорычал Ури. — Вы можете базарить по делу, а не устраивать голимый ржач!

— Напасть на главное стойбище поздней ночью! — высказалась Ява Бесноватая, вздернув угловатый подбородок. — Убить вождя, остальные сами разбегутся.

Кочевники на миг замолчали, переваривая сказанное.

— А если не разбегутся? — спросил Авас Стальной, скаля гнилые зубы. — Ты нас

своим хилым задом будешь прикрывать, да?

— Когда-нибудь я отрежу тебе язык, — воительница презрительно фыркнула, — у нас есть оружие древних. И выродки его боятся.

— Я сам тебе что-нибудь отрежу, — огрызнулся Авас, — ухо, например. Отрезал бы сиськи, но у тебя их нет.

Кочевники засмеялись, а Ява, издав гневный возглас, схватилась за рукоять акинака.

— Полегче, выдра, — сказал, словно выплюнул, патлатый байкер, доставая из-за плеча цепную булаву.

— Заткнитесь! — прогремел Ури. — Ява, Авас, вы тут еще резню устройте, мать вашу за ногу! Убрали оружие!

Когда байкеры поуспокоились и поутихли, слово взял Неп Дальнозоркий:

— Бесноватая говорит дело. Мохнорылые твари не ожидают от нас такого поворота. И я ставлю на голосование предложение Явы.

— Можно, еще просто уйти, — вмешался Вир Златорукий, — под утро на всей скорости мы помчимся к Пагуби. Пока аэсы поймут, что к чему, мы от них прилично оторвемся. Мы переправимся через реку и закрепимся на другом берегу. Там можно держать оборону, а потом мы спокойно уйдем в свои земли.

— Нахрен! — раздраженно гаркнул Авас Стальной. — Ночью, через Пагубь! Да мы потонем! По ночам в Пагуби угрени шастают, сожрут с потрохами. А если на брод сразу не выйдем, что ты будешь делать, предложишь вождю выродков ублажить его дочуру?

Над куполом Центра в очередной раз разнесся хохот.

— Я поведу вас, — кастомайзер улыбнулся вполне по-доброму, будто не услышал оскорбление в свой адрес, — и я выведу вас к перекату даже самой темной ночью. А угрени — одиноличники и не терпят чужих особей на своей территории. Так что максимум, кого мы встретим, это одного гигантского сома. И значит, утащить в глубину он сможет только одного человека или байка. В любом случае мы потеряем меньше бойцов, чем в битве с целой ордой выродков. Так что никаких проблем, Авас.

— Никаких проблем! — ухмыльнулся гнилозубый байкер. — Поняли, да, проблем у него нет!

— Вир, я уважаю тебя, — вставил веское слово Ури, — но бежать от выродков, даже если их в шесть раз больше... как-то это не по-нашему. Тем более с такой хреновиной, — предводитель Дэнджеров ткнул в автомат, — мы их под орех разделаем. Прикинь, разгромить врага, находясь в подавляющем меньшинстве, это ведь нереальный подвиг.

— И все же я настаиваю, чтобы мое предложение тоже приняли к рассмотрению, — сказал кастомайзер.

Так как голосование затрагивало вопросы жизни и смерти, было разрешено голосовать не только мемберам и проспектам, но и шустрилам. Подавляющее большинство, в том числе и Хона, проголосовало за нападение на главный лагерь аэсов. За то, чтобы уйти незамеченными, высказались двое: сам Вир Златорукий и, что удивило многих, Рекс Неустрашимый. Кто-то даже пошутил: "Неустрашимый устршился".

Предложение кастомайзера казалось Юлу более разумным, но парень хоть уже и не считался рабом, не был посвящен и в байкеры, а потому не имел права голоса.

Против обоих планов проголосовал только Авас Стальной. Впрочем, ничего своего более-менее внятного он не предложил.

— И все-таки, разумней не лезть на стену, если можно ее обойти, — сказал Вир. Лиц

его, будто в предчувствии чего-то нехорошего, осунулось, сделалось серым. — Кажется, так было написано в той книжке, которая тебе так полюбилась, Ури?

Предводитель Дэнджеров, насупившись, достал из кармашка желтый пластиковый томик. Увидев Канон перемен, Юл цыкнул, а ладони его непроизвольно сжались в кулаки. Парень еле сдержался, чтобы не воскликнуть: "Это мое!" Ведь книжица принадлежала Архиву Памяти Забытой Деревни и кто знает, если староста Имен уничтожит дом прадеда Олега, то это будет единственный экземпляр.

— Это ведь путеводитель судьбы? Верно? — обратился Ури к Юлу.

Младший правнук промычал что-то невразумительное.

— И... — президент открыл наугад канон, прищурился, — так... здесь написано... ага... раз... раз... раз... тьфу, провались ты в баггерхелл! разре... разрешение... Точно! разрешение! Значит, все нам разрешается!

Гексаграмма 40 (Цзе) — Разрешение

Время успеха приходит к тем, кто не тратит свое время понапрасну

Вир, Вирус Златорукий, главный кастомайзер клана Дэнджеров, обреченно кивнул. Попробовать переубедить Ури еще можно было. Но только одного Ури. А как изменить мнение толпы? Уверовавшие во всеилие оружия предков, в собственную неуязвимость, байкеры и слышать не желали о бегстве. Нападение на численно превосходящего противника пахивало откровенным безумством, хотя и не сулило стопроцентного поражения. Просто имелся слишком большой риск провалить операцию. Да и потери при любом исходе будут отнюдь немалые.

— Хорошо, — сказал Вир, — даже если большинство не право, я вынужден поступать в соответствии с коллективным решением.

— Опять умно говоришь, — Неп Дальнозоркий засмеялся.

Кастомайзер оставил укол товарища без ответа, ибо давно привык к глупости соплеменников.

— Тогда необходимо составить план нападения, — сказал он.

Вир жил как бы раздвоенной жизнью. С одной стороны он был номадом, плоть от плоти байкером, впитавшим с молоком матери обычаи предков. Но в то же время, старый кочевник ощущал себя чужим среди своих. Он это никогда и никому не показывал. Потому что давно уже считал бессмысленным любые попытки что-либо изменить. Лучше уж не открываться, а просто делать благо для своего клана и племени.

Однако с тех пор, как в дни зрелой молодости кастомайзер попал в плен к вырождакам и стал там жрецом Ингодвитраста, его частенько одолевала жестокая тоска. Ведь он знал намного больше остальных. Он имел счастье общаться с чудом древней техники, с компьютером. Вир чувствовал, что можно жить по-другому, можно, по крайней мере, стремиться жить по-другому. Предки достигли небывалой силы именно за счет непреодолимой тяги к прогрессу, к совершенству. Да, конечно, кастомайзер был согласен с преданиями, мир разрушили паразиты, которых кочевники называли баггерами. Это они превратили людей в послушных, легко управляемых скотов, в бычье и телок, которые стали легкой жертвой для болезни безумия, ибо их мозг не желал сопротивляться инфекции. Но тот же компьютер создали отнюдь не баггеры. И не кегли. И, конечно же, не байкеры. Значит, был какой-то четвертый тип людей.

Человек Созидающий. Человек, не боящийся рвать цепи прошлого и смело смотреть вперед. Его-то и хотели уничтожить баггеры-гомолюбы и баггеры-гомофобы, потому что

именно свободное творчество, а не вольное байкерство или затаенно злобное мычание бычьего по поводу уменьшения пайки, подрывало авторитет тех, кто захватил власть. То, что невозможно контролировать нужно возглавить, а то, что невозможно даже возглавить, необходимо стереть с лица земли — вот главный девиз паразитов.

Вир Златорукий пришел к таким выводам чуть ли не три десятка оборотов небесного колеса назад, однако мысли свои никогда не высказывал вслух. Байкерам подобные слова показались бы сущей ересью. Он и так натерпелся от соплеменников. Чего только стоила жизнь от весны и до весны в полном одиночестве в степи.

Ури всегда относился к Виру с уважением, ценил его, но когда кастомайзер предложил Громopodobному стать побратимами, тот, извинившись, отказался. Даже он, байкер Стальные бедра и герой степных дорог, где-то в глубине души считал Златорукого нечистым, пораженным проклятием слишком долгого пребывания в запретных землях.

Впрочем, Вир не обижался ни на президента, ни на других кочевников. Более того, ему удалось занять свою нишу и завоевать уважение соплеменников, став первоклассным кастомайзером. К нему обращались не только, когда требовалось подковать байка, сделать отличный акинак или смастерить боевой экип, но и по различным житейским и даже магическим вопросам. Ведь верили отчего-то номады в то, что длинные и непонятные слова помогают от болезней, сглазов, дают отвагу в бою и оберегают скот от стай вердогов и волков. Печать проклятия являлась одновременно и печатью благословения.

И, тем не менее, разрешить проблему собственного тщательно скрываемого от остальных одиночества Вир не мог. Слиться с толпой на короткое время он умел, лишь упиваясь спиртом на байкфестах.

Так он и жил.

И однажды стареющий номад встретил некоего пацаненка, совсем еще зеленого сопляка, который явно отличался от остальных. Неизвестно откуда взявшийся парень обладал не просто смекалкой, но и способностью проникать в суть вещей, не заикливаться на авторитетах, а значит — свободно мыслить. Если любую общину сравнить с накрепко связанными бусинами, то юнец, казалось, был отделен от людей невидимой преградой и в то же время вполне мог соединяться с ними в любой комбинации, когда хотел, и потом столь же просто отцепляться от них. Проще говоря, парень, несмотря на то, что у него молоко на губах не обсохло, имел свое собственное мнение. Как-то так...

Да, от такого сына Вир не отказался бы. Златорукий очень хотел, чтобы Юл стал его учеником. Вот с кем можно будет поговорить по душам, не таясь и не опасаясь насмешек!

У кастомайзера не было детей. Возможно, он стал бесплодным, подцепив какую-то гадость, когда исполнял обязанности жреца у аэсов, а, может быть, его единственная возлюбленная не могла забеременеть. Байкерши боялись, что зачнут от Виры выродка, а насиловать селянок в захваченных и вассальных деревнях или брать силой рабынь Златорукий не имел никакого желания. Поэтому за последние тридцать оборотов небесного колеса с ним была лишь одна полусумасшедшая Чезета.

Однако Виру беспокоило не только одиночество и появление Юла, но и еще кое-что: бронзовая кружка, запечатанная воском. Ури Громopodobный и Неп Дальнозоркий считали, что в ней находится прах Скальпеля Косноязычного, и что она является великим артефактом, который даст власть над остальными кланами. В будущем это могло вызвать острые конфликты между номадами и даже самую настоящую войну.

Только теперь кастомайзер осознал свои поступки, совершенные за последнюю неделю.

Вир желал вернуть Юла и потому четко и неотступно шел по следу беглецов, ведя за собой остальной отряд. В этом состоял долг перед кланом, да и парень был интересен как личность. Даже если бы Авас Стальной отрезал юнцу ухо, тот вряд ли бы потерял живость ума, хотя такого, конечно, Златорукий не желал. В любом случае Вир приложил бы все усилия, чтобы со временем перевести Юла к себе в подмастерья. Ведь раб никогда не считался полной частной собственностью одного лица, он как бы сдавался байкеру в аренду, принадлежа сразу всему клану.

Кастомайзер также не хотел и поимки парня. И это был уже долг не перед конкретно своим кланом, а перед всем племенем. Именно поэтому Вир не позволил Ури тут же пуститься в погоню за дочерью и ее ухажером, когда те, избежав зубов вердога, сплывились на плоту по речке. Ведь, действительно, возле Новочека их можно было с легкостью взять на переправе.

Президент Вампиров самый первый смекнул, что к чему, и присоединился к походу. Но и остальные главари вскоре осознают, если уже не осознали, важность артефакта. Если чашу привезет с собой в становище Ури или Неп, интриги, ссоры, скандалы и даже убийства неизбежны. Сейчас байкеры сколько угодно могут говорить о нерушимости уз братства, но Вир слишком хорошо знал человеческую натуру. История предков, почерпнутая в компьютере, говорила об обратном. Целые державы рушились в одночасье, а дружба и мир обращались бессмысленным кровопролитием.

Рассказать бы все это соплеменникам, но кто ж ему поверит? Корыстный интерес в подавляющем большинстве побеждает доводы разума.

Эти мысли возникли в мозгу кастомайзера в считанные мгновения и тут же преобразовались в план, как удачно разрулить ситуацию. Нужно будет убедить Юла, чтобы он сбежал с чашей, чтобы она не досталась кому-либо из байкеров.

Не тратя время понапрасну, Вир предложил совершить нападение на главный лагерь вырожденцев под утро. Он постарался объяснить, что оружие древних, то есть автомат, не является панацеей от всех бед. В магазине осталось всего лишь четырнадцать патронов. И когда они закончатся, автомат перестанет стрелять. Правда, в схроне, сделанном почти сто лет назад сотрудником МЭЦ-18 Маратом Галимиевым, имелись еще такие штучки, которые взрывались — гранаты. Было их шесть штук. Однако гарантий, что они пригодны для использования Вир дать не мог. Кто знает, что с ними случилось за век?

— Вначале выдвинется диверсионная группа, — сказал кастомайзер и, заметив непонимание в глазах кочевников, пояснил:

— Передовой отряд, бесшумный авангард. Он будет вооружен оружием предков. Мы постараемся подобраться незамеченными как можно ближе к противнику.

— Мы — это кто? — спросил Неп Дальнозоркий, кисло улыбнувшись.

— Мы — это те, кто будут в авангарде. Я-то точно пойду. Предлагаю взять с собой Юла, он, только без обид, самый грамотный среди нас и, полагаю, быстрее всех сообразит, как управляться с гранатами. Также неплохо бы было, чтобы мне составили компанию Ява и Рекс. Бесноватая ловка как белка, передвигается как тень и превосходно владеет кинжалом, а Неустрашимый — лучший арбалетчик. Авангард нужен для того, чтобы навести шорох внутри лагеря, это устроит аэсов.

— Послушай, — Неп, коснувшись острой бородки, буквально прожег взглядом Вира, — ты так командуешь, будто являешься президентом, а между тем здесь есть я и Ури. Может, мы будем решать?

— Таков мой план, если у тебя есть что-то получше, предложи, — сказал кастомайзер, — и мы сделаем так, как скажешь ты... вернее поставим на голосование.

Предводитель Вампиров засмеялся. Вернее засмеялся его рот, глаза же оставались недвижимы и холодны, точно у гадюки:

— Лады, Вир, твой план неплох, но я пойду с вами в этой вашей, как там... диверсионной группе. И еще Вир, эликсир смерти, чаша с прахом Скальпеля, у кого она будет?

Вир, изобразив задумчивость, произнес:

— Предлагаю оставить ее у Юла, пока не решим, кому она будет принадлежать...

— Лучше всего чашу с прахом залить в восковой куб и сделать общей, — вмешалась в разговор Ява Бесноватая, — передавать ее по очереди каждому клану, а еще лучше поставить на видном месте меж холмов, там, где проводятся байкфесты. И пусть по одному воину от каждого клана охраняют ее все время.

— Вроде баба, а смышленная... — сказал кто-то в толпе.

Кочевники одобрительно загудели, они то и дело переводили взгляды с одного президента на другого.

Наконец, Ури, громко крикнул, стукнул себя кулаком по бедру:

— Да баггер с ней, с чашей, пусть будет общей, так справедливо!

Неп ничего не сказал, только лукаво улыбнулся.

— В любом случае, лучше, чтобы она осталась у Юла как у прежнего хозяина, — произнес Вир.

— Нет, — возразил предводитель Вампиров, — Скальпель будет у Явы, я ей больше доверяю, хоть она и из Фалкомов.

Неп, будто что-то предчувствуя, спутал все карты Виру Златорукому. И главное, не поспоришь, Ява предложила, пусть Ява и будет хранительницей праха Скальпеля Косноязычного. Что ж, придется перекраивать планы на ходу. Действовать по обстановке.

— Я тоже пойду в передовом отряде! — безапелляционно заявила Хона. — Я умею бесшумно подкрадываться!

Ури открыл было рот, чтобы осадить дочь, но Вир его опередил:

— Для тебя найдется важная работа. Ты будешь отвечать за психологическую атаку.

— За что? — почти одновременно спросили несколько байкеров.

— Много, много слов забыто за сто лет, — Вир тяжело вздохнул. — Когда наша группа подобрется к главному лагерю аэсов и начнет бой, остальные, сразу, как только услышат стрельбу и взрывы, пойдут на байках в атаку, нам на подмогу, а Хона включит сирену, которая деморализовала... то есть перепугала до смерти выроdkов прошлой ночью. Это и есть психологическая атака. Дополнительный фактор, действующий в нашу пользу. Я отдам тебе, Хона, карточку. После того, как ты включишь сирену, ты закроешь все окна и двери и последней покинешь Центр.

После собрания байкеры занялись своими делами. Часовые полезли на купол, следить за врагом, несколько человек принялись готовить обед, другие точили оружие, проверяли сбруи и седла, латали экип, готовились к ночному бою.

Вир Златорукий выждал некоторое время, а затем начал искать Юла для частного разговора. Он обнаружил парня и Рекса Неустрасимого в коридоре Центра.

Юл, приложив ладони ко лбу род-капитана, торжественно декламировал:

— Интерпретирую твою фобию, как иррациональное, которое есть

самоподдерживающаяся фрустрация по отношению к непостижимой, а оттого враждебной окружающей среде, и дарую тебе Великое Плацебо отваги, дабы страхи твои канули в Лету, и ты оседлал собственную Тень.

Голова Рекса дернулась, лицо покрылось тяжелыми каплями пота, глаза посоловели, и он произнес дрожащими губами:

— Да, я чувствую... чувствую силу... она вошла в меня, я это чувствую... теперь меня не зачарует черный вердог?

— Не зачарует, — пообещал Юл, — отныне ты можешь смело смотреть в глаза любой твари любого цвета.

— Благодарю, — благоговейно выдохнул Рекс, — благодарю тебя. Я не забуду эту услугу, клянусь Небесным Харлеем и всем священным табуном...

— Прошу прощение за беспокойство, — Вир ухмыльнулся, но очень быстро подавил улыбку, — мне нужно поговорить с тобой, Юл. Наедине.

Род-капитан, убрав слипшиеся волосы со лба, кивнул и вышел вон.

Вир завел парня в комнату, где находился пульт управления Центром, большая зеленоватая панель с кнопками, рычажками и черным, покрытым толстым слоем пыли монитором, кажущимся из-за этого серым.

— Здесь уже почти ничего не работает, — сказал кастомайзер, — только сирена, автоматическое освещение и кое-что еще, я тут не до конца разобрался.

— Здорово, — восхищенно произнес парень, коснувшись указательным пальцем клавиатуры.

Вир сразу перешел к делу. Он объяснил Юлу, что тот должен похитить чашу и сбежать, растворить прах в море, утопить в Пагуби, просто выбросить под любым кустом в степи, одним словом, сделать что-нибудь, чтобы бронзовая кружка больше никогда не попала в глаза байкерам. Но парень заупрямился.

— Я без Хоны никуда не пойду, — сказал он, — если я без нее убегу, я ее навсегда потеряю. Твое племя не простит мне бегства, и я никогда ее больше не увижу. А мне хочется быть с ней. Я раньше этого не понимал, или понимал отчасти, но страшился, а теперь не боюсь.

Вир попытался переубедить юнца, но потом ему вспомнилась Чезета. С ней кастомайзер сожительствовал двадцать шесть с половиной лет. Втайне от всех они даже принесли друг другу клятву любовного побратимства, и потому были больше, чем любовники.

Вир представил, что больше не коснется загрубевших, но все же по-своему нежных пальцев Чезеты, не услышит ее глупых шуточек и игривых словечек, не вдохнет запах ее волос и не ощутит вкус потных от любовной игры больших темных сосков, и больше никогда не помчится с ней наперегонки на резвых байках по хмельной весенней степи. Они до сих пор, несмотря на возраст, соревновались, кто быстрее доскачет до ближайшего куста, ближайшего деревца, ближайшей балки, ближайшего горизонта...

— Что ж, гут, — сказал Вир, — зови Хону, заодно покажу ей как включать сирену.

Юл исчез. А Вир остался наедине со своими мыслями.

"Была бы здесь Чезета, — подумал он, — обязательно нажала бы на большую красную кнопку, переполошила бы всю округу. И байкеров. И выроdkов. Не зря она Чезета Хмельная из клана Реблов, перешедшая в клан Дэнджеров... хорошо, что сирена сама отключается..."

Вир испугался, что из-за векового возраста сирена может не сработать и надо бы ее еще

раз опробовать, но потом отказался от этой идеи, решил, что если аэсы будут слишком часто слышать громкие звуки, то перестанут их страшиться.

Пришли Хона и Юл. Кастомайзер вновь рассказал свой план.

— Эта чаша с прахом, — говорил он, — станет предметом споров и до добра не доведет. Ее нужно убрать, а лучше сделать так, как завещали в твоей деревне, Юл, растворить в море. Это убедит байкеров в твоей правоте, ибо ты поступишь по заветам своих предков. Мы тоже чтим заветы древних.

— Но до моря еще надо дойти... — возразил парень.

— Значит, выкинь ее куда-нибудь, и скажи, что растворил. Главное, чтобы это сделал именно ты, как хранитель артефакта. Я бы сам мог ее украсть и спрятать. Но тогда будет жить легенда, что эликсир смерти пропал и его можно найти. А так кланы будут уверены, что чаши больше нет. Это психологическая тонкость. Ты, надеюсь, слышал слово "психология"?

Юл кивнул, а Хона нахмурилась.

— В сознании моих соплеменников ты хранитель, даже если они тебя так никогда не называли, — продолжил Вир, — ты имеешь право на этот артефакт...

— Это не артефакт... — парень замялся, глаза его забегали. Наконец, он решился сказать:

— Там, в бронзовой кружке, не прах Скальпеля Косноязычного, это останки моего прадеда, последнего из тех, кто видел прежний мир. Он умер этой весной, и ему было сто восемь лет.

— Разве столько живут? — удивилась Хона. — У нас всех, кто жил до Великой гибели, не стало, когда я еще не родилась. Моему отцу не исполнилось и десяти оборотов небесного колеса, когда умер последний из древних.

— Мой дед кое-что мне рассказывал, раньше байками называли двухколесные стальные машины... — Вир сделал несколько неуклюжих жестов, пытаясь изобразить чудо прошедшей эпохи, — в общем, такие самодвижущиеся штуковины.

— Правда? — глаза девушки округлились. — А у нас говорили, что древние пришли в становища на стальных конях. Я часто думала, как такое может быть, чтобы байк был не из кожи, костей и мышц, а из металла?

— Еще пара поколений, и мы вообще все забудем, — с грустью сказал Вир, — но речь сейчас не об этом. Мы должны разрешить кое-какую проблему. Ты говоришь, Юл, что внутри чаши не Скальпель, а твой прадед. Но пойми, это не важно. Твоей правде уже никто не поверит, решат, что ты специально всех дуришь, чтобы оставить себе артефакт. Здесь главное идея, что есть такая вещь, которая имеет магическую силу, что есть такая вещь, которая даст власть над другими, а, значит, ради этой вещи дозволено пойти и на любое преступление. Там, внутри может быть запечатан хоть кусок собачьего дерьма, это непринципиально, люди, если уверуют, сделают его священным. Я не хочу, чтобы кружка с человеческой пылью стала реликвией, из-за которой в кланах начнется резня.

— Но на совете вроде бы договорились, что чаша будет общей, а значит и ссор из-за нее не будет, — возразил Юл.

Вир, устало улыбнувшись, покачал головой:

— Сегодня сделают так, а завтра кому-то захочется сделать иначе. Когда компьютер еще работал, — Златорукий ткнул в монитор, оставив следы на плоской поверхности, — я читал энциклопедию. Я очень много прочитал, очень много. В том числе и по истории

древних. Была такая вера в умершего на кресте и воскресшего бога. Впоследствии из-за частей этого креста, из-за куска старого дерева, из-за гроба этого бога, люди устраивали войны. А была еще другая вера. Там реликвией считался черный камень. И каждый верующий обязан был хоть раз в жизни прийти и поцеловать его. Понимаешь, камень поцеловать. И за эту веру тоже проливались реки крови. Тот, кто не хотел целовать камень, был неверным, убийство которого считалось благим деянием. Я не хочу, чтобы байкеры лобызали какую-то сраную кружку и молились ей. И без этого невежества хватает. И ты, Юл, это знаешь вместе со своим Великим Плацебо!

— Великое Плацебо — это правда, — с нажимом произнесла Хона, — я на себе убедилась.

— Вот тебе и подтверждение, — сказал кастомайзер, вскинув руки.

— Мне не нравятся твои слова, Вир, — раздраженно произнесла Хона, — они похожи на речи труса, испугавшегося крови.

— Послушай, крошка, — старый кочевник подошел к девушке вплотную, заглянул ей в глаза, — я тебя с малых лет знаю, с самого младенчества, ты еще слишком юна и судишь о подвиге, как о чем-то беспшибашном, совершенно безбашенном. А я тебе скажу, в чем мой подвиг. Я служу не только своему клану, но и всему племени, я негласно охраняю мир, и я не хочу, чтобы из-за междоусобицы байкеры ослабили настолько, что их возьмут голыми руками пришедшие со стороны враги.

— У байкеров нет достойных врагов, — вспыхнула Хона, — выродки слишком тупы, чтобы нас победить, а кегли в деревнях — трусы.

— Сегодня нет, а завтра они появятся, — Вир также перешел на повышенные тона, — ты не можешь быть уверена, что мы остались единственные такие крутые во всем мире.

Девушка, багровея, хотела возразить, но Вир не дал ей сказать даже слова.

— Знаешь, что такое настоящий подвиг? Это когда ты что-то делаешь не во имя собственной вящей славы, а для других. Уничтожение артефакта — это ради всех семи кланов. А набеги на выродков — это глупость!

— Это не глупость! — вскипела Хона. — Глупость — это то, что ты сейчас говоришь!

— Что вы так разорались? — в дверях стоял придурковато улыбающийся Иж. Он почесал лысину и сделал попытку пошутить:

— Спорите у кого йенг толще?

— Я объясняю Хоне как включить сирену, — голос Вира мгновенно смягчился, — что тебе нужно?

— Ты ж у нас кастомайзер, главный спец, — сказал Иж, — там у пары байков протекторы слетели, подковать надо. А ты у нас вроде как лучший в этом деле.

— Я сейчас приду.

Вир дождался, когда уйдет Иж, затем обратился к парню и девушке:

— В общем, думайте. Чаша будет у Явы, нужно придумать способ, как выкрасть у нее артефакт. Я помогу, чем смогу, но и вы постарайтесь. Думайте. И если не хотите, чтобы племя оказалось в убытке, вы примите правильное решение.

Гексаграмма 41 (Сунь) — Убыток

Вдвое больше приобретает тот, кто не жалеет средств на благие дела

В самое темное время суток, перед рассветом, ворота разъехались с тихим скрипом, и пять воинов покинули Центр. Они, с перемазанными грязью лицами, укутанные с ног до головы свежесорванными растениями, скользили по колышущемуся на ветру разнотравью.

Убаюкивающий шум стеблей поглощал все остальные звуки. Шафран, шалфей, пырей, чистяк и чертополох, почти неотличимые друг от друга во тьме, мерно перешептывались, навевали тяжелый сон на лагерь выроdkов, помогали людям. Острова зарослей колеблющегося катрана, небрежно разбросанные тут и там, скрывали крадущихся номадов.

Ветер дул в лицо диверсантом, и это было хорошо. До толстенных ноздрей аэсов не дойдет запах чужаков. Половинку убывающей луны закрыли тучи. И это тоже было хорошо. Капризная природа сегодня решила дать фору кочевникам. Потом она может предать, подставить подножку в самый ответственный момент, выдать с потрохами таящегося, будто издеваясь над ним, но сейчас природе вздумалось встать на сторону байкеров. Сейчас она смеется над хозяевами Запагубья. Над выроdkами.

По периметру лагеря аэсы развели костры и поставили часовых, которые не грелись около огня, но, сокрытые сумраком, сидели в отдалении и зорко следили за степью. Когда языки пламени хирели и вот-вот должны были погаснуть, будто из ниоткуда возникал двуногий сторбленный силуэт, вооруженный топориком. Он подкидывал хворост и тут же растворялся во тьме, а огонь разгорался с новой силой.

Каждый пост состоял из четырех дикарей. Вир, проживший в Запретных землях почти три года, знал это. Для аэсов число четыре было священным.

Диверсанты бесшумно приблизились к одному из дозоров. Кастомайзер, залегший за шелестящим листво́й кустом, напряженно всматривался в темноту. Две пары часовых и костер должны составлять равносторонний треугольник. Костер — впереди, посты — сзади. Расстояние между постами — примерно сорок шагов. Глаза давно привыкли в темноте, но все же Вир никак не мог заприметить выроdkов.

Неп Дальнозоркий толкнул Златорукого в бок и указал на оба поста. Вир кивнул. Теперь нужно было обогнуть по дуге костер и снять часовых. С кастомайзером поползла Ява, с Непом — Юл. Рекс Неустрасимый остался на месте с арбалетом наизготовку. На всякий случай. Вдруг между постами бродит дополнительный караул. Вряд ли, конечно. Но вдруг...

Вир и Ява ползли медленно, аккуратно, будто просачивались между травинками. Двигались они в такт ветру, когда усиливались его порывы. Аэсы откровенно скучали, позевывая и клюя носом. Но кастомайзер знал, сонливость выроdkов обманчива. Дикари, подобно кошкам, даже если дремлют, все отлично слышат.

И вот когда диверсанты оказались совсем рядом с мутантами, в каких-то жалких семи-восьми шагах от них, до ушей Вира донесся отрывистый рык из темноты. Часовые всколыхнулись, подняли головы, тревожно осмотрелись, расширяя ноздри и с шумом втягивая степной воздух. Рык повторился, и аэсы, сжав топорики массивными напряженными лапищами, осторожно поднялись. В мозгу кастомайзера вспыхнуло понимание происходящего. У выроdkов подобной звук означал предупреждение о возможной опасности, и подавали его с соседнего поста. Юл и Неп каким-то образом засветились, их обнаружили, скорее всего, учуяли человеческий запах, а значит терять время, таится в колышущейся траве, было смерти подобно.

Вир вскочил, в два прыжка преодолел расстояние до часовых и со всей силы воткнул приклад автомата в жирную шею дикаря. Тот, хрюкнув, повалился. Целя в голову, Вир ударил второго выроdkа, но аэс отразил удар топориком, саданул кастомайзера ногой в живот. Вир, ухнув, отлетел в заросли чертополоха. Если бы не кираса из толстой просоленной вощенной кожи, Златорукому пришлось бы тяжело. Он с трудом поднялся на

одно колено, а выродок проорав: "Элёта! Элёта!", уже занес над кастомайзером топорик. Однако сзади возникла Ява. Кинжал ее молниеносно вошел дикарю под ухо.

Вир быстро поднялся. В предрассветной тьме были видны четыре дерущиеся тени: Юл и Неп сражались с двумя часовыми. К несчастью, байкерам не удалось бесшумно подобраться к врагу. Кастомайзер не стал помогать товарищам, а понесся в лагерь дикарей. Аэсы, потревоженные звуками борьбы, вылезали из-под односкатных шалашей-однодневок. В центре лагеря тревожно ржали хорсаты. Вир выстрелил в первого попавшегося аэса. И тут же со стороны Центра, жутким, приводящим в неистовый трепет эхом, оглушительным воем разразилась сирена. Значит, Хона сделала все как надо, нажала нужную кнопку, и скоро в лагерь ворвется байкерская кавалерия.

— Ингодвитраста панишуэ ёзлих! — грозно проорал Вир, выстрелил в бегущего на него с палицей дикаря, а затем, выдернув чеку, метнул гранату прямо в середину табуна хорсатов.

— Ингодвитраста панишуэ ёзлих! — повторно проорал кастомайзер, и еще одна граната полетела под самый большой шалаш, где должен был находиться бигчиф, вождь запагубских выродков.

— Ингодвитраста панишуэ ёзлих! — в третий раз проорал Златорукий и упал на землю, закрыв голову руками в ожидании взрывов.

"Господь наказывает вас!" — вот, что значила фраза, выкрикиваемая Виром. Вой сирены, стрельба из оружия древних и, наконец, взрывы невиданной силы должны были убедить дремучих дикарей в правоте его слов и обратить в безоглядное бегство. Ведь они узрели перед собой гнев самого Ингодвитраста, бога, которому поклонялись их предки баггеры еще до Великой гибели.

Но взрывов не последовало.

Видимо, запалы вековой давности пришли в негодность. Вир предполагал, что так может быть, но все же надеялся на лучшее. Он приподнял голову и увидел утробно рычащую, размахивающую дротиком образину. Кривые, но мощные ноги выродка твердо ступали по примятой, изрядно пощипанной лошадьми-мутантами траве. Глаза аэса, извергающие ярость из-под массивных надбровных дуг, горели жаждой убивать. Этот дикарь, одетый в платье из шкур вердогов, не боялся гнева господня.

"Из гвардии бигчифа", — подумалось Виру.

Выродок замахнулся дротиком. Кастомайзер чисто физически не успевал вскинуть автомат и потому приготовился к худшему. Положение вновь спасла Ява Бесноватая. Возникнув будто из ниоткуда, она, выкрикнув боевой клич, вонзила акинак в спину мохнатого громилы. Тот, протяжно взревев, рухнул, дернулся и навсегда затих.

— Второй раз за сегодня спасаешь, — прохрипел Вир, улыбнувшись, — спасибо тебе, о, прекрасная дева!

Ява улыбнулась. И тут бабахнуло. Шалаш вождя разлетелся в клочья, а следом взорвалась и вторая граната, иссекая осколками, убивая и калеча несчастных хорсатов, которые уже не ржали, а буквально выли от ужаса. Уцелевшие лошади-мутанты бросились врассыпную, сбивая с ног выродков. В лагере началась самая настоящая паника. Аэсы, устрешенные яростью нагрянувшего бога, уносили ноги в предутреннюю степь.

— Вот это гуд! — воскликнул Вир, поднялся и громогласно проорал:

— Ингодвитраста панишуэ ёзлих! Говэйте отсель! Говэйте!

Кастомайзер, не целясь, выстрелил в упор в пробегающего мимо выродка.

— Так мы их Ява... Ява...

Вир только сейчас заметил лежащую навзничь воительницу. Он подскочил к ней, нагнулся:

— Ява!.. Ява!

Женщина не ответила. Во лбу у нее чернела дырка, из которой вытекала темная струйка. Осколок гранаты убил байкершу. Сегодня она дважды спасла Вира, а он ее порешил. Не специально, но все же...

Как же нелепа бывает жизнь!

— Бессмыслица, — пробормотал Златорукий, — ради чего?..

Разогнувшись, он вскинул автомат и выстрелил в аэса, почти уже скрывшегося во тьме. Тот, отчаянно мотнув руками, перекувыркнувшись, утонул в густой траве.

— Ради чего? Хочешь как лучше, а получается, что все зря!

Еще один выстрел, и выродок с пробитым черепом рухнул на шалаш.

— Ради чего мы здесь? — Вир застрелил очередного аэса, кинувшегося на него с топориком. — Ради чего вы, долбаные твари, держали нас в осаде? Ради Ингодвитраста? — Выстрел и, кажется, промах, ибо улепетывающего мутанта покрыла спасительная тьма. — Ради глупых богов?

Кастомайзер вдруг осекся. Он вспомнил, что на совете Ява была объявлена хранителем реликвии. Вир нагнулся к покойнице и нащупал у нее сбоку сумочку, сшитую из кроличьих шкурок. Да, в ней и была чаша с прахом прадеда Юла, которую байкеры так и норовили превратить в сомнительную святыню сомнительного предка, продавшегося баггерам.

— Нет, — тихо произнес Вир, извлекая бронзовую кружку из сумочки, — у нас не будет своего Ингодвитраста... сдохну, но не будет...

Кастомайзер осмотрелся, пытаясь найти взглядом Юла. Он и Неп остались возле костра и дрались с часовыми. Неужели проиграли? Неужели их убили?

Светало. Вдали слышался яростный топот байков. Это кочевники спешили на помощь. А, может, это были хорсаты, ведь у дикарей оставались неразоренными два лагеря и оттуда теперь шла подмога. Горизонт на востоке заметно посветлел. Вир еще раз внимательно осмотрелся, но вместо Юла или Непа напоролся взглядом на широкоплечего, коренастого аэса с круглым деревянным щитом и стальным, острым как клюв кровососущего дема, клевцом. Бигчиф зло и ненавидяще щерился, и короткая шерсть на его плоском лице упрямо топорщилась. Значит, в большом шалаше вождя не оказалось.

Без боевого клича, без рычания, без извержения проклятий, только беззвучно обнажая кривые и толстые пеньки зубов, вождь выродков, задрав клевец, побежал на Вира. Златорукий, уронив бронзовую кружку с прахом, поднял автомат, не спеша прицелился и плавно нажал спуск. Но оружие древних не сработало. Осечка. Сто с лишним лет все-таки большой срок даже для автомата Калашникова. Вир судорожно дернул затвор, но там что-то заклинило. Наверное, патрон перекосило.

Кастомайзер успел поставить корпус автомата под клевец, но удар был такой сильный, что руки стареющего байкера невольно подогнулись, и острое стальное жало, пробив кожаную броню, вошло в плечо на толщину указательного пальца. Вскрикнув скорее от неожиданности, нежели от боли, Вир с силой оттолкнул от себя бигчифа, взял автомат за ствол. Теперь чудо-самострел годился лишь в качестве дубинки.

Оскалившись, вождь ринулся в новую атаку. Боевой молот-клевец обрушился на приклад автомата. Вир отскочил на шаг в бок и назад и саданул что есть мочи противника. Дикарь блокировал удар щитом и тут же размашисто рубанул низом. Левое колено

кастомайзера хрустнуло, и адская боль прошла судорогой по всему его телу. Нечленораздельно заорав, Златорукий рухнул как подкошенный. На миг окружающая действительность помутнела, захлебнулась багряной краской. Вир, сделав над собой усилие, вынырнул из кроваво-красного забытья. Над ним исполинской громадой возвышался бигчиф. Победно скалясь, выродок поднял клевец и обрушил его на поверженного номада. Дернувшись, перестав дышать от натуги, кастомайзер оттолкнулся свободной рукой от ноги вождя и покатился по траве. Молот, гулко ухнув, вошел в землю.

Вир, опираясь на автомат, и почему-то, не чувствуя боли, поднялся. Он умудрился сделать это на одной правой здоровой ноге, потому что левая, перебитая в коленном суставе, отказалась повиноваться. Дикарь медленно, чрезвычайно медленно, будто напоказ, любовно погладил рукоять клевца, затем резко выдернул его из земли, и клочья травы разлетелись в стороны. Бигчиф, ослабившись леденяще жуткой улыбкой, пошел в наступление. Невероятно, но одноногий Вир превозмог себя и увернулся от целых трех атак разъяренного врага и даже попытался достать выродка, но приклад автомата отлетел от вовремя подставленного щита, и следом клевец со свистом вошел в левую грудь кастомайзера.

Треск лопнувшей кожаной брони, хруст ломающихся ребер, зловещее торжество в глазах аэса и — забытье. Тягучее. Бордово-черное. Переливающееся всеми оттенками тьмы. Океан липкий, как мед, и горький, как полынь, давил на Виру, сжимал его, закручивал в тугую пружину, в напряженный, до крайности болезненный комок нервов. Потом послышался чей-то зов, что-то треснуло, навсегда безвозвратно сломалось, и Златорукого вынесло на поверхность реальности.

— Вир! — услышал он. — Вир!

Кастомайзер приоткрыл свинцовые веки, увидел встревоженное лицо Юла.

— Вир, не умирай, Вир!

Старый байкер пошевелил непослушными губами, и слабый, угасающий голос — не его голос, а чужой, незнакомый — прошипел:

— Чашу... бери чашу и уходи...

— Вир, я не оставлю тебя...

— Бери чашу, уходи... бери ее... утопи ее в море... иначе все зря...

— Вир!..

Кастомайзер не услышал, что кричал Юл, он вновь провалился в темную муть бессознательного и плавал в ней, точно нерожденный ребенок в утробе матери. Тьма теперь не давила, не была горька и тягуча, она стала безвкусной, пресной, никакой. И лишь легкие колебания мрака говорили о том, что Вир все еще существует. Затем байкер заметил яркую точку и устремился к ней.

Точка феноменально быстро расширилась, превратилась в пространство, озаренное ярким, но не обжигающим, а лишь приятно греющим солнцем, и от края до края тянулась безбрежная степь. Седая, как волосы Виры, из-за цветущего ковыля. Бывший кастомайзер клана Дэнджеров ощутил на себе чужой взгляд и повернулся.

Перед ним стояла Чезета, но только не полненькая пышечка с нарождающимися глубокими морщинами на обветренном лице, а юная, стройная дева. Такой он ее увидел впервые на весеннем байкфесте двадцать с лишним оборотов небесного колеса назад. Или, может, валькирия в образе возлюбленной пришла за ним.

Байкер потянул к ней руки, но степь, солнечное небо, Чезета подернулись бардовой дымкой и над миром раздался голос:

— Вир! Вир, дружище!!! Посмотри на меня! Посмотри!!!

Вир с трудом разлепил веки. На него из предутренней мглы глядел Ури, губы его дрожали, глаза были мокры, а борода свисала беспорядочными, растрепанными и беспомощными клочьями.

— Я знаю, Вир, что это всё, я знаю, — прохрипел Ури, — я провожу тебя к Большой переправе. Вир, дружище, я провожу тебя. Я никогда не говорил тебе, Вир, не говорил, но ты всегда был моим лучшим другом! Братом был мне! И я провожу тебя, Вир, провожу. Хоть так... Хоть что-то для тебя... Ты готов?.. Вир... Вир... слушай... Над тобою тишина, небо полное...

— Не надо, — еле выдавил из себя умирающий байкер, — не надо. Я сам. Без помощи... не тревожь меня... прошу... оставь...

Вир закрыл веки, лицо Ури исчезло, и байкер снова провалился в белую от ковыли, бескрайнюю степь. Желток солнца приятно согревал, и яркое небо дарило спокойствие и радость.

На него взирала юная и прекрасная Чезета. Она лукаво шурилась, подставляя освежающему ветру чуть порозовевшие щеки, и роскошные темно-каштановые волосы мягкими локонами спадали на соблазнительно округлые плечи.

Вир вдруг подумал, что это просто предсмертное видение, что мозг подарил умирающему организму сладостную иллюзию, но степь дышала такой невыразимой силой, а юная валькирия была столь чарующа и обворожительна, что мысль его мгновенно растворилась в невероятной синеве неба. В конце концов, возможно, это и есть лучшая из наград: последнее мгновение жизни, растянутое в бесконечность. Тебя уже нет, а это мгновение все продолжается и продолжается, ведь за ним — вечная пустота.

Вир хотел что-то сказать, но прекрасная дева, улыбнувшись, коснулась пальцем его губ.

— Все сказаны слова, все сделаны дела, — тихо произнесла она фразу из судьбоносной баллады предков, — и снова вместе на дороге мы с тобой.

Эту балладу по старинной традиции кочевники исполняли каждый весенний и осенний байкфест.

"Пробил час... — подумал Вир, — пробил час..."

Юная дева еле заметно кивнула.

— Время вдаль лететь, нет больше сил терпеть, — сказала она, — когда ты в коже на коне, а конь стальной.

Тут только Вир заметил, что он и его спутница сидят на байках, но не на четвероногих копытных животных, а на двухколесных самодвижущихся чудо-машинах предков.

Юная дева устремила взор вдаль, и нежный ветер играл ее волосами, затем скосив глаза на Вира, она задиристо спросила:

— Наперегонки? До ближайшего горизонта?

Байкер улыбнулся. Чудо-машины взревели и помчались бок о бок навстречу пронзительному небу.

Шумела седая степь, улыбалось ликующее солнце, а Вир и юная дева ускорялись на двухколесных байках, все прибавляя и прибавляя газу...

Гексаграмма 42 (И) — Прибавление

Чем выше полет, тем шире горизонты

Юлу и Непу не удалось подобраться к дикарям. Оба выродка, втянув воздух

широченными ноздрями, вдруг поднялись и, отрывисто рыкнув, направились к тому месту, где засели диверсанты. Они шли не спеша, осторожно и бесшумно перемещая напружиненные толстые кривые ноги. Аэсы не знали, где находится враг, но, видимо, не смотря на ветер, учуяли подозрительный запах.

Когда дикари были всего в двух шагах, Юл и Неп, не стовариваясь, точно по команде, метнулись на часовых. Невероятно легкая победа байкеров в конной рубке и провальное поражение мутантов при попытке взять Центр с наскока, дали людям иллюзию слабости противника. Но на поверку это было далеко не так. Выродки являлись хорошими бойцами, хоть у большинства из них на руках имелись только топорики, чаще сделанные из камня, нежели из металла.

Не рассчитав силы, Неп, поскользнувшись на траве, улетел в сторону. Юл оказался расторопней и размашисто рубанул гладиусом, а следом и малой боевой лопатой. Аэс отразил оба удара и перешел в контратаку. Тем временем другой выродок попытался прикончить Непа, но напоролся на ноги президента Вампиров и, зло рявкнув, отпружинил в заросли катрана.

— Элэта! — проорал дикарь, налегающий на Юла. — Элэта!

У младшего правнука в обеих руках имелось оружие, но он с трудом отбивался от ополоумевшего аэса. Улучшив момент, парень сделал выпад гладиусом. Мутант отразил тычок, но теперь инициатива нападения перешла к Юлу. Он безостановочно лупил по пятящемуся противнику, и, наконец, пробив оборону, вогнал лоток лопаты прямо в шею дикаря. В предрассветной мгле кровь, плеснувшая из вспоротой артерии, показалась черной. Уронив топорик, отпрянув, мутант попытался зажать рану, но темно-густая жидкость, била напористыми фонтанчиками между волосатыми пальцами. Grimаса ужаса и ярости сменилась покорной усталостью. Мышцы лица расслабились и будто одухотворили выродка, сделали его похожим на самого обыкновенного человека, из которого быстротечно уходит жизнь. Устремив потухший взор на светлеющий небосклон, на угасающие гроздья еле пульсирующих звезд, он опустил на колени, булькаяюще всхлипнул и упал спиной в траву.

Неп продолжал биться со вторым часовым. Юл кинулся на помощь байкеру, но его опередил Хорекс Неустрашимый. Он выпалил из арбалета, и болт угодил в висок мутанта, а следом акинак президента Вампиров вошел по самую рукоять в живот аэса.

Со стороны лагеря выродков раздались два подряд взрыва. Истошно выла сирена, но и она не смогла заглушить мозгодробительное ржание покалеченных хорсатов и предсмертные хрипы дикарей. А где-то в темноте землю сотрясал гул десятков и десятков копыт. Байкеры и отряды аэсов из двух других лагерей мчались на место битвы.

— Нужно помочь Яве и Виру, — скороговоркой вымолвил Юл, глядя в глаза Рексу, — а я задержу конницу выродков. У меня три гранаты. Мне Вир дал три гранаты, и себе столько же оставил.

Род-капитан, попавший под магическое влияние хитроумного юнца, кивнул и, раскручивая на ходу ворот арбалета, помчался в лагерь, из которого в разные стороны, охваченные неизъяснимым ужасом, разбежались хорсаты и дикари.

Юл взглянул на Непа, явно желая, чтобы и тот последовал за Рексом, но президент Вампиров безапелляционно заявил:

— Я с тобой, сопляк, никто не смеет мной командовать! Дай мне одну из этих штуковин!

Младший правнук передал Непу гранату, и оба понеслись навстречу всадникам. Они

остановились, когда надвигающаяся конница врага стала различима на фоне посветлевшего горизонта. Далеко правее от них над просыпающейся степью разнеслись звон мечей, лошадиное ржание и крепкая ругань. Это байкерская конница столкнулась с другим отрядом выроdkов.

Юл зажмурился. Если сейчас не остановить всадников, надвигающихся неумолимой волной на него и Неп, поражение неминуемо. Но как? Как два человека смогут одолеть сорок, пятьдесят или даже шестьдесят выроdkов? Неужели эти шгуки, величиной с кулак, настолько мощные, что способны обратить в бегство вражью кавалерию? Не верю... не верю...

Юл задрожал. Так же, когда он впервые увидел кочевников, разоряющих деревню, так же, когда на плоту вдруг осознал, что не умеет плавать.

— Какого баггера ты трясешься как целка перед йенгом? — гневно прошипел Неп. — Что делать, говори, пока нас не растоптали?!

Младший правнук разозлился на самого себя, и страх мгновенно исчез. Сердце наполнилось сосредоточенной отвагой и готовностью умереть, но не отступить.

"Это специальные усиленные гранаты. Прижимаешь спусковой рычаг к корпусу, — так инструктировал парня Вир Златорукий, — выдергиваешь кольцо, но рычаг не отпускаешь. Бросаешь гранату, падаешь на землю, закрываешь голову руками. Через четыре хлопка после броска последует взрыв. Только хлопать не надо, лежи смирно..."

— Нужно эту железяку прижать к гранате. Крепко прижать и не разжимать, — сказал Юл, и по обеим щекам его потекли крупные капли пота.

Неп сделал так, как указал юнец.

— Теперь выдергиваем кольца... а теперь... теперь... — парень перевел дух, — бросаем в выроdkов и сразу же ложимся... и лежим, пока не бахнет...

Всадники, выкрикивая дикие кличи, угрожающе размахивая топориками и копьями, были уже совсем рядом. Несмотря на сумрак, Юл увидел ожесточение на искаженных злобой мордах мутантов. Неп и младший правнук метнули гранаты и залегли в траве.

Ждать пришлось не долго. Оглушительный взрыв расшвырял передний ряд атакующих. Хорсаты вставали на дыбы, скидывали с себя выроdkов, мчались, неуправляемые, куда глаза глядят.

Подождав немного, убедившись, что вторая граната не сработает, Юл вскочил, прокричал по-аэски фразу, которую его заставил вызубрить Вир Златорукий: "Ингодвитраста панишуэ ёзлих!" и бросил последнюю гранату.

Новый взрыв окончательно деморализовал дикарей, заставив даже самых отчаянных забыть о наступлении. Все, кому посчастливилось быть не задетыми осколками, пустились в паническое бегство. Удержавшиеся в седле без оглядки мчались в открытую степь, надеясь там спастись от грохочущего гнева великого и беспощадного Ингодвитраста. Те, кого сбросили хорсаты, улепетывали на своих двоих. В траве остались лежать лишь убитые и раненные, мутировавшие люди и мутировавшие кони. И живые завидовали мертвым.

— Вот это супер! Слава древним!!! — восторженно проорал Неп Дальнозоркий и захохотал.

Поднявшись, он крутанул акинак:

— Пленных не берем, так что надо добить!

Юл осмотрелся. Дрожащие руки умирающих аэсов то тут, то там тянулись из травы, будто прося небо о какой-то последней, неведомой милости, покалеченные хорсаты били

копытами, безуспешно пытаясь подняться, и над полем битвы звучала какофония, сотканная из стонов, хрипов и плача.

Сердце Юла застучало сильнее, он скороговоркой произнес:

— Я на помощь к Виру и Яве, — и побежал к разоренному лагерю.

Светало. Слышались победные крики байкеров. Второй отряд аэсов не выдержал натиска кочевников и беспорядочно отступил, устранившись карающей длани Ингодвитраста. Победа была полной и абсолютной.

Лагерь оказался пуст, если не считать убитых. Юл увидел Рекса с опущенным разряженным арбалетом. Рядом с ним лежал Вир Златорукий. Левая нога его была изломлена под неестественным углом. Парень подбежал к кастомайзеру, опустился на колени. Из разинутого рта Вири выходил клокочущий хрип. Грудь старого байкера была смята, а в кожаной броне зияла дыра.

— Я не успел, — словно извиняясь, тихо произнес Рекс, — но я застрелил того ублюдка.

Род-капитан указал на убитого мохнатого верзилу с круглым деревянным щитом на левой лапце и арбалетным болтом в правой глазнице.

Юл коснулся посеревшего лица кастомайзера, похлопал его по щекам.

— Там дальше Ява. Она тоже мертва, — сказал Рекс.

— Он еще не умер! — вспыхнул парень. — Не умер! Вир! Вир! Не умирай, Вир!

Кастомайзер вдруг перестал хрипеть, рот его сомкнулся, веки приоткрылись и взгляд стал осмысленным.

— Чашу... бери чашу и уходи... — чтобы понять, что говорит Вир, Юлу пришлось смотреть на его бледные, бескровные губы.

— Вир, я не оставлю тебя... — произнес парень, но осекся. Было понятно, что кастомайзер не жилец.

— Бери чашу и уходи, — Златорукий вновь разомкнул рот, — бери ее... утопи ее в море... иначе все зря...

— Вир!.. — глаза у парня зачесались, голос дрогнул, — Вир!..

Старый байкер закрыл веки и больше не открывал их. Младший правнук почувствовал опустошение. Такое же, как на похоронах первопредка. Свершилось безвозвратное. Подобно прадеду Олегу, Вир был особым. Он понимал Юла, а Юл понимал его. Они могли бы многое друг другу поведать. Они могли бы стать близкими друзьями. Этот необыкновенный седовласый кочевник смотрел на жизнь под тем же углом. Он был на десять голов образованней своих соплеменников. И мудрее их на сто голов. И видел дальше их всех. Ведь чем выше ты стоишь, тем шире горизонты...

Юл цыкнул от досады.

Только толку от этих горизонтов? Ты видишь больше зла, больше ужасов, больше мерзости. Ты осознаешь всю несправедливость вещей, а сделать ничего не можешь. Потому что один в смрадном болоте... теперь уж точно один...

Юл прокусил нижнюю губу. До крови. Чтобы не заплакать.

И что теперь делать одному в этой гремучей смеси из глупых суеверий, беспросветного невежества и звериной жестокости? Как прожить и не свихнуться? И прав, тысячи раз прав староста Имэн. Внешний мир — полон тьмы. И зло не убывает. Оно прибавляется с каждым прожитым на земле поколением...

Гул копыт заставил Юла обернуться. В лагерь на всех парах ворвались байкеры. Ури, соскочив с лошади, скинув с себя круглый шлем с волчьим хвостом, подбежал к

умирающему, нетерпеливо и грубо оттолкнул от него Юла.

— Вир! — взревел предводитель Дэнджеров. — Вир, дружище! Посмотри на меня!

В груди кастомайзера заклокотало, и он открыл глаза полные муки.

— Я знаю, Вир, что это всё, я знаю. Я провожу тебя к Большой переправе, — прохрипел

Ури. С ресницы президента сорвалась тяжелая слеза.

Юл готов был поклясться, что эта слеза попала в глаз кастомайзера.

— Вир, дружище, я провожу тебя, — сказал Ури и борода его затряслась. — Я никогда не говорил тебе, Вир, не говорил, но ты всегда был моим лучшим другом! Братом был мне! И я провожу тебя, Вир, провожу. Хоть так... Хоть что-то для тебя... Ты готов?.. Вир... Вир... слушай... Над тобою тишина, небо полное...

— Не надо, — еле выдавил из себя умирающий, — не надо. Я сам. Без помощи... не тревожь меня... прошу... оставь...

Веки его бессильно опустились, губы подернула легкая полуулыбка, лицо заострилось и будто даже помолодело. В груди больше не слышались kloкочущие хрипы. Вир, Вирус Златорукий из клана Дэнджеров, главный кастомайзер клана Дэнджеров, байкер Стальные бедра перестал дышать.

— Вир! — последний раз в отчаянии выкрикнул Ури и грузно поднялся.

— Кто его так? — спросил он страшным голосом. — Кто?

Рекс указал на мертвого выродка с арбалетным болтом в правой глазнице.

— Скутерастина помойная! — гаркнул Ури.

Он направился широкими решительными шагами к своей лошади, вытащил из чехла секиру, подошел к убитому бигчифу и размашисто рубанул по шее покойника. Второй удар отделил голову мертвеца от тела. А третий — рассек грудину.

— Гори в баггерхелле! Гори! — задыхаясь от ярости, приговаривал Ури после каждого удара.

Не желая наблюдать за безумствующим предводителем, Юл отвернулся. И взгляд его случайно упал на бронзовую кружку с прахом прадеда. Она была наполовину сокрыта пропитанной кровью травой. Парень не спеша приблизился к артефакту. Медленно, чрезвычайно медленно он поднял кружку, и расслабленно, чтобы не навести на подозрение, не оборачиваясь, пошел между односкатными шалашами выродков в открытую степь.

Залезть бы на лошадь и умчаться подальше отсюда, но нельзя, остальные сразу заметят. Придется идти пешком. Юл не думал, что он будет делать дальше: через час, через сутки, через неделю. Сейчас, в данный момент, пока кочевники заморожено смотрят, как Ури в припадке гнева разделяет тушу вождя аэсов, Юл должен как можно дальше отойти от разоренного лагеря.

И вот когда казалось, что он достиг цели, и никто его уже не остановит, парня окликнул вкрадчивый, настойчиво-насмешливый голос:

— Куда это ты собрался?

Юл повернулся. В десятке шагов от него стоял Неп Дальнозоркий. Он криво ухмылялся, глядя острую бородку.

— Мне нужно побыть одному, — сказал младший правнук.

— Неужели? — Неп засмеялся. — Одному и обязательно с чашей Скальпеля Косноязычного?

— Ява погибла, — тихо, но уверенно проговорил Юл, — и кто-то должен следить за артефактом.

— Я послежу за ним, — Неп протянул руку и лениво, будто нехотя поманил пальцами парня, — отдай мне эликсир смерти.

— Это не эликсир смерти, — Юл прижал кружку к груди, — это прах моего прадеда Олега, а не какого-то там Скальпеля. К вам, байкерам, это не имеет отношения.

— Щенок, — Неп натужно засмеялся, но глаза его остались холодными, как у змеи, — расскажешь это кому-нибудь другому. Отдай мне чашу!

— Она никому не достанется, — спокойно произнес Юл, — тебе придется забрать ее у меня силой. Без боя я тебе не отдам прах моего предка.

— Напрашиваешься на неприятности, сопля? — Неп Дальнозоркий вытащил из ножен акинак. — Отдай мне чашу, пацан! По-хорошему прошу, отдай! У тебя нет другого выхода.

Гексаграмма 43 (Гуай) — Выход

Ощущая беспокойство, не поддавайся ему

Взгляд Хоны не отрывался от красноватой, поблекшей от времени шарообразной кнопки. Вир Златорукий велел нажать ее, когда послышатся первые громкие звуки со стороны главного лагеря выродков.

Девушка находилась внутри Центра в просторной круглой комнате перед пультом с большим экраном. Плоским и черным. Вообще-то он был серым, но байкерша, скучая, стерла с него пыль ладонями. Снаружи доносилась возня. Номады нетерпеливо ждали знака, по которому они, обнажив оружие, пойдут в атаку на аэсов.

Время от времени блеклые лампы, размещенные по периметру, гасли и тогда Хона подпрыгивала и начинала ходить туда-сюда маленькими, но быстрыми шажками, и тусклый свет вновь загорался. Вир говорил, что в пол вмонтированы такие штучки, которые поглощают энергию, возникающую в результате трения подошв о поверхность, и перенаправляют ее на освещение комнаты. Девушка так до конца и не поняла объяснения кастомайзера, но поверила ему. Ведь Вир был самым умным в клане Дэнджеров. Да что там Дэнджеров! Среди всех семи кланов!

У Златорукого не было детей, но он любил малышей. Частенько байкерята собирались у вечернего костра, чтобы послушать истории старого номада. Рассказывая страшные или веселые сказки о дальних краях и прошедших временах, он угощал ребятню печеными кореньями или даже кусочками жареного мяса. Вир вообще обладал добрым сердцем. Вне всяких сомнений, добрым! Ведь он никогда не мучил пленников или рабов, не калечил, не отрезал уши или пальцы, как это любил делать Авас Стальной. Если нужно, то убивал сразу, чтобы человек не страдал.

А еще Вир умел доходчиво и просто объяснять. А сколько хитростей и игр он показал Хоне! Ведь даже Юл, хитрый мальчишка и начинающий колдун, не смог ее обыграть в камушки. Все благодаря науке кастомайзера.

Вспомнив о Юле, Хона непроизвольно нахмурилась. Уж очень тянуло ее к нему. И ведь, что странно, в первый раз, когда байкерша засекала парня возле речки и совместно с Рексом повязала, она с пренебрежением отнеслась к пленнику. Трусливый кегль, впрочем, как и все кегли, даже не попробовал сопротивляться, а бросил оружие, заложил руки за голову и безропотно опустился на колени, как ему велели. Все поменялось, когда Хона стала свидетельницей короткой потасовки на байкфесте. Юл уронил Аваса в лужу, да еще и обозвал "мочой лягушки". Это было невероятно смешно.

И как легко Юлу удалось заговорить байкершу, убедить совершить подвиг, отправиться в Запагубье! Потом она поняла, что перед ней лукавый обманщик, и это злило, но в то же

время отчего-то неодолимо влекло. Было в этом обмане, в этом лукавстве, что-то озорное и даже искреннее. Хона, конечно, ерепенилась, вела себя задиристо, давала понять всем своим видом, что не желает, чтобы Юл выказывал ей знаки внимания, касался ее или чего еще больше. Но после того как парень наложил на девушку заклятие Великого Плацебо, после того, как она заглянула в глаза черному вердогу и не заморозилась, но перерезала глотку жуткой псине, Хона неотвратимо попала в сети колдуна. Он ведь колдун! Да еще какой! Наверняка знает какой-нибудь любовный приворот, чтобы все мысли были только о нем.

"Ну и пусть, — подумала байкерша, — так здорово, когда он рядом! Ничего, я тоже знаю кое-какие секреты, я тоже накинута на него магические сети. Это будет честно. И никуда мы друг от друга не денемся! Лишь бы сейчас все получилось..."

Сердце Хоны тревожно забилося. Ведь и Юл и Вир где-то там, в темноте таятся возле целой орды выроdkов. Что если Небесный Харлей уготовал им гибель в бою?

Словно в ответ на беспокойные мысли, вдали дважды бахнуло. Байкеры, прокричав "Семь и три!", устремились через открытые ворота в предрассветную мглу.

Хона, чуть помедлив, ударила что есть силы по кнопке. Тут же оглушительно взвыло, отчего у девушки невольно подогнулись колени. Вир говорил, что сирена через какое-то время автоматически отключится. Но ждать байкерша не могла. Взяв себя в руки, она воткнула карточку в щель и закрыла треугольное окно. Затем выскочила на воздух, закрыла дверь и помчалась к своему байку. Лошадь, испугавшись жутких протяжных звуков, металась между стеной и куполом.

— Стрела! Стрела! — позвала Хона. — Не бойся, Стрела!

Но байк не слушался. Он поскакал вокруг купола, а девушка безуспешно пыталась догнать его. Один раз она почти дотянулась до лошади, коснулась ее крупа, но, споткнувшись, упала.

Хона запаниковала. Там, в темноте уже шел бой, а она все никак не могла поймать перепуганную Стрелу. Она вскочила и, выкрикивая ругательства, вновь помчалась за байком. Проклятая сирена оглушительно выла, а лошадь, не понимая откуда идут эти адские звуки, неслась по кругу, не желая даваться в руки хозяйки.

Наконец, девушка сообразила, что может направиться в другую сторону. Она остановилась, развернулась, но не побежала, как сперва решила, а не спеша пошла. Стрела не ожидала появления Хоны и, выскочив из-за поворота, встала на дыбы. Девушка отпрянула, опасаясь попасть под копыта. И в этот миг сирена заглохла.

Улучив момент, байкерша вскочила на лошадь и, покинув Центр, помчалась к лагерю выроdkов. Проехав с две трети пути, Хона остановилась и, приподнявшись на стремянах, осмотрелась. Было уже достаточно светло, чтобы понять: самое волнующее пропущено. Байкеры победили аэсов и теперь толпились между палатками. Девушка уже хотела направиться к ним, как вдруг в стороне от лагеря заметила две фигуры. Сердце болезненно екнуло, и еще до конца не понимая, что там происходит и кто эти двое, Хона подстегнула байка, поскакала к ним.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Вскоре она безошибочно различила Юла и Непа Дальнозоркого. Президент Вампиров, поигрывая акинаком, наступал на парня. Младший правнук, выставив перед собой малую боевую лопату и прижав к груди кружку с прахом прадеда, пятился.

Вытянув правую ногу, байкерша направила лошадь так, чтобы она проскакала рядом с Непом, а пятка попала кочевнику точно между лопатками. Заслышав топот копыт, президент

покосился, но не повернулся, опасаясь неожиданного выпада лопатой от Юла. Убедившись, что к нему приближается лошадь, а не хорсат, Неп вновь сосредоточил внимание на парне, продолжил на него наступать.

В последний момент, Неп отклонил корпус, и нога Хоны попала ему не в спину, а в левое плечо, однако удар все равно оказался мощным, и Неп, отлетев на добрый пяток шагов и выронив акинак, глухо ахнув, покатился по траве.

— Садись, садись! — прокричала Хона. — Давай же!

Юл запрыгнул на лошадь, и девушка помчалась без оглядки.

— Чоп! Чоп! Чоп! — подбадривала она Стрелу, несясь на север, в сторону Пагуби.

Вскоре кобыла начала уставать. Шея ее покрылась потом, ноздри открылись, а сама она тяжело задыхалась. Везти на себе двух человек, да еще и галопом — нелегкий труд. К тому же сказывалось недоедание. Четыре десятка байков очень быстро ощипали всю растительность в Центре и уже на следующий день осады начали голодать.

Когда вдаль показалась река, широкая и величественно спокойная, покрытая легкой пеленой утреннего тумана, Хона остановила лошадь.

— Слазь! — скомандовала девушка и сама спешила. — Нужно решить, что делать дальше.

Стрела тут же накинулась на близлежащие заросли высокой травы.

— Утопим прах в Пагуби, — сказал Юл, — а потом... потом, Хона, я должен вернуться в родные края. Если хочешь... можешь поехать со мной.

— А почему бы тебе не остаться среди нас? — предложила девушка. — Ты храбрый и умный, да еще и колдун. Ты быстро поднимешься. Через пяток оборотов небесного колеса, может, даже в мемберы выбьешься.

— Я бы остался, — Юл неожиданно потупился, — но там, в моей деревне, староста собирается уничтожить десять тысяч книг. И я должен помешать ему.

— Виру было бы интересно взглянуть на книги, он ведь умеет читать, — сказала Хона, — он, если захочет, с тобой поедет. А если он поедет, то и я.

— Да, — тихо произнес Юл, и в голосе его послышалось такое опустошение, что у байкерши замерло сердце.

— Что с ним? Он... — девушка задержала дыхание, — жив?

Парень отрицательно покачал головой:

— Пал в бою.

Кровь прибила к щекам Хоны, а глаза застлали слезы. Она отвернулась, закрыв руками лицо. Юл коснулся ее, но девушка отдернула плечо и произнесла глухим напряженным голосом:

— Не трогай меня! Оставь! Я постою так немного! Постою... чуть-чуть...

Слезы сами текли из глаз байкерши, она вздрагивала, пытаясь подавить всхлипы. Девушка прятала лицо в ладонях, потому что не хотела, чтобы хоть кто-то видел ее слабость. Юл, степь, небо, тучи, солнце, иногда проглядывающее из-за них, и даже небесный Харлей вместе со всем священным табуном должны быть уверены в том, что Хона, Хонда Молниеносная из клана Дэнджеров сильная и никогда не плачет.

Девушка еще долго стояла недвижимой статуей, пока Юл вдруг не произнес:

— Хона, там кто-то скачет!

Торопливо вытерев щеки, байкерша повернулась. Навстречу им неся всадник.

— Это Неп, — сказала девушка, — он нашел нас.

Хона и Юл вскочили на несчастную лошадь, так и не успевшую как следует утолить голод. Стрела, недовольно заржав, пошла тяжелым галопом.

— Чоп! Чоп! Мы доберемся до моря! — выкрикнула Хона. — Ради памяти Виры мы сделаем это! Рассеем прах твоего предка, и пусть все думают, что это был Скальпель! Чоп! Чоп! Чоп!

Однако суровая реальность говорила о другом. Расстояние между беглецами и Непом сокращалось. Байку было тяжело под двумя людьми. Хона прекрасно понимала это, но продолжала с ожесточенным отчаянием подстегивать кобылу.

— Придется принять бой, — сказал Юл в самое ухо девушке, — другого выхода нет.

— Чоп! Чоп! — подгоняла Хона хрипящую лошадь.

Река была уже совсем близко. Туманная дымка все еще висела, а на другом берегу, практически сразу возле воды начинались густые заросли, над которыми то там, то здесь возвышались изъеденные временем и непогодой полуразрушенные многоэтажные здания.

— Хона, не загоняй байка! Придется сражаться...

— Заткнись! — огрызнулась девушка. — Чоп! Чоп! Чоп!

Пагубь в этих местах была глубока, и перекаатов, по которым можно было бы перейти вброд, Хона не знала, да и вообще их, скорее всего, здесь попросту не имелось.

Вдруг Юл прокричал:

— Смотри, чуть левее, видишь?

Байкерша бросила взгляд туда, куда указывал напарник. Возле берега резвились детеныши аэсов. Было их шестеро или семеро. Маленькие волосатые дикари залазили на конструкцию, сделанную из пластиковых бочек и поддонов, и сигналы с нее в воду. Это был плот, смастеренный Юлом и Хоной. Плот отнесло по течению на несколько тысяч шагов, и он сел на мель.

Байкерша направила лошадь к детенышам.

— Пошли прочь, мохнорылые! — проорала она.

Волосатики вздрогнули и, как по команде, повернули недоуменные мордочки.

— Прочь, уроды!!!

Дикарята прыгнули в разные стороны, двое даже нырнули в воду и, подымая тысячи брызг, поплыли вдоль берега кролем.

Оказавшись возле плота, беглецы молниеносно спешили. Вместо того чтобы пихнуть конструкцию на глубину и залезть на нее, Юл побежал к березке.

— Куда?! — воскликнула байкерша.

Парень четырьмя ударами малой боевой лопаты срубил деревце и поволок его к воде.

— Нужен шест, — пояснил он.

Хона и Юл залезли на плот и парень, утонув в листве и ветвях, принялся отталкиваться от дна березкой.

Когда Неп достиг реки, беглецы отплыли на добрых тридцать шагов от берега. Лошадь президента вошла в воду по грудь.

— Здесь глубоко! — прокричала Хона. — Ты нас все равно не догонишь. Только своего байка погубишь.

Президент Вампиров, поколебавшись несколько мгновений, зачерпнул в ладонь воду, плеснул на лицо, затем нехотя выехал на берег.

— Верните мне чашу! — надрывно проорал он.

— Мы вскроем ее и выкинем в море! — ответила Хона. — Прах Скальпеля

Косноязычного принесет зло байкерам. Так говорил Вир Златорукий, величайший из павших в бою!

Президент погрозил кулаком.

— Присмотри за Стрелой! — крикнула Хона. — Она хорошая стальная кобыла. Я дарю ее тебе, Днепр Дальнозоркий из клана Вампиров!

— Ты идешь против воли всего племени! — воскликнул президент. — Против воли своего отца! Ты перечишь воле самого небесного стального коня Харлея Изначального!

— Как настоящая байкерша, я перечу вопреки! — огрызнулась Хона. — А значит, мое перечение — угодно священному табуну!

Больше Хона не отвечала на угрозы Непа Дальнозоркого, но помогала Юлу обрубать ветки со ствола березки.

Гексаграмма 44 (Гоу) — Перечение

Слова могут навредить, молчание же — никогда

Не только Вир Златорукий и Ява Бесноватая погибли, сражаясь. Кроме них еще пять байкеров, пять доблестных номадов сложили головы в ночной сече с аэсами. Итого с начала похода кочевники потеряли девять бойцов, а, возможно, и все десять, поскольку Неп Дальнозоркий примчался в разоренный лагерь выроdkов и, никому ничего не объясняя, оседлав байка, ускакал в степь. К тому же без следа исчезли Юл и Хона, а кроличья сумка, в которой Ява хранила эликсир смерти, оказалась пуста.

Байкеры нашли сухую рошу, скрывающую в себе разрушенные почти до основания дома древних. В ней кочевники соорудили погребальный костер и, возложив на него убитых, подожгли хворост.

Каждый воин отправляется в последний путь со своим оружием. Впрочем, теперь, когда металл стал дефицитом, мечи, как правило забирали. С убитыми оставляли небольшие ножи. Ури нашел у Вира шпуковину овальной формы, которую тот называл "гранатой", и забрал ее себе. Стреляющую дубинку с отростком президент положил рядом с покойным другом. На небесных полях, где пасется священный табун, Вир, Вирус Златорукий из клана Дэнджеров, главный кастомайзер клана Дэнджеров и байкер Стальные бедра покажет Харлею Изначальному огневой самострел, из которого он убил много врагов, без утайки поведаст о своей славной жизни и столь же славной смерти, и будет принят предками со всеми почестями.

Когда огонь разгорелся в полную силу и желто-оранжевые, пышущие жаром языки пламени скрыли тела павших, вдруг послышались шелкающие резкие звуки. Из костра стреляло. Нечто неведомое поранило одну из лошадей. Номады, пригнувшись, отступили, но Ури, воздев руки к небесам, оставался на месте, и ни единый нерв его не дрогнул, даже когда что-то отрикошетило совсем рядом, расколов камень на два. Это стреляло оружие древних. Это оно гневало на Ури за то, что тот был недобр к своему товарищу. За то, что смалодушничал и отказал бесстрашному Виру в побратимстве. Если за слабость воздастся наказание, пусть даже в виде смерти, что ж... так тому и быть!

Вождь славил подвиг воинов, провожая их судьбоносной молитвенной балладой древних. Теперь они, ставшие союзниками рая в ночь битвы, неслись беспечными ангелами на небесных стальных конях к невидимым в дневном свете звездам. И байкпарадайс открыл свои врата.

Голос Ури срывался, порой заглушался гудением пламени и ветра, но президент продолжал воспевать ушедших. Зрочки его закатывались, а потом глаза сами собой

открывались и незряче глядели вверх. И, казалось, вон они, скачут между налитыми траурной чернотой тучами, и впереди всех мчится с распущенными серебряными волосами Вир Златорукий. И сами тучи, будто воронные кони, кусая удила, рвутся к небу, чтоб сопроводить усопших.

Они пали, но они живы. И Вир пал, но он жив. Блажен тот, кто не умер в своей постели...

"Прости, дружище! Прости, брат, мое малодушие. Ты не пожелал, чтобы я проводил тебя к Большой переправе, и ты имел на это право. И все же прости меня, брат..."

Когда закончился обряд кремации, байкеры собрались на совет. Ури предложил продолжить путь по Запагубью, но большинство воспротивилось ему. Голосом недовольных стал широкоплечий здоровяк. Волевое лицо его иссекали глубокие шрамы. Широкий рельефный лоб слегка наморщился, и глубокие карие глаза вперились в предводителя.

Рон, Айронхорс Несгибаемый из клана Вампиров — так звали мужчину. Прославился он тем, что вступил в схватку с леопоном и умудрился выжить.

— Ури, — сказал здоровяк низким с бархатцем тембром, — ты преследуешь свои цели и подставляешь всех остальных. Твоя дочура снова сбежала, и ты хочешь догнать ее. Но мы не обязаны рисковать жизнями из-за глупости сопливой девчонки. И так уже девять байкеров отправились в небесные степи. Мы возвращаемся в становища.

— А как же твой президент? — хрипло спросил Громоподобный, поморщившись, во время похорон он забыл о боли в груди, а теперь она вновь напомнила о себя. — Неп Дальнозоркий из Вампиров. Ты тоже намерен оставить его здесь?

— Ты знаешь обычаи, Ури, — произнес, не моргая Рон, — если Неп, ни с кем не посоветовавшись, никому ничего не объяснив, ушел в степь, если он не присутствовал на похоронах павших, хотя обязан был присутствовать, это его проблемы, будь он хоть сто раз президентом. Президент выбирается для того, чтобы служить клану, а не чтобы клан служил ему.

— А как же насчет чаши Скальпеля Косноязычного из клана Сумеречных шакалов?

— Даже если владение артефактом сулит великую власть, прах байкера, предавшего когда-то обычаи своего племени, не стоит ни одной нашей жизни, — возразил здоровяк.

— А как же насчет продержаться семь дней в Запагубье? Или вы не хотите получить звание "Стальные бедра"?

— Сегодня мы разбили выроdkов, — ответил Рон, — а завтра они соберут со всей своей земли всех боеспособных самцов, чтобы отомстить за поругание своего долбаного храма. И как ты намерен противостоять трем или четырем сотням разъяренных аэсов? Оружия древних у нас больше нет.

— Трусость не украшает байкера, — сурово заметил Ури.

— Глупость не украшает байкера, — столько же сурово возразил Айронхорс, — ты собрал войско на испытание длинной дорогой, но Харлей Изначальный не благоволил тебе, потому что ты решился идти в Запагубье из личного интереса. Ты использовал нас, чтобы поймать дочуру. И потому, когда мы приблизились к Пагуби, разыгралась буря. Так нам выражал свое недовольство небесный стальной конь. И тогда, когда нас чуть всех не порешили, если бы не оружие древних, было второе предупреждение. Третьего предупреждения не будет — мы сгинем без следа. И поживиться мы уже ничем не успеем. Обычно из-за Пагуби байкеры возвращаются с металлом древних, но в этот раз наша добыча мала. Однако подвигов мы совершили достаточно, чтобы рассказать о них своим потомкам.

И ты сам знаешь, Ури, из всех испытаний длинной дорогой, только три раза байкерам удалось задержаться в Запагубье более семи дней.

Предводителю Дэнджеров очень хотелось вспылить, вызвать на дуэль Рона, расцедь ему башку секирой, но он понимал, что неправ.

— Дай подумать... чуток, — сказал Ури и вытащил из кармашка "Канон перемен".

Он открыл томик наугад. Вир бы быстро прочитал, что там написано... если бы был жив. Ури же, как и большинство кочевников, никогда не славился грамотностью.

— Посмотри на тучи, они черны, — продолжил Айронхорс. — Если начнется ливень и если он продлится долго, мы не сможем перейти по перекатам через Пагубь.

Предводитель неслышно шевелил губами, напрягая все имеющиеся в его мозгу извилины. И наконец, понял смысл заголовка. Ему выпала сорок четвертая гексаграмма. Перечтение. Лишние слова — это вред. А молчание вреда не принесет. Вот что значила она. А еще ниже он с четвертой попытки прочитал: "Не навязывайте свою волю другим".

— Лады, — сказал Ури, спрятав книжицу, — я гляжу, голосование бесполезно, вы настроились на возврат. Я не могу вас держать, но сам остаюсь.

Главарь с надеждой взглянул на байкеров своего клана, на Аваса Стального, на Ижа, снявшего шлем и сверкающего лысиной на солнце, выглянувшем в просвет между черными тучами, и на владельца роскошных усов Крайда.

— С меня харе! Я ухожу со всеми, — Аvas сплюнул вязкой слюной. — Я ничего не имею против твоей дочери, но этот кегль с дурацким погонялом подбил ее свалить. Зря ты мне не позволил поработать над его ушами.

— Если ты попросишь... — аккуратно начал Иж.

— Мы останемся, — продолжил Крайд, — йенг нам в глотку, но останемся...

— Но если только ты попросишь, — закончил Иж.

— Я понял, — обреченно проговорил Ури, — езжайте-ка с остальными! Ваша совесть чиста.

Кочевники отправились на северо-восток к перекатам через Пагубь. Президент провожал их тоскливым взглядом. Вдруг от толпы отделился Рекс Неустршимый и поскакал к Ури.

— Ты хочешь продолжить со мной путь? — с надеждой спросил президент.

— Нет, — ответил род-капитан, протянув предводителю Дэнджеров арбалет и колчан с болтами, — это поможет тебе охотиться на дичь. Я уж как-нибудь без него обойдусь, доеду до становищ.

— Благодарю тебя, Хорекс, — сказал Ури, принимая подарок.

— Я бы мог поехать с тобой, — сказал Неустршимый, — но, поверь моему слову, мальчишка — колдун, и знает, что ему делать. Если Юл и Хона решат пожениться, не препятствуй им, ибо потомки этого мальчишки будут владеть степью по обе стороны Пагуби. Я знаю, что говорю. Поверь моему слову, Урал Громоподобный из клана Дэнджеров.

Рекс, догоняя основное войско, ускакал прочь. Ури вдруг накрыла невероятное отчаянье, смешанное со злобой и бессилием. И чтобы подбодрить себя он, воздев кулак к небу, проорал вдогонку кочевникам слова-заклинания из судьбоносной баллады древних:

— Пусть каждый сам находит дорогу! Мой путь будет в сотни раз длинней!

Байкеры все дальше и дальше удалялись на северо-восток, а Ури, провожая их взглядом, думал, воссоединится ли он когда-нибудь с родным становищем...

Гексаграмма 45 (Цуй) — Воссоединение

Дорога вдвоем короче, когда идешь вместе с другом

Когда Неп Дальнозоркий осознал, что не поймает беглецов, а Хона прокричала, что дарит ему свою кобылу, у президента Вампиров появился соблазн вспороть глотку Стреле на глазах у хозяйки. Но байк — это байк. Убивать его без нужды — недопустимый проступок. И рука Непы не поднялось на такое злодеяние.

Веселая, азартная злость выиграла в груди Дальнозоркого. Он угрожающе захохотал, погрозив плоту кулаком. Сперва он хотел следовать за Хоной и Юлом вдоль берега, но почти сразу осознал бесперспективность данного действия. Чем дальше на запад, тем шире будет Пагубь. Брод не найти. Беглецы, останавливаясь на другом берегу, будут недостижимы, а ночью и вовсе уйдут незамеченными. А уж когда они достигнут моря, их след потеряется в любом случае. Преследование нужно организовывать вплавь.

Неп знал, что аэсы промышляют рыболовством, и решил поискать какую-нибудь деревушку, где можно украсть лодку. Байков придется оставить. Жалко, конечно, но...

"Нет, — решил после недолгого раздумья президент, — одному ехать в деревню выродков — самоубийство. Найду своих, подобью кого-нибудь отправиться со мной. Ведь чаша, это не просто чаша..."

Верил ли Неп в силу эликсира смерти? Он и сам не мог дать точный ответ. Но он прекрасно понимал, что большинство байкеров в эту силу верит. А значит, обладание артефактом даст дополнительные полномочия и лишнюю власть. Быть первым среди равных, разве это не соблазнительно?

Неп Дальнозоркий скептически относился к большинству примет и суеверий, но, как и всякий номад, опасался взгляда черного вердога, и где-то в глубине души боялся оказаться в объятьях адской шлюхи Радиации, хоть частенько и посмеивался над страхами других, и, конечно же, хотел после славной смерти обитать на небесных полях священного табуна. Одно дело язвить в адрес небесных стальных коней и кобыл в дни процветания и совсем другое, когда судьба тебя возьмет за яйца. Тут начнешь молиться кому угодно...

Неп задумался. Скорее всего, сейчас байкеры хоронят павших. Номады не одобряют поступок президента, ушедшего в степь и не попрощавшегося с убитыми в бою. Чего доброго они захотят вернуться в становища, и их не убедить в обратном. Тем более, если ты нарушил традицию. Казалось бы, глупость. Какая разница для мертвых, кто их придаст земле или огню? Они уже пируют на небесных полях, и им не до мелочных заморочек смертных. Но нет! Мнение племени, от самых распоследних шустрил и безотказных давалок из бывших рабынь до вайс-президентов, трежеров и род-капитанов, давит невидимым, но осязаемым грузом на вождя. И вождь, какой бы он крутой и авторитетный не был, ничто против коллективных убеждений окружающих.

"А что, если нет никакого Харлея Изначального? — закралась крамольная мысль. — Что, если священный табун — это только общий взгляд людей семи кланов на мир и жизнь? И как ему противиться, мнению всех обо всем? Ведь у него нет лица, у этого мнения, но оно везде. Незримо, но имеет власть. Попробуй пойти открыто против его воли!"

— Прости, небесный стальной конь, — сказал полупрошептом Неп, воздев глаза кверху, — это я вопреки, чтобы ты уважал меня.

Президент засмеялся и, подстегнув байка, помчался галопом на восток. Следом послушно поскакала Стрела.

Вскоре он увидел одинокого всадника, едущего навстречу ему. Всмотревшись, Неп узнал Урала Громоподобного.

— Куда это ты? — спросил Неп, когда пути кочевников пересеклись.

— Хочу поймать дочуру, — угрюмо проговорил Ури, — и вздуть засранку вместе с ее хахалем.

— Благородная задумка. Они ушли на плоту по Пагуби, вон твоя дочура мне байка в подарок оставила, — Неп ухмыльнулся, — а где остальные?

— Ушли на север. Решили, что с них хватит. Девять жмуров и все такое. Харэ, мол, и пора возвращаться домой, а из твоих кое-кто и на тебя положил. Сказал, президенты так не поступают...

— И кто же это?

— Айронхорс, который Рон...

— А-а-а... этот может, — Неп усмехнулся. Злости на соплеменника он не имел. В конце концов, каждый играет за себя.

— Тебе сейчас нужно на северо-восток, к переправам, — Ури медленно вытер лицо, точно хотел избавиться от чего-то невидимого, липкого и противного, — и поспеши, тогда нагонишь наших.

Неп изобразил задумчивый вид, а потом, как бы между прочим, произнес:

— А что, если я присоединюсь к тебе? Вдвоем ведь веселей.

— Чашу хочешь? — с еле заметным укором сказал Ури.

— Хочу, — не стал отрицать Неп, улыбнувшись, — кто ж ее не хочет?

— Кажется, мне она больше не нужна, — сощурившись Ури посмотрел вдаль, в сторону Пагуби, — если мы найдем мою засранку, я уступлю эликсир смерти тебе, Днепр Дальнозоркий из клана Вампиров.

Неп удивился такому повороту событий и резво протянул руку напарнику, чтобы тот не передумал:

— Идет! Я согласен!

— Хочешь быть выше других? Попробуй! — бесцветно и устало произнес Ури, пожимая ладонь Непа. — Только смотри, чтоб голова не закружилась от такой высоты!

Гексаграмма 46 (Шэн) — Высота

Кто не ставит границ, тот сумеет пройти еще дальше

Обогнув на плоту большой остров, Юл и Хона перестали переговариваться, будто нечто незримое лишило их дара речи. Левый берег Пагуби, на первый взгляд, ничем необычным не выделялся. Березовые и ольховые деревья отчего-то совсем недружелюбно помахивали густыми ветвями, словно выводя отрицательные жесты, говорили, что беглецы направляются туда, куда им путь заказан. Вдоль кромки мутной воды шелестели зеленые заросли осоки и камыша, а большущие хвощи, размером чуть ли не с человеческий рост, мерно покачиваясь, настойчиво тянули узловатые пальцы к хмурым и тяжелым громадам туч, лениво плывущим на запад. Кое-где среди малахитового разнотравья попадались черные островки рогозы и бёрн-травы, казавшиеся омертвелой плотью на измученном теле природы.

Правый берег Пагуби ужасал затаенной противоестественностью. Скорбные ивы, склонившись над темной водой, полоскали гроздь бледно-зеленых, выцветших листьев. То тут, то там из заболоченной земли выдавались грязно-серые, обгрызенные дождями, ветрами и морозами бетонные блоки. Из них куда попало торчали ржавые, сгнившие арматурины, а вокруг плавали кувшинки и квакали невидимые лягушки.

Но нестройный ряд плакучих ив и уродливых бетонных блоков, ощетинившихся изъеденными временем прутьями, был лишь началом бесконечного, нашептывающего

странные мысли леса, над которым исполинскими громадами возвышались изувеченные многоэтажные дома предков.

Прямоугольные черные окна искореженных зданий, точно разинутые пасти неведомых чудовищ, издавали глухой низкий свист, от которого кожа на спине холодела и сжималась.

— Ростов, — прошептала Хона, вцепившись в запястье напарника, — слышишь, как воет? Это души умерших от безумия. Они истощают живых своим пением.

У парня в горле стоял колючий ком, но, отогнав от себя нездоровый морок усопшего города, он, стараясь, чтобы голос его звучал твердо, произнес:

— Это ветер... всего лишь ветер...

— Ты можешь превратить голоса умерших в ветер? — спросила Хона. — С помощью колдовства? Чтобы их пение не ослабляло нас.

— Это ветер, — терпеливо повторил Юл.

— Знаешь, а я ведь боюсь, — тихо проговорила Хона, крепко сжав запястье парня, — я хочу чтобы ты это знал... только ты и больше никто... я иногда боюсь... вот как сейчас...

— Я тоже, — признался младший правнук.

Хона благодарно улыбнулась, и, вдруг, увидев что-то в реке, ткнула пальцем:

— Что это?

Из воды на приличном расстоянии друг от друга высывались два высоких столба, наклоненные к правому берегу. От оснований и до самых верхушек они были покрыты мутно-зеленой растительностью, свисающей беспорядочными слезящимися паклями.

— Здесь, наверное, был мост, — неуверенно сказал Юл, — такая большая дорога, которую древние строили над реками и морями. Я читал об этом.

— Не может быть, — прошептала пораженная Хона, — чтобы построить дорогу над такой широкой рекой. Это только с помощью колдовства... Хотя... смотри...

Девушка указала вдаль. Там, примерно в двух тысячах шагов от столбов над Пагубью проходил удивительной, невероятной длины самый настоящий мост. Середина его сильно прогнулась, а сам он накренился, будто готовясь вот-вот рухнуть в реку.

— Этот разрушился, а тот еще нет, — сделал вывод Юл, — и нет здесь никакого колдовства. Можешь потрогать их, и с тобой ничего не случится. И силы твои не истощатся, а, наоборот, может даже прибавят тебе храбрости.

Плот проплыл совсем рядом с одним из столбов. Байкерша, потянувшись, коснулась его поверхности и тут же отдернула пальцы. Затем, поколебавшись, вновь дотронулась до покосившейся опоры, захватив немного склизких водорослей. Девушка понюхала их и, сморщив нос, прополоскала руку в воде.

— Мне страшновато было дотрагиваться, — сказала она, — но я это сделала.

Младший правнук лишь неопределенно пожал плечами.

— Честно, мне никогда не было так страшно, даже когда я решила, что тебя зачаровал вердог. Признаться, что тебе страшно, не так страшно, как я раньше думала. Ведь я приплыла сюда не бояться, а преодолеть свой страх. И пусть души умерших от болезни безумия воют, — голос байкерши неожиданно окреп, и она продолжила, — пусть мертвецы восстанут из могил и пускай сама адская шлюха Радиация вылезет из Пагуби, я одолею свой страх. Знаешь почему, Юл?

— Нет, — сказал парень, с удивлением взирая на преобразившуюся Хону.

Щеки ее загорелись румянцем, она улыбнулась жутковатой улыбкой только что сошедшего с ума человека или, быть может, внезапно получившего откровение свыше.

мудреца.

— Потому что древние учили жить вопреки! А еще, знаешь, что говорится в судьбоносных балладах? Там говорится, — девушка резко подскочила, вытянула руки точно крылья и, выпятив грудь, перекрикивая скорбный вой ветра, прокричала:

— Встань, страх преодолей! Встань в полный рост!

— Хона, давай ты успокоишься и сядешь, — предложил Юл, — ты сейчас упадешь в реку.

— И пусть! — байкерша засмеялась. — Это ведь так круто, смотреть страху в глаза! Я достану рукой до звезд!!! Я люблю тебя, Юл! Ведь это так здорово сказать, что любишь, тому, кого ты любишь! А небесный Харлей должен знать, что я не боюсь!

Девушка плюхнулась на плот, чуть раскачав его:

— Ты думаешь, я долбанулась?

— Что сделала? — не понял парень.

— Что у меня с головой не в порядке, — пояснила байкерша, повертев ладонью возле виска.

— Очень похоже, — осторожно сказал Юл.

— Нет, — девушка залилась заразительным смехом, — это я так борюсь со страхом. Я, может, тоже, как ты, колдовать учусь! Я просто, когда дотронулась до столба, вдруг поняла, что колдовство всегда идет изнутри, а не приходит извне... хотя кажется, что наоборот... и если страшно, можно победить страх колдовством, которое выходит из меня самой...

— Это нервное... — младший правнук с опаской взглянул на напарницу.

— Не знаю, как это у тебя называется, — произнесла Хона, чуть остыв. — Ты обещал мне желание, помнишь? Когда дощечки из глины в Центре читал?

— Помню, — Юла кольнуло недоброе предчувствие.

Хона указала на северо-запад, где три обглоданные скалы-многоэтажки выделялись на фоне остальных своей высотой и особым хмурым величием.

— Я хочу подняться на какую-нибудь из них.

— Ты ничего умнее придумать не могла? — спросил парень.

— Это нереально круто, — девушка перешла на громкий шепот, — никто никогда из байкеров не забирался на такие высокие дома предков. Понимаешь, Юл, никто! А мы сделаем это! Вопреки страху!

— Это... — парень хотел сказать, что это глупо, но запнулся.

— Ты обещал! — настойчиво и с нажимом произнесла байкерша. — Ты ведь убеждал меня в Новочек заехать, и мы заехали! А я хочу в Ростов.

— Ты за мной погналась...

— Неважно! Мы ведь заехали!

— Вдруг тут тоже дикари?

— Послушай, уже почти вечер, нам все равно придется где-то остановиться. Потому что ночью по Пагуби опасно плавать. Ночью здесь охотятся угрени, большущие рыбины. Они нападают на все, что плышет: и на других рыб, и на людей, и на скот, и даже на вердогов с леопонами. Мне Вир рассказывал... — лицо девушки помрачнело.

— Хорошо, — нехотя согласился младший правнук, — если здесь действительно водятся такие твари, то хорошо.

Недалеко от моста возвышался холм, подмытый речными водами. Он полностью зарос тонкостолой крушиной, только-только начинающей покрываться невзрачными бледно-

желтыми цветками и уже всюду распустившейся нежно-фиолетовыми красками бузиной. Листья бузины, продолговатые, цвета запекшейся крови, подрагивали, точно грозили многочисленными пальцами. Кое-где обнажался железобетонный скелет холма, как напоминание о бесславной гибели древних.

Сам же мост, прогнувшийся и искореженный, скрипел под напором ветра, будто жаловался на горькую судьбу, обрекающую его на одиночество и медленную, мучительную смерть. Покосившиеся опоры потрескались, и, казалось, из последних сил держали неподъемный груз. Лопнувшие фермы, выгнувшиеся, будто изорванные великаном плиты и перекрученные балки неумолимо надвигались на беглецов, и, казалось, вся проржавевшая конструкция рухнет как раз в тот момент, когда плот окажется прямо под ней.

— Туда! — Хона указала на речку, впадающую в Пагубь аккуратно за старым мостом.

Напарники погребли веслами, кое-как сплетенными из березовых веток. Вскоре Юл нащупал шестом дно и погнал плот по неширокой речке. Иногда особенно ветвистые деревья смыкались над беглецами, и тогда создавалось впечатление, что плот плывет по тоннелю.

Хона молчала. Бравада ее закончилась так же быстро, как и началась, и теперь она походила на маленькую напряженную кошку, следящую за чирикающими на ветвях птицами. А птиц здесь было очень много. Они пели в разнорядной и будто не замечали людей, и будто им был нипочем ветер и утробный вой многоэтажек, спрятанных в дремучих зарослях.

— Непуганые, — сказал Юл, — здесь, наверное, нет людей.

— И выроdkов, — добавила Хона.

Речка была прямой и тянулась на северо-запад, но когда ее русло стало изгибаться, уводя от намеченной цели, путники вытащили плот на берег, схоронили его под свежесорванной листвой и, прорубая себе путь малой лопатой, двинулись в направлении исполинских зданий. Вскоре идти стало значительно легче, густые заросли имелись только возле воды, а дальше кое-где и вовсе проглядывали проплешины, свободные не только от травы, но даже от лишайника и мха.

Миновав несколько домов, из окон которых росли деревья, спугнув сайгу и стайку мелких птиц, парень и девушка неожиданно вышли на открытую местность. Три многоэтажных гиганта смотрели на путников угрюмо и равнодушно. Сумрачные дома, разбросанные вокруг исполинов, выглядели пустыми ящиками, издырявленными безжизненно черными окнами.

— Вот они, — с затаенным восторгом прошептала Хона.

У Юла на мгновение сперло дыхание, но, быстро овладев собой, он произнес:

— Нам надо войти внутрь их и подниматься по ступенькам. Там должны быть ступени, иначе как бы люди забирались на самый верх?

— Идем? — вытащив из ножен акинак, Хона вопросительно взглянула на Юла.

Парень кивнул:

— Я буду считать ярусы.

Первые четыре этажа дались труднее всего. Деревца, кустарники и высокие травы мешали продвигаться. И как они только росли на тонком слое земляной пыли, нанесенной ветром? Впрочем, кое-где земли было достаточно для того, чтобы в комнатах-пещерах возле окон пышным цветом расцвели степные цветы. Толстые лианы опутывали рамы и подоконники, свисали с них, а на балконах с давно сгнившими перилами колосились сочные травы, в которых сновали полевки.

Чем выше поднимались беглецы, тем меньше становилось растений. К восьмому этажу

карликовые деревца практически исчезли, кустарники стали редки и только травы беспорядочной щетиной тянулись к свету из всевозможных трещин и щелей. Зато гул ветра усилился. Казалось, выли не только здания, но вся вселенная.

— Мы ведь все равно дойдем, даже если страшно? — спросила Хона то ли у самой себя, то ли у Юла, когда беглецы оказались на шестнадцатом этаже.

Стены и потолки здесь были местами гладки, словно их вылизал кто-то, местами покрыты какой-то непонятной бесцветной грибковой плесенью. Редкие пучки травы росли ближе к окнам.

— Да, — сказал парень.

Он повелся на блажь байкерши, но теперь ему самому стало жутко любопытно обозреть местность с высоты птичьего полета.

— Как же воеет... — прошептала девушка, — но мы все равно поднимемся.

Прежде чем путники достигли крыши, Юл насчитал двадцать три яруса.

Ветер бил в бок, рвал одежду, теребил и спутывал волосы. Осторожно, взявшись за руки, парень и девушка подошли почти к самому краю. Когда порывы резко усиливались, путники, не сговариваясь, синхронно отступали на шаг и тут же возвращались на место. Дома предков теперь не казались сумрачными великанами, большинство из них выглядели маленькими, даже крошечными. Впрочем, многоэтажки отнюдь не растеряли угрюмой обреченности. Утопая в лесных зарослях, они, навсегда покинутые, пели о ни с чем не сравнимом отчаянии, о том, что век назад они радовали глаз, были прекрасными и сильными, а теперь ветер обглодал их, сделал дряхлыми и серыми, пустыми и ненужными. И дома предков медленно, но неизбежно разрушались. Умирали. Каждый день, каждый час, каждое мгновение.

На юг тянулась навесная дорога. Она то исчезала среди деревьев, то появлялась вновь. В двух местах она обрывалась провалами. Юл сообразил, что прогнувшийся мост, под которым проплыли путники — продолжение этой дороги.

Да, вон же этот мост! Нелепый, искореженный и совсем не страшный.

Жалкий — вот какой этот мост.

За густой растительностью Пагубь почти не просматривалась, а речка, по которой беглецы поднялись к высоткам, и вовсе была невидна. За Пагубью начинались березовые и ольховые заросли, за ними раскинулись поля, а дальше начинался новый лес, скрывающий, по всей видимости, еще какой-то город, правда, гораздо меньший по размерам, чем Ростов. Впрочем, степь доминировала, степь побеждала человеческие поселения, степь, обогнув состоящий из деревьев и умерших многоэтажек оазис, тянулась к горизонту, застланному черными тучами.

Ухо парня вдруг обожгло горячее дыхание Хоны.

— Ты, колдун, зачаровал меня, — зашептала она, — и я тоже хочу накинуть на тебя сети. Позволь мне быть тоже колдуньей! Давай принесем клятву любовного побратимства!

— Клятву? — не понял Юл.

— Да, — Хона кивнула, — есть такая судьбоносная баллада. Ее произносят, когда посвящают в байкеры или когда двое хотят стать побратимами.

— Но... побратимы — это как брат и сестра, — озадаченно произнес парень, — а мы с тобой не брат и сестра... уже...

— Это другое, мы станем побратимами по духу, а не по крови. И небесная степь, на которой пасется священный табун, будет свидетелем нашей клятвы. Есть побратимство

между мужчинами, есть между женщинами, а есть разнополое — любовное. Любовное всегда заключается втайне от остальных и никогда не разглашается. Так у нас принято.

— И что значит быть побратимами?

— Это одна жизнь на двоих, одна жизнь и одна судьба.

Юл хотел возразить, не рано ли им для таких клятв, но отчего-то промолчал. Уж слишком искренней казалась Хона, серые глаза ее сияли, а темно-русская косичка трепеталась на ветру. Младший правнук осознал, что не сможет отказать своей спутнице.

— Первыми любовными побратимами были Бенеллия Подлунная и Адлер Быстролётный, — сказала Хона, — шестьдесят оборотов небесного колеса назад они погибли, бок о бок сражаясь с врагами, когда из-за ливней вода в Пагуби поднялась, и они не смогли перейти по перекаату на родной берег.

— Откуда ты знаешь, что они были любовными побратимами, если этот обряд происходит втайне? — спросил Юл.

Девушка на стала отвечать на вопрос, она взглянула из-под бровей на напарника и тихо произнесла:

— Так ты согласен?

Парень кивнул:

— Что нужно делать?

Хона извлекла из ножен акинак, надрезала кожу на ладони, затем сделала то же самое с ладонью Юла.

— Просто слушай меня и исполняй то, что я говорю.

Хона закрыла глаза, глубоко вдохнула, затем посмотрела на парня и четко и громко проговорила:

— Дай руку мне!

Юл протянул руку напарнице, она сжала его ладонь, и кровь их смешалась.

— Здесь лишних нет! — продолжила девушка. — Ветру ты кажешься не больше песчинки. Ветер легко собьет с дороги, если в скитаньях ты одинок...

Она говорила не своим голосом. Громко и мощно, заглушая вой полуразрушенных многоэтажек, точно в нее вселился некто иной, из потустороннего мира, какой-нибудь дух или предок, или даже сам небесный стальной конь Харлей Изначальный. Юл вслушивался в речь Хоны, но отчего-то перестал различать слова. Слова были не важны. А важен взгляд, полный неизъяснимой силы, и тембр, и ритм, и напор, и бесстрашие перед лицом стихии, перед всеми превратностями судьбы и немилостями жизни.

Хона говорила и говорила, а Юлу, вдыхающему яростный ветер, вдруг открылось знание, что вместе они — сила. Что, помогая товарищу и принимая помощь в ответ, ты становишься значимым в собственных глазах, ты становишься сильнее. Работая, делая то, что считаешь правильным, увлекая за собой и увлекаясь за другими, ты можешь обрести настоящее счастье, даже если вокруг крошечная тьма, и ад разверз врата ужаса.

Все это Юл знал не словами, а единым, нерасчлененным чувством, трансцендентным ощущением общности своего бытия и бытия остального человечества. Душа — одна на всех людей. И судьба — одна на всех. И борьба внутри души все равно приводит к единению и движению вперед...

Эйфория закончилась, когда Хона произнесла последние слова судьбоносной баллады и поцеловала Юла. В этот миг раздался грохот, и крыша под беглецами сотряслась. Они обернулись, посмотрели туда, откуда исходили громовые звуки и замерли от увиденного.

Высотка, стоявшая рядом с той, на которой находились парень и девушка, накренилась, и, исторгая клубы пыли, гремя складывающимися плитами, обрушилась вниз, подмяв под себя заросли низко растущих деревьев.

Поднявшаяся пыль заслонила солнце, уже почти коснувшееся горизонта, превратила его в тускло-красный гигант. А ветер внезапно стих. Над мертвым городом нависла гробовая тишина, точно остальные здания, ужаснувшись гибели собрата, объявили траурное молчание.

— Видишь! — прошептала потрясенная Хона. — Клятва побратимства рушит даже дома древних!

Юл отнюдь не разделял веру напарницы в силу заговора. Он представил, что было бы, если бы они поднялись на высотку, которая только что рухнула, и задрожал, прикрыв веки.

— Нам лучше спуститься, — сказал парень, чувствуя слабость в ногах, — конструкции слишком старые...

— Нет, — перебила его девушка, — нет! Мы переночуем в этом доме древних, и тогда наше побратимство уже никто и никогда не сможет разорвать! Ты колдун, а я... я тоже стану колдуньей, если переночую в месте силы. Давай, останемся!

Юл постоял несколько секунд, и паника вдруг сменилась железным спокойствием. Такое с ним уже случалось, когда он, вцепившись в перекладины плота, вдруг вспомнил, что не умеет плавать. Парень решил, что молния не попадает дважды в одно и то же место, и вряд ли сегодня разрушится еще одна многоэтажка. Что ж, можно заночевать и здесь. Хоть и страшновато, а все же внизу наверняка обитают хищники. Саблезубые капланы, например, или, как их называют байкеры, леопоны. Еще неизвестно, где опасней.

— Хорошо, только давай опустимся ярусов на десять и разведем костер из сушняка, — сказал парень, не имея никакого желания спорить с Хоной, так как чувствовал себя совершенно истощенным.

Гексаграмма 47 (Кунь) — Истощение

Трудности хороши не только тем, что закаляют характер, но и тем, что рано или поздно пройдут

Два всадника и еще одна лошадь двигались на северо-запад, к Пагуби. Река была уже рядом, но густые заросли ольхи и березы, росшие вдоль берега, скрывали ее.

— Я вот о чем подумал, Неп, — медленно произнес Ури, — что мы будем жрать? Ведь любой зверь и любое растение Запагубья запретны для нас. Если мы схаваем хоть травинку, нам придется уйти в отшельничество на целый оборот небесного колеса. У нас есть небольшой запас, но его надолго не хватит.

— Все зависит от того, что считать Запагубьем, — сказал Неп и губы его вытянулись в подобие улыбки.

— Ты о чем? — Ури потер грудь, которую все еще ломило после позавчерашней ночной атаки выродков на МЭЦ-18. — Запагубье — это то, что находится за Пагубью. Чего ж тут неясного?

— Древние говорили о том, что запретны территории от Волгодона до Ростова. Так Ростов вот он, рядом, мы б его уже видели, если бы не деревья. Когда мы спустимся вниз по реке, мы сможем удить рыбу, охотится на дичь, и никто не посмеет нас упрекнуть.

— Пожалуй, ты прав, — удовлетворенно хмыкнул Ури.

Всадники попали на пересеченную местность. Это был странный, ни на что не похожий ландшафт. Кочевники ехали между невысокими холмами, покрытыми колючими

кустарниками. Холмики располагались не беспорядочно, а линиями, часто на одинаковом расстоянии друг от друга. Тем не менее, продвигаться приходилось с величайшей осторожностью, чтобы лошадиные копыта не попали в неглубокие ямы, почти не заметные среди цветущей травы. В конце концов, байкеры спешили и повели байков за поводья.

— Что это за дерьмо такое? — проворчал Ури. — Когда мы уже к Пагуби выйдем!

Неп вдруг споткнулся и поднял обломок камня. Камень оказался неприродного происхождения. Он был гладким, будто отшлифованным, с прямыми углами.

— Наверно, дома предков, — предположил президент Вампиров, — разрушились и превратились в курганы, в большие могилы.

— Баггерхелл! Дурное место, — Ури ускорил шаг, — побыстрее бы его пройти.

Вскоре холмы поредели, количество ям-ловушек заметно уменьшилось, а впереди замаячило, переливаясь травяными волнами, поле. Байкеры оседлали лошадей.

Ветер усилился и откуда-то издалека из-за Пагуби, со стороны Ростова послышался низкий гул.

— Умершие от безумия, — одновременно произнесли президенты.

— Своим воем они истощают живых, — добавил Ури.

— Это просто легенда, — сказал Неп и засмеялся, но смех его получился не таким, как обычно. Не было в нем жесткой и циничной самоуверенности. Даже предводитель Вампиров оказался сейчас не в своей тарелке.

— Дела... — прохрипел Ури, — сзади курганы мертвых, впереди поют мертвые и некуда податься.

— Ури, мы байкеры и не нам бояться мертвяков, — тихо проговорил Неп, напряженно озирая местность, — мы живем вопреки, как завещали древние.

Кочевники еще какое-то время постояли в нерешительности, а затем Неп сказал:

— Поехали, Ури... поехали...

— Поехали, — согласился президент Дэнджеров.

Но байки отказались двигаться. Они испуганно всхрапывали, словно чуя недоброе, будто нечто невидимое опутало им ноги.

— Давай! — зло и нетерпеливо прошипел Неп, ударив лошадь по бокам. Та, заржав от обиды, медленно пошла вперед.

Всадники, наконец, покинули курганы, выехали в поле небольших размеров. Перед ними, примерно в пятистах шагах оказалась деревня, состоящая из конусообразных, сложенных из сухих ветвей хижин. Это было поселение выроdkов. Ури рефлекторно схватился за секиру, а Неп приподнявшись и сощурившись, сказал:

— Странно, не вижу ни одной живой души.

Опустевшая деревня стояла на берегу, очищенном от ольховника. Черные воды Пагуби, такие же черные, как и грузные тучи, плывущие на запад, с затаенной враждебностью взирали на путников. А сразу за рекой начинался лес. То тут, то там из него торчали многоэтажные дома предков. И над всем миром разносился утробный вой. Мертвый город издавал жуткие стоны, от которых индевела спина и сами собой сжимались зубы.

— С тех пор как мы покинули становища, погода сильно испортилась, — заметил Ури. — Айронхорс сказал, что это из-за меня, что на меня разгневался сам Харлей. Изначальный и шлет нам предупреждение. Ты тоже так считаешь?

— Я ничего не считаю, — ответил Неп, — меня интересует, куда подевались выроdkи. А трудности, пусть даже и с подачи священного табуна, пройдут.

— Да, — согласился Ури, — ты прав, это не проблема.

Лошади нервничали. Они встряхивали гривами, шумно втягивали открывшимися ноздрями стывший воздух, фыркали и так и норовили развернуться и кинуться прочь, в степь, подальше от наводящей жуть деревни выроdkов и угрожающе спокойной полноводной реки.

Внезапно сзади и сбоку, краем глаза Ури заметил мелькнувшую тень. Он успел выхватить секиру, прежде чем раздался хруст, и байк под ним, надрывно заржав, повалился наземь.

Гексаграмма 48 (Цзин) — Полные воды

Когда нет хода ни вперед, ни назад, нужно двигаться в любом другом направлении

Неп, Днепр Дальнозоркий прозевал нападение. Он всматривался в опустевшую деревню, замечал каждую подробность между убогими хижинами, даже засек легкий дымок, моментально рассеивающийся на быстром ветру — признак потухшего костра. Аэсы определенно были здесь. Были совсем недавно...

И только когда лошадь Урала Громоподобного рухнула, Неп повернул голову, увидел пять пеших выроdkов. Враг, оказалось, прятался не на берегу Пагуби, а, сзади, среди курганов предков. Это были местные рыбаки, вооруженные баграми и гарпунами с костяными наконечниками. На них не было боевых платьев из шкур, вся их одежда состояла из набедренных повязок.

Один из аэсов подкрался сзади к Ури, воткнул в заднюю ногу байка багор, крутанул его и порвал сухожилия. Другой выроdk попытался сделать то же самое с лошадью Непа, но та, вовремя среагировав, дала подкованным копытом прямо в мохнатый подбородок. Аэс, издав отрывистый скулящий звук, рухнул в траву и больше не поднялся.

Тем временем сразу два рыбака налегли на Ури, ногу которого придавила павшая лошадь. Первого выроdkа байкер изловчился пнуть топорищем в пах. Второй аэс ударил кочевника гарпуном, но костяной наконечник лишь оцарапал толстую кожу кирасы. Рыбак, не удержавшись, упал на Ури, который тут же прижал к себе врага и принялся душить его рукоятью секиры.

Неп извлек акинак и рубанул сплеча ближайшего выроdkа. Тот, выронив гарпун, упал с рассеченной мордой. Ури безуспешно пытался передавить сонную артерию, толстошеему аэсу. Выроdk, получивший между ног болезненный тычок разогнулся и, злобно ревя, двинулся к борющимся. Неп поспешил на помощь товарищу, но нечто мощное зацепило его за плечо и с легкостью выдернуло из седла. Дальнозоркого стащили с лошади с помощью багра. Молниеносно перевернувшись на живот, Неп увидел волосатую, изрядно поседевшую рожу, обнажившую в победном оскале обрубки щербатых зубов. Поднявшись на одно колено, Неп попытался освободиться от крюка, плотно засевшего в наплечном щитке, схватился за рукоять, дернул ее от себя, но выроdk с невероятной силой потянув багор, и предводитель Вампиров, вновь упав, проехался грудью по траве.

Вдруг Стрела, кобыла, принадлежавшая Хоне, грозно заржала, подскочила к аэсу и, встав на дыбы, обрушила оба копыта на мохнатого дикаря, а затем помчалась быстрым галопом в степь. Байк Непа последовал за ней.

"А я ее прирезать хотел...", — Дальнозоркий, вырвав крюк вместе с кожаным щитком, подбежал к оглушенному выроdkу и вогнал ему акинак под сердце.

Положение Ури было плачевным. Он что есть силы давил на горло выроdkа и одновременно пытался защититься телом врага от второго аэса, который все никак не мог проткнуть доспехи кочевника костяным наконечником. Наконец, исхитрившись, дикарь

пробил просоленную толстую кожу с левого бока. Зарычав, Ури навалил полузадушенную тушу рыбака на рукоять и сломал ее. В этот миг к сражающимся подлетел Неп. Он полоснул мечом по шее нападавшего выродка, а затем воткнул клинок в живот дикаря, лежащего на предводителе Дэнджеров.

— Ты как? — спросил Неп, тяжело дыша.

— Бывало и хреновей, не глубоко вошло, — сказал Ури, морщась и отталкивая от себя труп аэса, — мрази, такого байка загубили!

— Остальные байки сбежали в степь, — констатировал Дальнорский, — мы остались на своих двоих.

Лошадь с перерезанным сухожилием жалобно ржала и силилась подняться, но у нее ничего не получалось. Она, нелепо дергая копытами, обрушивалась всем телом обратно на землю. Наконец, после нескольких неудачных попыток, она замерла. Глаз ее, большой и темный, кротко глядел куда-то вверх, в мрачное небо. Лошадь шумно дышала, будто осознав неизбежное, смирилась с жестокой судьбой.

— Был бы Вир жив и были бы мы в становищах, байка вылечили бы, — Ури обхватил костяной наконечник, застрявший в кирасе, — да... вылечили бы... а так... прости, четвероногий друг... прости... я теперь только и делаю, что прошу прощения, — резким движением Ури вырвал наконечник из тела и заорал от боли: — Баггерхелл!

Неп хотел спросить товарища, не хочет ли тот добить байка, но осекся, поскольку заметил воина-выродка, восседающего на хорсате и облаченного в платье из шкур.

Яростно втянув в себя воздух, аэс простер мохнатую пятерню в сторону незваных гостей и отрывисто пролаял:

— Андермансы маздаи!

И тут же из колючих кустарников, из-за курганов, из высокой травы появились дикари. Самцы, самки, детеныши и старики — на большинстве из них не было даже набедренных повязок. Вооружены кто чем: палками, кресалами, каменными топорами и просто булыжниками.

— Как мы только на них не напоролись? — удивленно проговорил Ури. Страха в его голосе не ощущалось.

— Отступаем к деревне, — сказал Неп.

Вдруг сзади грозно заулюлюкали десятки разъяренных голосов. Байкеры повернулись. Деревня оказалась вовсе не пустой. Дикари словно знали, что люди придут к ним и устроили засаду, окружили байкеров. Между хижинами стояли аэсы, такие же, как и со стороны курганов: голые и свирепые, вооруженные чем попало, но готовые убивать и умирать.

— Я не заметил, что за нами следили, — к Непу впервые за долгое время не пришел веселый, злой азарт, который так часто посещал его в моменты смертельной опасности. Была только бесконечная досада на недогляд. Кочевник не зря был прозван "Дальнорским", он видел все, что творится в степи. А тут — досаднейшая промашка.

— Нужно уходить в чащу, по-над берегом от деревни идет чаща, там, в трехстах, нет трехстах пятидесяти...

— Мы не успеем, — констатировал Неп, — они нагонят нас. Придется драться. Они не воины, они — рыбацкое отребье.

— Много их, — возразил Ури, — и рана у меня. Хоть и не серьезная и почти без крови, но все же рана...

— Андермансы е фууд. Неймим Ингодвитраста! Мис ийтапаем ёзлих! — проорал воин-

выродок, подняв мохнатую пятерню.

— Был бы Вир жив, он бы перевел, — сказал себе под нос Ури.

Внезапно президент Дэнджеров вспомнил о чудо-штуковине древних, которая обнаружилась у убитого кастомайзера. Она ведь должна взрываться...

— Неп, как пользоваться этой хреновиной? — Ури извлек гранату из кармана, пришитого к поясу, и протянул ее предводителю Вампиров. Ты ведь знаешь?

— Знаю, — подтвердил обрадовавшийся Неп, — дай мне ее сюда.

Воин-аэс, махнул лапой и с обеих сторон, дико рыча и взвизгивая, на байкеров помчались дикари.

Неп торопливо проделал операции так, как показывал Юл:

— Сжимаем, выдергиваем, бросаем, падаем! Падай, Ури! Падай!

Взрыв произвел на дикарей ошеломляющее впечатление. Наступление выродков остановилось. Воин-аэс исчез, видимо его вышибло из седла, а его хорсат умчался в степь, куда совсем недавно ускакали байки. Еще несколько дикарей были убиты или ранены.

— Ингодвитраста панишуэ азлих! — пропищал чей-то истерический голосок, и случилось невероятное: выродки, все выродки от мала до велика, склонив волосатые шевелюры, опустились на колени.

От такой картины кочевники впали в недолгий ступор, и, казалось, даже вымерший город, прячущийся в лесу на другом берегу Пагуби, удивился поступку аэсов. Ветер стих, и низкий гул больше не был слышен. Придя в себя, байкеры резво зашагали в сторону рощи. Неп повеселел настолько, что, рассмеявшись, громко произнес:

— Тупые ублюдки!

Кочевники были уже возле самых деревьев, когда послышался преисполненный лютой злобы рык:

— Кэттлыдло, стэндайте! Ингодвитраста вишуэ килловатти андермансес!

Воин-аэс, еле держась на ногах, яростно тыкал кулаком в сторону людей. Морда его, перекошенная от бешенства, была залита кровью и конвульсивно дергалась, а левая рука свисала безвольной плетью.

— Кэттлыдло, стэндайте! Иай ийтапам ёзлих чилдрей!

Дикари содрогнулись в едином ритме. Нехотя они начали подниматься. Глаза выродков сверкали из-под массивных надбровных дуг. В них пылала адская смесь из страха, бессилия и ненависти.

Байкеры кинулись в чашу. Следом послышался громогласный рев, и выродки бросились в погоню. Продравшись сквозь побеги молодняка Неп и Ури выскочили на небольшую песчаную площадку. Здесь оказалось несколько небольших лодок-долбленок. Возле одной из них на коленях сидела самка аэса. Она испуганно вытаращилась, маленькие глазенки ее округлились, а короткошерстная морда вытянулась, отчего дикарка приобрела нелепый и даже жалкий вид.

Неп, ухмыльнувшись, приставил акинак к шее самки.

— Неу... неу... — жалобно пролепетала она.

— Какого баггера! — выругался Ури. — Некогда! Уходим, Неп! Уходим!

Президент клана Вампиров нанес дикарке молниеносный удар ногой в челюсть. Та, щелкнув зубами, повалилась на песок безвольным мешком. Байкеры вытолкнули долбленку на воду, спешно залезли в нее, схватились за весла и отчаянно погребли от берега.

Аэсы, выскочив на песчаную площадку, отчего-то не стали преследовать людей. Они с

ворчливым негодованием смотрели вслед удаляющейся лодке.

Несмотря на зрелый возраст, Непа накрыла почти детская радость победы, он захохотал и погрозил оставшимся на берегу мохнорылым рыбакам кулаком.

— Я, кажется, знаю, почему они не погнались за нами, — сказал спустя какое-то время Ури, — скоро закат, и на охоту выйдут угрени. Как бы они нас не сожрали!

Байкеры направили долбленку к большому острову. Нужно было покинуть опасные воды, пока не наступила ночь, и снова не поднялся сильный ветер.

Гексаграмма 49 (Гэ) — Ветер перемен

Новый день стирает границы ночи

Беглецы обустроились на десятом этаже. Юл насобирав сухой травы и даже умудрился найти хворост и какой-то допотопный мусор, очевидно лежащий здесь со времен предков, а Хона перед наступлением сумерек ухитрилась поймать несколько полевок. Однако хорошо зажаренные мыши не насытили путников, и они легли полуголодными.

Юл хоть и убедил себя в том, что вероятность обрушения высотки очень мала, все же спал тревожно. Тихий писк грызунов, шныряющих где-то в темноте, скрип бетонных блоков разваливающейся многоэтажки, крик ночных птиц будил его, и парень, не успевая как следует проснуться, хватался за малую боевую лопату. Садясь, он осматривался, но ничего угрожающего жизни не обнаруживал. Было безветренно и холодно, тлел умирающий костерок, черные проемы окон смотрели во тьму, а рядом, свернувшись комочком, лежала мирно посапывающая Хона, отчего-то уверовавшая в то, что до рассвета в доме древних их никто не посмеет тронуть. Клятва любовного побратимства, обрушившая исполинское здание, защищала их. И колдовство испарится лишь с первыми лучами солнца. Небольшая часть магической силы уйдет вверх к небесным полям священного табуна, чтобы Харлей Изначальный и Ямаха Первородная засвидетельствовали новообразовавшийся союз двух сердец. Остальная магическая сила вернется к хозяевам: Хоне и Юлу, укрепит их любовь и дружбу. Так считала байкерша, но младший правнук последнего предка не разделял этой уверенности.

Убедившись, что вокруг нет никакой опасности, подбросив немного хвороста и травы в костер, Юл вновь ложился на жесткий настил. Живот его настойчиво урчал, требуя пищи, а взгляд упирался в потолок, практически невидимый в темноте, и, засыпая, парень думал, что, наверно, вера в богов и духов не так уж глупа. Так люди помогают себе жить в страшном мире, так они объясняют насилие, которое творит над ними природа и другие люди. И никого нельзя лишать веры. По крайней мере, сразу. Ведь тогда внутри человека образуется пустота. А это ужасно, быть пустым...

И, тем не менее, прах прадеда нужно рассеять во что бы то ни стало. Вир был прав, байкеры, возомнившие, что это останки Скальпеля Косноязычного, дающие темную магическую силу, рано или поздно начнут убивать друг друга. Значит, получается, есть хорошая вера и плохая? Значит, нужно отделять плохую веру от хорошей? Плохую уничтожать, а хорошую оставлять? Так получается? Например, вера в гипнотическую силу черных вердогов делала Хону беспомощной, а вера в то, что нужно действовать вопреки и тем самым угождать Небесному Харлею, подарила напарнице бесстрашие, когда путники проплывали мимо опор рухнувшего моста. Но как одно отделить от другого?

Юл не знал ответа, но он отлично понимал, не стоит переубеждать в чем-либо Хону. Она стала ему слишком дорога, чтобы превращать ее в пустышку. Пусть сумасбродная

девчонка сама находит ответы. И если вчера она вдруг пришла к выводу, что колдовство возникает не где-то, а в ней самой, то это, наверное, прогресс. Ведь ничто не стоит на месте, и все мы движемся куда-то. И парень чувствовал, что в нем самом также назревают перемены. Пока еще малозаметные, практически неощутимые, но дающие о себе знать, нашептывающие ему странные думы, когда вокруг тихо и нет суеты. И куда они приведут, эти изменения?..

В любом случае он уже не будет прежним Юлом. Тем, что жил в Забытой деревне. Но он обязательно вернется к своим и уговорит пойти с собой Хону, и никто им не сможет помешать: ни байкеры, ни староста Имэн, ни священный табун, ни Божья Четверица...

На этой мысли Юл засыпал, чтобы спустя какое-то время, схватившись за оружие, проснуться вновь.

Хона встала с первыми лучами солнца. Несмотря на жесткую лежанку, сооруженную из пластиковых полос, она хорошо выпалась. Парень приоткрыл тяжелые веки, посмотрел на напарницу, улыбнулся и, повернувшись на другой бок, окунулся в беспокойный сон.

Девушка не стала тревожить напарника. Она осторожно выглянула в окно и, помахав ладонью, поприветствовала восходящий над миром огненный байк, затем нашла крепкую палку, расшевелила гнездо полевок, прячущихся в стене в огромной трещине, поймала четыре мыши.

Хона разожгла костер с помощью кресала и сухой травы, распотрошила тушки грызунов, содрала с них кожу, нанизала жалкие кусочки мяса на палку и как следует их зажарила. Приготовив завтрак, она разбудила Юла.

Еще было раннее утро, когда беглецы покинули высотку. До речки они дошли без происшествий. Вокруг пели птицы, но как-то совсем по-другому, нежели вечером. Более радостно, без печальных ноток. Путники быстро отыскали плот, спустили его на воду и отправились вниз по течению.

Когда они оказались в Пагуби, вдруг поднялся ветер. Многоэтажки снова огласили скорбным воем заброшенный город, предостерегающе зашелестела листва на деревьях, заколыхалась бёрн-трава и рогоза, указывая путникам путь на запад, к морю.

— Видишь, — тихо, но отчетливо проговорила Хона, — Ростов прощается с нами. Сила клятвы побратимства заставила его замолчать на целую ночь и принести в жертву нашему союзу гигантский дом предков! Ведь от нас вчера исходило великое колдовство!

Юл лишь пожал плечами. Колдовство, так колдовство. В жертву, так в жертву. Чего уж тут спорить. Все равно бесполезно.

Гексаграмма 50 (Дин) — Жертвоприношение

Чем достойнее цель, тем большим можно ради нее пожертвовать

Еще долго беглецы плыли под утробный вой полуразрушенных домов древних. Лесные заросли скрывали многоэтажки, а порой домов предков и вовсе не было видно, но от низкого гула, навевающего тоску и беспричинный страх, никуда нельзя было деться.

Вой стал стихать только тогда, когда путешественники миновали огромный мост, который оказался на удивление целым. Он стоял на высоких толстенных опорах, только в нескольких местах балки были слегка погнуты, а идущие от них к полотну ржавые фермы поражали своей стройной и однообразной симметричностью.

Хона убедила Юла подплыть к самой массивной опоре, чтобы дотронуться до нее. Парень опасался, как бы напарница не начала бравировать, прыгать на плоту и орать кричалки, как это она сделала вчера, но девушка, коснувшись столба, лишь удовлетворенно

хмыкнула.

Когда Ростов оказался позади и жутковатый вой стал почти не слышен, Хона принялась рыбачить. Перед тем как покинуть высотку, девушка поймала еще парочку полевок. Их-то сейчас она и использовала в качестве наживки. Ведь костер на плоту из пластиковых поддонов и бочек не разведешь, а сырыми мышей есть нельзя, зато рыбу — можно. У байкерши в суме имелся набор: сухая и крепкая лиана, вытянутый в длину камешек в качестве грузила и костяной крючок. Привязав лиану к березовой ветке, прикрепив грузило и нацепив часть тушки на крючок, девушка забросила удочку. Рыба мучительно долго не ловилась, и, наконец, когда первый отчаянно бьющийся окунь, которого девушка назвала "чикомасом", был извлечен из воды, ребята вскрикнули от радости.

Байкерша очень быстро распотрошила рыбу, убедилась, что в ней нет червей, и, разрезав надвое, отдала половину парню. Так они и плыли: Юл корректировал движения плота, а Хона рыбачила.

В полдень русло реки начало петлять. Теперь Юлу было нелегко. Противный ветер, то ослабевающий, то дующий с беспощадной яростью так и норовил прибить путников к берегу. Не выдерживая столкновения с небольшими, но свирепыми, быстро набегаящими волнами, весла из березовых ветвей начали рассыпаться, да и вся конструкция плота, скрепленная вьюнами и лианами, явно расшаталась.

Изрядно подустав, парень предложил пристать к небольшому островку, заросшему деревьями, чтобы произвести починку и смастерить весла из какого-нибудь более подходящего материала. Девушка возражать не стала.

Наученные горьким опытом, путники затащили плот подальше от кромки воды за разросшиеся кустарники, чтобы его вдруг опять не унесло ветром.

В леске беглецы нашли вьющиеся растения. Из них они сплели дополнительные веревки. Из сухой и не успевшей еще сгнить коряки, имеющей плоский вид, напарники после короткой обработки мечами и малой лопатой получили сносного вида весло. Закончив починку, Юл и Хона заспорили, отправляться ли им в путь прямо сейчас или остаться на ночевку, чтобы продолжить странствие на следующий день.

Парень склонялся ко второму варианту, надеясь, что сильный ветер к утру утихнет. Девушка, наоборот, желала во что бы то ни стало проплыть еще несколько тысяч шагов, ведь до заката было еще четверть светового дня. Чем ближе к морю они подберутся, тем лучше.

Пререкания закончились сами собой. Выйдя на берег, Хона заметила движущийся по реке предмет.

— Кажется, это лодка, — прошептала девушка.

Беглецы немедленно спрятались за кустарником, там же, где был плот. С предельной осторожностью они следили за приближающейся долбленкой. Двое гребцов, невзирая на непогоду, то поднимаясь, то опускаясь на гребнях черных волн, отчаянно работали веслами. В борющихся со стихией людях Юл узнал Ури Громopodobного и Непа Дальнозоркого. От каждого их движения исходила такая ярость и непереносимое желание достигнуть цели, что младшего правнука невольно передернуло.

Лодка прошла примерно в трехстах шагах от островка, постепенно заворачивая в очередной изгиб широкого русла Пагуби.

— Круто! — восхищенно произнесла девушка. — Ты видел, как они... на такой посудинке и так плывут!

— Мы высыпем прах моего прадеда прямо здесь, — чуть подумав, сказал парень.

— Нет! — возразила байкерша. — Нет! Мы высыпем его в море. Так будет честно и правильно. Это как жертвоприношение священному табу. Вайс-президенты, то есть вторые в клане выливают в костер пиво перед каждым байкфестом.

— Послушай, Хона, какая разница...

— Разница в том, что я хочу увидеть море, и ты тоже хочешь! Я знаю это, Юл, хочешь, может, даже, сильнее чем я хочешь. Чашу мы всегда успеем выкинуть. Но оказаться в море — это наша главная цель.

Парень согласился. Ему действительно было любопытно взглянуть на бескрайние водяные просторы. Такие же бескрайние, как степь. Впрочем, прадед Олег говорил, что ближайшее к Забытой деревне море самое мелководное в мире. Может, не такое оно и большое? В любом случае, стоит его увидеть своими глазами.

Путники доели рыбу. Несмотря на пасмурную погоду, костер разводить не стали. Юл и Хона опасались, что из-за дыма обнаружат себя. Хотя, конечно, при таких порывах ветра преследователи вряд ли заметили бы что-либо, но перестраховаться не мешало.

Беглецы расположились в середине островка между двумя толстыми деревьями, сели друг напротив друга, опершись спиной на стволы. Ветер здесь совсем не ощущался. Разве что где-то вверху бесперебойно шумели деревья. Сколько они так сидели, неизвестно, однако когда солнце стало клониться к закату, и тяжелая сырая тьма окутала чашу, парень и девушка, улеглись спать в обнимку прямо на землю, покрытую толстым слоем сгнившей прошлогодней листвы.

Было холодно и промозгло. Животы настойчиво урчали, вновь требуя пищи. Ох уж эти желудки! Человек не может без еды, и сколько времени отнимает ее поиск! Наверное, древние были счастливы, поскольку у них имелось много свободного времени, и они не тратили его на добычу пропитания.

А, может, и нет. Может, они были совсем несчастливы. Может, у них не было никого, кого можно прижать к себе и греться в сырой и ветреной ночи. Не было никого, потому что древние опасались цунами страсти, боялись высоких волн истории, страшились самой жизни, ибо не знали, что с ней делать.

"Странные мысли, — подумал Юл, засыпая с горячим дыханием Хоны на своей щеке, — странные мысли..."

К утру ветер стих. Тяжелые черные тучи, беременные яростью неба, все никак не могли разродиться проливным дождем. Беглецы не спешили отправляться в путь, так как знали, что где-то впереди плывут Неп Дальнозоркий и Ури Громopodobный. Юл и Хона поймали жирную утку, заплутавшую в густой прибрежной траве, и после недолгих колебаний все-таки развели костер. Ощипав и разделав птицу, они изжарили ее и с удовольствием полакомились свежим мясом, кое-что оставив на потом.

Набив животы, путники поплыли дальше на запад. За островом Юл обнаружил ерик, в него-то он и направил плот. Вчера Неп и Ури, отчаянно борясь со стихией, не заметили речной рукав и пошли по излучине Пагуби.

В ерике, который, к слову сказать, был шире иных степных рек, обитало великое множество уток. Наглые и крикливые, они совсем не боялись человека. Видимо здесь со времен Великой гибели на них никто не охотился. Птицы проплывали мимо плота всего в каких-то нескольких шагах.

— На небесных полях вдоволь еды, и там никто никогда не голодает, и тут то же самое, — восторженно произнесла Хона, — это почти рай, почти байкпарадайс.

Изловчившись, Юл оглушил шестом ближайшую утку. Остальные водоплавающие, возмущенно закричав, захлопали крыльями, разлетаясь в разные стороны и тут же снова садясь на воду.

— Будет, что покушать, а то мне сегодня что-то в лом ловить рыбу, — сказала Хона, подбирая бесчувственную птичью тушу.

— Куда тебе ловить? — не понял парень.

— Ну, лень мне рыбачить, — пояснила байкерша непонятное словечко из лексикона кочевников.

Миновав ерик, путники оказались на развилке. Русло Пагуби раздваивалось. Недолго думая, парень направил плот в правый рукав. Здесь Юл решил руководствоваться простым принципом: сворачивать направо, значит выбирать направление ближе к северу. Ведь и Забытая деревня и становища кочевников находились теперь где-то далеко на северо-востоке, а значит, когда будет достигнута конечная цель, когда Юл и Хона увидят море, им предстоит долгий путь домой и его стоит хоть немного сократить.

Беглецы плыли по широкому руслу, от берега до берега, пожалуй, было пятьсот шагов. Поскольку весло имелось всего одно на двоих, и им работал Юл, а шестом до дна не достать, Хоне стало скучно, и вскоре она, несмотря на задекламированную лень, принялась рыбачить. Как и вчера, поймав рыбешку, девушка разделявала ее и, проверив на наличие червей, половину отдавала напарнику, а другую сгрызала сама.

Так они и плыли. Невидимое за грозными тучами солнце прошло зенит, а Юлу попалась новая развилка, и он опять свернул вправо.

Дело двигалось к вечеру, когда путникам, миновавшим небольшой островок, вдруг открылась бескрайняя водная гладь. Они не сразу поняли, что оказались в море. На запад до самого горизонта тянулась темная, почти недвижимая вода.

— Море... — вымолвила Хона и задохнулась от восторга.

— Оно самое маленькое в мире, — сказал потрясенный Юл, — так прадед Олег говорил.

— Тогда как же выглядит самое большое? — спросила девушка, но ответа не последовало.

Они еще долго молча созерцали безбрежную гладь. Заходящее, невидимое за черными тучами солнце подкрасило горизонт кровавым пурпуром, и, казалось, путники глядели в жерло самой бездны мира, с жадностью пожирающей дневное светило.

Первым очнулся Юл. Он вытащил из сумы бронзовую кружку и аккуратно вскрыл гладиусом восковую пробку в палец толщиной. Пахнуло тленом. Парень хотел уже высыпать прах в море, как его остановила Хона.

— Подожди, — торопливо произнесла она, — подожди, мне надо подготовиться. Это ведь наша победа! Мы достигли цели. Мы рисковали жизнями, мы жертвовали своими жизнями. И мы победили! Победили! Подожди! Подожди немного! Это такой момент, что...

Девушка, прикрыв веки, несколько раз глубоко вдохнула и выдохнула, затем, широко открыв глаза, кивнула и возбужденно произнесла:

— Давай! Высыпай!

Гексаграмма 51 (Чжэнь) — Возбуждение

Летящая птица не падает вниз, пока у нее расправлены крылья

Ранним утром Неп и Ури, наскоро позавтракав, отплыли от большого острова, приютившего их на ночь. Видимо, выродки, позорно проигравшие вчерашнюю схватку,

свели за людьми, и как только те отчалили от берега, пустились наперехват. Дюжина долбленок, таких же небольших и хлипких с виду, как и посуда байкеров, устремились навстречу непрошеным гостям. В каждой лодке сидело по два, а в некоторых и по три аэса. Среди нападающих были не только рыбаки, но и воины, облаченные в платья из шкур диких зверей.

Выродки намного лучше управлялись с долбленками и шансов оторваться от погони у кочевников не имелось. Дикари, грозно размахивая гарпунами, копьями и баграми, выкрикивали что-то рычащее и свирепое. У байкеров больше не осталось гранат, зато имелся арбалет, подаренный Рексом Неустрашимым. И это было неоспоримым преимуществом.

Раскрутив ворот самострела, вставив болт в паз, Ури терпеливо ждал, когда ближайшая посуда подплывет достаточно близко, Неп же тем временем изо всех сил грёб.

Когда одна из лодок с тремя дикарями в ней оказалась на расстоянии двадцати шагов, а выродок с рыжеватой шевелюрой, громогласно вопя, поднялся и замахнулся копьем, Ури выстрелил. Болт вошел прямо в разинутую пасть аэса. Тот, поперхнувшись собственным криком, завалился на товарища, рефлекторно схватив его за мохнатый загривок. Дикарь заверещал, пытаясь отцепиться от умирающего, и вместе они свалились в воду, а следом перевернулась и долбленка.

Ури закрутил ворот, перезарядил арбалет и выстрелил второй раз, ранив в руку рыбака, вооруженного гарпуном. Аэсы, видя, что на стороне врага дальнобойное оружие, чуть приотстали, но все же продолжали следовать за людьми. Иногда особо ретивые воины вскакивали и метали копья или гарпуны. Чаще всего они не долетали до суденышка кочевников, но пару раз копья ложились совсем рядом с лодкой. Тогда Ури огрызался из самострела.

Так они и плыли продолжительное время под жутковатый вой душ предков, живших когда-то в Ростове и умерших от безумия. Кочевники и их преследователи проследовали мимо двух высоких покосившихся столбов, покрытых до самых вершин зелеными склизкими водорослями, миновали дряхлый, сильно прогнувшийся в середине мост, который, казалось, вот-вот обрушится. И, наконец, проплыли мимо еще одного моста на толстенных опорах с поржавевшими, но вполне годными на вид фермами.

Вой мертвых стал постепенно стихать, а дикари почему-то отказались от погони, развернули свои лодчонки и поплыли обратно, в сторону города.

— Видать для них запретная территория начинается там, где для нас заканчивается, — сделал вывод Ури.

— Нам надо спешить, — сказал Неп, — мы и так сильно отстали. Эта лодка быстроходней плота, у нас есть шанс догнать Хону и этого мерзавца до моря.

— Что-то я себя хреново чувствую, — медленно произнес предводитель Дэнджеров, — это души умерших малость истожили меня своим воем. Ты разве не ощущаешь упадок сил? Да и для арбалета осталось всего три снаряда...

— Я не узнаю тебя, Ури, — Неп насмешливо сощурился, — ты пытаешься отлынуть от погони?

— Да нет же! — Громоподобный сделал неопределенный жест рукой. — Это... это смерть Виры на меня так действует... наверно, она. Да и Рекс, сказал, что мальчишка и моя Хона... в общем, неважно, ты прав, такое поведение недостойно президента клана. Плыдем! Догоним их! Мне нужна моя дочура.

— А мне — чаша Скальпеля Косноязычного, — добавил Неп.

Байкеры гребли что есть мочи. Ветер, иногда усиливающийся, иногда резко слабеющий, помогал кочевникам, дул им в спину. Ури ощущал дискомфорт в боку. Рана, оставленная костяным гарпуном, была несерьезной, но весьма болезненной. Тем не менее, Ури старался держать темп.

Однако после полудня река начала петлять, и ветер, сделавшись почти ураганным, изменил президентам, превратившись из союзника во врага. Он то хлестал по затылку, то бил в лицо, то налегал на левый бок, так и норовя перевернуть лодчонку. Бешенство стихии не испугало, но, наоборот, возбудило в байкерах ярость и жажду идти наперекор. Все та же формула "жить вопреки", завещанная предками, возобладала над всеми остальными установками.

Не такие уж и большие, но злые и жесткие, потемневшие от гнева волны беспощадно избивали долбленку, которая, несмотря ни на что, настойчиво шла вперед.

Неистовствующие байкеры неустанно работали веслами. Заворачивая в очередной изгиб, они прошли мимо небольшого острова, заросшего деревьями. Пройдя излучину, кочевники вдруг оказались на распутье. Русло Пагуби раздваивалось.

— Баггерхелл! — проорал Ури. — Куда нам?

— Надо подумать, — сказал Неп.

— Слушай, а не пристать ли нам к берегу?! — прокричал Громоподобный. — Вряд ли они по такой буре плывут.

— Мне нужна чаша, — сказал Неп, — они не должны ее рассеять в море.

— Скоро потемнеет, а моя дочура не настолько дурная, чтобы плыть ночью по Пагуби! — возразил Ури. — Она знает про угреней и про то, что в потемках они нападают на все, что движется.

Неп, скрипя зубами, согласился с доводами товарища.

Байкеры нашли небольшой бугорок, расположенный среди орехов, росших чуть поодаль от берега, и развели костер с подветренной стороны. Ури подстрелил жирного дикого гуся, прятавшегося от ветра в зарослях рогозы.

Гуся тут же ощипали, выпотрошили, разделали и изжарили.

— Слушай, я вот о чем думаю, — сказал Ури, вгрызаясь в увесистую гусиную ножку, — по какому притоку они поплыли, по левому или правому? Был бы Вир, он бы быстро сообразил.

— Давай представим, что бы сказал Вир, — предложил Неп, бросая обглоданную кость в костер, — он бы сказал, что... — предводитель клана Вампиров взял новый кусок мяса, истекающего жиром, немного поразмыслил и продолжил, — он бы сказал, что Юл хитрожопый малый. Я в этом и сам убедился. И, конечно же он старается думать наперед, то есть как вернуться обратно. А значит, Юл и Хона будут держаться северных притоков, потому что становища остались на северо-востоке, и так ближе вернуться. То есть они сворачивали бы все время вправо.

— Значит нам завтра надо направо, — сделал вывод Ури.

— Нет, — Неп засмеялся, — ведь Юл хитрожопый малый, и, значит, он решит, что мы можем подумать так, как думает он, и сделает все наоборот. То есть будет сворачивать все время влево.

— Ты полагаешь, что так он и поступит? — с сомнением произнес Ури. — Как бы мы не надурили самих себя.

— На все воля небесного Харлея, — Неп пожал плечами, — в любом случае.

"Хитрожопый" — хорошее словечко для этого пацана. Если он вдруг останется жив и пробьется в шустрилы, ты обязательно дай ему такое погоняло. Будет, например, Феррари Хитрожопым. Да, Ари или Рар, или Фер, или Эрр, Феррари Хитрожопый из клан Дэнджеров, — Дальнозоркий засмеялся, — звучит.

— Я рад, Неп, что у тебя хорошее настроение, — тяжело вздохнув, Ури потрогал рану на боку, затем извлек из кармана желтую книжицу, открыл ее наугад, но в сгущающихся сумерках ничего не смог разобрать.

— Ладно, — сказал Ури, захлопнув пластиковый томик, — сниму я с себя экип, а то что-то бочина моя совсем расшалилась.

К утру ветер стих. Черные тучи нависали над землей беззвучными громадами, грозясь беспощадным проливным дождем. Воды Пагуби были спокойны и темны. Деревья и трава хранили стоическое молчание, лишь где-то беспокойно крикали утки.

— Набить бы дичи, — сказал Ури, — да времени нет.

— Чаша не ждет, — согласился Неп.

Вскоре байкеры отчалили. Как и намеривались, они свернули в левое, южное русло. Кочевники не налегали на весла, будто успокоившаяся природа угомонила и их нрав. Они внимательно всматривались в местность, ища взглядом присутствие человека.

Но последний человек, видимо, покинул эти места около ста лет назад, и со времен Великой Погибели ни одна разумная тварь не посещала устье Пагуби. Словно в подтверждение мрачных мыслей перед путниками открылась поросшая лесом возвышенность, расположенная на левом берегу реки. Над лесом кое-где возвышались обглоданные остовы многоэтажных домов. Вне всяких сомнений, это был город древних. Гораздо меньший размерами, чем Ростов, но такой же мертвый и заброшенный. Наверно и здесь, когда подымался ветер, души умерших от болезни безумия оплакивали тоскливым воем свою судьбу, но сейчас усопшие хранили угрюмое молчание.

Байкеры, проплывая мимо города-кладбища, не проронили ни слова, и весь оставшийся отрезок речного пути тишину нарушал лишь тихий всплеск весел.

Когда, обогнув остров, кочевники вдруг увидели море, Ури удивленно произнес:

— Охренеть, водная степь...

Несколько мгновений байкеры, пораженные необъятным простором, оглядывались, а потом Ури обратился к Непу, сидящему впереди:

— Ты когда-нибудь видел что-нибудь подобное?

Неп повернулся к напарнику, лицо его выражало крайнюю озадаченность:

— И где они? Где твоя дочура?

— Мы просто надурили самих себя, как я и говорил, — сказал Ури.

— То есть он решил, что мы решим, что он хитрожопый малый и потому подумаем, что он будет сворачивать в южные протоки, чтобы нас обмануть, — задумчиво произнес Неп. — И потому стал сворачивать в северные протоки и все равно нас обхитрил.

— Знаешь, что я думаю? — поморщившись, Ури почесал саднящий бок. — Все твои догадки — дерьмо! Ему было насрать, что мы подумаем, они просто направились по северному руслу.

— Баггерхелл! — Неп со всего размаху полоснул веслом по воде, обдав холодными брызгами себя и напарника.

— Я вот что думаю, а не могли мы их не заметить и обогнать? — спросил Ури, стирая крупные капли с лица.

Неп не сразу ответил, видимо, пытался овладеть собой. Набрал в ладони мутной воды и умывшись, он усмехнулся и сказал:

— Возможно и так. А вода-то, если и соленая, то самую малость.

Байкеры поплыли вдоль устья на север, надеясь заметить беглецов. Лодчонка, казалось, шла с мучительно медленной скоростью. Минуло почти четверть светового дня. За это время кочевники, по подсчетам Ури, прошли десять больших и малых рукавов и протоков. Некоторые были в ширину не более тридцати шагов, а иные достигали и полтысячи. По песчаным отмелям с жалобным писком бродили чайки. Кое-кто из белобрюхих птиц поднимался вверх, делал ленивый круг и вновь опускался на берег, отчего-то не желая лететь в открытое море. Где-то тревожно крикали утки и гоготали гуси.

— Я хочу жрать, — сказал Ури, перестав грести, — надо бы птичку подранить.

— У нас нет времени, — Неп упорно работал веслом.

— Вдруг они вообще не доплыли до моря, а мы тут мучаемся? Куда им спешить? Лето впереди.

Неп повернулся к напарнику, бледное лицо его казалось еще более худым, чем обычно, и тонкая бородка только усиливала это впечатление.

— У нас нет времени, — повторил президент Вампиров.

— Ты слышишь, утки орут? — назидательно спросил Ури.

— Слышу.

— А видишь их?

— Нет.

— А это значит...

— Я знаю, что это значит! — закричал Неп, не в силах сдержать себя. — Я знаю, что будет буря! Но мне нужна чаша!

— Не сходи с ума, Неп, — Ури указал на запад, туда, где за тучами пряталось солнце, — скоро начнет темнеть. Почему мы знаем, не водятся ли в море угрени? Тем более Пагубь — вот она, рядом!

— Мне нужна чаша! — яростно отчеканил Неп.

От злой веселости, которой так славился президент Вампиров, не осталось и следа. Теперь в нем пылала одна лишь злость.

— А я хочу жрать, — веско произнес Ури, — ты с катушек съехал. Хочешь сдохнуть? Давай, делай это без меня! Высади меня на остров и плыви куда хочешь! Я уж как-нибудь сварганю плот и найду дочуру сам!

Лицо Непа искривилось гримасой беспомощного ожесточения. Он, сложив ладони лодочкой, зачерпнул воды и резким движением выплеснул ее себе на щеки.

— Лады, давай так, — сказал он, — я сейчас очень внимательно осмотрю горизонт, и, если ничего не замечу, мы пристанем к берегу.

Ури согласился. Ему пришлось пойти на компромисс.

— Только я залезу тебе на плечи, так обзор шире, — сказал Дальнозоркий.

— Что ж... лады, — ответил Ури, глядя на напарника, который вдруг сделался предельно сосредоточенным.

Гексаграмма 52 (Гэнь) — Сосредоточенность

Нельзя остановить бурю за окном, но можно остановить ее в своем сердце

Парень, вытянув руку, перевернул кружку, и серая пыль неровной струей посыпалась в темные воды. Когда последняя частичка пепла растворилась в морской пучине, байкерша

вскочила и радостно запрыгала, раскачивая плот:

— Мы это сделали! Мы сделали это! И никто нас не остановил! Мы самые крутые Круче только небесный Харлей, и то не факт!

Не удержав равновесие, девушка плюхнулась в воду, тут же вынырнула и полезла на плот, смеясь. Увидев понурое лицо напарника, она спросила:

— Ты разве не рад?

— Рад, — ответил Юл без особого энтузиазма, — только что теперь?

— Как что? Мы вернемся в становища, и о нас будут слагать легенды! Вот что!!!

— Я почувствовал облегчение, когда высыпал прах, — сказал парень, засовывая опорожненную кружку в суму, — но вот мы достигли цели, а дальше-то что? Разве это цель, высыпать пепел в море? Это глупо.

Хона недовольно посмотрела на Юла из-под нахмуренных бровей:

— Хочешь сказать, мы это все зря устроили?

— Нет, наверное, не зря? Конечно, не зря, и Вир Златорукий был прав, теперь твои соплеменники не передерутся из-за останков Скальпеля, но... — Юл пожал плечами, — я не могу объяснить тебе, я не могу выразить это словами. Вот мы у цели и что?

— Как что? Ты совсем дурной?

— Но цели ведь больше нет!

— Вернемся в становища! — Хона с напряжением выдавливала из себя тяжелые яростные слова. — Или ты в свою дурацкую деревню вернешься! Какая разница, главное, мы победили! Как можно не радоваться такому?

Парень взглянул на раскрасневшееся лицо девушки, а затем вдруг прямо над ее взъерошенными мокрыми волосами сверкнула ослепительная жилка молнии, на мгновение осветившая суровые рифленые горы туч. Внезапно резко потемнело, налетел мощный порыв ветра и над морем прогремел раскатистый свирепый гром. И следом жестокий ледяной ливень обрушился на головы путников.

— Надо к берегу пристать! — испуганно прокричала Хона, мгновенно позабыв о распре.

Юл схватился за весло, попытался направить плот в сторону берега, но жестокий шквал буквально сбил его с ног, чуть не выбросив в море. Парень припал к поддонам, вцепившись мертвой хваткой в скользкие пластиковые перекладки. Поднявшиеся волны уносили путников все дальше от устья Пагуби.

Юл приподнялся на четвереньках, невероятным усилием воли заставил себя оторвать правую руку от перекладки, подтянул весло, затем, осмелев еще сильнее, отлепил от поверхности плота вторую руку и принялся изо всех сил грести к почти уже невидимой под проливным косым дождем суше.

Хона пыталась с помощью шеста нащупать дно, но лишь оцарапывала что-то, что-то неуловимое, будто издевающееся и смеющееся над ней. Быть может, сама адская бездна баггерхелла разверзлась, жажда погубить неудачливых путешественников, и на самом деле не было никакого дна, но лишь бесконечная пучина кошмара и нечеловеческого ужаса.

Сверкнула ослепительная вспышка, грянула свирепая небесная канонада, и очередная волна швырнула плот с такой силой, что девушка, потеряв опору, заскользила вниз. Истошно завизжав, выронив шест, она в последний момент уцепилась за перекладину, погрузившись по пояс в бурлящую воду.

Юл, увидев, что байкерша вот-вот исчезнет в кипящем ненавистью море, отбросил

весло и, плюхнувшись грудью на поддоны, схватил девушку за загривок. Хона, подтягиваясь, помогала напарнику, отчаянно перебирая руками. Когда она оказалась на середине плота, Юл накрыл собой девушку, и, уцепившись за перекладыны, крепко прижал ее. Все ее тело сотрясала мелкая дрожь, а мокрые, посиневшие от страха и холода губы бесшумно выводили слова.

Парень прислонил ухо к губам напарницы, чтобы понять, что она говорит.

— Харлей Изначальный... это он... он разозлился... за прах... это он разозлился... на нас... высypали... и он разозлился...

— Нет, нет, — страстно зашептал Юл, забыв об урагане и проливном дожде, о неистовых волнах и оглушительных громах с молниями, забыв обо всем на свете, — нет, нет! А даже если и так, это все равно... милая, это все равно...

Он впервые в жизни назвал ее "милой", даже не осознав это. Успокаивая напарницу, парень успокаивал и себя, будто они срослись в единый организм. И если будет плохо Хоне, то будет плохо и Юлу. Хона не должна бояться, и тогда Юл обретет бесстрашие.

У беглецов не осталось ни весла, ни шеста, и борьба с бушующей стихией потеряла всякий смысл. Что шестнадцатилетний пацан мог сделать для себя и для нее, находясь в самой сердцевине грохочущей бездны? Только подставить спину под злой ливень, загородив собой любимое и дорогое сердцу существо, только заставить девушку забыть о гневе богов и напомнить, что они одно целое, и боги — ничто, когда держишься вместе.

— Это неважно, — шептал он, и взбешенные молнии разрезали ярко-желтыми зигзагами колеблющуюся мглу, и вода сплошной струей стекала с подбородка Юла на бледную щеку Хоны.

— Я люблю тебя, — повторял он всякий раз, когда оглушительный гром сотрясал черноту неба, и губы девушки дрожали все меньше.

— Боги не разлучат нас, — твердил парень, дыша в самое ухо Хоны, и беспощадный шквал рвал на нем одежду.

Плот бросало из стороны в сторону, поднимало на гребнях, швыряло вниз, крутило и заливало потоками ледяной воды, уносило во Внешнюю Тьму, ту самую тьму, которой старейшины Забытой деревни пугали детей и взрослых, а Юл, вдавив в поддоны Хону, заговаривал себя и ее от страха, потому что во вселенной, превратившейся в гремящую бездну, из живых людей больше никого не осталось. Только он и она. Но двое — это всегда больше, чем один. Двое — это уже вызов отчаянью и одиночеству. И чтобы не сойти с ума от ужаса, Юлу приходилось каждое мгновение напоминать себе и ей об этом.

Тихое спасительное слово шепталось в оглушительной мгле, в которой утлая конструкция из пластиковых бочек и настилов была отдана на растерзание волнам, ветру и морским течениям.

Гексаграмма 53 (Гэнь) — Течение

Только глупец налегает на весла, не видя, куда он плывет

— Ну, что там? — прохрипел Ури.

Байкер стоял в полный рост и балансировал на колеблющейся лодчонке, на шее у него сидел Неп.

— Сейчас, повыше залезу, так больше обзор, — сказал президент Вампиров и принялся осуществлять задуманное, опершись на голову напарника.

— Ты охренел! — прорычал Ури, но все же позволил Непу встать ногами себе на плечи.

Потянулись долгие мгновения, долбленка раскачивалась все сильнее и Ури нетерпеливо

выкрикнул:

— Ну же!

— Вон там... — удивленно проговорил Неп, — да, кажется, там... баггерхелл!

В этот момент Ури потерял равновесие, и президенты с шумом и брызгами рухнули в море. К удивлению и счастью обоих они оказались на отмели и вода им доставала только по грудь. И если Ури из-за саднящего бока снял кожаную кирасу и мог бы спокойно доплыть до суденышка, то Непу держатся на воде в тяжелом экипе, попади он в глубокое место, было бы проблематично.

Байкеры не без труда залезли в долбленку.

— Что ты там увидел? — спросил Ури.

— Кажется, как кто-то прыгает, — сказал Неп. Голос его отчего-то потерял живость, приобрел нотки обреченности.

— Как это прыгает? По воде прыгает?

— Может на плоту, я не видел... но это был человек...

— Тогда поплыли!

Неп посмотрел на напарника заторможенным взглядом и вдруг, схватив весло, с криком "Баггерхелл!" саданул им плашмя по воде.

— Ты совсем рехнулся, — прохрипел Ури.

— Нет! — закричал предводитель клана Вампиров. — Я не рехнулся! Это значит, что мы проиграли! Это значит, что там, — резким движением Неп ткнул пальцем в северную сторону, — там! радуются! А почему там! там!! там!!! радуются? Потому что достигли цели! Потому что рассеяли прах долбаного Скальпеля Косноязычного!

— Хватит истерить! — попытался оборвать напарника Ури. — Поплыли, там моя дочура...

— Зачем теперь куда-то плыть? Зачем!!! — худое лицо Непа исказила гримаса ненависти. — Чаши больше нет! Эликсира смерти больше нет! Все было зря! Зря!!!

— Там моя дочура, и мы поплывем! — угрожающе прорычал Ури.

— Провались ты в баггерхелл вместе со своей дочурой! — выпалил в ответ Неп. — Будьте вы все прокляты! Будь проклят весь мир вместе с Харлеем Изначальным и священным табуном!

Ури схватился за секиру, скорее по инерции, нежели желая причинить вред напарнику, Неп, заметив движение президента Дэнджеров, потянулся к акинаку. И в этот миг сверкнула ослепительная невероятной длины молния, рассекшая огненным всполохом мир от неба до моря, а следом грянул оглушительный гром, будто разорванная на два вселенная заревела от нестерпимой боли. Вдруг налетел жестокий шквал, окружающее пространство потемнело в одно мгновение, и сплошная стена из тяжелых дождевых капель обрушилась на путников.

— Дотринделся! — проорал Ури. — Этого ты хотел?

Позабыв о споре, байкеры взялись за весла. Внезапно поднявшиеся волны накатывали одна за другой, стремительно унося лодчонку от устья Пагуби. Кочевники принялись отчаянно грести, но человеческие усилия оказались тщетными в борьбе с разбушевавшейся стихией. Утлая посуда то проваливаясь, то, поднимая тучу брызг, вновь возвышаясь над разгневанным морем, все дальше и дальше отдалялась от суши. Единственное, что удавалось байкерам, это держать долбленку носом на волну, чтобы ненароком не перевернуться.

Ураганный ливень бил в лицо, и, отвернувшись от ветра, Неп прокричал:

— Бесполезно! Какого баггера я вообще проперся сюда!!! Будь все проклято!!!

— Заткни пасть! — выдохнул Ури, продолжая месить веслом кипящую воду. — Не гневи небесных байков!

Неп хотел что-то ответить, но осекся и перестал грести. Взгляд его, сощуренный и полный злобы, устремился во тьму, лицо вытянулось, превратившись в нереальный демонический лик, которому были нипочем ливень и шквальный ветер, но который внезапно узрел нечто иное, нечто запредельное из другого мира. Ури посмотрел туда, куда вглядывался напарник, вновь вопросительно взглянул на Непа, и тот прошептал ужасное слово. Ури не услышал его и даже не смог прочитать по губам, но догадался, кого заметил товарищ.

Угрень. Только речная тварь, рожденная от случки адской шлюхи Радиации с сомом, могла произвести на Непа такое впечатление.

— Где? Где ты его увидел? — проорал Ури, бросив грести и схватившись за арбалет.

Предводитель Дэнджеров осмотрелся, но за сплошной пеленой дождя кроме вздымающихся волн ничего не смог разглядеть. Неп, выйдя из ступора, выхватил акинак и начал крепить его к веслу с помощью ветоши, которая имелась на дне лодчонки.

Вскинув арбалет, Ури напряженно всматривался в бурлящую воду. Вдруг он заметил внушительных размеров хвост, показавшийся на миг над водой. Ури выстрелил. Пучина поглотила болт, а байкер закрутил ворот.

Внезапно долбленка содрогнулась, ее подбросило, и она с шумом врезалась в набегающую волну. Угрень произвел атаку. По счастью лодчонка не перевернулась. Выплюывая и высмаркивая воду, Ури вставил болт в паз арбалета. Во тьме мелькнула черная покатая спина, кочевник выстрелил. Кажется, он даже попал. Впрочем, трудно было что-либо разобрать, да и времени на размышления не имелось. Не так-то просто прикончить эту скользкую и всеядную тварь. И теперь, когда угрень, то пропадая, то появляясь вновь среди волн, делал новый заход, Ури перезарядил арбалет последним снарядом, потом придется сражаться врукопашную.

Сверкнули три молнии подряд, проревел яростный гром, а речной монстр исчез среди пенящихся злобой волн, будто отказался от охоты на людей. В душе Ури даже зародилась надежда, что так оно и есть. Но в тот же миг из бурлящей воды показалась разверзнутая широкая пасть с двумя толстенными усами-плетями. Ури выстрелил в упор, но это не дало никакого результата. Огромная голова, исторгающая глухое шипение, навалилась на долбленку. Неп с размаху всадил в башку твари импровизированный гарпун, и весло, к которому был прикреплен короткий меч, переломилось. Лодчонка накренилась, и прежде чем она перевернулась, Ури успела рубануть секирой по скользкому телу, а потом черные воды накрыли его, резкая боль обжигающей молнией через нос ударила в центр головы, стало гулко и темно, и мир, разрываемый яростной стихией, оглох, а затем потух, исчезнув неведь куда.

Гексаграмма 54 (Гуй-мэй) — Невеста

В новом деле, прежде чем действовать, нужно как следует осмотреться

Под утро ураган стих. Он закончился так же внезапно, как и налетел. И когда занялась заря, подсветив кроваво-красным восточную часть небосклона, Юл позволил себе расслабиться и выпустить из объятий Хону. Он почти сразу же провалился в бредовый, полный тревожных ожиданий полусон. Ему мерещилось, что шквальный ветер вновь вот-вот должен обрушиться на беспомощный плот, что откуда-то из глубин всплывает неведомое

чудище, алчущее человеческой плоти, неслышно над водой поднимется голова на длинной, покрытой блестящей чешуей шее, и невероятно большие челюсти с жуткими зубами в три ряда смыкаются и поглощают путников; ему также мерещилось, что Хону больше не нужно защищать от страшной стихии, потому что она умерла, превратившись в зачерствелый и холодный кусок мяса, а он, младший правнук последнего предка, остался один на один с Внешней Тьмой враждебного мира; и слышался надменный и назидательный голос главы деревни Имэна, периодически прерываемый воплями прихвостня старосты Ялагая, проклинающего именем Божьей Четверицы непослушного мальчишку, который осмелился обмануть соплеменников.

Юл избавился от кошмаров благодаря Хоне. Она разбудила его сильным толчком в плечо, которое еще не успело как следует зажить.

— Земля, — сказала хмурая девушка, — земля совсем рядом.

Юл, привстав и протерев глаза, посмотрел туда, куда указывала байкерша. Действительно, всего в каких-то трехстах-четырехстах шагах тянулся местами пологий, местами обрывистый берег. Он, изрядно заросший травой, закрывал северную и западную часть горизонта. Парень посмотрел вверх, где среди белых облаков попадались огромные проплешины ослепительно синего неба. От вчерашней тяжелой черноты туч не осталось и следа. И если бы не угрюмость на лице напарницы, то можно было бы подумать, что ураган был лишь жутким ночным кошмаром.

— Нам бы как-нибудь доплыть, — сказала Хона.

— Весла нет, — констатировал парень.

— Можно доплыть, но ты... — девушка пожала плечами, будто извинялась.

— Да, не умею плавать, — тихо произнес Юл, и щеки его неожиданно загорелись.

— Это пустяк, — горестно произнесла Хона, — вот я вчера так испугалась... что просто стыд и позор... я забыла, что магия исходит из меня...

— Ничего страшного, — произнес Юл, — главное, что все позади.

— Да, — байкерша ободряюще улыбнулась, — но мы ведь вместе, и у каждого из нас своя магия. И наши силы дополняют друг друга. Ты не боишься гнева Харлея Изначального и плевал на баггерхелл, а я не боюсь глубокой воды. Ведь так?

Парень ничего не ответил.

— Ты научишь меня читать, а я научу тебя плавать, — девушка спрыгнула с плота.

Она погрузилась в воду по шею и удивленно произнесла:

— Юл, я нащупала дно, мягкое такое!

Море, в которое попали Юл и Хона, было не только одним из самых маленьких по площади, но и самым мелководным в мире, и потому ничего удивительного не было в том, что на расстоянии трех сотен шагов от берега глубина оказалась меньше человеческого роста. Юл, последовав примеру напарницы, погрузился в воду. Ноги его увязли по щиколотку в густой обволакивающей субстанции, а небольшие волны так и норовили накрыть с головой.

Беглецы направились к берегу, пихая перед собой плот. Поначалу толкать плот было не очень удобно, пластиковая конструкция колебалась на волнах, ступни увязали и донном иле, и приходилось прилагать значительные усилия, чтобы постепенно продвигаться к берегу. Однако через полсотни шагов уровень воды спал по грудь и дела у напарников пошли значительно быстрее.

Берег больше походил на речной, нежели морской. Остроперая трава росла прямо из

воды, из черного ила, и застилала нежно-зеленым колышущимся ковром всю округу вплоть до продолговатой возвышенности, утыканной редкими, но пышными деревьями.

Вытащив плот, беглецы осмотрелись. Местность казалась безлюдной, и это обнадеживало. Кто знает, как могут отнестись к незнакомцам в чужих краях?

— Нам бы еды добыть, — сказала Хона, — утку смыло.

— Может, рыбу половим, — предложил Юл.

Парень закинул на плечо суму, взял лопату и гладиус, а Хона нашла толстую хворостину, вполне подходящую для того, чтобы использовать ее как удилице. Напарники побрели вдоль берега, надеясь найти площадку, свободную от травяных зарослей. Солнце, периодически выглядывая из-за пушистых облаков, припекало, однако из-за прошедшей бури жарко не было.

— Скоро лето, — произнесла Хона, — будет урожай, и кегли отдадут нам дань. Вот бы успеть домой к тому времени, когда в становище Дэнджеров свезут разные вкусности. Мед, например...

— Дань? — переспросил Юл.

— Да, семь кланов держат в патронаже больше пятидесяти деревень.

— Слушай, Хона, а ты не против, если мы отправимся ко мне, в Забытую деревню? — парень с надеждой взглянул на спутницу, и прежде чем она успела ответить, торопливо добавил:

— Только поедем вдвоем, чтобы никто из байкеров не знал, где моя родина.

— Вообще-то я думала, что ты останешься со мной в становище, — сказала Хона, — байкером, пусть даже и шустрилой, быть намного круче, чем простым кеглем-землепашцем.

— Мне нужно вернуться к следующей весне, иначе староста Имэн уничтожит дом предков и сожжет десять тысяч книг. Представляешь, Хона, целых десять тысяч!

— Они помогают обрести колдовство, ведь так?

— Они помогают обрести знание, а знание — это сила, — сказал Юл, — так говорил мой прадед.

— Я хочу быть сильной...

Разговор внезапно прервался, поскольку в траве со стороны холма мелькнули цветистые пятна. Юл и Хона заметили приближающуюся опасность одновременно.

— Леопоны! — воскликнула девушка, отбросив хворостину и выхватив акинак.

— Капланы! — выдохнул Юл, напряжись.

Диких пятнистых кошек, достигавших в высоту половины человеческого роста, байкеры и селяне Забытой деревни называли по-разному, но, так или иначе, это был самый опасный хищник степи. Папа Каен рассказывал, что в дни его детства каплан-людоед повадился охотиться на людей и сожрал девятерых. Хоть мужчины и делали несколько облав с собаками на подлого хищника, его так и не поймали, просто однажды нападения прекратились.

Два каплана, рослая самка и самец с небольшой гривой и выступающими верхними клыками бесшумно скользили сквозь травяное море. Сосредоточенные желто-зеленые глаза зло вперились в путников. Звери не рычали, не щерились, не подавали каких-либо иных знаков агрессии. Они просто неотвратимо приближались к потенциальным жертвам, и острые стебли камыша, расступаясь, склонялись в молчаливом почтении перед грациозными и жуткими существами.

— К морю, — шепнул Юл.

Парень и девушка, выставив перед собой оружие, синхронно попятились. Шаг за шагом они отходили к воде, но серо-рыжие в черных пятнах звери, пожирая путников жадными взглядами, двигались намного быстрее. Накатывающий беспредельный ужас перед смертоносными, не знающими пощады когтями и зубами капланов, нашептывал броситься наутек, помчаться без оглядки. Однако и Юл и Хона прекрасно осознавали, что в этом случае исчезнет даже призрачный шанс на спасение, ибо коварные кошки тут же сорвутся на бег и настигнут людей в три прыжка. И потому, обливаясь потом, напряженно дыша, байкерша и младший правнук плечо к плечу, терпеливо, без суеты, постепенно ускоряясь, отступали. Вот уже первая волна омыла ноги, и ступни начали увязать в иле, но разве это выход из положения? Море здесь было неглубоко, и вода не могла стать избавлением от свирепых животных. И все же парень и девушка не теряли надежду. Не получится скрыться, значит, придется сражаться.

Капланы, смочив лапы в набегающей волне, оказались на расстоянии половины прыжка от своих жертв. Хона, встретившись взглядом с самкой, обнажила зубы и зарычала, надеясь таким образом напугать кошку. Звери и не думали останавливаться. Сделав пару шагов, они подобрались, приготовившись к атаке.

И тут прозвучал громкий, требующий безусловного повиновения голос:

— Львы господни! Стойте, где стоите!

Капланы замерли. К путникам приближался рослый стареющий мужчина с изрядно поседевшей густой бородой, которая доставала ему до груди. Одет он был в черную груботканую рубаху, подпоясанную толстой ворсистой веревкой и широкие льняные штаны. В правой руке мужчина держал внушительный посох. За ним шествовали с десятков человек, облаченных в кольчуги до колен и вооруженных длинными копьями с вытянутыми стальными наконечниками. На головах их красовались конические шлемы.

— Львы господни, к пастырю!

Капланы, недовольно зарычав, нехотя засеменяли к хозяину, и, подмяв траву, легли у его ног.

— Три дня и три ночи я молил всевышнего о ниспослании знака, и вот он даровал нам агнцев божьих. Мы принимаем дар Элохима с благоговением и покорностью, — громогласно и пафосно провозгласил мужчина. Взгляд его был суров и непреклонен. И это сразу же не понравилось Юлу.

— Отныне вы дети нашей уммы!

— Мы не... — начала Хона, но осеклась.

Предводитель копыеносцев не спрашивал, не предлагал и не предполагал, он безапелляционно утверждал.

— Молчи, — прошептал Юл, косясь на байкершу, — я сам.

Младший правнук, ощутив незримую опасность, исходящую от странного мужчины, лихорадочно соображал, что следует сказать.

— Я, Авраам Шестой Праведник, архиерей уммы Всемогущего Элохима, — представился бородач, — а вы, вышедшие из моря после бури, присланы нам господом миров, дабы стать возлюбленными детьми нашей общины.

Предводитель чем-то напоминал Юлу старосту Имэна, но только в гораздо более жестком варианте.

— Я Юл, — сказал парень, — а это Хона.

— Скажите мне, каким образом Элохим дал вам знать о моей молитве?

— Мы услышали... — парень сделал секундную паузу, напряженно посмотрел в глаза архиерея и продолжил:

— Мы услышали голос, который велел нам сделать плот и отправиться в плавание... и вот мы здесь.

— Воистину, господь всемогущ! — грозно воскликнул Авраам Шестой, отчего мирно лежащие у его ног капланы привстали и плотоядно облизнулись, а у Юла по спине побежали мурашки.

— Вы брат и сестра? — спросил архиерей.

Юл задумался. Какой ответ будет лучше? Совершенно очевидно, что местные жители приняли их за посланцев потусторонних сил, и еще более очевидным являлось то, что разубеждать главаря было делом крайне опасным, почти самоубийственным. Фанатичный блеск глаз и тонкие, кажущиеся жестокими губы говорили в пользу этого предположения.

— Вы брат и сестра? — снова спросил архиерей. — Не заставляйте меня повторять вопрос трижды.

В голосе Авраама Шестого появились нотки угрозы.

— Нет, мы не брат и сестра, — поспешно ответил Юл.

— Вы муж и жена?

— Да, — ответил парень, немного помедлив, лоб его покрылся испариной.

— Но вы муж и жена в язычестве, мы же вас обвенчаем в господе, карающем грешников и воздающем смиренным рабам своим, — архиерей направил посох на Юла. — Отныне ты зовешься Исааком, а ты, дочь божья, — мужчина осмотрел Хону взглядом мясника, — отныне зовешься Ревекой.

— Я не... — попыталась было возразить ничего не понимающая Хона, но ее перебил Юл:

— Хорошо, мы согласны!

Честно говоря, парень сам не очень понимал, что за чертовщина здесь происходит, однако, доверившись собственной интуиции, решил следовать правилам игры архиерея, так как по другим правилам сейчас играть было просто невозможно.

— Нужно говорить: "Да, отец Авраам", — громко отчеканил бородач, — повторите!

— Да, отец Авраам, — послушно произнес Юл.

Хона колебалась. Зная характер напарницы, младший правнук испугался, как бы она не начала отпираться или, еще хуже, дерзить, но байкерша, пересекшись взглядом с Юлом, незаметно кивнула и промолвила:

— Да, отец Авраам.

— Тогда следуйте за мной! — смягчившись, архиерей улыбнулся жуткой нечеловеческой улыбкой, от которой у младшего правнука заиндевел затылок. — В Богополь, в град господень, что есть центр мира сего.

Парня и девушку разоружили, и под конвоем копейщиков и двух капланов они поднялись по протоптанной, незаметной с берега тропе на возвышенность, где путники увидели еще один невысокий холм, окруженный частоколом. Это и было богоизбранное поселение аврамитов. Так их про себя обозвал Юл.

Недалеко от холма текла неширокая речка, от нее в обе стороны шли каналы, между которыми колосилась пока не успевшая пожелтеть пшеница и еще какие-то зерновые. Ведь это были именно зерновые! Юл знал о них по рассказам соплеменников. Еще совсем недавно злаки выращивались и в Забытой деревне, пока их не погубили морозы и недород.

Возле самой воды шли аккуратные грядки какой-то совсем незнакомой травы.

Парню подумалось, что разобщенность людей способствует упадку. Если бы только можно было объединить все поселения, тогда и жилось бы легче. Если в одном месте случится неурожай, то бедствующим помогут те, у кого есть избыток продовольствия.

Вот двадцать лет назад в Забытой деревне не стало пшеницы, ячменя и ржи, но разве аврамиты поделились бы хоть частью своего зерна?

— Это пшеница? — спросил Юл и, тут же вспомнив, как нужно обращаться к архиерею, поспешно добавил. — Отец Авраам.

Бородач бросил строгий взгляд на парня и, покровительственно улыбнувшись, ответил:

— Да, сын мой. Разве ваше племя не выращивает пшеницу?

— У нас все злаки погибли от морозов незадолго до моего рождения... отец Авраам.

— Это наказание вам за грехи, за отступление от веры в единого бога, милостивого и милосердного, — удовлетворенно и назидательно заметил Авраам Шестой. — Ибо Богополь — последний бастион истинной веры на земле. Не станет его, погибнет мир, ибо только ради него Элохим до конца не уничтожил грешный человеческий род. Когда-то до судных дней на земле жил пророк Авраам Великий, да благословит его Элохим и приветствует. И явился однажды к нему всевышний и изрек, что грешный город скоро погибнет. И просил его пророк пощадить грешный город ради десяти праведников, и согласился господь. Но не нашлось там и десяти праведников. И сгорел грешный город в геенне. Теперь же весь мир, сын мой, держится на праведниках благословенного Богополя. Именно благодаря нам сто лет назад, в судный день Элохим дал человечеству отсрочку.

Речи архиерея совсем не удивили Юла, в них, конечно, было больше пафоса, чем в рассказях старосты Имэна, но, тем не менее, оба поражали незыблемой уверенностью в избранности своих поселений. Да и парень, чего греха таить, в свое время надавил на тайные страхи односельчан, заставив их уверовать в то, что разрушение дома прадеда Олега повлечет за собой гибель солнца.

В Богополь путники попали через открытые ворота. Большинство домов здесь были сделаны из самана, но попадались здания из дерева, а также из кирпича и битого бетона. Юла поразило большое количество стеклянных окон. В Забытой деревне стекло и металл были в большом дефиците. Именно поэтому в качестве жилищ использовались землянки.

А тут в каждой хате — стеклянные окна, у копейщиков — стальные наконечники и кольчуги, а у простых селян — ремни с металлическими бляхами. Юлу даже стало обидно за Забытую деревню. А главное, Богополь выглядел внушительной силой, вполне способной противостоять даже байкерским семи кланам.

— Смотри, здесь все женщины ходят в юбках, — прошептала Хона, — как рабыни. И еще в платках...

Юлу эта особенность сразу не бросилась в глаза. Да и не было это особенностью. Ведь в Забытой деревне и замужние женщины и девушки на выданье тоже одевались в юбки, только не по щиколотку, а по колено или чуть ниже. Впрочем, и брюки не были чем-то запрещенным для соплеменниц, а вот для байкерши, не знавшей платьев, это было в диковинку.

Местные жители подозрительно и в тоже время с любопытством косились на чужаков. От многочисленных цепких взглядов было совсем неуютно.

Юла и Хону подвели к дому с теремом. Первый этаж, сложенный из кирпича, разительно отличался от второго этажа и терема, сделанных из дерева. Казалось, два разных

здания соединились в причудливую химеру. Нижняя часть, угловатая, неказистая, без украшений держала на своих плечах нечто удивительное и легковесное. С декоративными узорчатыми вставками между окнами.

— Это наша обитель, — сказал Авраам Шестой, — здесь живу я и послушники. И здесь же будете жить вы, дети господни.

"А ведь этот дом больше и выше дома прадеда Олега", — подумал Юл и цыкнул от внезапно нагрянувшей досады.

— На первом ярусе живут ученики и ученицы послушников, — возвышенно произнес архиерей, — на втором обитают послушники, послушницы и, — Авраам Шестой указал на себя ладонью, — их пастырь с женой своей, а самый верх заселяют возлюбленные дети господни.

— Круто, — произнесла Хона.

— Благословенно, — поправил ее Авраам Шестой, — а теперь вы должны обнажиться.

— Как обнажиться? — не понял Юл.

— Как обнажиться, отец Авраам, — поправил парня пастырь.

— Простите... как обнажиться, отец Авраам?

— Раздеться догола, сбросить с себя всю одежду, — пояснил архиерей, — ибо она грязна и терем господень не примет вас в ней. Когда вы войдете внутрь, вас омоют и дадут новые одеяния.

— Я не буду, — вдруг прошипела Хона, и щеки ее налились багрянцем, — я не буду одеваться, как эти... я свободная, а не...

— Ты смеешь возражать божьей воле! — возвысил голос архиерей. — Ослушание Элохима ведет к позорному падению и бесславной смерти в жизни этой и жизни грядущей!

— Мои боги, Харлей Изначальный, Ямаха Первородная и весь священный табун, ничего такого не говорили!

— Твои боги — языческие идолы, грешница! — архиерей прожег девушку взглядом, полным надменной ненависти. — И гореть тебе в геенне огненной, если ты не признаешь Элохима единственным господом миров, а Авраама Великого пророком его. Именем его народ божий покорил все побережье от мертвого города и до большой реки, именем его народ божий подчинил двенадцать селений и именем его народ божий завоюет весь мир в священной войне! Одумайся, грешница, и прими истинную веру!

Хона не успела возразить, поскольку Юл поспешно прикрыл ей рот ладонью и заговорил:

— Отец Авраам, позвольте мне объяснить! Разве не грех женщине выставлять свой срам перед посторонними? Хона, то есть Ревека именно этого и не желает, ведь быть обнаженной у всех на виду это святотатство перед... перед Элохимом. Ведь так?

Вопрос парня архиерей оставил без ответа. Лицо пастыря казалось высеченным из камня.

— Я наставлю ее на путь. Позвольте, отец Авраам, поговорить с ней, — Юл изобразил смирение, как он это делал у себя дома в разговорах со старостой Имэном. — Я все ей объясню. Пожалуйста, отец Авраам, позвольте. Мы грешны, но все же мы хотим познать истину, очистится от грехов.

Прошли тяжелые, полные незримого напряжения секунды, прежде чем архиерей вымолвил:

— Жена да убоится мужа своего! Образумь ее! Я даю тебе шанс, даю вам шанс, как

всевышний Элохим в милосердии своем дал отсрочку людям в первый судный день!

Юл отвел Хону на десяток шагов от сопровождающих, и, оставаясь беззащитным перед жадными взглядами аврамитов, тихо произнес:

— Хона нам нужно...

— Свободные байкерши в платьях не ходят, — прошипела девушка, — только рабыни и телки из кеглей, я не надену их барахло, пусть меня лучше убьют!

Ситуация становилась критической, Авраам Шестой внимательно следил за парнем и девушкой, и каждое новое препирательство, безусловно, играло не в пользу новоявленных детей господних.

Что сказать упрямой девчонке? Как ее переубедить? Сказать, сделай это ради меня? Ради нашей дружбы? Ради нашей любви? Ради побратимства? Может, она и послушает, но надолго ли ее хватит?

Юл бросил быстрый взгляд на терем, на воинов с копьями, на непреклонного пастыря, осознал смысл его речей, наполненных злобой и фанатизмом, и то, что нужно говорить, пришло к младшему правнуку само собой. Говорить нужно правду. Но только не о том, что случится сейчас, а о том, что может произойти через много лет.

Он, схватив за локоть байкершу, крепко прижал ее к себе, и губы его буквально ввинтились в ухо девушки. Парень зашептал:

— Вспомни, Хона, о чем говорил архиерей? О войне, о том, что он захватит весь мир. Мир он на самом деле не захватит, а вот на соседей нападет. А теперь посмотри, во что одеты воины? В кольчуги. Ни для копий, ни для мечей они не жалеют металла. Металл у них в избытке. А как в становищах? Еле хватает на мечи и наконечники для арбалетных болтов. Ведь так. Ваши экипы из кожи. Так же, как вы побеждаете выродков, у которых только шкуры на теле, аврамиты победят вас. Они уже завоевали двенадцать деревень и дошли до устья Пагуби и рано или поздно пойдут дальше на восток, к становищам.

— Они не смогут победить...

— Молчи, Хона, молчи и слушай! — парень, сжав сильней локоть напарницы, говорил очень тихо, почти неслышно, но с напряжением и мощью, в которые невозможно было не поверить. — Мы должны узнать о них как можно больше. Мы должны учиться у них, чтобы сделать свои поселения сильней. И ты, и я оденемся в то, во что нам скажут. И ты, и я будем делать то, что нам скажут. Ты откажешься, и тебя убьют, а потом однажды они придут и нападут на твой клан и оденут всех женщин в длинные платья и черные платки. Поэтому тебе придется преодолеть себя и носить юбки, как бы это позорно тебя не казалось. Преодолей себя и это будет твой подвиг. Походы в Запагубье, к морю и даже высыпанный прах — это мелочи, а узнать о врагах и принести пользу своим, это и есть...

— Хватит!!! — рявкнул Авраам Шестой. — Разве вы не знаете, что шептаться — грех! Ибо так сатана наущает к падению в геенну!

Юл мягко оттолкнул от себя Хону и, опустив глаза, произнес:

— Простите, отец Авраам, мы всего лишь... всего лишь язычники, которые стремятся познать истинного бога. Мы больше не будем так делать.

— Ты тоже раскаиваешься в словах своих, Ревека? — спросил Авраам Шестой Хону.

Байкерша потупилась, щеки ее пылали темным румянцем, а кулаки непроизвольно сжались.

— Да, отец Авраам, я раскаиваюсь и прошу прощения и больше так не буду, — заморожено произнесла девушка и прокусила губу.

— Что ж, время покажет, — архиерей указал посохом на дом, — теперь войдите в терем господень и обнажитесь в сенях. Там никто не узрит наготы вашей. Вы увидите две двери. Левая дверь — вход в мужскую половину. Правая — в женскую.

Раздевшись, парень и девушка взялись за руки, с тревогой заглянули друг другу в глаза. Юл хотел сказать что-нибудь ободряющее и предостерегающее одновременно, но не решился. Если среди аврамитов нельзя шептаться, то, вероятно, здесь принято знать все обо всех, а значит, их могут подслушивать. Хона, будто поняв мысли юноши, слизнув выступившую на нижней губе кровь, натянуто улыбнулась и, открыв дверь, скрылась в женской половине дома.

В узком коридоре Юла встретили четверо послушников, облаченных в подобие рубах. Серых и длинных, свисающих аж до колен.

— Радуйся, Богополь! — провозгласили они, отчего парень вздрогнул. — Сын господень вошел в терем народа избранного! Благословляет его Элохим и приветствует! И да помилует он умму истинно верующих! И да придет царствие истины!

Где-то за стеной провыли нечто похожее женские голоса. Это благословляли Хону, невесту возлюбленного сына господа. Юла отвели в баню. Там он вымылся и получил новую одежду: нижнее белье, бледно-серые льняные штаны и рубаху, а также широкие кожаные башмаки.

После бани парня отвели в трапезную на второй этаж. Там за широким деревянным столом его ждал Авраам Шестой.

— Здесь со мной ты поделишь пищу, — сказал патриарх, — в первый и последний раз. За стеной, в женской половине твоя невеста в первый и последний раз разделит пищу с возлюбленной женой моей, Сарой Девятой Праведницей. Потом вы будете вкушать в общей трапезной.

Пока архиерей говорил, послушники с темной радостью в глазах накрывали на стол. Юл поймал себя на том, как точно он подобрал словосочетание по отношению к слугам господним: "темная радость". Да, именно так. Не было в них бесшабашности Хоны или глуповатого озорства друга Темерки из Забытой деревни. Не походили они ни на байкеров, ни на односельчан. Они будто бы светились счастьем, но не таким, как у обычных людей. Это был какой-то сумеречный огонь, противоестественный, способный согреть лишь убогого и слабого духом, отказавшегося от собственной судьбы и боящегося настоящей жизни. Это была трусливая радость кастрированного жеребца, знающего, что его уже никогда не будет мучить запах кобылы, а будет лишь покой и еда за верную службу и упорную работу на хозяина. За него все уже решено другими, а это ведь тоже своеобразное счастье, быть свободным от ответственности.

Юл съел похлебку из неизвестного ему злака и большую куриную ножку, на третье служки подали компот из сухофруктов. По правде сказать, он уже давно так сытно не обедал. Парень делал вид, что слушает проповедь Авраама Шестого с повышенным вниманием, и все время молчал, однако любопытство взяло верх, и Юл в паузе между речами пастыря осмелился вставить вопрос:

— Позвольте смиренно спросить, отец Авраам, — на слове "смиренно" младший правнук сделал ненавязчивое ударение.

— Конечно, сын мой, — сказал пастырь.

— А из чего был сделан суп? Я никогда не пробовал столь вкусного блюда.

— Из риса, — ответил архиерей и губы его растянулись в покровительственной

улыбке, — твое племя, заблудшее в язычестве своем и сатанинских кознях, не знает сей благостной культуры. Ты видел ее, когда мы проезжали мимо реки. По воле всемогущего Элохима рис любит воду, и потому мы выращиваем его возле самого берега.

Очевидно, Авраам Шестой просто обожал со снисхождением наставлять грешников на истинный путь. Что ж, это не так уж и плохо. Юл нащупал стратегию поведения в отношении безумного праведника. Он будет кроток как овца и, изображая несмышленного дурачка, изредка задавать вопросы. Даже если младший правнук спросит что-то неудобное, всегда можно свалить на глупость и недавнее языческое прошлое.

Ближе к вечеру две процессии, мужская и женская, покинули терем господень и с песнопениями, славящими Элохима, направились разными путями к куполообразной постройке. Здание, очевидно возведенное еще до Великой гибели, казалось уменьшенной копией баггерского храма, в котором Юл и Хона переночевали в Новочеке.

Соединившись, процессии остановились перед домом молитв. Так обозвал здание архиерей. Пастырь поднялся по ступеням крыльца к воротам в виде вытянутой арки, вознес руки и певуче провозгласил:

— Мы взываем к всемогущему Элохиму осветить наши сердца для истины, даровать нам благословение в этом мире и в новый судный день. Радуйся, Богополь! Радуйся! Ибс всевышний через сына господня и невесту его дарует народу избранному процветание и изобилие в грядущие времена!

Толпа, совершенно разношерстная, состоящая из воинов в кольчугах, послушников в рубахах до колен, женщин в платках и длинных черных и серых юбках, простолюдинов, одетых в рванье, босоногой ребятни, повторяла каждое слово изреченное архиереем. И весь этот молебный гул отражался жутким многоголосым эхом в душе Юла, резонировал и заставлял сердце сжиматься, сморщиваться под воздействием темной непонятной силы, которая требовала лишь одного: безусловного признания своей власти и правоты.

Наконец, мучения окончились. Авраам Шестой подозвал к себе Юла, положил ладонь на лоб юноши, благословил и нарек Исааком. Затем сделал то же самое с Хоной, назвав ее Ревекой. У невесты, одетой в бледно-серое платье, на лбу чернела повязка с двумя платками, один из которых был сзади и закрывал волосы, а другой, пришитый лишь по краям, ниспадал на лицо. Если бы не горящие ненавистью серые глаза в прорези, Юл и не узнал бы свою подругу.

Пастырь спросил, согласен ли отрок Исаак взять в жены отроковицу Ревеку. Юл кивнул. У Хоны согласия никто не спрашивал. Авраам Шестой просто удостоверился, счастлива ли она, что выходит замуж.

— Да, — ответила байкерша, голос ее предательски дрогнул.

Тогда, прочитав брачную молитву и пожелав молодым зачать первенца до следующей весны, архиерей обратился к пастве.

— Да возрадуется святой Богополь, город истины и народа избранного, центр мира и отрада вселенной! Волею всемогущего Элохима, наша умма получила благословение на новую отсрочку судного дня через обретенного сто первого сына божьего и его жену! Мы есть оплот нашего господя! И когда род человеческий прогневал Элохима, он наслал болезнь на грешную землю. Мы же, народ избранный, не были поражены яростью всемилостивого! Разве это не доказательство его любви к нам?

— Воистину так! — провыла паства.

— И когда львы подчиняются воле пастыря, разве это не доказательство любви Элохима

к нам?

— Воистину так!

— И то, что одна из невест господних по наущению сатаны желала покинуть Богополь и в степной пустоши сойтись с искусителем в блуде, но была поймана, разве не доказательство справедливого возмездия господа?

— Воистину так!

Юла покорило. Эти лица, преисполненные фанатичного ужаса, вдруг напомнили ему похороны прадеда. У тетки Ягиры, когда она, упав на колени, вырвала со своей головы толстый локон, была похожая гримаса.

— Приведите же блудницу! — глаза пастыря потемнели, а младший правнук сглотнул ком в недобром предчувствии.

Два кольчужника волокли совершенно голую молодую женщину. Спина несчастной была исполосована кровоточащими рубцами от батогов. Ноги ее, серые от пыли, безвольно волочились, оставляя неровный след, спутанные волосы закрывали лицо.

— Блудница сия была возлюбленной дочерью Богополя, — громко и грозно возгласил пастырь, — и когда она понесла от Исаака прошлых вёсен, и родила послушника, и ушла в дом молитв, став невестой господа, мы возрадовались, ибо блажены, служащие Элохиму. Но враг народа избранного, сатана, подкрался к ней и прельстил ее грешными наущениями. И обещал ей дух лжи и сквернословия блага телесные и душевные, если она убежит в степь и совокупится с ним. Она забыла, что Элохим, милостивый и милосердный, владыка миров и создатель земли, всевидящ, и отступившие от веры, всегда терпят убыток. И вот она, о умма правоверных, перед вами в падении своем и позоре.

Воины бросили преступницу к ногам Авраама Шестого. Юл заметил, что на левой щеке женщины вытатуирована собачья голова. Один из кольчужников, будто случайно, опустил кованный сапог на стопу преступницы, но та даже не шелохнулась.

— И вот я обращаюсь к вам, о люди благословенного града, что заслуживает сия блудница, забывшая свой долг перед всемогущим Элохимом?

— Пусть сдохнет, грязная шлюха! — отозвался чей-то женский голос.

— Из-за ее ослушания на нас падет божья кара! — завторил ей мужской.

И дальше понеслось:

— Смерть ей!

— На съедение львам ее!

— Поправшие веру, будут поправаны!

Пастор поднял вверх посох и толпа моментально заткнулась.

— Я хочу заглянуть в лживые очи ее, затуманенные кознями лукавого!

Воин, тот, что топтался на ноге женщины, схватил ее за волосы и резко рванул голову на себя. Мученица посмотрела сухими, полными бессильной ненависти глазами на Авраама Шестого, вскинула ладонь с налипшей грязью на растопыренных пальцах, и издала глухое мычание, и, казалось, песья голова на ее щеке оскалилась.

— Господь наложил на уста твои проклятья, грешница! Ибо такова участь всех лицемеров, отвергших милость всевышнего!

Губы женщины, синие, распухшие от побоев округлились, и оттуда вырвался гортанный, режущий звук. И тут до Юла дошло, что у страдальцы вырван язык.

От открытия такой невероятной жестокости парень на несколько мгновений вошел в ступор. Нет, прадед Олег всегда говорил, что человек беспощаден к себе подобным, и дай

ему только волю, он покажет всю свою звериную сущность. Но одно дело, убить врага на поле боя, и совсем другое — вот так мучить. И главное, за что? За разговоры со злыми духами? Это было не только невероятно жестоко, но и безумно. Тупо.

А вот староста Забытой деревни Имэн мог бы решить, что за общение с Радиацией-ягой нужно казнить? Смог бы он отрезать языки?

— На все воля Элохима, — удовлетворенно произнес архиерей, — беги же, грешница, в степь к сатане, как ты желала! И, если на то будет воля всевышнего, ты сойдешься с нечистым в преступной связи! А мы помолимся за твою грешную душу господу, воздающему каждому по делам его!

Женщина смотрела в упор на пастыря и не двигалась. Лишь татуировка на щеке оскалилась в немом рычании.

— Я сказал, беги, дочь разврата и похоти! — прорычал архиерей. — Беги, проклятая блудница!

Кольчужник взял женщину за загривок, с легкостью поставил на ноги, а затем толкнул в сторону открытых ворот, находящихся в трех кварталах от дома молитв.

— Беги, нечестивая, и пусть все произойдет по воле Элохима!

Женщина, чуть сгорбившись, прикрывая руками срамные места, неуверенно сделала несколько шагов, бросила напряженно-затравленный взгляд на пастыря.

— Беги, распутная подстилка люцифера! — прогремел тот.

— Беги, шляха, беги! — взревела толпа.

Женщина недоверчиво осмотрела вскидывающих кулаки прихожан, их искаженные от праведной злости лица, медленно опустила очи долу и вдруг рванула что есть мочи. Под яростное улюлюканье она, поднимая столбики пыли, выскочила на дорогу, ведущую к воротам, и с быстротой молнии завернула за угол.

— Помолимся же! — вскричал пастырь и ударил посохом о ступеньку.

Из-под крыльца выскочили два каплана. Юл не знал, что все время действия пятнистые хищники прятались совсем рядом. От предчувствия недоброго у парня заиндевели спина и шея.

— О, Элохим, господь этого призыва и молитвы! — певуче затянул архиерей. — Благословен ты, господь наш, царь вселенной, по слову которого наступает день и наступает ночь! Да святится имя твое и да придет царствие твое на грешную землю!

Кошки между тем в три прыжка оказались на середине улицы и мгновение спустя исчезли из вида, помчавшись за жертвой.

— И позволь пророку твоему, Аврааму Великому, заступиться за нас в новый судный день! — повторяли следом за пастырем прихожане. — Ведь ты, сотворивший день и ночь, всемогущ, и убираешь свет перед тьмой, и тьму — перед светом!

Где-то в сгущающихся сумерках послышалось звериное рычание, и следом — истошный женский крик.

— И воля твоя да прибудет как на земле, так и на небесах, — глаза проповедника закатились, он вскинул голову, и лицо его озарила блаженная улыбка, и не было в ней ничего садистского, а лишь радость от принадлежности к чему-то запредельному, к чему-то такому, что снимает с тебя всякую ответственность. — Хвала тебе, Элохим, милостивый и милосердный, господь миров! Ничтожны мы перед ликом твоим!

— Возлюбил ты дом Богополя и сделал народ его избранным перед всеми другими коленами человеческими! Так не покинет же нас вовек любовь твоя! — вторили Аврааму

Шестому люди: мужчины и женщины, взрослые и дети, послушники, рабы божьи в кольчугах с саблями и копьями и рабы рабов божьих, худоллицы и ободранные.

Они пели усердно и самозабвенно, но все же не могли заглушить вопли пожираемого живо человека. Ночь приносила смерть. Ночь внушала страх господень. Ночь напоминала о повиновении. То, что случилось здесь и сейчас, не могло быть реальностью, все, что происходило вокруг, казалось придуманным каким-то сверхсуществом, всемогущим и беспощадным. И Юл на краткий миг поверил в кровавого Элохима, пожирающего отступников зубастыми пастьями пятнистых хищников, и ужаснулся.

— И прости нам грехи наши, и не вводи нас в искушения и избавь нас от лукавого сатаны и его наущений, ибо царствие твое и сила и слава есть вовеки! — заливался соловьем архиерей.

— Да будет так! — трижды пропела паства.

Когда, наконец, безумная литургия окончилась, крики несчастной бывшей невесты господней стихли, и слышались лишь довольное рычание хищников и, кажется, звуки пережевываемых костей, пастырь повернулся к Юлу и Хоне и произнес:

— Запомните, дети мои, этот урок всем, кто возжелает отступить от стези, уготованной нам Элохимом. Кто откажется исполнять волю его, понесет наказание уже в этой жизни, а затем и в последующей. Кто будет поклоняться лишь Элохиму, а не ложным богам, и признавать пророка его Авраама Великого, и смиренно шествовать уготованной стезей, тот познает и в этой жизни и в последующей изобилие.

Гексаграмма 55 (Фэн) — Изобилие

Наслаждение благополучием хорошо для того, кто его заслужил

Архиерей не обманул Юла и Хону. Они действительно ни в чем не нуждались. Их поселили в высоком тереме. Комната с двумя входами (из мужской и женской части дома) оказалась достаточно просторной, но душной. Особенно жарко здесь становилось после полудня, когда солнце нагревало крышу, и жар уходящего дня налегал на молодоженов тяжелыми липкими волнами. Окно, зарешеченное стальными прутьями, не открывалось, только форточка на ржавых петлях. Ночью же в терем так и норовили проникнуть вездесущие комары, размером, пожалуй, раза в полтора больше обычных. Впрочем, травяная смесь из базилика, мяты и еще какого-то растения неплохо отпугивала мелких кровососов.

К подобным неудобствам Юл и Хона быстро привыкли. Смущало и пугало их совсем иное. Все, буквально все местные жители относились к ним с подчеркнутым почтением. От рассвета до заката в пределах Богополя сыну господню и его жене дозволялось находиться где угодно. Архиерей приставил к ним двух воинов, которые не отставали от парня и девушки ни на шаг. В услужливости аврамитов ощущалась какая-то затаенная фальшь. Юл, обладая природным любопытством, облазил все поселение и часто задавал вопросы, например, касательно техники изготовления проволоки в кузнице, способов плетения кольчуг, или как выращивать рис. Местные с удовольствием отвечали парню, но только до тех пор, пока дело касалось быта, работы, обычаев или верований. Но стоило только Юлу спросить о своем с Хоной предназначении, как аврамнты тут же начинали юлить и пороть какую-то невнятную околесицу. Вскоре младший правнук осознал опасность таких вопросов и перестал их задавать.

Часть зданий в Богополе были построены из кирпичей и бетонных обломков. Юл узнал, что, оказывается на западе, на берегу моря находится погибший город древних. На его окраине расположена деревня, покоренная аврамитами в священной войне. Ее жители

платят победителям особую дань. Три раза в год из Богополя выходит обоз, который загружается в деревне стройматериалами и арматурой, собранными местными жителями в мертвом городе. Так последователи Авраама Великого получили доступ к важным ресурсам: стройматериалам и металлу.

Когда Юл задавал вопрос, не считаются ли города предков греховными и потому запретными, ему отвечали:

— Однажды архиерею Аврааму Третьему пришел Гавриил, возлюбленный архангел Элохима, и сообщил, что народу избранному дозволено брать добро из любого места, ибо вся земля принадлежит им.

Юлу тогда подумалось, что это разумно, превратить целый город в открытый карьер по добыче ценных материалов, и пусть остальные боятся проклятых мест, им же будет хуже.

"Ради такого дела я бы тоже придумал какое-нибудь откровение", — решил парень.

Еще в граде избранном имелась странная категория женщин: невест господних. Укутаны они были во все черное так, что ни единой части тела не было видно, кроме глаз в прорези. Однажды Юл пытался заговорить с одной из них. Но та, замотав головой и промычав что-то невнятное, спешно удалилась. Кто-то из мимо проходящих мужчин заметил, что не стоит общаться с ними.

— Почему? — спросил Юл.

— Овдовев, они становятся невестами господними.

— Это касается всех, чьи мужья умерли?

— Нет.

— А кого тогда?

— Простите меня, Исаак, возлюбленный сын господи, — мужчина вежливо поклонился, — но мне нужно идти.

Юл часто не мог получить нужных ответов, и этот раз исключением не оказался.

Совместный прием пищи в Богополе являлся обязательным ритуалом. Трижды в день: после рассвета, в полдень и перед закатом все жители, не считая военных дозоров и занятых на особо важных работах, стекались на площадь перед домом молитв. Там они падали ниц, а архиерей произносил молитву, славящую Элохима, затем аврамиты направлялись к так называемой трапезной, длинному одноэтажному зданию с черепичной двускатной крышей, где повара выдавали пищу. Архиерей, его жена Сара Девятая, стареющая женщина с глубоко посаженными глазами и некрасивым ртом, а также воины и старшие из послушников получали двойную порцию, младшие послушники, беременные женщины, больные — полуторную. Остальные — одинарную. Были также и наказанные за плохое усердие в молитвах и работе. Им доставалась лишь половина положенной доли. Имелись еще рабы рабов божьих, но те питались отдельно.

Юлу и Хоне повара выдавали двойную порцию, однако у них единственных, как у детей господних, была привилегия попросить добавки. Ни байкерша, ни младший правнук ни разу не использовали данную льготу. Поначалу им и вовсе кусок в горло не лез, ведь перед едой пастырь произносил ту же самую молитву, что и перед убийством страдальцы с вырванным языком.

Свобода передвижения по поселку при абсолютном надзоре быстро надоела. Сидеть же в тереме жаркими днями для молодоженов было невыносимо. Юл какое-то время изучал интерьер комнаты. В центре, аккурат между мужским и женским входами, стояла тяжеловесная кровать с ночным горшком под ней. На кровати лежали перина и подушки,

набитые птичьим пером и пухом, а также простыня, которую Хона меняла раз в неделю и относила в прачечную. Да, у аврамитов была даже своя общая прачечная, совмещенная с баней.

Еще в комнате имелись две деревянные табуретки и стол молитв, причудливая конструкция с круглой столешницей, с тремя толстыми ножками по периметру и четвертой посередине. Авраам Шестой объяснил это так: раньше, до судного дня существовали три веры в единого бога. Все три религии зачастую враждовали друг с другом. Это оттого, что была в них сокрыта не только истина божья, но также и ложь, внесенная кознями сатаны и его приспешников. И только когда Элохим покарал народы за грехи их, появилась чистая вера жителей Богополя, взявшая все праведное из религий прошлого и отвергшая все лживое. Это произошло благодаря некоему Герману Пекарю, получившему перед судным днем откровение божье о скором апокалипсисе. Господь сказал, что из-за собак-ученых мир будет уничтожен и велел Герману Пекарю возглавить паству и стать архиереем Авраамом Первым, преемником Авраама Великого и последним пророком судного дня, а жену свою Алёну соответственно наречь Сарой Первой. Перед самым апокалипсисом Герман Пекарь воззвал к грешникам, присоединиться к нему, и кто исполнил повеление, тот не был заражен болезнью безумия и остался жив.

И вот три ноги стола — это суть три веры прошлого, а четвертая, посередине — это вера Богополя, ныне единственного оплота истины. И сыну господню со своей женой, то есть Юлу и Хоне, следует молиться не только три раза вместе со всеми перед едой, но становиться на колени перед столом молитв и воздавать хвалу Элохиму в любое время, когда заблагорассудится. Младшему правнуку пришла мысль, что если убрать ножку посередине, то стол не потеряет устойчивости, но вслух свои думы он не рискнул озвучивать.

Одним словом, кроме кровати, уродского стола и двух табуреток из мебели в тереме больше ничего не было.

Между стеной и полом Юл обнаружил странные отверстия непонятного назначения, но более всего парня заинтересовали оконные стекла, по виду сильно отличающиеся от идеальных стекол в доме прадеда Олега. Они имели желтоватый оттенок и неравномерную толщину, и были явно сделаны уже после Великой погибели.

Парень расспросил об этом у местных, и оказалось, действительно, в одной из покоренных деревень рабы рабов божьих построили специальные печи для изготовления стекла. Юл хотел съездить, посмотреть на это технологическое чудо, но Авраам Шестой запретил ему и байкерше покидать Богополь.

Дни тянулись мучительно долго, закончилась весна, началось жаркое лето. Более-менее комфортно, несмотря на духоту, Юл и Хона ощущали себя только ночью в тереме. Здесь не было вездесущих глаз охранников и селян, и они могли позволить себе шептаться, обсуждать прошлое, строить планы на будущее.

Хона изменилась. Она стала сдержанней. Свое негодование и то, как все ей надоело, высказывала лишь младшему правнуку тихим-тихим голосом в темноте, лежа на перине.

— Мы обязательно сбежим, — уверял ее Юл, — но нам нужно побольше узнать об аврамитах. Они очень искусны и тем опасны. Мы принесем пользу и байкерам и моему племени.

— Я знаю, — шептала в ответ Хона, — это подвиг. Но проповедник — мерзкий ублюдок. Меня от него тошнит. Я иногда еле сдерживаюсь. А еще он колдун. Ты видел, как леопоны ему подчиняются?

— Никакое это не колдовство, — возражал парень, — он их еще котятками натаскивал, вот они и слушаются его. Это называется дрессировка, а не колдовство. И вообще не произноси это слово вслух. Слышала, что вчера Авраам говорил на проповеди? Колдуны-ученые были самыми большими грешниками среди всех грешников.

— Не буду, — соглашалась Хона и засыпала на плече юного мужа.

Летом, когда созрел урожай пшеницы, ржи и прочих зерновых, Юл придумал, как им выбраться за стены осточертевшего Богополя. Смиренно, с потупленным взором, он просил Авраама Шестого разрешить ему и Хоне работать в поле с рабами божьими и рабами рабов божьих, ибо труд на благо господина ведет к смирению, а безделье — к греху. Архиерей оценил кротость новоявленного сына господня.

— Это знаменье божье, Исаак, — сказал он, — тебе с Ревекой дозволено жить так, как никому в граде избранном, в праздности и без забот. Но ты возжелал провести дни в трудах во славу господню. Воистину, сам Элохим говорит твоими устами, и в следующем году, после весеннего празднования, новый урожай будет богаче нынешнего, если на то будет воля всевышнего.

— Я многого еще не понимаю, отец Авраам, но стремлюсь к познанию истины, — ответил парень.

— Кротость есть печать божья, — удовлетворенно произнес пастырь, — и нам всем пример для подражания — Исаак Старый, сын пророка Авраама Великого, да благословит его Элохим и приветствует. Когда всевышний возжелал, чтобы Авраам Великий принес в жертву своего сына, тот, не колеблясь, смиренно принял всей душой решение господина. И сын пророка, Исаак, безропотно согласился на заклание, ибо на все воля Элохима. Но когда Авраам Великий, хвала ему, занес нож над отроком, господь отвел руку его, ибо тогда еще род людской не прогневал Элохима окончательно и не было еще тогда судного дня.

Так Юл получил разрешение на работу в поле. Этой же ночью парень рассказал новость девушке. Поначалу Хона заупрямилась, поскольку землепашество у байкеров не входило в "непостыдные ремесла".

— Шитье, кузнечное и гончарное дело, охота, рыбалка, разведение собак и байков, сбор диких трав и кореньев, война — это наше родное, — говорила девушка, — а вот остальное не одобряется. Знаешь, как у нас говорят? Растения пусть выращивают растения, за бычьим и телками пусть ухаживают бычье и телки, а на байках пусть скачут байкеры.

Юлу все же удалось уговорить девушку. Парень объяснил жене, что таким образом они войдут в доверие к пастырю, ослабят его бдительность, и это, в конце концов, поможет сбежать. К тому же никто не заставляет их выкладываться в полную силу. Это у рабов божьих и в особенности у рабов рабов божьих имелась трудовая повинность. А дети господни — свободны от земных забот.

— Хорошо, — согласилась Хона, — только поклянись, что никому и никогда не расскажешь, что я в поле ковырялась.

— Не расскажу, — пообещал парень.

— Для тебя ведь слово ничего не значит, — девушка больно ущипнула младшего правнука за сосок.

— Это совсем другое. Тогда я обещал относительно себя, когда мне ухо грозили отрезать, а теперь — относительно тебя.

На том и порешили.

На самом деле Юл преследовал две цели. С одной стороны он, играя в смирение и

покорность, действительно замыливал глаза архиерею, а с другой — парень во время работы незаметно складывал себе в карман зерна. Ведь в родной Забытой деревне уже как двадцать лет не росли злаки, не считая кукурузы.

Младший правнук оторвал от перины в незаметном месте кусок ткани, в нее он складывал семена. Так парень запасся не только зернами пшеницы, ржи и ячменя, выращиваемых когда-то в Забытой деревне, но и неизвестными соплеменникам овсом, просом, рисом и гречихой. Свой драгоценный клад Юл прятал там же, под периной.

Однажды, когда лето уже перевалило за середину, Хона рассказала Юлу, что ей несколько дней подряд снится один и тот же сон. Будто она сидит на плоту и держит в руках бронзовую кружку с прахом. Вокруг безветрие, на море — штиль. Девушка готовится рассеять прах, наклоняется над водой и видит отражение. Но не свое, а Вира Златорукого. Хона вскрывает восковую пробку, высыпает прах. И вот, когда, казалось бы, все закончено, байкерша исполнила то, что требовалось, кружка странным образом вновь оказывается запечатанной. Девушка повторяет операцию, снова вываливает останки прадеда Олега или, быть может, Скальпеля Косноязычного в воду, и опять безрезультатно. Кружка, наполненная прахом и запечатанная, лежит в ее ладонях. А потом она видит сзади себя человека. Иногда он бывает похож на Авраама Шестого, иногда на отца, Ури Громopodobного, иногда — на Юла. Человек держит в руках тяжелый посох и бьет байкершу по голове.

Юл предположил, что прах — это символ смерти, и девушка, даже не отдавая себе отчет, скучает по погибшему Виру, ведь он ее научил многим интересным вещам, например, игре в камушки. А то, что ее избивают люди похожие на пастыря, на отца и на мужа подразумевает боязнь довериться кому-либо.

— Ты подсознательно... ну, то есть где-то глубоко-глубоко в душе считаешь, что твой папа и я в чем-то схожи с Авраамом, — прошептал Юл, взглядываясь в ночной потолок терема.

— Неправда, — ответила Хона и куснула Юла за плечо, — я тебе доверяю, хоть ты и брехло. Я вот думаю, может, так и должно быть. Колдуны, они все побрехивают.

Сон Хоны подарил Юлу идею. Ему вновь захотелось увидеть море, и он решился испросить разрешения у Авраама Шестого ходить к берегу. Ведь до него от стен Богополя совсем недалеко. Какие-то жалкие пять тысяч шагов. Парень не был уверен в успехе, ведь Авраам Шестой не отпускал молодоженов посмотреть покоренные деревни. Но случилось невозможное, архиерей, хоть и не без колебаний, разрешил. Однако пастырь был на чеку, и молодоженов сопровождали шесть воинов, не защищенных кольчугами. Видимо на тот случай, если Юлу и Хоне, несмотря на демонстрируемую кротость, вдруг все-таки вздумается совершить попытку бегства по воде.

Младший правнук быстро осознал бесперспективность сражения с шестью хорошо вооруженными воинами, и потому побег пришлось отложить на неопределенный срок.

Зато Хона научила Юла плавать. Парень и девушка не могли раздеваться догола, ибо у аврамитов полностью обнажать тело на открытой местности считалось страшным грехом. Молодожены купались, сняв лишь верхние одежды, что само по себе тоже подлежало осуждению. Однако юность брала верх над послушанием, и они, порой, безудержно резвились в воде, забывая на какое-то время о суровой морали Богополя. Впрочем, длилось это не долго. Не прошло и лунного месяца, как Авраам Шестой запретил купания, назвав сие занятие нечистым и оскверняющим добродетель избранного народа.

Осенью, после сбора яблок парень ощутил перемены в поведении архиерея. Теперь он

смотрел на Юла то ли с еле ощутимым пренебрежением, то ли с почти незаметным негодованием, то ли и с тем и другим сразу. И в общении пастырь стал грубее. То же самое подметила Хона, но только в отношении Сары Девятой. Эта некрасивая женщина начала задавать неприличные вопросы вроде: "Познает ли, детонька, тебя муж?", "Как часто он тебя познает?", "Не познает ли он тебя по-греховному?", "Почему же ты тогда до сих пор не понесла?" и так далее.

— Они хотят, чтобы ты забеременела, — шепнул Юл, — они этого от нас ждут.

— Я не хочу беременеть в этом убудочном месте, — сказала Хона.

— Я знаю, — ответил Юл, поглаживая волосы девушки, — но почему им так важен ребенок от нас?

Хона только пожала плечами.

В эту ночь младшему правнуку привиделся прадед Олег. Старик сидел на краю кровати и с озабоченным видом глядел на молодоженов. Хона спала, перевернувшись на живот. Юл приподнялся на локтях и задал самоочевидный вопрос:

— Это вы?

Первопредок помолчал какое-то время, а потом спросил:

— Помнишь, твоя юная супруга рассказала тебе сон, где она никак не могла избавиться от моего праха?

— Да, — кивнул парень.

— Тогда ты пытался его расшифровать.

— Я не правильно растолковал?

— Может быть, да, может быть, нет, но я хотел бы предложить иную версию, — тихо произнес старик и вновь замолчал.

Младший правнук терпеливо ждал, когда прадед продолжит свою речь.

— Понимаешь, Юл, наше бессознательное, наши внутренние боги, если выражаться словами твоих соплеменников, в некоторых отношениях умнее нас самих и знают больше, чем мы. И внутренние боги твоей подруги прекрасно понимают, что высыпать останки в воду, уничтожить реликвию вовсе не означает рассеять суеверия, как надеялся Вир Златорукий. Да и если когда-нибудь между байкерами начнется война, то вовсе не из-за чаши мифического Скальпеля. Также аврамиты ведут священную войну не из-за любви к Элохиму.

— Я не очень понимаю, — сказал Юл.

— Человек так устроен, — продолжил старик, — что свою алчность, свою корысть, свой эгоизм, свою трусость, свою ложь он оборачивает в обертку благопристойности. Вот ты сам подумай, чем оправдываются кочевники, когда взимают дань с податных деревень? Так заповедовал небесный конь. Они якобы грабят не потому, что присваивать чужое легче, чем создать свое, а потому, что так им велел некто на небесах, даровав право одного процента.

— Я... — Юл замялся на короткое время, — да... я согласен.

— Аврамиты ведут священные войны и обращают неверных в рабство. Никто не желает сознаться, что иметь бесправных рабов, значительно выгодней, чем трудиться самим, невольников и кормить можно меньше, а требовать с них больше. Если их станет слишком мало, не страшно, можно начать новую священную войну и захватить новых рабов. Ведь так хотят не убийцы, завоеватели или насильники, так хочет Элохим. Поэтому, если кочевники когда-то и начали бы войну, то кружка стала бы поводом, а не причиной.

— Да... пожалуй... — согласился Юл, — получается, Вир погиб зря? Он ведь думал, что всему виной кружка с прахом.

— Нет, — старик помотал седой бородой, — зря ничего не бывает. Благодаря Вирусу Златорукому, ты стал ближе к пониманию, как оно на самом деле. И, возможно, когда-нибудь, благодаря тебе, кто-то другой окажется еще ближе к истине. Так вслепую из поколения в поколение человечество накапливает опыт. Поэтому ничего не зря.

— Вы мне все растолковали, — сказал Юл, — теперь до меня начало доходить...

— Нет, — прадед Олег засмеялся, — это ты сам понял, просто не до конца еще осознал. Если бы ты не шел в верном направлении, я бы к тебе сейчас не явился... И еще, подумай над такой вещью, почему в Забытой деревне тебя поддержали те, кто по преимуществу занимается ремеслом: кузнец, ткачи и гончары?

— Я подумаю, — пообещал Юл.

— Но самое главное, знаешь ли ты, зачем тебя держат в Богополе? Почему от Хоны требуют беременности? Кто такие невесты господа, откуда они берутся? Почему все они вдовы? И вообще, почему такое особое отношение к тебе и Хоне? — старик потрепал правнука за плечо. — Ты уже знаешь ответ. Просто опасаясь сказать себе правду. Но ты должен сказать ее себе.

— Я... — цыкнув, Юл коснулся пальцами виска, — я отвечу на этот вопрос.

— Тебе и Хоне надо бежать, — сказал старик, — у вас времени до конца зимы.

— Почему до конца зимы?

— И если вы сумеете уйти целыми и невредимыми, — первопредок проигнорировал вопрос правнука, — тебе придется решать дилемму. Мало спасти десять тысяч книг, мало стремиться вверх, к знаниям, к небесам, нужно увлечь за собой остальных. Иначе тебя, не понимая, низвергнут вниз, потянут за сотни связей в грязь, в невежество. Ведь человек не может быть без связей, никто не может быть сам по себе, даже если мнит себя независимым. Чтобы увлечь остальных, чтобы тебя понимали, тебе придется ставить лестницы из фантазий о богах и демонах, тебе придется что-то взять и от кочевников, и от аврамитов. Тебе придется создавать, а не уничтожать реликвии. Дети любят сказки, и если ты не будешь рассказывать им сказки, они начнут придумывать их сами. Без сказок они не растут, а мир после Великой гибели впал в глубокое прошлое, в детство. Или родился заново. И Хону бил человек похожий то ли на отца, то ли на архиерея, то ли на тебя, потому что она чувствует, что в тебе есть нечто и от проповедника и от авантюриста.

— Но... ведь Авраам Шестой — это зло! Зло в чистом виде! — Юл закричал и тут же испугался, что кто-нибудь услышит его.

— Все спят, — успокоил парня старик. — Да, Авраам Шестой — зло. Но зло становится злом только тогда, когда ты осознаешь его. Животные не ведают зла, что бы они ни делали. А раз ты понимаешь весь ужас положения, тебе придется строить добро из подручного материала. Из зла. Тебе придется пользоваться приемами, которые используют кочевники и аврамиты, главное, всегда будь честен с собой. Что бы ты ни совершил, зло будет всегда рядом. Ты будешь вынужден использовать зло. И помни, что без опоры на других, тебе не победить. И первую опору ты уже нашел. Это Хона.

Старик помолчал и добавил:

— Чем меньше люди испытывают страхов, чем меньше на них ложится бремя несправедливости, тем меньше становится зла. Если ты посвятишь жизнь преумножению добра, пускай и используя зло — это будет настоящий подвиг.

— Все слишком сложно, — пробормотал Юл.

— Да, — согласился старик, — ты поразмыслишь о моих словах позже. Сейчас тебе и Хоне придется обдумывать, как сбежать из Богополя.

— Это очень трудно... почти невозможно...

— Начни с малого, втирайся в доверие не только к архиерею, но и к кому-нибудь пониже рангом. Потому что напролом вы сбежать не сумеете, вас поймают.

Юл тяжело вздохнул.

— Скоро придется трогаться в путь, — медленно произнес старик, растворяясь в темноте, голос его становился все тише и тише, — всякое странствие начинается с маленького шага. При должной сноровке можно обхитрить любую стражу и обойти любой дозор...

Гексаграмма 56 (Люй) — Дозор

Даже самый великий путь начинается с маленького шага

Утром Юл проснулся с тревожным предчувствием. Он не мог объяснить, что его беспокоило, но отчего-то сердце то и дело начинало гулко биться. Хона, как и положено по пятницам, сняла простыню с перины и по женской половине спустилась вниз, намереваясь отдать грязное белье в прачечную. На пути ей повстречалась Сара Девятая.

— Детонька, — сказала стареющая женщина омерзительным голосом, от которого байкерша ощутила позыв к тошноте, — позволь мне помочь тебе, я сама отнесу.

Девушка, поколебавшись, отдала простыню.

После коллективной утренней молитвы и принятия пищи, когда обитатели разошлись по рабочим местам, к молодоженам подошел кольчужник. Это был чернявый безусый юнец, возрастом, быть может, чуть старше Юла и Хоны. Авраам Шестой часто назначал его сопровождать парочку.

— Благословенный сын божий, тебя и твою кроткую супругу желает видеть наместник пророка Авраам Шестой Праведник.

Излишняя официальность — вот еще одна черта, которая первое время вызывала недоумение, а порой даже бесила. Никто из местных обитателей града божьего никогда не обращался к Юлу и Хоне как к обычным людям, по-простецки.

— Куда нам идти? — спросил младший правнук.

— К кузнице, — ответил юнец.

Юл и Хона последовали за кольчужником, и вскоре они оказались возле кирпичного дома с черепичной крышей. У входа лежали два каплана. Зверюги неодобрительно покосились на пришедших, но даже и ухом не пошевелили, когда юные супруги зашли внутрь.

В лицо полыхнуло жаром. Кузнец, грузный мужик с черной как смоль бородой, не обратил внимания на Юла и Хону, он занимался каким-то своим делом, вращал длинный стальной шест, опущенный в огонь. Пламя в горне выло, выплевывая вертикально вверх бледно-желтые с синевой лепестки. На наковальне лежал раскаленный докрасна кривой нож. В центре кузни стояли Авраам Шестой и Сара Девятая, лица их, словно вырубленные из цельного камня, были непроницаемы и оттого страшны. Женщина держала в руках скомканную простыню.

Юл, предчувствуя недоброе, обвел периметр помещения глазами. Вдоль стен стояли шесть вооруженных мечами воинов.

Что бы ни случилось, вдвоем от этой оравы не отбиться.

— Знаешь ли ты, Исаак, возлюбленный сын мой и возлюбленный сын господи, что есть такое грех Онана? — спросил пастырь.

— Нет, — ответил Юл, — мне не ведомо сие, отец Авраам. Но я и жена моя будем вам бесконечно благодарны, если вы поведаете нам об этом.

— Не лицемеришь ли ты, сын мой? — с нажимом произнес архиерей. — Не пытаешься ли ты скрыть от нас общение с растлителем душ, с самим повелителем тьмы сатаной?

Парень на миг испугался, что каким-то образом пастырь подсмотрел ночное видение и принял прадеда Олега за дьявола, но тут же отменил эту мысль как совершенно абсурдную.

— Нет, отец Авраам, — как можно кротче проговорил Юл, — я стремлюсь познать мудрость Богополя, града, что был избран самим всемогущим Элохимом.

— Господь велел вырывать языки лжецам, дабы они не соврашали правоверных лукавыми речами.

После этих слов, будто по команде, от стены отделились два воина, схватили Юла за руки и плечи и с силой опустили на колени. Хона дернулась, но парень бросил отчаянный взгляд на подругу, и девушка замерла в напряжении.

— В давние времена жил грешник Онан, не пожелавший оплодотворить жену умершего брата своего, дабы продлить род его, — Авраам Шестой надел на руку кожаную рукавицу, не спеша подошел к наковальне, взял раскаленный нож, — нечестивец Онан по наущению дьявола изливал семя свое на землю, а не в лоно жены умершего брата своего, за что был убит всемогущим Элохимом, хвала ему, милостивому и милосердному!

— Я не... не понимаю, отец Авраам...

Пастырь посмотрел на Сару Девятую, и та развернула простыню.

— Весь Богополь, весь народ избранный ожидает со священным трепетом, когда же понесет жена твоя, когда же она родит первенца, ибо это будет знак благословения божьего на следующий урожай, но ты, сын мой, не желаешь сего, — архиерей ткнул ножом в сторону простыни. — Эти пятна говорят о том, что ты, подобно богоотступнику Онану, изливаешь семя не в живое чрево жены своей, но в мертвую ткань.

Авраам Шестой поднес нож к лицу Юла.

— Я даже позволил вам целый лунный месяц предаваться омерзительным занятиям: купаться в море, в надежде, что так вы станете ближе друг другу, и ты чаще будешь познавать Ревеку.

Раскаленный металл находился всего в каких-то трех пальцах от лица парня, и кожу на щеке нестерпимо жгло.

— Я не знаю, отец Авраам... я не знаю... как это получается. Я никогда не познавал никого, кроме Хо... то есть Ревеки, и она не знала никого. Мы просто... просто неопытны. Мы грешны, но грех наш лишь по незнанию... может, оно само вытекает... мы... мы... — младший правнук, прикрыв веки, задрожал. На висках выступил пот. Его охватила паника, как тогда, когда он впервые увидел грабящих деревню байкеров, когда, вцепившись в плот, вдруг вспомнил, что не умеет плавать и когда на него мчалась целая орда выроdkов.

И так же, как и в прошлые разы, страх, достигнув пика, мгновенно обернулся железным и злым спокойствием. Юл открыл глаза и посмотрел на архиерея. Конечно же, парень обманывал предводителя аврамитов. Хона не хотела беременеть в этом мерзком осинном улье, сплошь состоящем из полоумных фанатиков и их рабов. Юл вполне разделял ее нежелание. Наверное, любое вранье — плохо, но быть честным с обезумевшим архиереем — во стократ хуже.

— Все, что мы делали, мы совершали по недомыслию, отец Авраам, простите нас грешных, ради всемилостивого Элохима, — парень говорил уверенно и твердо.

Авраам Шестой подозвал к себе еще одного кольчужника, у которого в руках оказались зубчатые щипцы.

— По делам их судите, — медленно, со значением текущего момента проговорил Авраам Шестой, — и слова твои расходятся с делами твоими. Не значит ли это, что язык твой лжив и требует урезания?

Юл ничего не ответил. В ожидании того, что еще скажет пастырь, младший правнук потупил взор. Может, сойдет за стыд или кротость?

— Кузнец, — архиерей указал на мясистого мужика, — возьмет тебя за горло и заставит рот твой извергнуть язык. Воин схватит язык твой щипцами и вытянет, а я отрежу его ножом. И это будет правый суд, ибо руку мою направит сам Элохим! Согласен ли ты, возлюбленный сын мой и возлюбленный сын божий, понести наказание за грехи свои?

— Я приму любое наказание, отец Авраам, хоть и не ведаю за что, — сощурился Юл, уставившись в глинобитный пол, — ибо кто я такой, чтобы послушаться моего господина и моего названного отца? На все воля всевышнего Элохима! Прав он всегда и во всем! Единственное, о чем я буду жалеть, это о том, что не смогу возносить молитвы вслух, но буду нем. И моя Ревека не услышит, как я восславляю господина миров, и сердце ее не возрадуется.

Архиерей схватил парня за подбородок и резко рванул вверх. Взгляды пастыря и младшего правнука пересеклись.

— Действительно ли ты так набожен, сын мой? Или ты очень хитер? Или сам сатана сейчас говорит твоими устами?

Авраам Шестой внимательно разглядывал лицо Юла, будто бы впервые увидел его, или вдруг обнаружил нечто неожиданно новое в старом, давно знакомом образе.

— На все воля господина, — парень произносил слова с трудом, поскольку жесткие пальцы пастыря деформировали его губы, — и я готов принять любую участь.

— Да, так и положено говорить отроку божьему, — архиерей убрал руку с подбородка Юла и положил нож на наковальню. — Для отца — великая радость доверять сыну своему. И я хочу доверять тебе, Исаак. А потому скажи мне, нет ли на тебе или жене твоей, Ревеке, греха, который вы скрываете? Покайтесь! И господь помилует грешных!

Юл поднял глаза на архиерея. Что он еще хочет? Может ли старый безумец знать, об украденном с поля зерне? Могли ведь послушники сделать обыск? Если так, то только правда спасет. А если нет? Тогда...

Нет, рисковать нельзя!

— Я и моя возлюбленная жена Ревека, — медленно проговорил парень, — кладем семена на стол молитв и превозносим всевышнего Элохима перед сном. Ведь зерно — это великий дар господина праведному народу. А наше племя, не знающее истины, погрязло во грехе, и потому Элохим погубил урожай неверных глупцов. И мы смотрим на семена и радуемся, и воздаем хвалу всемогущему.

Пастырь перевел строгий взгляд на Хону.

— Да, так и есть, — девушка кивнула после недолгого колебания, — мы молимся богу.

— Я этого не знал, — задумчиво произнес Авраам Шестой, — но ведь Элохим все знает и все ведает. И хитрили вы, и хитрил Элохим, а Элохим — лучший из хитрецов.

"Значит, никто не пронюхал о ворованном зерне. Значит, я сам себя выдал", — Юл,

разозлившись на себя, произвольно цыкнул.

— Где вы взяли семена? — спросил пастырь.

— Я иногда оставлял себе зернышки ржи, пшеницы, овса и других злаков, — сказал парень, — но делал это я из восхищения перед мудростью благословенного Богополя.

— И где они сейчас?

— Под кроватью. Отец Авраам, не забирайте их у нас, пожалуйста, нам с ними радостней молиться Элохиму.

Юл широко раскрыл глаза и придурковато улыбнулся. Ведь пастырь любил именно придурков, готовых уверовать в любой бред и бить земные поклоны несуществующим персонажам.

— Твои слова и огорчают меня и радуют, сын мой, — глубокомысленно заметил архиерей.

— А еще, отец Авраам, хорошо бы зерна хранить не в материи, а в чашке какой-нибудь, да хотя бы в той бронзовой кружке, что мы принесли с собой. Ведь эту кружку мы нашли случайно, а, может, и вовсе не случайно, но по предопределению. Мы нашли ее перед тем как на плот сесть, а это знак божий. Это... это... как грааль.

Юл тараторил самозабвенно и сбивчиво. Делал так он специально, доверившись собственной интуиции. Получалось, будто малолетний дурачок с увлечением рассказывает суровому проповеднику о своем проступке, который и не проступок вовсе и, тем более, не грех, а всего лишь невинное желание угодить богу.

— Грааль?.. Грааль Исаака... а еще лучше грааль Исаака Старого... звучит... — задумчиво произнес Авраам Шестой, а потом, будто очнувшись, обратился ко всем, находящимся в кузнице:

— Сегодня же я буду просить в смиренной молитве к всемогущему Элохиму о ниспослании откровения, что есть чаша сия.

— Вот, — Юл облегченно выдохнул.

— Но ваша провинность должна быть наказана, — архиерей сделал знак кузнецу и тот вынул из горна стальной шест, — ибо, даже если и по незнанию, совершили отступление от заветов божьих, все же кто-то из вас должен понести очищение болью. Скажи мне, Исаак, не вина ли Ревеки в том, что семя твое попадает на простынь, а не во чрево ее.

Парень, сглотнув тяжелый ком, взглянул на прут, на конце которого белело раскаленное тавро в виде круга с пересекающимися внутри него линиями.

— Отвечай, Исаак!

— Это моя вина. Я муж, и я главный. И мне отвечать за неведение сие, — сказал Юл.

— Нет! — резко возразила Хона. — Это все я!

В кузнице, если не считать гудения огня, воцарилась гробовая тишина. Авраам Шестой медленно переводил взгляд с девушки на парня и обратно и, наконец, решил:

— Слова жены перед словами мужа, что земля перед небом.

Архиерей почти незаметно кивнул. Кольчужники разорвали рубаху на груди парня.

— Не троньте его! — вспыхнула Хона, сжав руки в кулаки.

Откуда не возьмись сзади девушки появился воин и с легкостью подхватил ее. Хона, взвизгнув, лягнула кольчужника ногой по бедру. Тогда он с силой уронил байкершу оземь, и она затихла.

Юл было дернулся, но две пары рук крепко держали его.

— Глупая дочь! — с нескрываемой надменностью произнес Авраам Шестой. —

Элохим простит грехи ее и простит твои, Исаак. Искупление придет через боль! Славь же господа народа избранного! Господа, что вознес умму нашу над всеми племенами земными!

Младший правнук тяжело задышал, посмотрел на сияющее нестерпимой белизной тавро и кивнул. Руки кузнеца, одетые в варежки, крепко сжимали раскаленный шест.

— И помни, Исаак, ежели жена твоя не понесет в течение двух лунных месяцев, мне придется в терем ваш и следить, как ты познаешь жену свою. А ежели в течение еще одного лунного месяца Ревека не зачнет, я сам оплодотворю ее!

Кузнец сделал шаг вперед, и Юл почувствовал кожей близость раскаленного металла. Затылок его заиндевел. Парень закрыл глаза, закинул голову и громко зашептал:

— Слава тебе, Элохим, слава! Слава всевышнему! Слава ему! Слава!

А потом в грудь вошла нестерпимая боль. Парень, содрогнувшись, закричал, и тут же запредельный свет озарил его. Сияние поглотило юношу, и он увидел самого себя, стоящего на коленях на вспаханном поле. Руки крепко-накрепко связаны, сзади к нему подходит Авраам Шестой. Пастырь держит кривой, остро заточенный нож. Архиерей молится Элохиму о грядущем урожае. Пастыря и парня окружает праздная толпа. Все богопольцы от мала до велика покинули избранный град, чтобы отметить начало посевных работ...

Когда-то бог повелел пророку Аврааму Великому принести в жертву своего сына Исаака. И только в последний момент ангел отвел руку отца, готового пожертвовать во имя господа самым дорогим и любимым существом. Теперь же, после первого судного дня, Элохим прогневался на род людской и изменил свое решение. Теперь же велено приносить в жертву детей своих, дабы подтверждать любовь к всевышнему и дабы поля народа избранного всегда плодоносили.

Вот только жалко собственных детей, посему лучше усыновлять жертв. Из чужой страны. Из чужого племени. От весны до весны пусть они живут в почести, дабы потом умереть во славу господа и будущего урожая.

Авраам Шестой со словами благословения перерезает Юлу горло, юное тело опускается на рыхлую землю, и свежая кровь наполняет жадные нивы. Богопольцы вопят от восторга. К убитому подходят воины и отточенными до автоматизма движениям наносят удары, разрубают мертвеца на куски. Затем относят останки к силосной яме и скидывают туда. Дабы плоть сына божьего и сына наместника последнего пророка стала солью земли — удобрением.

Юл не спас Хону, и Хона не спасла Юла. Девушка лежит привязанная к кровати под постоянным надзором послушниц. Живот ее растет. Байкершу, когда-то гордую и своенравную, насильно кормят и подставляют утку, чтобы в случае нужды, она испражнялась в нее.

А потом Хона рождает ребенка. Из дитя получится отличный послушник или послушница, кои обитают в тереме господнем. Самой же байкерше урезают язык, и навсегда отправляют ее в дом невест господа, вдов сыновей божьих. Там она, как и десятки прошлых Ревек, обречена на рабский труд до конца дней своих. Там ее может посещать лишь сам архиерей, чтобы время от времени удовлетворить похоть. У Хоны, измученной и затравленной, нет больше тяги бороться. Мифический Элохим вполне реально деяниями фанатиков измолот в труху ее внутренний стержень. Она послушна и податлива. Она молча и равнодушно отдается пастырю или, быть может, воинам. Или кому прикажут. Или вовсе никому, просто работает как проклятая. А если невеста божья, всегда одетая в черное, появляющаяся на улице только с закрытым лицом, вдруг возжелает свободы и вздумает

сбежать из избранного града, ее поймают, уличат в связях с сатаной и отдадут на съедение капланам.

Это жестоко. Бесчеловечно. Абсурдно. Но только так и можно превозмочь свое естество, стать скотом божьим, послушной глиной в руках пастыря, пасущего народы, аки овец. Только так доказывается любовь к Элохиму, ибо верую, потому что абсурдно. А иначе это и не вера вовсе. Иначе не быть царству божьему!

Юла окатили холодной водой. Сквозь пелену он увидел бородатое лицо архиерея.

— Слава тебе, Элохим... — прошептал парень, — слава тебе...

— Хорошего отрока послал нам господь, — сказала лицо, — в новом году быть великому урожаю. Даже жалко такого...

— Слава тебе, Элохим, — Юл закрыл глаза и провалился в слепую темноту.

В следующий раз он очнулся на кровати в тереме. Рядом сидела Хона. Под левым глазом у нее чернел огромный синяк. Заметив, что муж очнулся, девушка смочила в тазу тряпку и приложила к заклеянной груди.

— Что у меня там? — спросил парень слабым голосом.

— Красное колесо с двумя перекладами... покраснение сойдет, не волнуйся...

Парень кивнул и, сделав над собой усилие, улыбнулся.

— Я не выдержу, — сказала Хона и по щекам ее потекли слезинки, — я скоро начну убивать.

— Осталось потерпеть совсем чуть-чуть, зимой или, в крайнем случае, в начале весны мы уйдем, мы в любом случае попытаемся уйти или умрем...

— Я не могу, Юл, я больше не могу притворяться. В кого я превратилась?.. посмотри на меня!

— Не плачь, не надо, — парень поднял руку и вытер слезу с щеки байкерши.

— Я не плачу, я никогда не плачу, ты же знаешь...

— Знаю, — согласился Юл, — знаю, ты сильная. И ты справишься. Осталось немного. Мы... — младший правнук зажмурился от боли, и продолжил, — мы с тобой идем одним путем, но только сейчас я начинаю понимать, что не зря... ничего не зря. Это только первые наши шаги, мы еще повоюем. Я сделаю все, чтобы не было таких, как аврамиты, и ты... ты мне нужна...

— Они принесли чашу, где был прах твоего прадеда, — Хона указала на стол молитв, где стояла бронзовая кружка, — они велели пересыпать туда зерно.

— Вот, видишь, будет так, как мы захотим, а не как они. Потому что правда на нашей стороне, и она внутри нас. Ты потерпи еще...

— Это ты терпи, — Хона улыбнулась, выжала тряпку и вновь прислонила ее к груди мужа.

Три дня спустя Авраам Шестой после молитвы объявил богопольцам, что у него было видение, что явился к нему ангел, посланник Элохима, и сказал, что бронзовая чаша, которую принес с собой сын божий нынешнего цикла, есть грааль самого Исаака Старого, из которого тот пил "вино благодравия", и что теперь чаша сия наполнена зерном и хранится в тереме господнем, как символ расположения всевышнего к народу избранному.

Отныне Юл и Хона каждый вечер выходили перед теремом и громогласно произносили молитву во славу Элохиму. И паства, послушно склонив головы, повторяла за ними. Весь этот фарс через какое-то время перестал казаться фарсом, и молодожены подловили себя на том, что мерзость и нелепость их положения стала обыденной, привычной, будто само собой

разумеющейся.

Впрочем, гораздо сложнее им приходилось по ночам. Зная, что теперь их простыни проверяются, Юл и Хона почти две мучительных недели не прикасались друг к другу, но, в конце концов, юность взяла свое.

— Я не буду рожать здесь, — шептала Хона, — я скорее убью себя, или лучше убью как можно больше этих выродков, прежде чем они убьют меня.

— Я тоже, — говорил Юл, глядя волосы девушки, — ведь это будет наш ребенок. Мы уйдем раньше...

Спустя полтора лунных месяца байкерша почувствовала первые признаки беременности. У нее не было менструации, ее слегка подташнивало, и она часто ходила в туалет.

Это очень обрадовало Авраама Шестого. Теперь к молодоженам относились с особой заботой и трепетом, будто Юла никогда не клеймили в кузнице, и воспротивившуюся насилию Хону не роняли оземь.

Байкерша понесла глубокой осенью, когда зарядили дожди. Она, вечно раздраженная, не желающая видеть опостылевшие рожи аврамитов, теперь редко покидала терем и выходила только в банный день и на обязательные молитвы, которые пастырь устраивал в любую погоду, заявляя, что дождь и холод — испытания господни, призванные укрепить веру.

Юл, наоборот, не снижал, а только наращивал свою активность. Он часто ходил в кузницу и наблюдал как привезенную из мертвого города арматуру и прочий металлический хлам перековывали в новые изделия. И несколько раз сам брался помогать кузнецу. Парень это делал не случайно. Ему удалось незаметно стащить два небольших, размером с ладонь прута. Для себя и Хоны. Юл решил, что их можно использовать как оружие.

Младший правнук приходил к гончару и следил за ловкими движениями его рук. Мерное вращение гончарного круга и чудо трансформации мертвой глины в изящные горшки завораживало, отчего-то дарило спокойствие и ничем не подкрепленную уверенность, что рано или поздно ему и Хоне удастся сбежать из Богополя.

Юл также бывал в ткацком доме, где досконально изучил устройство угловатых неотесанных станков, веретен и прялок. Часть из них были схожи с механизмами, имеющимися в Забытой деревне, часть парень видел впервые.

Когда не было дождей, младший правнук частенько выезжал за пределы Богополя, чтобы понаблюдать за тренировками воинов, посетить мельницу или просто взглянуть на посеревшее осеннее море. Его неизменно сопровождали шесть кольчужников. Юл и не думал сбегать. Да и сами охранники привыкли к спокойному нраву парня. Одно расстраивало младшего правнука: в деревню стеклодувов Авраам Шестой его так и не отпустил. Да и занимались там ремеслом только летом и весной, так что процесс превращения песка в стекло Юлу не дано было увидеть.

Впрочем, и без стеклодувен парень всегда находил себе дело. Особый интерес он проявил к высокой деревянной мельнице, расположенной примерно в трех тысячах шагов севернее Богополя. Она, открытая всем ветрам, стояла на перекрестке, каждая из дорог которого вела в один из вассальных поселков. Из Богополя и из ближайших податных селений сюда везли зерно, а обратно — муку. В Забытой деревне кукурузу мололи на зернотерке и никаких мельниц и жерновов не знали. И даже прадед Олег лишь пару раз упоминал о подобных чудесах техники. Поэтому Юл с большим увлечением принялся

изучать механизмы мельницы. Он даже какое-то время помогал мельникам в работе.

Еще на стыке осени и зимы Юл стал свидетелем крупных учений, на которых присутствовал сам Авраам Шестой. Простолюдинам и чужакам воспрещалось следить за упражнениями воинов, но сын божий был исключением. Три отряда по сорок всадников, облаченных в кольчуги, вооруженных круглыми деревянными щитами и копьями, один за другим устремлялись на условного противника.

— Велик Элохим! Велик! — кричали они, мчась на всех парах. — Смерть неверным!

Как объяснил один из седовласых воинов, первый отряд назывался "мучениками господина". Его основная задача — прорвать оборону противника, смешать строй, заставить врага запаниковать и пуститься в беспорядочное бегство. Второй и третий отряды налетали на обескураженного неприятеля и учиняли самую настоящую резню.

— А что если атака первого отряда будет отбита? — спросил Юл.

— Такого никогда не было, — усмехнулся старый ратник, — да и кто сравнится с нами? Деревенские безбожники? Они-то и сопротивляться организованно не умеют. Был, правда, один случай. Против наших восьмидесяти воинов вышли сто двадцать мужчин из большого поселка, что расположен на окраине Закатного града. Они называют себя Степными Псами. Но только конников у них было с два десятка, и мы их перемололи с первого же налета. Хорошую мы добычу тогда взяли. Теперь они рабы Богополя и добывают для нас арматуру, кирпичи и бетон из руин Закатного града.

Так через ненавязчивые разговоры Юл расположил к себе сопровождающих его воинов. Однако более всего он сблизился с Иеровоамом, тем самым чернявым безусым пареньком, что в день клеймения отвел молодоженов в кузню. Юный аврамит, державшийся поначалу официально и холодно, вскоре растаял и, когда оставался наедине с младшим правнуком, надоедал ему рассказами о своей тайной влюбленности в Иезавель, внучку предыдущего архиерея Авраама Пятого. Он мечтал о том, что прославится воинскими подвигами в новой священной войне. Ведь рано или поздно она обязательно случится. И тогда Иеровоам непременно вернется с причитающейся долей добычи и приведет рабов в Богополь. Иезавель, конечно же, обратит на него внимание, и они поженятся.

Юл чаще слушал, но, бывало, подбадривал собеседника, уверяя, что будет так, как тот задумал.

Однажды, в начале зимы, когда выпал первый снег, младший правнук подозвал к себе Иеровоама и сообщил ему по большому секрету, что ночью явился к нему некто и представился ангелом божьим и говорил, что дано Иеровоаму стать великим полководцем, и за заслуги свои будет он преемником Авраама Шестого, но только сие велел ангел держать втайне от всех, ибо иначе познает весь Богополь гнев Элохима. А в доказательство подлинности чудесного явления вестник божий рассказал Юлу об игре, в которую можно выиграть лишь благодаря молитве.

— Игры — это грех, — неуверенно произнес Иеровоам, — так Авраам Шестой Праведник говорит.

— Игра — это грех оттого, что результат предугадать невозможно, то есть через игру сам сатана являет себя людям, — важно и со знанием предмета произнес Юл, — но ведь сказано, что Элохим знает все наперед, а потому игра, которая выигрывается по молитве, и не игра вовсе, а божье предопределение.

В конце концов, младший правнук убедил сыграть юнца пару партий. Играли они так: раскладывали камешки в ряд и забирали по очереди один, два или три. Кому доставалась

последняя фишка, тот и считался побежденным. Сперва Элохиму помолился Юл, а затем без труда облапошил соперника. Перед следующей партией к всевышнему обратился Иеровоам, и Юл позволил выиграть молодому кольчужнику.

Так Иеровоам незаметно для себя подсел на игру, победа в которой определялась, разумеется, вовсе не чудотворной молитвой и не волей Элохима, а хитростью младшего правнука. Юл строго-настрого воспретил кому-либо говорить об их маленьком увлечении, иначе кара всевышнего неизбежна.

Когда наступила зима Юл и Хона приготовились мерзнуть, так как в тереме на третьем этаже не было ни камина, ни печи. К их удивлению первые морозы совсем не снизили температуру помещения, но даже наоборот — стало теплее. Оказалось, из отверстий в полу по периметру стен шел теплый воздух. Так Юл узнал о воздушном отоплении. К сожалению, из-за разделения дома на женскую и мужскую половины он не смог обследовать всю систему труб. Впрочем, и в мужской части имелось слишком много потайных комнат, куда младшего правнука не пускали.

Зима в Богополе была мягче, чем в Забытой деревне, сказывалась близость моря. Однако и здесь случались крепкие морозы. В один из снежных дней, когда завывающий ветер подымал поземку и острые льдинки впивались в побелевшие лица, Авраам Шестой выкрикивал предобеденную проповедь. Из-за непогоды пастве позволили не бухаться на колени, и люди, притоптывая, терпеливо ждали, когда же закончится речь архиерея. И если в спокойные дни аврамиты с благоговением внимали слову божьему, то сейчас — для Юла это было очевидным — богопольцы лишь делали вид, что слушают. Исключением оказался сам младший правнук. В проповеди архиерея он услышал страшное для себя и Хоны. Авраам Шестой напомнил, что буря лишь испытание Элохима и скоро она закончится, и весна, а значит и праздник жертвоприношения, уже близко.

Погода в приморской степи славится своей переменчивостью. Через неделю после бурана снег растаял и потеплело настолько, что люди снимали с себя овечьи полушубки, тулупы и валенки. Зима еще не закончилась, но запахи с полей шептали о том, что холода больше не вернутся. Это подвигло Юла на решительные меры. Улучшив момент, младший правнук подошел к архиерею и с печалью в голосе рассказал о своем сне, который беспокоит юное сердце уже много дней.

Будто он, Исаак, нареченный сын Авраама Шестого, и возлюбленная супруга Ревека молятся в поле с граалем, полным зерна. И парень делает лопатой борозду и кидает в нее семечко. А потом будто слышится чей-то голос: "Посему месяц в посте, а после праздник и рай сыну божьему".

Юл отлично понимал, что утверждения вроде: "слышал я глас божий и ангелов пение" со стороны пастыря будет воспринято с недоверием и враждебностью, поскольку в Богополе монополия на откровение с небес имелась только у архиерея, и он ревностно охранял ее. Это ведь не глупый Иеровоам, которого можно с легкостью подловить на тщеславии и неразделенной любви. Нет, здесь бить в лоб себе дороже. Авраам Шестой сам должен прийти к нужным выводам. И направлять его нужно осторожно, через смиренные и слезные просьбы. И надавить на главное: на гордыню и на то, что введение нового обряда еще сильнее укрепит власть над паствой господней...

Вечером, греясь под шерстяным одеялом, Юл рассказал Хоне о своем плане. Пастырю понравилась идея каждый день, когда солнце стоит в зените, выезжать на невспаханное поле, где молодожены будут молиться о будущем урожае.

— Он даже придумал, как это назвать: "Святой дозор", — сказал Юл, поглаживая животик супруги, который только-только начал расти. — А еще я у него мою малую боевую лопату выпросил. Правда, выдавать мне ее будут только на время обряда.

— Нас не оставят без присмотра, — возразила Хона, — мы не сможем так легко отделаться от охраны. И со своей лопатой ты не победишь целую кучу аврамитов.

— Да, — согласился Юл, — но за целый месяц хоть какой-нибудь шанс да представится.

— Этот Авраам — редкая мразь. Всем баггерам баггер. Лучше сдохнуть, чем так жить.

— Не волнуйся, — прошептал парень, — он просто глупый жестокий старик, на которого смотрят как на бога только те, кто еще глупее. А стоит проникнуть ему в голову, как понимаешь, что он пустышка.

— Я не уверена, что твое проникновение поможет, но я знаю, одно: мы или сбежим или умрем, — сказала Хона, и в глазах ее мерцала тревожная решимость.

Гексаграмма 57 (Сунь) — Проникновение

За большой промежуток времени упорная черепаха способна пройти больше, чем нетерпеливый заяц

Ури, Урал Громopodobный из клана Дэнджеров, президент клана Дэнджеров, байкер Стальные бедра и герой степных дорог родился под счастливой звездой.

Угрени, опасные ночные хищники, довольствовались, как правило, одной крупной жертвой. Гигантский сом, напавший на байкеров, по всей видимости, затащил на дно Непа Дальнозоркого. Ури не мог этого точно знать, поскольку потерял сознание.

Президент Дэнджеров, придя в себя, накрепко вцепился в перевернутую долбленку. Как он не захлебнулся, не утонул, как, гонимый волнами и течением, остался в живых, постичь разумом было невозможно. Здесь, безусловно, имело место вмешательство самого небесного стального коня Харлея Изначального. Провидение дало шанс на выживание.

Если бы Ури из-за ранения не снял тяжелую кожаную кирасу, он, скорее всего, пошел бы на дно. Значит, стоило сказать "спасибо" выродку из рыбацкой деревни.

Под утро буря потихоньку начала сходить на нет, а когда вошло солнце, море окончательно утомилось, тучи ушли далеко на запад, оставив за собой светлое чистое небо, припорошенное блеклыми перьями редких облаков. Ури подумывал отцепиться от долбленки и попробовать перевернуть ее, но мышцы ног то и дело сводила судорога. Его уносило все дальше и дальше на северо-запад. В неизвестность.

Так он проболтался в море весь световой день. Байкер совсем не боялся смерти. Ведь блажен тот, кто не умер в своей постели. Однако мучиться голодом отнюдь не прельщало. Поэтому все чаще в голову Ури приходили мысли о самоубийстве. Стоит только разжать ладони, нырнуть под воду, сделать вдох, испытать мгновенный пароксизм боли и — все. Небесные поля священного табуна с распростертыми объятиями примут воина.

"Нет, буду ждать знак, — подумал Ури, — мне нужно знать наверняка, что Харлей Изначальный не посчитает это малодушием и слабостью".

Наступила ночь — время, когда гигантские сомы выходят на охоту. Байкер мог лишь гадать, обитают ли угрени только рядом с устьем Пагуби или рыскают в поисках добычи по всей акватории моря. В любом случае нападение подводного хищника начинало казаться благом и милостью судьбы. Но, видимо, никто не желал испробовать на вкус уже не молодую человечину.

Ближе к полуночи Ури стал слышать лошадиное ржание и топот копыт. Странные звуки

приходили откуда-то сверху и были чисты и прекрасны. Байкер то и дело запрокидывал голову, вглядываясь в черное небо, усеянное миллионами огоньков. Ноги, периодически сводимые судорогой, давно уже плохо повиновались ему, а слабеющие пальцы так и норовили соскользнуть. Где-то в небесах слышался зов священного табуна. Наконец, когда в очередной раз Ури посмотрел в небо, он узрел тысячи звенящих звезд, которые вдруг потекли по широкому руслу Млечного пути, превратились в реку, через которую по Большой переправе можно перейти туда, откуда нет возврата. На противоположном берегу мерцали бесподобной синевой ворота. Они бесшумно отворились, из проема полился мягкий свет, и, кажется, в глубине его проявилась фигура небесного стального коня. Послышалось призывное настойчивое ржание.

— Я иду к вратам байкпарадаиса, — промолвил Ури и с силой оттолкнулся от перевернутой долбленки.

Пора! Пора в последний путь!

Ури, готовясь уйти в морскую бездну, отчаянно взмахнул руками, как бы прощаясь с дольным миром, и ступни его оперлись на что-то твердое. Дно. Небольшие, приятно теплые волны окатывали шею байкера. Он оказался на мелководье. Это открытие мгновенно отрезвило Ури. Он удивленно осмотрелся. Небесное видение растворилось в черноте космоса, а над горизонтом возвышался огромный темный массив.

"Суша! Суша!"

Рыкнув, Ури сделал шаг, и тут икру левой ноги пронзила очередная судорога.

— Баггерхелл! — байкер яростно забил по поверхности руками.

Он приближался к берегу рывками, медленно и неуклюже. Наконец, когда уровень воды спал ниже пояса, судорога отпустила байкера, и он, тяжело дыша, нетвердо зашагал прочь из воды.

На берегу Ури набрел на старую коряку, залез под нее и, на всякий случай, вытащив нож, забылся глубоким сном.

Ранним утром байкера разбудил жуткий голод. Ури с трудом поднялся, посмотрел вверх. На посветлевшем небосклоне тухли последние звезды. Пошатываясь, Ури вспомнил о ночных видениях.

— Рано звонить в колокола, — пробормотал он, смутно представляя, что такое колокол, так просто говорилось в судьбоносных балладах древних, — рано небо тревожить впустую... я еще поживу...

Ури осмотрелся. Берег был обрывист, и взобраться на него представлялось затруднительным. Особенно ослабевшему человеку. Байкер побрел вдоль кромки воды, надеясь найти какую-нибудь тропинку, ведущую наверх, но вместо этого обнаружил несколько кустов дикой смородины, растущих на склоне и покрытых густыми россыпями зеленых, еще не успевших созреть ягод. Не долго думая, Ури набросился на них. Жадно, почти рыча, он срывал ягоды вместе с кистями спешно пережевывал их и, не успевая как следует проглотить, принимался за новые соцветия. Наестся Ури так и не удалось, он лишь слегка притупил голод. Зато теперь ощутил боль в боку. Рана, нанесенная костяным гарпуном несколько дней назад, болезненно пульсировала. Кожа вокруг нее покраснела и заметно припухла.

— Загноение... — пробурчал байкер, — только начинается...

Когда Ури был еще подростком, его дед, Харлей Верномыслящий, рассказывал, что до Великой гибели гноящиеся раны лечили с легкостью. Но теперь любое заражение могло

обернуться летальным исходом.

Ури видел, как мучаются пораженные сепсисом, как зараза медленно, но неуклонно проникает внутрь живого организма. Покраснение вокруг зияющей дыры постепенно расширяется, кожа становится бардовой, а затем черной. Вонючая бледно-розовая сукровица также темнеет. И запахи, запахи! Сладковатые, невыносимо тошнотворные. К ним невозможно привыкнуть. Человека спасает лишь ампутация конечности. И то не всегда.

— Запускать нельзя... — Ури ускорил шаг.

Вскоре он набрел не просто на тропу или удобный подъем, а на широкую, уходящую вверх под углом, заросшую травой и небольшим кустарником лестницу. Байкер не сразу поверил собственным глазам. Он срезал ножом гумус с травяным слоем и нащупал гранитную ступень.

— Каменная лестница, уходящая в море... — тихо произнес Ури, — это же... Таган... город, откуда вышли мои предки...

Из-за посетившей его догадки байкер даже забыл о ноющей ране. Впрочем, замешательство длилось недолго.

— Я не сдохну! Нет! — твердо произнес Ури. — Такое стоит рассказать в становищах.

Байкер решительно зашагал по лестнице. Он не ошибся, наверху действительно оказался мертвый город. Здания, напрочь лишённые окон, были скрыты густо разросшейся растительностью. Ури внимательно осмотрел окрестности. Нужно было заняться самолечением и при этом найти наиболее безопасное место. Ведь, скорее всего, город давно обжило разнообразное зверье, в том числе и хищники. Поразмыслив, байкер ломанулся сквозь молодняк к двухэтажному дому, из крыши которого росло огромное ветвистое дерево.

Внутри здания Ури нашел сухую траву, собрал хворост и ветки потолще. Все это перенес в несколько ходок на второй этаж в маленькую комнатку. Здесь он с помощью кресала развел костер. Ури осторожно высунулся в окно, прошарил взглядом близлежащие кусты, посмотрел на золотистое от солнечных лучей море, перевел взгляд на одинокое облако в виде конской головы.

— Помоги мне, Небесный Харлей, — сказал он, — а не поможешь, то катись ты в баггерхелл, в самый анус адской шлюхи Радиации!

Ури, сжав руку в кулак, оттопырил средний палец. Это был древний знак негодования и бунта. Так, по крайней мере, считалось. Байкер присел возле костерка, снял арбалет и меха, стянул нательную рубаху. Из кармашка рубахи выпали свисток для отпугивания демонов и пластиковая книжица.

— А-а-а, путеводитель, — байкер открыл Канон на случайной странице, сощурился и выдал из себя:

— Про-ник-но-ве-ни-е... проникновение.

Дальше читать Ури не стал. Да и смысл? Зараза, как и говорилось в книжице, уже проникла внутрь. А исход знать наперед не хотелось.

Ури отбросил Канон и взглянул на рану. Сейчас бы воду, вскипяченную на огне! У кочевников из поколения в поколение передавалось древнее знание, что закипевшая вода убивает инфекцию. А Вир Златорукий утверждал, что спирт, который он привез из Запагубья не только хмелит, но обеззараживает. Но, увы, не было ни спирта, ни кипяченой воды, ни Вира. Приходилось обходиться тем, что есть.

Морщась и шипя от боли, Ури аккуратно срезал кожу вокруг раны, и почистил ее внутри. Кровь густо залила руки байкера. Ури накалил клинок над огнем, вставил себе в рот

палку и засунул нож прямо в центр раны.

— Ух-х-х-х, баггерх-х-х-х... — Ури перекусил палку пополам, скривившись от боли.

После трех прижиганий байкер был мокр от пота, руки его дрожали. Но он посчитал это недостаточным и опять накалил нож на костре. После четвертого раза Ури потерял сознание.

Очнувшись, он подкинул в костер веток и еще дважды прижег рану, но на этот раз не внутри, а вокруг нее. После этого Ури впал в полубредовое состояние. Обливаясь потом, он температурил, ему виделись открытые врата байкпарадаиса и чудесные поля за ними. Поля, залитые мягким светом, манили, звали старого воина, говорили о вечном отдыхе от тяжелой жизни.

— Нет, — возражал байкер, — я еще тут потусуюсь. Погодите, мне еще рано.

Ури пришел в себя на следующий день. Костер давно потух, а самого байкера мучила жуткая жажда. Зато хворь отступила.

— Выздоровел. Спасибо тебе, Небесный Харлей! — Ури, потрогав прижженную рану, поднялся, выглянул в окно.

Небо было безоблачно. Байкер с трудом надел рубаху, грязно-серую от пота и времени, положил в кармашек Канон перемен, взял нож. Арбалет он оставил в убежище, поскольку не имел к нему болтов. Нужно было где-то достать воду, а затем перекусить чем-нибудь более существенным, нежели незрелая смородина.

Ури не шел, а еле плелся. От голода и жажды его качало из стороны в сторону. Пока байкер спускался по каменной лестнице к морю, он несколько раз останавливался, чтобы пожевать листья деревьев. Оказавшись возле берега, он припал к воде и напился. Вода была почти пресной, но исключительно неприятной на вкус. Ури прекрасно понимал, что пить ее в больших количествах нельзя, но за неимением лучшего пришлось довольствоваться тем, что есть.

Обратно в город Ури поднимался с трудом, несколько раз падал и, в конце концов, подвернул ногу.

— Ох... баггерхелл! Я не сдохну! Не сдохну!

Оставшуюся часть лестницы Ури преодолел на четвереньках. Он полз сквозь густую траву, надеясь найти хоть что-то съестное. И ему повезло. Байкер вспугнул куропатку. Серая птица с тревожными криками, отогнув крыло, забилась по земле, будто раненная.

— Детишки рядом, — обрадовался Ури и извлек нож.

Действительно, вскоре выводок выдал себя пиканьем. Ури с быстротой, с какой только ему позволяла подвернутая нога, подался на звук. Куропатка закурлыкала громче и, не отставая от байкера, продолжала стелиться по траве.

— Не обдуришь, курва пернатая, — Ури раздвинул кусты и напоролся на выводок в десяток цыплят.

Птенцы, серо-коричневые в черное пятнышко, бросились в рассыпную, но байкер молниеносно среагировал и двумя резкими ударами успел посечь троих. Самка, надрывно закудахтав, вспорхнула, зацепила макушку крылом. Ури не обращал внимания на надоедливую курицу. Он отрезал голову первому цыпленку и начал с жадностью пить горячую и сытную кровь. Сделав несколько кругов куропатка, отстала от убийцы своих детей. Ведь нужно заботиться об оставшихся живых, а не о мертвых.

Одного птенца Ури съел сырым, даже не ошипав. Двух других он забрал в свое логово. Так байкер обрел свою первую пищу в покинутом городе.

Рассчитывать на постоянное везение, на то, что каждый день дичь сама собой будет попадаться на пути Ури не мог. Но и ослабленным, с больной ногой особенно не поохотишься. К тому же у арбалета не было болтов, и на их изготовление требовалось время. Толстые стрелы вырезать не составляло труда, да вот только где найти наконечники? Попробовать сделать их из камня? На это уйдет много дней кропотливой работы, а есть хотелось здесь и сейчас.

Ури смастерил множество силков из лиан, вьюнов, веток, палок и прочих подручных материалов. Они располагались на звериных тропах и деревьях. В сутки хотя бы одна зверюшка да попадалась. Кроме всего прочего Ури нашел плоды дикой вишни. Они были еще зеленые, но у байкера выбора не имелось.

Впрочем, первое время еды не всегда хватало. Однажды Ури за весь день поймал только одного маленького воробья.

На берегу моря байкер обнаружил холодные ключи, и проблема с поиском качественной воды отпала. Пару недель спустя, когда нога перестала беспокоить, Ури додумался сделать ловушку для рыбы из двух цепей плотно подогнанных друг к другу валунов, толстой, выглядывающей наполовину из воды коряки, которая разграничивала цепи, и воткнутых в илистое дно остро заточенных палок со стороны моря. Во время прилива, особенно ночью, рыба частенько заплывала на мелководье, в том числе и в ловушку, из которой вода уходила с отливом.

Ури заботился лишь о том, чтобы собрать добычу раньше чаек. С тех пор он забыл о голоде.

Ранним летом, когда на деревьях начали созревать первые плоды, байкер осознал необходимость двигаться в обратный путь. Вечерами, перед сном, он часто думал о дочуре. Где она нынче? Может, уже давно блаженствует на светлых лугах байкпарадайса? Где ее теперь искать?

В любом случае стоило вернуться в становища. Вдруг она уже там?

И тут же Ури задавал себе иной вопрос: а вдруг ее там нет? Именно поэтому байкер страшился возвращаться.

Когда-то у него была жена. Бэха Некроткая родила двоих детей мертвыми и еще два ребенка не прожили и одного оборота небесного колеса. Пятая девочка забрала у Бэхи жизнь. Хона, Хонда Молниеносная была единственной дочерью президента клана Дэнджеров. Позже Ури, конечно же, заводил романы на стороне, но чаще с вольными байкершами, похожими на подругу Вира Чезету Хмельную. Может, какая из них и родила ребенка от Ури, но уверенности в этом у байкера не имелось. Такие дети считались общими, сыновьями и дочерьми всего клана. А в последние годы Ури стал терять интерес к противоположному полу и все чаще налегать на брагу да пиво.

Хона с малых лет отличалась взбалмошностью и излишней самоуверенностью, порой граничащей с глупостью. Вся в мать. В Бэху Некроткую. Ури всегда считал, что позволяет дочери слишком много. Но не позволять он не мог. Даже в поход с собой взял в деревню за данью. Как там она называется... Тварино?

И вот теперь Хона где-то далеко. Возможно, даже слишком далеко. За Большой переправой.

Поколебавшись еще несколько дней, байкер решил покинуть обжитое логово. Предварительно он выточил дюжину болтов, насадив на них костяные наконечники. Ури пока еще не встречал хищных зверей, если не считать дикого кота, укравшего из силка белку,

но это вовсе не значило, что здесь не могут обитать рыси, волки, вердоги или леопоны. Наконечники из кости, разумеется, не отличались надежностью, но лучше иметь хоть что-то, чем вообще ничего.

Байкер не спешил. Каждое утро, собрав улов с капканов, он подыскивал себе новое жилье на шестьсот, восемьсот, иногда на тысячу шагов от предыдущего места стоянки. Выбирал он всегда узкие комнаты в еще не разрушенных временем домах. Там он баррикадировал окно и вход. Затем расставлял силки на новой территории, запасался хворостом, спускался к морю и рыбачил. Ури соорудил удочку из побега молодого дерева: сплетенного вдвое вьюна и крючка из бедра убитого кролика. Море было удивительно богато рыбой.

Часто, наловившись катранов и бычков, байкер прямо на берегу устраивал костер и жарил добычу. Потом, ближе к вечеру, он проверял силки, собирал дикорастущие ягоды и фрукты и отправлялся в новое логово, где ужинал.

Так, не торопясь, почти безмятежно, Ури продвигался к внешним границам Тагана. Казалось, он нашел рай, байкпарадайс на земле. Погода стояла солнечная, часто дул приветливый ветерок, на всем протяжении побережья то и дело попадались родники, городские заросли и море давали в обилии пищу, и при этом не наблюдалось ни одного крупного хищника.

Только на девятый день Ури повстречал настоящую опасность. Поздним утром, в поисках нового жилища он напоролся на логово демов. Случилось это неожиданно, байкер углубился в чащобу города, поставил там с десятков силков и теперь продирался назад к морю сквозь молодой боярышник, разросшийся до такой степени, что развалины зданий были практически не видны, и только высокие покосившиеся трубы, построенные древними для какой-то непонятной цели, служили прекрасным ориентиром на местности.

Неожиданно Ури вышел на открытое пространство. Перед его взглядом предстала дряхлое строение, тем не менее, не потерявшее за сто лет своей красоты. Уж для степного кочевника такое увидеть было однозначно в диковинку. Дом по бокам окаймляли башенки. Левая совсем отошла от основной постройки и в образовавшийся промежуток, пожалуй, мог пролезть ребенок. Правая выглядела получше, выцветший с рыжинкой фасад напоминал о былой пестроте. Само здание увенчивалось шестью треугольными фронтонами, под каждым из которых располагалась вытянутая арка высотой в четыре человеческих роста или даже больше. Весь дом был окружен ветвящимся кустарником с ядовито зелеными листьями в фиолетовую прожилку. Адов плющ. Он торчал отовсюду, из окон и из трещин, вился по своду арок, и даже на крыше жуткое растение тянуло искривленные ветви к солнцу.

Там, где есть эта дрянь, почти наверняка живут демы. Дневные хищники-кровопийцы, рожденные от случки похотливой шлюхи Радиации с летучими мышами.

Ури достал деревянный трубчатый свисток, спешно воткнул его в зубы. Когда-то дед байкера, Харлей Верномыслящий, спасся от крылатых бестий благодаря такой вот свистульки. С тех пор у кочевников появилось неоспоримое преимущество перед мерзкими тварями.

— Лучше обойти, — прошептал байкер.

Но осуществить принятое решение он не успел. Ветви адова плюща мелко задрожали, и черные тени, разрывая листву, взмыли вверх. Ури готовясь отразить атаку, собрался засвистеть, когда демы подлетят ближе, но стая, сделав полукруг, устремилась в противоположном направлении.

Значит, мрази напали на кого-то другого. Байкер вышел на пустырь. Бести кружили над человеком, вооруженным луком и стрелами. Это был молодой мужчина крепкого телосложения. С густой темно-русой бородой, одетый в серо-зеленую рубаху и такие же серо-зеленые штаны.

— Я иду к тебе! — проорал он и выстрелил из лука.

Стрела пронзила одну из летучих мышей, и та обрушилась камнем вниз. Тогда сразу четыре дема налетели на человека. Они успели несколько раз цапнуть его ядовитыми клювами, прежде чем мужчина поймал одну из тварей и свернул ей шею. Один укус, от силы два парализовали бы любого, но лучник и не думал обездвиживаться. Он выхватил стрелу из колчана и подстрелил очередного дема. Вторая атака летающих бестий была более сплоченной. Практически вся стая налетела на жертву. Такой наскок мужчина не выдержал и, облепленный чернокрылыми тварями, повалился.

Ури бросился на помощь. Подбегая к месту сражения, он во все легкие задул в свисток. Демы яростно заверещали, взметнулись вверх. Байкер засвистел еще раз. И еще. Наконец, твари сдались и отступили, попрятались в доме, заросшем адовым плющом.

Лучник приподнялся, посмотрел мутным взглядом на спасителя.

— Зачем... — с трудом вымолвил он.

— Ты отчаянный чувак, на демонов в одиночку, без свистка, — Ури помог сесть мужчине.

— Зачем? — повторил тот, и лицо его искривилось гримасой страдания.

— Как ты еще базарить можешь? После стольких укусов ты протекторы должен отбросить. Ну, или без движения пару суток быть в лучшем случае.

— Противоядие...

— Противоядие? — переспросил Ури. — Против укусов этих тварей есть лекарство? Я так понял?

Лучник не ответил. Закатив глаза, он повалился на бок.

— Э-э-э, не сдыхай, — запротестовал байкер и похлопал лучника по щекам.

Ури еще не нашел место для новой ночевки и, как назло, вокруг, кроме логова демонов, не было ни одного целого здания. Блуждать же с парализованным на плечах в поисках безопасного места среди зарослей боярышника и колючей сливы представлялось совершенно бесперспективным занятием.

Байкер сделал прощ. Он оттащил лучника к морскому побережью, благо то находилось всего в каких-то трехстах шагах, а сам с удочкой принялся рыбачить, зайдя по колено в воду.

Ури понимал, что ничем не поможет, а зря терять время не хотел. Люди порой умирали от передозировки яда демонов, но чаще приходили в себя. Расчет байкера оправдался. Через какое-то время он услышал:

— Почему ты не ловишь сетью?

Ури повернулся. Лучник сидел на щебне и рассматривал пяток пойманных рыбешек.

— Как-то не подумал.

— Я разведу костер, пожарю бычков. Ты не против?

— Не против.

Так Ури познакомился с лучником. Тот представился весьма пространно: "Степан, Пантелеев сын, Васильев внук, знахарь племени Степных Псов".

— Степан — это от слова "степь"? — спросил Ури.

— Нет, это одно из имен, которое люди носили до Судного дня.

После рыбалки Ури и Степа уселись возле костра.

— Так ты из племени Собак, то есть Псов? — задал вопрос Ури, пожирая очередную рыбешку.

— Видишь, — знахарь указал на татуировку собачьего носа, выступающего из-под пышной бороды, — такую у нас делают всем после обряда посвящения.

— И чего ты полез на демонов?

— Так у вас называют чернокрылов? Хотел умереть.

— Умереть... — байкер усмехнулся, — и перед самоубийством наглотался противоядия.

— Это получилось неожиданно. Я не собирался умирать, просто мне нужен был яд чернокрылов, из него я делаю снадобье.

— Что? Снадобье из яда?

— Да. Просто в последний момент накатило такое отчаянье, что вышел из засады и пошел на открытый бой, — знахарь отвел взгляд, ковырнул костер прутом и, устремив взор в морскую даль, продолжил:

— Ты странник ничего не знаешь о местных порядках. Мы не свободное племя. Мы уже почти как пятьдесят весен вассалы Богополя. Есть такое место в двенадцати тысячах шагов отсюда и в девяти тысячах от моей деревни. Там живут те, кто поклоняются кровавому богу Элохиму. Они покорили с дюжину селений, в том числе и наше. Они величают нас рабами рабов божьих, людьми Закатного града. Так богопольцы называют этот город. Каждую весну они приносят в жертву своему богу юношу, чтобы поля плодоносили. Перед жертвоприношением от него должна зачать девушка, невеста господня. Когда эта девушка рождает, ей урезают язык и отправляют в заточение. Когда я был еще подростком и мне не нанесли татуировку на левую щеку, мою старшую сестру забрали в такие невесты.

Степа запнулся. Он собирался с мыслями и силами, чтобы продолжить рассказ. И Ури не перебивал знахаря.

— Где-то месяц тому назад, я отправился в степь за горицветом, он как раз начинал осыпаться, и пришло время, чтобы его срезать. И тогда вдаль я увидел бегущую женщину. Это была Зина, моя сестра. Я уверен, что это была она. Я не видел ее больше десяти весен. Но я узнал ее. Я так обрадовался... А потом я увидел скачущих всадников. Шесть всадников. Они всегда ездят шестерками. Но она все равно бежала. Знала, что ее догонят, спотыкалась, падала, поднималась и продолжала бежать. Она... она хотела увидеть родное племя. Или, может, скрыться в городе. Город большой, одиночку здесь трудно найти... не успела она... не успела...

Голос Степы дрогнул, глаза увлажнились. Он сделал глубокий вдох и заговорил:

— Она хотя бы попыталась сбежать, хоть так она бросила вызов Богополю. А я трусливо прятался в кустах, пока ее избивали нагайками. Связали и увезли. Я рассказал об этом отцу, а отец лишь вздохнул и налил мне браги. Мол, давай помянем. И все! Все!!! Помянем и забудем, потому что за попытку бегства — смерть.

Степа, покачав головой, вытер глаза.

— Но так было не всегда. Мой прадед пал сорок девять весен назад, защищая родное племя. Тогда погибли семь десятков лучших мужей. Мой дед сгинул в первом восстании сорок одну весну назад. Моего дядю казнили, когда подавили второй бунт тридцать весен назад. Ему тогда не исполнилось и пятнадцати. С тех пор мы покорились. И мой отец. И мы, его дети. И дети его детей тоже будут покорны. Только не мои. У меня нет ни сына, ни дочери, я не хочу плодить рабов. Но самое главное то, что я, когда пошел на чернокрылов,

выкрикнул, что иду к сестре. А я не попаду к ней. Потому что трусам не место в одном ряду с достойными.

Степа замолчал. Он с ненавистью следил за мерно накатывающими одна за другой волнами, будто море было виновно в его злоключениях.

— Почему бы вам не замутить третью бучу? — спросил Ури.

— Бесполезно. Когда мы были свободными, наше племя насчитывало почти четыреста человек. Теперь нас вместе с женщинами, детьми и стариками только две с половиной сотни. Мы можем выставить восемьдесят мужчин. А Богополь — в три раза больше, не считая союзников. Они вооружены мечами и копьями, защищены кольчугами, а мы... — знахарь пожал плечами. Нам запрещено носить оружие. Кроме мотыг, тяпок и топоров.

— Тогда почему бы вам просто не уйти в другое место? Взять и смыться.

— Не так это легко, — возразил Степа, — что такое уйти со всем скарбом, с детьми, со скотом? А еще за нами следят. Нас нагонят через сутки-двое.

— Странно для меня это, — сказал Ури, — моему клану сорваться с места ничего не стоит. Вы оседлые. Но тогда возьми и уйди сам. Детей ведь у тебя нет.

— Не могу, — знахарь горько вздохнул, — в каждом вассальном селении есть наместники и их прихвостни. Каждое утро и каждый вечер они пересчитывают людей. Если кого-то не хватает, и он не найдется в течение недели, ближайший родственник сбежавшего будет казнен. За убитого воина казнят пятерых, за наместника и приближенных к нему — десятерых.

— Да уж, хреново, — сделал вывод байкер, — они с вас дань берут, а еще каждую весну детей режут.

— Не совсем так. Деревни отдают своих сыновей и дочерей по очереди. Получается примерно раз в двенадцать весен. А в этом году ни одному селению не пришлось отдавать кровавую дань. Недавно был шторм и, говорят, к берегу прибило лодку чудного вида с юношей и девушкой. Их-то Богополь и взял в оборот.

— Что! — щеки Ури загорелись огнем. — Повтори, что ты сказал! Буря принесла пацана и девчонку? Их что, порешили?

— Нет, их принесут в жертву только следующей весной.

— Баггерхелл! Они захомутали мою дочуру! — Ури вскочил с места. — Показывай мне, где стоит этот долбаный Богополь, я иду к ним, и ни один сраный баггер меня не остановит.

— Постой! Постой! — знахарь поднялся и примирительно вытянул руки ладонями вперед. — Ты говоришь, там может быть твоя родная дочь?

— Да! Да!!! Ты глухой? Йенг тебе в уши!

— Тебе не о чем волноваться до следующей весны. С их головы не упадет и волосок. Им будут давать лучшую пищу, одевать в лучшие одежды, их будут почитать за детей бога и одновременно за детей архиерея, правителя Богополя.

— Я не могу ждать! Не могу!

— Но с чем ты пойдешь? С ножом и этим... самострелом? Я потерял сестру, и я помогу тебе, сделаю все, чтобы ты не лишился дочери.

— И как же ты это сделаешь? — байкер скривил снисходительную гримасу.

— Я пока не знаю, но вместе мы придумаем, у тебя почти год времени. Я узнаю получше, что да как. Ты поможешь мне, научишь быть сильным, ведь ты сильный! А я помогу тебя, я знаю местность и знаю снадобья, тоже чему-нибудь да научу. Это будет

честный обмен.

Ури слегка успокоился, взглянул с грозным прищуром на Степу:

— Они точно никого не зарежут и никому не вырвут язык до следующей весны?

— Клянусь своими предками, павшими за свободу, что так!

— Лады! — Ури присел возле костра. — Пусть будет по-твоему: честный обмен.

Гексаграмма 58 (Дуй) — Обмен

Если хочешь чего-то достигнуть, бери и достигай!

По совету Степы Ури вернулся на одну из предыдущих стоянок.

— Здесь рядом промзона, — говорил знахарь, указывая на длинные покосившиеся трубы, возвышающиеся над чащобой, — а богопольцы собирают с нас дань стройматериалами и металлом. Ненароком нарвешься на Степных Псов. Тебя они вряд ли тронут, но слухи поползут, дойдут до наместника или соглядатаев. Это нам ни к чему.

Байкер поселился возле бухты в виде большого правильного прямоугольника. Чуть далее от нее из валунов и колышков он построил новую ловушку для рыб. Собственно говоря, существование Ури мало чем отличалось от той жизни, что он вел последние полтора месяца. Байкер охотился и рыбачил. Однако теперь он занимался и другими делами. Беспокоясь за судьбу дочери, он все чаще заглядывал в Канон перемен и пытался прочитать не просто первое слово гексаграммы, но хотя бы несколько предложений. Получалось это с превеликим трудом.

Степа приходил раз в несколько дней. Чаще бывать он не мог, поскольку занимался сбором трав, лечением хворых, а иногда вместе с соплеменниками поиском новых залежей металла, оставшихся от древних.

Ури объяснил знахарю устройство свистка: какой тот должен быть длины, какого радиуса и сколько иметь прорезей, чтобы получалась нужная тональность, отпугивающая демонов. Степа же в свою очередь раскрыл секрет противоядия. Изготавливалось оно из нескольких компонентов, одним из которых, к удивлению Ури, оказался яд самих летающих тварей.

— Это не только противоядие, но и лекарство, — говорил знахарь, — именно поэтому мы не уничтожаем колонию, а только убиваем нужное число, чтобы чернокрылов не становилось слишком много.

— От чего же оно лечит? — спрашивал Ури.

— От простуды и от болезней легких. А если выпарить с подорожником, то получается неплохая мазь для заживления ран, в том числе и гноящихся. Мы поставляем мазь в Богополь. А яд можно использовать при охоте, чтобы обездвиживать добычу. Главное помни, яд чернокрылов в сочетании с вином или брагой не парализует, а убивает.

Ури и Степа устроили охоту на демонов. Теперь, благодаря свистку, не нужно было сидеть часами в засаде, чтобы подстрелить тварь, а потом ждать наступления ночи, чтобы забрать тушу. Набив с десятков бестий, компаньоны, устроившись на берегу бухты, занялись извлечением яда.

Знахарь принес металлическую пластину, найденную в промзоне. Ее он установил на четыре камня примерно одинаковой высоты. Пока Ури разжигал под пластиной костерок, Степа отрезал демам головы.

— Ядовитые железы у них находятся под глазами и чуть сзади, — пояснял он, — у чернокрыла внутри клюва, есть сток для яда. Мы отрезаем половину клюва, чтобы яд легче выходил и вскрываем череп.

Знахарь ловко проделывал операции над головами демонов и бросал их на пластину.

— Когда яд начинает сочиться и подкипать, засыпаем пластину тонким слоем толченной рыбьей кости. Держим до появления резкого запаха, затем соскребаем получившееся марево с голов и пластины. Вот тебе и исходный компонент для снадобья и противоядия. Но он все еще остается ядовитым. Кинь щепотку в вино и отравишь человека, а кинешь в воду, просто отключишь на время.

Несколько дней спустя компаньоны продолжили работу. Знахарь принес небольшой металлический котелок, высушенные морские водоросли, чеснок, кору осины и еще какие-то травы, о которых Ури даже не слышал, несмотря на то, что всю жизнь прожил в степи. Они устроили костер на том же месте, где выпаривали яд. Только теперь — варили снадобье. Когда ближе к вечеру лекарство было изготовлено, Степа поделился им с Ури, а также в небольшой мешочке передал ядовитый порошок.

— В щепотку капаешь воду и натираешь им оружие, нож, наконечники стрел, но только лучше не руками, а с помощью листьев или травы. Очень помогает в борьбе с крупным зверем. Главное, успеть его хотя бы один раз пырнуть или пробить шкуру стрелой. Зверь вскоре вырубится. Держится на металле три недели, потом стоит обновить.

— Я оставляю яд пока нетронутым, но тебе спасибо, — сказал Ури, — я тебя вот о чем хочу спросить, если вы добываете металл из старых домов, можно будет сварганить лезвие для боевого топора? Мою старую секиру похоронил угрень во время бури. Такая большая рыбина, может, видел?

— Видел, — подтвердил Степа, — мы называем его подводной рысью. Ты говоришь о металле. Мы сдаем его под счет. Конечно, утаиваем кое-что, но выковать лезвие где-нибудь в городе, а не в кузне, мы не сможем.

— Послушай, вам запрещены акинаки, то есть мечи, копья, но ведь топоры-то разрешены. А секира — это тот же топор, только немного другой формы.

Знахарь задумался на несколько мгновений, потом сказал:

— Мой двоюродный брат работает в кузнице. Я договорюсь с ним. Он сделает два лезвия.

— Два, — удивился Ури, — мне хватит одного.

— Еще одно для меня. Ты ведь воин. Научишь меня драться на топорах.

Байкер ухмыльнулся, взял тростинку и принялся рисовать на песке:

— Лады! Тогда принимай заказ. Смотри: лезвие должно быть выпуклым, ну... вот примерно так. Его длина как моя ладонь и еще два пальца. Ширина где-то такая же. Нижний край лезвия вытянут на три... нет, лучше на четыре пальца. Шейка пусть будет в четыре пальца. Можно и в три сделать, но пусть будет в четыре. Проушину сделаешь вот такой формы под хорошее такое древко. Обух в три пальца и остро заточен, как и лезвие... все вроде. А, да, еще носок. Не нужно его вытягивать в пику, но пусть будет вот такой, чтобы охамевшему баггеру хоть в битве, хоть на допросе можно было под бочину ткнуть для пущего понимания.

— Я запомнил, — сказал знахарь, — думаю, у нас получится незаметно выковать секиры. Только не торопи. К осени ты получишь свое.

— А я тем временем найду хороший ясень, — Ури довольно крикнул, — заготовки под топорища тоже нужны. И еще, ты можешь сделать наконечники на болты для арбалета?

Степа, немного поколебавшись, кивнул:

— Сделаем, и так много металла уйдет, но есть нычки. Кузнец найдет недостающее.

Ведь у меня и у него общие прадед и дед, а значит, и общая ярость.

Наконечники были готовы к середине лета, а в начале осени знахарь, как и обещал, принес лезвия. Ури сделал из них две превосходные секиры.

— Теперь я снова чувствую себя президентом клана Дэнджеров, — удовлетворенно произнес он, когда в первый раз взмахнул смертоносным оружием.

Отныне знахарь приходил к Ури упражняться бою на топорах. По неопытности Степа предложил проводить тренировочные поединки, но байкер отказал ему в этом.

— Это тебе не акинак, — говорил он, — махание секирой быстро утомляет, управляться ею тяжело, может так случится, что пойдет в ту сторону, куда ты не хотел ее направлять. Нет, так и покалечиться недолго. До весны научу тебя простым ударам, тычкам и зацепам. Этого тебе хватит сполна, чтобы оттяпать башку любому ублюдку.

Сначала, под пристальным наблюдением байкера, Степа отработывал удары, водя секирой по воздуху, затем тренировался на деревьях, срубленных на высоте роста взрослого мужчины. Знахарь отличался невероятным упорством. Ни осенние ливни, ни ветер, ни kloкочущее негодованием серое море не могли остановить тренировок. Он рубил, пинал, наносил обманные удары, разучивал движения в любую погоду. Вся злость, вся жажда мстить за сестру и за предков обрушивались на ни в чем не повинные пни и колоды, и Ури нравилось усердие ученика.

— Все хорошо, — говорил он, — но это не дело, нужна плоть, чтоб ты ощутил, как в нее входит лезвие.

Однажды байкер ушел слишком далеко от своего логова и подстрелил сайгу, которую среди кочевников называли также "лесной овцой". На следующей тренировке перед Степой на толстой ветке висела неразделанная туша.

— Вот враг, — сказал байкер, — давай-ка, отведай его крови!

Степа рубанул сверху вниз по диагонали. Лезвие с хлопом и хрустом вошло на всю глубину в бок сайги.

— И тут перед тобой появляется второй враг, — Ури указал на дерево, — убей и его.

Степа дернул рукоять, но только качнул тушу. Лезвие глубоко увязло в мясе и ребрах животного. Знахарь снова рванул древко на себя. Секира слегка поддалась, и только с третьего раза он освободил оружие.

— Второй враг убил тебя, — заключил Ури, — рубишь ты хорошо, удар поставлен прилично, и все же ты проиграл. В битве с несколькими врагами надо рубить не на всю длину лезвия, а вершком на его половину или того меньше, чтобы завалив одного ублюдка, тут же схватиться с другим.

Степа кивнул в знак понимания.

— Лады! — Ури покровительственно ухмыльнулся. — Сегодня у нас будет день задушевной болтовни и обеда. Я пойду, разведу костер, а ты пока поупражняйся в разделке лесной овцы. Руби ее, но так, чтобы лезвие не застревало.

Вечером байкер и знахарь устроили пир в длинном одноэтажном сооружении, скрытом от посторонних глаз в зарослях орешника. Крыша постройки сохранилась только на треть, но от накапывающего дождя защищала.

— Мясо жесткое, — заметил Ури, подкидывая хворост в костер, — тебе уже пора, наместник не досчитается.

— Не хочу сегодня никуда, — Степа устало вздохнул, — утром приду. Скажу, что охотился на чернокрылов. Подстрелил одного и ждал ночи, чтобы забрать, да только тварь

уползла куда-то. Никто кроме меня не знает о свистках.

— Как ты только терпишь эту хрень! — байкер покачал головой. — Может, когда я освобожу дочуру, поедешь с нами? Ты не похож на бычье, ты не должен подчиняться баггерам.

— Нет, — сказал знахарь, — за это заберут жизнь отца или одного из младших братьев.

— Что там слышно, кстати, о моей Хоне?

— Говорят, нынешние дети господни чудны своей кротостью и богобоязненностью. Из-за этого в следующем году в Богополе ждут великий урожай.

— Что-то не похоже на мою дочуру, — задумчиво произнес Ури, — ты точно уверен, что это она, а не какая-нибудь другая деваха?

Степа пожал плечами:

— Я слышал это от наместника. Отрок и девица, прибитые бурей, поражают своим смирением и любовью к Элохиму. Так и сказал, передаю слово в слово.

— Скоро зима, — байкер поднес руки к костру, — а там и весна. Мне нужно что-то придумать, чтобы попасть в этот ваш Богополь.

— Я думал об этом, — сказал Степа, — напрямую не прорвешься. Есть у меня идея. Тебя нужна кольчуга и облачение воина. Тогда ты сможешь доехать до Богополя без особых вопросов.

— И где ж ее достать? Снять с наместника? Так ты сам говорил, за это десять твоих соплеменников порешат.

— Три раза в году из Богополя к нам приезжают повозки за металлом. Иногда чаще. Но три обоза — это обязательная дань. Один из таких обозов приходит перед праздником жертвоприношения. Мы можем напасть на караван, и ты возьмешь облачение одного из убитых.

— А ты дерзкий, — Ури расхохотался, — и сколько бойцов охраняют повозки?

— Шестеро. Раньше было восемнадцать, потом стало двенадцать. А теперь только шесть воинов. Тридцать весен уже никто не восстает. Люди Богополя разъезжают по дорогам безбоязненно. Это их дороги, — знахарь тяжело вздохнул и добавил. — А мы их рабы.

— Вдвоем против шестерых, — задумчиво протянул Ури, — опасная задумка. Они ведь не какие-то кегли с бугра и даже не выродки из Запагубья, они умеют сражаться.

— И еще. Там будут три раба. По одному на каждую повозку. Их придется тоже убить, — Степа взглянул на байкера с напряжением и болью. — Даже если там окажутся Степные Псы. Свидетелей не должно остаться.

— И не жалко тебе своих? — медленно спросил Ури.

— Жалко, — Степа перевел взгляд на потрескивающий костер. — Мой народ и так умирает, потому что раб не считается человеком. А быть живым скотом страшнее смерти. Я знахарь, и мне ведомо, что порой приходится отрезать конечность, чтобы спасти остальное тело.

— Я тоже это знаю, — сказал Ури, вспомнив о ране, которая при промедлении наверняка убила бы его.

— Ладно, — отмахнулся Степа, — это я так. Скорее всего, там не будет Степных Псов. Богопольцы не любят нас, считают слишком строптивыми. Главное другое, засаду устроим подальше от моей деревни. Нападем на обоз возле селения Сурви. Пусть их покарают за смерть воинов.

— Кто такие Сурви?

— Наши предки, по преданию, называли себя выживальщиками, и после Судного дня, поселились на том месте, где сейчас стоит наша деревня. Какое-то время десять-пятнадцать весен, к нам стекались выжившие. И тогда случился раскол: большая часть утверждала, что незнакомцев стоит принимать в свои ряды, но было и меньшинство, которое выступило решительно против этого. Лишние рты — лишние проблемы, так говорили они. В конце концов, несогласные отделились от нас, ушли на другое место, на морское побережье и назвались Сурви, а если точнее — Истинными Сурви. А мы стали Степными Псами, в честь собак. Ведь они всегда помогали людям выживать.

— Ты суров, — сделал вывод Ури, — за раздор, который был чуть ли не сто оборотов небесного колеса назад, готов подставить под нож... сколько там за убитого воина?.. шесть на пять... тридцать... да, тридцать человек. А ведь они почти ваше племя, только другой клан. Как у нас, у байкеров, семь кланов, но одно племя.

Степа покачал головой:

— Восемьдесят весен назад между нами случилась война. Сурви совершили набег на нас, но мы их разбили. Потом заключили вечный мир и разделили территории, мы получили право рыбачить на море. Больше они не пытались воевать, потому что Степные Псы были многочисленней. Богопольцы с самого Судного дня жили с нами рядом. Поначалу они казались мирными, потом стали нападать на соседей. Когда они собрались походом против нас и предъявили ультиматум, мы предложили Сурви забыть обиды и объединиться в борьбе. Те согласились, но в день битвы не вышли сражаться. Они провели за нашими спинами переговоры с Богополем, покорились без боя. И позже Степные Псы поднимали два восстания, а Сурви молча наблюдали, как нас избивают. И моего дядю, пятнадцативесеннего мальчишку, четвертовал не богополец, а человек из Сурви. Так они доказывали свою лояльность новой власти.

— Что ж... лады! — Ури ухмыльнулся. — Пусть сдохнут три десятка недоносков. Бычьё на то и бычьё, чтобы страдать за косяки баггеров.

С наступлением холодов Ури пришлось сжигать больше дров, и чтобы не выдать свое присутствие дымом, он переселился подальше от тех мест, где Степные Псы рыскали в поисках металла. С собой он перетащил орехи, сушеные абрикосы и яблоки, а также вяленое мясо, заготовленное осенью. Байкер нашел одноэтажный домик в неплохом состоянии, в котором в некоторых окнах даже сохранились стекла. Он облюбовал комнатку, пробил в стене несколько дыр и обогревал ее по-черному. В соседних помещениях Ури устроил дровяной склад, кладовую и мусорку.

Степа стал появлялся реже.

— Раньше я мог сказать, что ищу редкие травы, теперь все сложнее, — так знахарь объяснял свое долгое отсутствие.

Впрочем, байкеру скучать было некогда, с помощью костяных игл, из жил и шкур животных он сшил себе теплую накидку. Получилось бесформенно и неудобно, но это было лучше, чем ничего. Запасы продовольствия быстро истощались, и потому Ури частенько ходил на охоту.

Степа теперь всегда приходил со своей едой. Сперва наперво он сообщал свежие новости, затем брался за секиру и упражнялся до изнеможения. Потом байкер и знахарь заходили в дом, где, перекусив, сидя на шкурах, под треск костра детализировали план нападения на обоз или просто болтали о разных мелочах, об обычаях и преданиях своих

племен, об интересных и не очень случаях из жизни.

Зима возле морского побережья была мягче, чем в степи. И все же Таган дважды брали в тиски крепкие морозы, дважды снег засыпал логово Ури, дважды море покрывалось ледяной коркой.

В один из ненастных дней, когда яростная метель бросалась на стены древнего дома и закидывала ветхую крышу тяжелыми сугробами, так и норовя обрушить ее, Ури, скучая, извлек из кармана Канон перемен и открыл его наугад. Осилив почти страницу, он с удивлением обнаружил, что читает намного лучше, чем раньше. Прошлой весной буквы с трудом складывались в слога, которые в свою очередь в упор не желали превращаться в осмысленные слова. А теперь он, о чудо, одолел несколько абзацев в довольно короткий срок.

— Был бы Вир жив, я бы его удивил, — пробормотал байкер. — Степа упражнялся в секирном бою и неплохо поставил удар, а я занимался грамотой и... читаю... провались все в баггерхелл!.. надо же, читаю...

Холода закончились неожиданно. Снега сошли за неделю, превратив твердую землю в грязевую жижу, и потеплело насколько, что Ури перестал напяливать на себя громоздкую накидку из шкур. Еды оставалось мало, а из-за подтопления охотиться было довольно-таки проблематично. Байкера начал тревожить голод. Впрочем, Ури был уверен, что не пропадет.

— Кору жрать буду, но не сдохну, — бурчал он, — я еще не освободил дочуру и не рассказал о странствиях в становищах.

Появился Степа. Он принес еду и, главное, важную весть.

— Через семнадцать дней придет обоз, — сказал знахарь, — я больше не появлюсь до самого дела. В деревне я скажу, что собираюсь пополнить запас яда и пойду охотится на чернокрылов. Ты за сутки до нашего дела убьешь двух или трех чернокрылов, чтобы я мог их предъявить и тем самым доказать, что был в городе, а не сражался с богопольцами.

От услышанного, несмотря на мучавший голод, Ури перестал жевать ржаную лепешку:

— Слава Небесному Харлею, наконец, я услышал от тебя то, что давно хотел услышать!

— Я приду на рассвете. Встречаемся возле высокой трубы, построенной древними. Она отстоит где-то в семистах-восьмистах шагах на закат, если идти от гнездовья чернокрылов.

— Я понял, о каком месте ты говоришь, — сказал Ури, — я буду там с вечера с тремя тушами демонов.

— Мы пойдем обходными путями, чтоб нас не увидели мои соплеменники. И нам придется идти очень-очень быстро, а, может, и бежать, чтобы устроить засаду к полудню. Учти это, Ури.

— Меня бегом не испугаешь, — байкер хохотнул, — или ты хочешь сказать, что я стар для бега?

— Возраст всегда дает о себе знать...

— Э-э-эх! — Ури пнул Степу кулаком в плечо и рассмеялся. — Когда-то ты хотел начинать обучение с поединка на секирах. Смотри мне, наприсишься, и я тебе его устрою! Окропишься собственной кровью.

Гексаграмма 59 (Хуань) — Окропление

Глупо останавливаться на достигнутом, не достигнув возможного

Теперь байкер каждое утро делал насечки на специальной доске, чтобы не перепутать день, когда должен прийти обоз. Неделю спустя подтопление сошло практически на нет, грязь во многих местах высохла, и Ури снова свободно охотился. Теперь он сам то и дело

тренировался с секирой, представляя перед собой тех ублюдков, которые посмели держать в плену родную дочуру.

Однажды, проснувшись и поставив семнадцатую насечку на доске, Ури плотно позавтракал, натер клинок ножа и наконечники болтов ядом демонов, положил в суму, наскоро сшитую из шкур, куски недоеденного мяса и остатки сушеных фруктов, в последний раз обошел свое обиталище. Он покидал навсегда этот дом и этот город, но в жилище еще какое-то время будут заметны следы человеческого пребывания. В одной комнате остались кострище и шкуры, в другой — неиспользованные дрова, аккуратно сложенные возле стены, третья была кладовой, а четвертая — для мусора. Ури даже почувствовал грусть от расставания с домом. Впрочем, предвкушение битвы и встречи с дочурой, желание вновь оказаться в степи и поведать в становищах о своих странствиях быстро рассеяли неуместную печаль. Байкер, захватив арбалет и две секиры, двинулся в путь.

Придя к логову демонов, Ури с помощью отпугивающего свистка довольно-таки скоро подстрелил трех тварей. Правда, один раз он промахнулся, и болт ушел в кусты адова плюща, растущего на крыше. Достать его не представлялось возможным. Ближе к вечеру Ури обнаружил кроличью нору и подзапасся свежим мяском. Когда начинало темнеть, он продрался через побеги боярышника к ветхому зданию, расположенному рядом с высоченной трубой. Пробравшись внутрь, Ури развел костерок и поужинал. Он не баррикадировал помещение и опасался рысей, которых несколько раз замечал. Зверь хоть и не большой, но бесшумный и опасный. Однако никто ночью его не потревожил.

Ранним утром появился Степа.

— Готов? — спросил Ури, вручая знахарю одну из секир.

Степа выглядел сосредоточенным и, пожалуй, даже чересчур серьезным.

— Время не ждет, — отрывисто произнес он, — сегодня Степные Псы не будут работать ни в поле, ни в городе. По городу мы пойдем проторенными дорогами. В степи придется сделать большой крюк, чтоб не попасться на глаза.

Забрав увесистую связку из туш демонов, знахарь спрятал ее в схрон у стены здания, посмотрел на байкера взглядом полным напряжения и пошел прочь от трубы. Ури последовал за ним.

Сначала Степа не спеша пробирался сквозь чащобу. Затем, выйдя на широкую улицу, он зашагал быстрее, потом еще быстрее, и еще, и, наконец, перешел на бег.

Байкер не отставал от знахаря. Они пробегали квартал за кварталом. Иногда, когда дорогу преграждали слишком густые заросли кустарника, компаньоны сбавляли темп, и тогда у Ури была возможность отдохнуть.

Но когда они, наконец, покинули город и, преодолев небольшой лесок, вырвались на степные просторы, байкер узнал, что такое настоящий бег. Очень быстро Ури выдохся и стал отставать он напарника. Степа заметил это, остановился, подошел к байкеру и протянул ему меха с водой. Согнувшись и тяжело дыша, Ури отрицательно покачал головой.

Знахарь стал чередовать бег с быстрым шагом, и байкер, негодующий на собственную дыхалку, кое-как вошел в ритм.

К тому времени, когда компаньоны достигли цели, солнце стояло в зените.

— Не опоздали? — спросил Ури, отпивая из меха и глядя на поросшую полеглой прошлогодней травой дорогу, по правую сторону от которой, если идти на запад, шла степь, а по левую раскинулась чаща.

— Не опоздали, — сказал Степа, — свежих полос от колес нет. Главное, чтоб

свидетелей не было. В тысяче шагах отсюда, — знахарь махнул в южную сторону, — на берегу моря стоит селение Сурви. Если бы не деревья, мы бы его увидели.

— А что если они выйдут встречать хозяев? — байкер подозрительно огляделся.

— Не выйдут, преграждать дорогу обозу запрещено.

— Лады! — в предвкушении жесткой зарубы, Ури осклабился. — Тогда все делаем, как договаривались.

Компаньонам пришлось ждать. Солнце опустилось на треть, прежде чем вдали показались повозки, запряженные четверками быков, каждой управлял безоружный возница. Как и предполагал знахарь, караван охраняли шесть мечников. На головах их красовались шеломы со шпилями. Два воина ехали впереди каравана, два сзади и два по бокам.

Степа преградил дорогу обозу. В левой руке он держал лук, на правом плече висел колчан со стрелами. Сзади, под ногами в траве пряталась секира. Когда караван оказался на расстоянии десяти шагов знахарь поднял руку:

— Добрые господа, умоляю вас остановиться во имя всемогущего Элохима! Я обязан сообщить вам важную весть.

Степа медленно опустил руку. Резкие движения были сейчас ни к чему. Обоз остановился. Два воина с удивлением и негодованием окинули взглядом наглого селюка. Один из них, пышнобородый и чернобровый, произнес со стальной суровостью в голосе:

— Смерд, как ты смеешь стоять на пути священного каравана, который послан самим архиереем?

— И почему у тебя лук и стрелы? Разве вам позволено иметь при себе оружие, кроме ножей и малых топоров? Или может ты, тупая деревенщина, решил сразиться с кем-то из нас? — громко и насмешливо произнес второй кольчужник. Был он пухлолиц и курнос. Волосы на его лоснящихся щеках торчали безобразными клочками.

Воины совсем не насторожились. Уже три десятилетия никто не оспаривал власть Богополя, восстания и бунты остались в прошлом. И случайный, или даже неслучайный, встречный вовсе не казался опасным.

— Я знахарь племени Степных Псов, — сказал Степа, — сам наместник мне дозволил носить лук и стрелы, и я никогда бы не осмелился встать на вашем пути, благородные господа, если бы не важная весть о событии, которое может ожидать вас.

Степа отвлекал воинов, он не смел смотреть туда, где к арьбергарду из двух конных кольчужников подкрадывался Ури.

— Что за событие? — нетерпеливо спросил пышнобородый.

Правая рука была опущена, в левой — лук, колчан — за спиной. Слишком долгие мгновения должны пройти, чтобы выхватить стрелу, вставить ее в тетиву и выстрелить. Колчан — на виду. Знахарь будто бы непроизвольно дернул плечом, и богопольцы перевели взгляд с лица Степы на стрелы, звякнувшие в футляре.

Знахарь отвлекал кольчужников, чтобы те не заметили Ури, а колчан притянул внимание авангарда, чтобы они не увидели пальцы правой руки, нащупавшие и ловко вытащившие стрелу из длинного заднего кармана на бедре.

— Это очень важное событие, — сказал Степа и скорчил нелепо смешную, испуганную гримасу, — очень важное, поверьте, славные господа! Я бы никогда не посмел преградить вам дорогу, если бы не...

Пухлощекый хохотнул. Его явно забавлял безмозглый селюк.

— Не томи, говори! — рывкнул пышнобородый. — Или ты очень пожалеешь!

— Это событие, самое важное для любого, — вытянув шею, знахарь, изображая безумца, вытаращился, а руки его начали сближаться, — называется СМЕРТЬ!!!

Степа вскинул лук, и стрела со свистом вошла в лицо пышнобородого. На миг в глазах пухлощекого отразилось удивление. Он не поверил в происходящее. Такого просто не могло быть. Селюки — трусы и рабы, никогда он не видел их сопротивляющимися, потому что родился уже после последнего восстания. Видел робко перечачими и юлящими, но быстро ломающимися, если на них хорошенько надавить, но чтобы так, в наглую выстрелить в воина господня...

Степа выхватил из-за спины вторую стрелу, надеясь прикончить и пухлощекого, но тот уже вышел из ступора, потянул поводья на себя, хлестнув лошадь ногой по крупу. Кобыла встала на дыбы, и стрела угодила ей в грудь.

Степа отступил на два шага, рука вновь потянулась к колчану. Лошадь, получив изрядную порцию яда, стала заваливаться, но воин, проявив чудеса ловкости, соскользнул со спины парализованного животного и приземлился на ноги. Прежде чем пухлощекый обнажил меч, знахарь выпалил в третий раз. Никогда еще в жизни Степа не проявлял подобные чудеса скорострельности, но быстрая стрельба отнюдь не подразумевает точность. Стрела застряла в кольчуге богопольца, в левом плече. Ухмыльнувшись, пухлощекый вырвал ее и сломал.

Знахарь отступил на шаг, выхватил из травы секиру.

— Тупая деревенщина, — выцедил сквозь зубы пухлощекый, — я буду убивать тебя очень-очень медленно.

Ури напал на арьергард одновременно с компаньоном. Два всадника, всматриваясь, что за идиот посмел преградить дорогу обозу, находились практически рядом друг с другом. Подкравшись к неприятелю сзади, Ури, мысленно попросив прощения у Небесного Харлея за убийство четвероногих байков, широко размахнулся и отрубил копыто ближайшей лошади и тут же с разворотом вокруг себя обрушил лезвие на круп второй. Обе кобылы буквально взревели от боли и ужаса, и, рухнув, как подкошенные, придавили собой хозяев. Первый кольчужник так и не успел ничего понять, боевой топор снес ему полголовы. Второй воин, попытался вытащить меч, но его нога была накрепко зажата в стремени под бьющейся в конвульсиях лошадью, что не позволило быстро обнажить оружие. Ури проломил ему переносицу остро заточенным обухом.

Два богопольца, находившиеся в середине обоза, не сговариваясь, развернули лошадей и помчались к более сильному противнику — к байкеру. Ури воткнул секиру в землю, скинул с плеча заряженный арбалет, и, почти не целясь, выстрелил. Толстый болт, проломив кольчугу, вошел под сердце воина. Из шести охранников в живых оставалось теперь только двое. Шансы практически уравнились.

Практически.

Ури, откинув арбалет и вновь схватившись за боевой топор, забежал за телегу, поднырнул под нее, вылез с другой стороны. Богополец, подстегнув лошадь, объехал телегу. Не желая сражаться с конным, байкер вновь поднырнул под нее.

Ури проделал данную операцию несколько раз, пока кольчужнику не надоели игры в кошки-мышки, и он не спешил.

— Я убью тебя и так, — сказал воин спокойным, слегка насмешливым тоном, — вылазь, трусливый сын грязной блудницы!

Ури вышел навстречу неприятелю:

— С какого хрена ты меня убьешь, скутерастина помойная?

— Потому что Элохим велик!

Богополец был, пожалуй, того же возраста, что и Ури, но только выше и стройней. Аккуратно подстриженная борода, тонкий крючковатый нос в сочетании с презрительным прищуром, сквозь который пробивался острый орлиный взгляд, привлекали особой, нестандартной красотой.

— Да, неужели? Сегодня ты отправишься в баггерхелл, красавчик. Прямо в объятья адской шлюхи!

Губы кольчужника искривились в снисходительной улыбке, он поднял меч и категорично, впрочем, без особого фанатизма, отчеканил:

— Элохим велик! — а затем провел первую ложную атаку.

Степа выкладывался на полную. Он опробовал все удары и их комбинации, что разучил за последние девять с небольшим месяцев. Он рубил в направлении бедра, корпуса или шеи противника, тут же с накрута обрушивал секиру с противоположной стороны, и сразу же пытался зацепить лезвием меч богопольца. Но пухлощекий будто забавлялся со знахарем, то и дело подраживая:

— Давай-давай, тупая деревенщина. Давай-давай...

Богополец скользил по лежалой траве, кружась в причудливом танце, лишь изредка нанося несерьезные, дразнящие удары, и Степина секира постоянно опаздывала, рассекая воздух там, где только что, мгновение назад, находился противник. Знахарь начал уставать. Движения его замедлились, пот заливал глаза, мышцы рук гудели, но лютая ненависть заставляла вновь и вновь поднимать боевой топор и с хрипом устремляться в очередную безрезультатную атаку.

Наконец, пухлощекий, решив, что достаточно измотал неприятеля, неожиданно сблизился на короткую дистанцию, рубанув по косою сверху. Степа подался чуть вперед, блокировав меч богопольца еще на стадии замаха. Тогда пухлощекий с силой оттолкнул от себя знахаря, сделав подножку. Не удержавшись, Степа упал в траву. Он успел подняться на одно колено, прежде чем меч воина господня с яростью обрушился на древко секиры и перерубил его. Степа остался без боевого топора, однако у него и в мыслях не было сдаться или пуститься наутек. Ненависть не позволяла. Он, встав на обе ноги, вытащил нож.

Пухлощекий засмеялся:

— Тупая деревенщина, сперва я отрублю тебе кисти рук, потом — ступни. А затем, если мне понравится, как ты будешь умолять меня о скорой смерти, я смилостивлюсь и не вспарю тебе живот, а сразу обезглавлю.

Степа, отступив на несколько шагов, лишь крепче сжал нож.

Секира Ури ни разу не пересеклась с мечом воина с орлиным взором. Красавчик то и дело проделывал финты, пускался в стремительные ложные атаки и так же проворно отступал. Ури пытался достать ублюдка, но лезвие секиры находило лишь пустоту. Очень скоро байкер сообразил, что противник просто напросто изматывает его. Что ни говори, а воинам Богополя стоило отдать должное. Красавчик знал силу боевого топора, и подставляться под него без щита с одним мечом явно не собирался. Взять измором — такова была его тактика.

Вытерев пот со лба, Ури просверлил богопольца злым взглядом. Тот лишь криво усмехнулся и констатировал:

— Элохим велик.

Сплюнув, байкер замахнулся для нового удара.

Осклабившись, пухлощекий медленно надвигался на Степу.

— Смирись, деревенщина, будь тем, кто ты есть на самом деле: рабом, как и все твои предки. Становись на колени и начинай умолять меня о скорой смерти. Я добрый, может, прощу твою дерзость и не буду долго мучить.

Степа, не зная, что ему предпринять, нехотя отступал. Бой проигран. Но страшна была не смерть, а возмездие, которое учинят богопольцы. За убийство четырех воинов казнят двадцать Степных Псов. Из-за него казнят.

Пухлощекий сделал еще пару шагов и вдруг отвратительная улыбочка мгновенно сползла с его лица. Рука с мечом сама собой опустилась. На лбу выступила испарина, а взгляд, преисполнившись нечеловеческим ужасом, помутнел. Стрела, застрявшая в кольчуге воина, лишь оцарапала его плечо, и потому парализующий яд подействовал с большой задержкой.

Богополец попытался вернуть контроль над телом, но руки и ноги его лишь конвульсивно подергивались, пальцы бессильно разжались, и меч выпал в траву.

Степа подошел вплотную к врагу, заглянул ему в глаза:

— Мои предки не были рабами, они погибли, сражаясь. А на колени сейчас встанешь ты.

Знахарь чуть надавил на плечи пухлощекого, и тот послушно опустился на колени.

— Я злой, — сказал Степа, — и умолять меня не надо! И умирать ты будешь очень-очень медленно. Будешь истекать кровью, и чувствовать это.

Знахарь двинул богопольца ногой в грудь, и тот повалился наземь тряпичной куклой. Степа поднял меч, двумя неумелыми ударами отрубил кисть правой руки. Затем то же самое проделал с левой.

Ури не тратил зря силы. Теперь он экономил на каждом ударе, не спеша работал секирой. Это создавало впечатление, что байкер устает. Еще немного, и красавчик без особого труда одолеет противника. С хрипом выдохнув, Ури рубанул наотмашь, и его повело влево. Ухмыльнувшись, богополец сделал ложный выпад. Байкер шарахнулся от меча, поскользнулся и чуть не упал.

Ури тяжело дышал. Зарывав, он сделал последний отчаянный рывок, нанес пять или шесть подряд сокрушительных, но слепых ударов в пустоту и окончательно выдохся. По крайней мере, байкер надеялся, что красавчик именно так и думает. Полусогнувшись, кусая губы, с опущенными плечами, Ури затравлено смотрел под ноги неприятелю.

И богополец купился. Вскинув меч, он ринулся на байкера. Ури молниеносно ушел с линии атаки, пропустив красавчика мимо себя, провел зацеп за шлем и резко дернул в направлении своего движения. Богополец рухнул навзничь с рассеченным лбом. Байкер мгновенно развернулся и со всей силы обрушил секиру на поверженного врага. Красавчик с залитыми кровью глазами подставил меч под удар, но было поздно. Лезвие боевого топора, пробило защиту, проломило кольчугу и раздробило грудную клетку.

— Ну и где твой баггерский бог? — Ури, кряхтя, не без труда вытащил из убитого секиру.

Знахарь тем временем, подобрав лук, согнал с повозок перепуганных до смерти возниц, построил их в ряд. Первый обозник был примерно Степиного возраста, маленького роста, с густой смоляной шевелюрой, но жиденькой бородкой, которая подрагивала. Вторым

оказался высокий седобородый старик с изуродованным оспинами лицом, он глядел на Степу обреченным, полным тоски взглядом, глаза его, синие как небо, слезились. Третий крестьянин в нелепой, изъеденной молью шерстяной шапке, непонимающе зыркал по сторонам и то и дело шмыгал приплюснутым, скошенным набок носом.

Степа внимательно осмотрел щеки возниц.

— Ты и ты, — знахарь ткнул в коротышку и старика, — вы оба из Сурви. У вас в бороде прячется рысь. Трусливо прячется, потому что вы сами трусы и подонки.

Ури подошел к компаньону, присмотрелся к пленным. Действительно, на правых щеках у двоих из них были вытатуированы кошачьи головы.

— Каково быть предателем? — резким движением ножа Степа вскрыл коротышке шейную артерию.

Темная струя прыснула на одежду мужичка, и тот, схватившись за горло, начал медленно оседать.

— Он еще молод, но ты, — Степа схватил старика за грудки свободной рукой, — ты видел, как убивали моего дядю. Ведь видел же! Вас всех согнали на казнь! Пятнадцативесеннего мальчишку четвертовали ваши люди по приказу Богополя. Может, это ты сделал? Ты? Отвечай!

— Нет, — хрипло произнес старик, и глаза его загорелись, — не я. Но если бы мне приказали, я бы это сделал. Потому что жизнь людей моего племени дороже. За отказ поплатились бы наши мальчишки.

— Харэ! — прикрикнул Ури. — Просто убей его, у нас мало времени!

— Мы не побоялись выйти против Богополя, а вы трусливо переговаривались за нашими спинами, — Степа оттолкнул от себя старика, — мы дважды поднимали восстание, а вы были палачами! Это тебе за павшего прадеда!

Знахарь наотмашь хлестнул старика ножом. Обозник, пошатнувшись, схватился за лицо.

— А это тебе за моего деда, убитого в первом восстании! — зайдя сзади, Степа полоснул старика по спине, тот упал.

— Я сказал, харэ! — рявкнул Ури. — Убей его! Просто убей!

— А это тебя за моего дядю и мою сестру! — знахарь воткнул нож в бедро обозника и прокрутил его.

Старик, вскинув голову, закричал. Ури, выругавшись, схватил секиру и обухом перебил обознику шейные позвонки.

— Ты погубишь все дело! Их деревня совсем рядом, сам говорил!

— Прости, я не сдержался, — в глазах Степы плясало безумие.

Свершившаяся месть опьянила знахаря, как крепкое вино дурманит голову подростка, впервые дорвавшегося до алкоголя. Степа, зло улыбаясь, извлек из ноги убитого нож, перевел взгляд на последнего возницу.

Мужичонка посмотрел на капли крови, крапающие с клинка, и заговорил дрожащим голосом:

— Я не из Сурви, я из Сухого Самбека, из северных владений Богополя. Мы всего-то с пяток лет как под архиереем.

— Ты не виноват, — согласился Степа, — но ты свидетель. Мы убили шесть воинов, если архиерей узнает, кто это сделал, казнят тридцать Степных Псов.

— Я никому не скажу, честно, — затараторил мужичонка, — никому, честно!

— Скажешь, — возразил знахарь, — ты еще не представляешь, какими пытками из тебя

это выбьют.

— Но я не... не... — мужичок запнулся, шмыгнул перекошенным носом и вдруг пустился наутек.

Степа стянул с плеча лук, вынул из колчана стрелу, прицелился и выстрелил. Стрела попала мужичку в затылок и, раздробив кадык, вышла с другой стороны.

— Я никогда не был так счастлив! — вымолвил Степа и истерически захохотал, — никогда! Это прекрасно! Прекрасно! Что может быть прекрасней смерти врага!!! Ведь меня теперь ничто не держит! Нет больше ограничений!

Знахарь снова засмеялся, но байкер прервал веселье компаньона хорошей затрепачкой:

— Успокойся, мать твою за ногу! Ты загубишь все дело! Съедешь с катушек, считай — пропал! Успокойся, ты ведь получил то, что хотел!

Степа, прикрыв веки, сделал два глубоких вдоха.

— Да ты прав, — кивнул он, — я сорвался. Я должен успокоиться. Ведь цель еще не достигнута. Цель — уничтожить Богополь. Я затаюсь, и буду ждать столько, сколько нужно. Нельзя останавливаться на достигнутом.

— Вот и славно, а теперь надо по быстренькому прибраться, — Ури окинул взглядом поле битвы, — вытащишь все стрелы из жмуров, чтобы на тебя не вышли. И секиру свою не забудь. А я пока поменяюсь одеждой с кем-нибудь из бойцов. Вот с тем чернобородым, он вроде схож по комплекции. И голову ему надо отсечь, чтоб не опознали. Голову я где-нибудь по дороге выкину.

Степа кивнул.

— Ну, и поздравляю тебя, — сказал Ури, хлопнув компаньона по плечу, — впервые ты окропил руки кровью своих врагов. Это важный день в жизни каждого бойца, важнее, чем первая кружка браги и первый перепих с чиксой.

— Когда-нибудь, — лицо Степы перекошило, — пускай даже через пять, десять или тридцать весен, я окроплю свои руки снова. Кто теперь меня остановит? Кто ограничит?

Гексаграмма 60 (Цзе) — Ограничение

Высшее проявление внутренней свободы — это умение распознать нужный момент

Ровно за месяц до праздника жертвоприношения архиерей снарядил торжественное шествие к священной поляне, что находилась за речкой почти в двух тысячах шагов от стен Богополя. Впереди на белых жеребце и кобыле ехали Юл и Хона, за ними следовали Авраам Шестой, Сара Девятая и главные послушники с хоругвями, а позади конников ползла длинная пешая процессия, состоящая из напевающих гимны и славящих Элохима разномастных людей. По бокам ехали воины в полном снаряжении: в кольчугах и шеломах, с мечами на боках и длинными копьями в руках.

На поляне — Юл догадался, что именно здесь во славу господу ему перережут глотку — молодожены, преклонив колени, воздали молитву всевышнему. Парень сделал борозду малой лопатой и бросил крохотную щепотку зерна в землю. Затем, после коллективного песнопения, процессия, точно гигантская змея, развернулась и лениво поползла обратно в свое логово.

— Так мы никогда не сбежим, — шептала Хона поздней ночью, лежа на перине и прижавшись к Юлу.

— Это только в первый раз так, — успокаивал ее парень, поглаживая порядком подросший животик, — посмотришь, завтра людей будет меньше.

Младший правнук оказался прав, в следующую ходку на поляну сопровождающих

действительно поубавилось. А потом и вовсе с ними выезжали шесть воинов и кто-нибудь из высшего духовенства: Авраам Шестой, Сара Девятая или один из старших послушников. Но Юл все тянул с побегом.

— Я видел, как упражняются воины, — говорил он Хоне, — мы не одолеем шестерых. Нужно ждать. Терпи, у нас еще есть время.

— Я хочу на свободу, я не буду рожать среди баггеров, — говорила байкерша.

— Если мы поторопимся, мы никогда не освободимся, мы погибнем, — возражал парень, — надо все рассчитать и выждать удобный момент.

Но удобный момент все никак не наступал. Прошла неделя, за ней вторая, а потом — и третья, и вот пришли последние дни перед праздником жертвоприношения.

— Если ты не решишься, я сделаю это сама, — говорила Хона, — просто рвану на байке куда глаза глядят, и будь что будет!

— Хорошо, — согласился Юл, — если в течение трех дней ничего не изменится, мы так и сделаем.

— Если... если... если... — девушка тяжело вздохнула и отвернулась от мужа.

Утром на голову молодоженов свалилась неожиданная новость. Юл встретил Иеровоама.

— Знаешь, что произошло? Такого уже тридцать лет не было! Сегодня с тобой поеду только я, Сара Девятая и еще два воина господня, — юный аврамит говорил полусшепотом, опасаясь, что его кто-нибудь услышит.

— Что случилось, Ров?

— На священный караван, который ехал к Закатному граду за данью, напали безбожники и убили шесть воинов господних и трех рабов рабов божьих.

— Вот это да! — Юл от удивления цыкнул. — А кто это сделал?

— Не знаю, — Иеровоам пожал плечами, — люди Закатного града божатся, что не они, и наместник подтверждает, что никто не покидал деревню. Поэтому Авраам Шестой, да благословит его Элохим, собирает всех воинов, разобьет их на отряды и во главе их прочешет западные владения, чтобы найти безбожников.

— А кто будет охранять Богополь?

— Послушникам выдадут оружие, а мы быстренько съездим на священное поле, помолимся и быстренько назад.

Юл открыл было рот, чтобы задать еще один уточняющий вопрос, но Иеровоам, махнув рукой, затараторил:

— Мне пора, мне пора, потом поговорим, а то мне выговор сделают...

После утренней молитвы Авраам Шестой объявил о том, что некие безбожники посмели покушаться на караван всевышнего, и Элохим покарает их руками воинов господних. Юл и Хона переглянулись. Наступал момент истины.

Никогда еще Юл не видел возле дома молитв такого количества всадников. Суета приготовлений воистину завораживала. В глазах воинов мерцали огоньки удалой радости. Сегодня они стали охотниками. Целых три десятилетия у них не было повода повеселить себя настоящей войной. Никто не смел бросить вызов Богополю. Последнее завоевание пяти лет назад обошлось и вовсе без крови. На севере, в двадцати тысячах шагов от столицы, деревня на речке Сухой Самбек подчинилась без сопротивления. И вот впервые со времен последнего восстания Степных Псов случилось нечто экстраординарное: шесть воинов господних были убиты среди бела дня. Кольчужники настолько привыкли к покорности

податного населения, что сопровождали обоз без щитов и копий, с одними легкими мечами. За что и поплатились, отправившись в рай на винные берега в окружение прекрасных гурий.

Не имелось ни капли сомненья, за сие злодеяние умрут тридцать недругов. Как и положено по законам возмездия с пытками на глазах у близких и родных, а также с компенсацией в виде рабов, наложниц и товаров.

Только лицо Иероваама омрачала печаль. Юнец ехал на скучное задание: сопровождать безобидных и удивительных своей кротостью Исаака и Ревеку, нареченных детей архиерея и господа бога.

"Тебе тоже будет весело", — подумал Юл, помогая беременной жене сесть на белую кобылу.

— Действуем по плану номер три, — шепнул он на ухо Хоне.

Байкерша, нежно потрепав лошадиную гриву, улыбнулась уголками губ.

Армия в двести с лишним воинов покинула Богополь через западные ворота, Сара Девятая, три кольчужника, каплан и молодожены отправились в противоположном направлении.

— Нужен ли зверь на священном поле? — спросил Юл Сару Девятую, с опаской поглядывая на большую пятнистую кошку, вносящую неприятный элемент случайности в детально разработанный план бегства за номером три.

Стареющая женщина улыбнулась омерзительной улыбкой, какая бывает только у религиозных фанатиков, глубоко посаженные глаза ее мерцали темной радостью:

— Лев господень, детонька, заменяет трех воинов, а нас всегда сопровождали шестеро.

Приехав на место, Юл, Хона, кольчужники и жена архиерея спешили. Священное поле представляло собой небольшой, размером примерно сто на сто шагов, участок земли. Уже как век каждую весну его засевали рожью. Землю здесь никогда не оставляли под паром, и, тем не менее, плодородность ее не снижалась. Авраам Шестой утверждал, что сие есть чудо господне и подтверждение праведности народа избранного, но Юл из рассказов прапрадеда Олега и односельчан об утраченных зерновых культурах знал: рожь не требует севооборота. Попробовали бы они из года в год выращивать на священном поле кукурузу, вмиг бы истожили почву.

Юл и Хона вышли на середину поля. Парень держал малую лопату, девушка — бронзовую кружку с зерном. Молодожены опустились на колени. Младший правнук сделал вид, что собирается молиться и вдруг схватился за живот. Поднялся и, полусогнувшись, со взглядом полным стыда обратился к жене архиерея:

— Матушка Сара, мне неловко говорить об этом, но позвольте отойти вон в те кусты.

Лицо женщины вытянулось в недоумении. Подозрительно сощурившись, она спросила:

— Тебе приспичило во время молитвы к всевышнему Элохиму?

— Я еще не начинал молиться, — Юл широко открыл глаза, — но скрутило, мочи нет. Я быстро, матушка Сара, иначе как же, на священном поле. Грех это перед господом, а так, быстро все сделаю, и помолимся.

— Ох уж эти детоньки, — мышцы на лице Сары расслабились, она улыбнулась, отдала приказ Иеровааму и седоусому воину:

— Ты и ты, идите с сыном господним.

Хона осталась стоять на коленях спиной к Саре, кольчужнику и саблезубому каплану. Она поставила на землю кружку с зерном и из левого рукава аккуратно вытащила остро заточенную арматуру длиной с ладонь.

Когда Юл и два сопровождающих его воина оказались за кустами, парень попросил:
— Славные воители Богополя, отвернитесь, пожалуйста.

Иеровоам не удержался, с уст его слетел смешок, за что он тут же получил подзатыльник от седоусого. После того, как кольчужники отвернулись, парень, не снимая штанов, сел на корточки и принялся кряхтеть. Он потрогал лезвие, убедился, что лоток по-прежнему остро заточен, затем бесшумно поднялся и произнес скороговоркой:

— Сейчас-сейчас, славные воители, еще немножко.

Иеровоам вновь прыснул смехом. Седоусый, стоявший чуть ближе к Юлу, ткнул чересчур расшалившегося юнца кулаком в спину.

Младший правнук взял лопату, у самого основания черенка, будто это был нож, в два шага оказался возле седоусого, резким движением поддев пелерину, оттянул ему голову и молниеносно вспорол горло. Воин, прежде чем повалиться, издал громкий булькающий звук. Откинув малую боевую лопату, Юл выдернул копье из рук падающего и приставил его к кадыку оглянувшегося Иеровоама.

— Тихо! — скомандовал младший правнук. — Ров, я даю тебе шанс уйти с нами. Ты не плохой, не такой, как другие. Повернись ко мне, бросай копье и подними руки.

Иеровоам торопливо выполнил приказание.

— Что ты наделал! — прошептал он, губы его дрожали. — Ты грешник. Элохим отправит тебя в ад...

— Вы хотели принести меня в жертву, — перебил юнца Юл, — думаешь, я не догадался?

— Но это счастье, умереть во славу господина. Ты попадешь на винные берега, и сотни красавиц окружают тебя...

— А если бы тебя захотели принести в жертву?

— Я бы согласился, — Иеровоам закивал головой, — согласился. Нельзя перечить Элохиму! Иначе не попадешь в рай.

— Послушай, вы считаете, что главный над всем Элохим, у нас в деревне молятся Божьей Четверице, а в племени Хоны, которую вы называете Ревекой — небесным коням. Нет истины наверху, она здесь на земле, в нас! Остальное — лишь выдумка, чтобы подчинять глупцов.

— А разве ты и Ревека не...

— Нет, мы из разных племен, мы вам врали целый год.

— А как же игра, в которой по молитве побежда...

— Это уловка, я позволял тебе выигрывать.

— Это грех... — с трудом вымолвил Иеровоам.

— Нет времени на болтовню, Ров! — Юл крепче сжал копье. — Я даю тебе выбор. Или ты становишься на колени, заводидь руки за спину и даешь связать себя, и мы бежим из Богополя, или ты умираешь. Решить нужно прямо сейчас!

Иеровоаму только что предложили непостижимое. Как можно скрыться от Элохима? Ведь он вездесущ и всезнающ. Но и умирать, по правде говоря, не хотелось. Он не познал еще ни войны, ни женщины, а ведь истинно верующий в своей жизни должен убить хотя бы одного неверного и оставить потомство. Из глаз чернявого юнца выступили две крупные слезы.

Хона терпеливо ждала. И когда со стороны кустов послышался подозрительный булькающий звук, байкерша схватилась за живот и завопила:

— Ой, больно как! Там внутри ребенок бьется! Больно! Помогите мне встать! Помогите, скорее!

Кольчужник, не колеблясь, подбежал к беременной. Опершись на руку аврамита, Хона поднялась и неожиданно с разворота всадила арматуру в кадык воина. Тот, отшатнувшись, захрипел и упал навзничь. Хона, проявив чудеса ловкости, схватила копье только что убитого богопольца и направила его на Сару. Каптан, зарывчав, поднялся и встал между байкершой и хозяйкой.

— Детонька, ты что? — растерянно произнесла Сара Девятая.

— Я тебе не детонька, старая сука! — прошипела Хона. — Вы хотели принести в жертву моего Юла, а мне отрезать язык, а моего ребенка сделать мерзким баггером, таким же, как вы сами!

Сара, прикрыла веки, скрестила руки на груди, и, видимо, ощущая поддержку дрессированного хищника, быстро овладела собой, перейдя в наступление:

— Блудливая тварь, как ты посмела убить воина господня! За это гореть тебе в геенне до скончания времен! Разве ты не знаешь, что от гнева Элохима нельзя укрыться!

— В степи твоего Элохима никто не знает! — огрызнулась байкерша. — Там чтят Харлея Изначального и Ямаху Первородную!

Сара вновь прикрыла веки, развела руки в стороны и преобразилась. От гнева на ее лице не осталось и следа.

— Послушай меня, дочь господня, — заискивающе сказала женщина, — разве ты не знаешь, что у Элохима тысяча имен, но он один? И если тебе угодно называть господина Харлеем, называй, нет в этом греха. Раскаившиеся будут спасены. А потому даже убийство воина господня простится тебе, если искренне будешь молить о прощении...

— Я не раскаиваюсь, — процедила сквозь зубы Хона, — вы хотели зарезать Юла, а меня оставить без языка!

— Но если Харлей, — Сара развела руки в стороны, — я буду называть всевышнего Харлеем, как называешь его ты, так вот, если Харлей потребовал бы от тебя принести ему в жертву родного сына, разве ты посмела бы отказать своему богу?

— Если мой бог велит мне убить своего ребенка, значит, это не мой бог! — отчеканила Хона, переводя взгляд с Сары на каптана и обратно.

Жена архиерея прикрыла веки и снова преобразилась. Глубоко посаженные глаза ее утонули в черной тени надбровных дуг, крючковатый нос будто истончился, а жестокие губы искривились в беспощадной усмешке:

— Что ж, детонька, ты сама выбрала свой путь. Гореть тебе в геенне, и будь проклят весь твой род!

Сара Девятая подняла костлявую руку и указала на Хону дрожащим от ярости пальцем:

— Лев господень, сожри грешницу!

Саблезубая кошка, тряхнула гривой и подобралась для прыжка.

Юл посмотрел в глаза плачущему юнцу. Сердце уколола жалость к, пускай глупому и наивному, но все же не плохому парню. Пожалуй, он ничем не хуже друга Темерки. И родись Иеровоам не в Богополе, а в Забытой деревне, они могли бы стать близкими товарищами. Делились бы секретами, болтали бы о девчонках, упражнялись бы бою на малых лопатах, работали бы вместе в кузнице или еще где-нибудь. Однако проблема заключалась в том, что Ров родился не в Забытой деревне.

— Я не могу, — сказал, всхлипывая, Иеровоам, — лучше умереть и попасть в рай, чем

сбежать и бояться гнева Элохима, и страшится часа суда.

Младшему правнуку подумалось, что юнца не стоит убивать, он сейчас небоеспособен и вряд ли сумеет помешать бегству. Но Иеровоам тут же помчится в Богополь доложить начальству о случившемся. Юнец трепещет перед всевышним и архиереем. Нет, нужно выиграть время, чтобы подальше уйти от осинового гнезда.

— Тогда прости, Ров, я не могу иначе! — Юл безжалостно выкорчевал ростки сострадания, пустившие корни в его душе, и надавил на древко. Наконечник почти без сопротивления вошел в горло юного аврамита.

Когда Юл выскочил из кустов, он увидел лежащего навзничь, подергивающего ногами воина и Хону, наставившую копьё на Сару Девятую. Парень побежал. Жена архиерея вскинула руку и приказала каплану напасть на байкершу. Юл, не сбавляя темпа, метнул малую боевую лопату. Та, просвистев по дуге, вошла в спину саблезубой кошки почти на всю длину лотка. Каплан, взревев, резко отпрыгнул вбок и, забыв о жертве и хозяйке, закружился волчком, пытаясь схватить зубами черенок.

Хона рванула вперед, сделала мгновенный выпад, воткнула копьё в грудь Сары и тут же, опасаясь, как бы ее не задел обезумевший от боли каплан, выпустила древко из рук, отскочила на несколько шагов. Жена архиерея издала леденяще жуткий хрип, крючковатые пальцы ее в бессильной ярости в последний раз потянулись к байкерше, а затем Сара медленно опустилась на колени и, поникнув головой, повисла на копьё, тупой конец которого на целую ладонь ушел в землю.

— Я надену кольчугу, — сказал запыхавшийся Юл, — и шлем, чтобы быть похожим на аврамита, а ты не забудь про кружку с зерном!

Хона подбежала к Саре Девятой, сняла с нее суму, потом, чуть поколебавшись, забрала и небольшой ножик. Им она разрезала юбку сзади и спереди, обмотала ошметки вокруг ног, получилось подобие брюк.

— Я не рабыня, чтобы в платьях ходить, — пробормотала байкерша и побежала за кружкой.

Кроме кольчуги и шлема, Юл снял также с покойника меч. Хона ограничилась только мечом, забрав его у Иеровоама.

— Акинак хоть и короче, но привычней, — заметила девушка.

— Жаль без лопаты остался, — сказал парень, глядя на извивающегося от боли каплана.

Когда Юл и Хона оседлали лошадей, они заглянули друг другу в глаза.

— Я хочу плакать от счастья, но не буду, — сказала байкерша.

— Видишь, получилось так, как мы задумали, — младший правнук улыбнулся, — потому что правда за нами, и она внутри нас. Мы изменим мир, Хона, потому что сами изменились. Потому что правда за нами.

Парень и девушка пришпорили белых лошадей и помчались прочь от осинового гнезда, где пробыли в плену почти год.

Гексаграмма 61 (Чжун-фу) — Внутренняя правда

Истинно близкий человек — это тот, для кого ваше сердце открыто

После того, как Ури нарядился кольчужником, он, распрощавшись со Степой, отправился на восток. Байкер ехал на почтительном расстоянии от дороги, ведущей в Богополь, чтобы ненароком не пересечься с кем-то из местных жителей. Ближе к вечеру он достиг цели. Вдали на невысоком, почти незаметном холме виднелось городище огороженное высоким частоколом.

— Да уж, — пробормотал Ури, — эту деревню с налета не возьмешь. Да это и не деревня вовсе.

До самых сумерек байкер следил за редкими людьми, конными и пешими, покидающими Богополь или, наоборот, едущими или идущими в его сторону. С наступлением темноты Ури, отъехав на пару тысяч шагов на север, спрятался в небольшой балке. Весна только наступала, и ночи были холодные, но байкер, опасаясь, что его заметят, не рискнул разводить костер. Отужинав несвежим мясом, он мерз до самого рассвета, лишь изредка проваливаясь в дрему и надеясь на чуткий слух байка. Если где-то по близости окажется хищник, лошадь разбудит.

Ранним утром Ури вернулся к слежке. Он обустроил удобную лежанку в зарослях степного миндаля на небольшой возвышенности. Бессонная ночь давала о себе знать, и байкер то и дело клевал носом. Когда солнце полностью выглянуло из-за горизонта, стража отворила западные ворота Богополя. Первые часы ничего не происходило. Вообще ничего. Несколько человек покинуло городище, да всадник с древком, к концу которого была прикрепена красная тряпка, примчался со стороны Тагана, перекинулся несколькими фразами с караульными и въехал внутрь.

Только потом Ури сообразил, что это был гонец, принесший безрадостную весть о нападении на обоз. Когда солнце поднялось достаточно высоко, но еще не было в зените, из ворот повалили ратники при полном вооружении. Облаченные в кольчуги и шеломы, с мечами на боках, с копьями и круглыми щитами, они выстраивались в отряды по двенадцать бойцов. Ури сперва взялся считать воинов, но потом сбился и оценил размер армии на глаз.

— С две сотни, — пробормотал байкер, — провались все в баггерхелл!

Ури попытался прикинуть соотношение сил степных номадов и богопольцев. По количеству боеспособных мужчин байкерские кланы были примерно равны, и все вместе могли выставить до полутысячи бойцов. Казалось бы, преимущество на стороне кочевников, но отчего-то Ури не был уверен, что в случае войны победа достанется им. Богопольцы вели себя намного организованней и, очевидно, не испытывали дефицит в металле. Для боевого топора кольчуга являла собой столь же сомнительную защиту, что и кожаный доспех, Ури убедился в этом при нападении на обоз. Однако большинство кочевников имело короткие мечи — акинаки, мечи богопольцев были длинней. В отличие от воинов господних, байкеры никогда не использовали щиты. Богопольцы ничуть не хуже владели оружием, и Ури не без основания полагал, что он и Степа одолели шестерых сопровождающих благодаря эффекту неожиданности, излишней самоуверенности противника, а также удачному стечению обстоятельств. Да и кто сказал, что Богополь может выставить только две сотни бойцов? Вполне вероятно, что больше.

— А мы-то думали, что круче нас нет никого, — сказал себе под нос байкер.

Конники, разбившись на отряды по двенадцать человек, выстроились в полукруг. Из ворот выехал стареющий мужчина в черном. Борода его, изрядно поседевшая, доставала до груди. В руках он держал посох.

— Главный баггер, — догадался Ури, — как там Степа его называл?.. архиерей, мать его за ногу!

Мужчина в черном, размахивая посохом, что-то выкрикивал. До Ури долетали лишь обрывки пафосных слов. Закончив пламенную речь, архиерей указал посохом на запад. Выстроившись в постепенно расширяющуюся цепь, отряды богопольцев двинулись в сторону Тагана.

— Охотники хреновы, — Ури усмехнулся в бороду, — ну, ищите, ищите.

Дождавшись, когда кольчужники исчезнут из поля видимости, байкер решил, притворившись воином господним, выехать на дорогу, чтобы перехватить кого-нибудь, да допросить с пристрастием. Однако он еще какое-то время наблюдал за стражей возле ворот, и когда, наконец, оседлал коня, вдруг увидел двух конников, выехавших из городища и пустившихся в галоп. Оба всадника держали в руках древки с красными тряпками.

— Гонцы! — Ури ударил по бокам лошадь, и та помчалась наперерез посланникам.

Байкер настиг посыльных близ небольшой рощи, состоящей, главным образом, из диких абрикосов.

— Стойте! — проорал он. — Стойте, именем... — здесь Ури запнулся, будто собирался выкрикнуть что-нибудь настолько непристойное, что дозволено произносить лишь на байкфестах, но в следующий миг он заголосил во всю глотку:

— Стойте, именем Элохима! Именем Элохима!! Элохима!!!

Всадники затормозили лошадей. Оба были коротко пострижены, одеты в серые рубахи, на боках висели мечи. Первый посыльный, находящийся слева от Ури, имел бородку и неприятно липкий взгляд. У второго, круглолицего паренька, в силу юности подбородок покрывал девственный пушок.

Прежде чем обратится к всадникам, Ури, подъехав почти вплотную к курьерам, быстро осмотрелся. Городище было скрыто ветвями деревьев и потому дозорные возле ворот городища не могли видеть ни его, ни гонцов.

— Что за весть вы несете архиерею? — спросил байкер как можно более важным тоном.

— Дети господни, Исаак и Ревека, убили трех воинов и возлюбленную жену архиерея уммы всемогущего Элохима Авраама Шестого Праведника Сару Девятую Праведницу, — затараторил круглолицый паренек, — и бежали в сторону Восходного града, верховный послушник послал погоню, но...

Липкоглазый поднял руку, заставив замолчать юнца, и произнес вкрадчивым, полным стали голосом:

— Кто ты?

— Я воин господень, разве не заметно? — возмутился Ури и, не сдержавшись, улыбнулся.

Дочура сбежала от проклятых баггеров. Сама, без чужой помощи. Молодчина какая! Вся в батю!

— Тогда почему ты не ищешь безбожников?

— Мы их нашли, — заверил байкер, — и ведем этих мерзавцев в Богополь, а я гонец, которого послал архиерей сообщить об этом.

— Тогда почему ты без красного флажка? — липкоглазый медленно опустил руку на навершие меча.

— Впопыхах забыли выдать...

— Забыли? — пальцы липкоглазого нервно прощлись по рукояти. — Каждый воин и каждый послушник обязан иметь при себе красный флажок. Где твой флажок?

— Не забыли, потерял я его, — недовольно поправился Ури, — скакал, зацепился за ветку, не заметил, как слетел флажок, возвращаться было некогда.

— Я не помню тебя, — не унимался липкоглазый, поглаживая навершие, — ты из северной казармы?

— Да, откуда ж еще!

— А как зовут старшину северной казармы?

Рука гонца, обхватив рукоять, напряглась.

— Ну, это все знают, — байкер непринужденно пожал плечами, — нашего любимого старшину зовут...

Молниеносным движением Ури выхватил нож и полоснул по лицу старшего из курьеров. Тот, вскрикнув, закрыл ладонями глаза и начал медленно оседать, пока не свалился с лошади. Клинок был смазан ядом демонов. Байкер замахнулся на круглолицего, но парень, несмотря на кажущуюся неопытность, ловко перехватил руку с ножом в районе запястья. В свою очередь Ури вцепился в правое предплечье юнца, чтобы тот не смог вытащить меч. Так они какое-то время балансировали на лошадях. Наконец, байкер, чуть сблизившись с противником, вмазал ему лбом в нос. Паренек отшатнулся, хватка его ослабла. Ури вновь ударил головой, а потом еще раз. Юнец с разбитым в кровь лицом покачнулся. Тогда байкер, улучшив момент, отпустил запястье противника и саданул его под челюсть левой снизу. Паренек охнул, а Ури, освободив правую руку из хватки, приставил нож к его горлу и спросил:

— Куда поехали беглецы? Что такое Восходный град?

Круглолицый сглотнул ком и выдавил из себя:

— Элохим велик!

— Без тебя разберусь, — сказал байкер, надрезал кожу паренька чуть ниже уха и стал ждать, когда яд парализует юного богопольца, — если Таган — это Закатный град, то Восходный град должен находиться по другую сторону от вас, то есть это Ростов, куда ж еще бежать моей дочуре, только в родные становища.

Ури сперва хотел убить гонцов, но потом передумал, Степа и его соплеменники нуждались в прикрытии.

— Это я в одиночку вырезал весь ваш обоз, — обратился байкер к обездвиженным богопольцам, — так и передайте, когда оклемаетесь, своему главному баггеру. Вы, грязные ублюдки, упрятали в плен мою дочуру, и я бы перебил вас всех, если бы она не сбежала. А теперь я уезжаю и напоследок скажу вам: никогда не смейте идти за Ростов, там, — Ури энергично ткнул пальцем в пустоту, — наши становища. Эти земли принадлежат семи кланам! И если что, мы с удовольствием надерем вам задницы.

Байкер не мог двинуться сразу на восток, потому что в этом случае ему пришлось бы проехать мимо стен Богополя. Он помчался на север. Когда Ури доскакал до довольно-таки крупного селения, наверняка вассального, он перешел на легкую рысь и свернул на восход. Местные жители издали наблюдали за всадником в кольчуге и шлеме, но никакого удивления не выказывали. Мало ли зачем едет воин господень?

Ури, опасаясь погони, неустанно подгонял байка. Впрочем, президент Дэнджеров пару раз, когда пересекал неглубокие ручьи, давал отдохнуть несчастному животному, напиться и пощипать прошлогоднюю траву. Только с наступлением сумерек, когда на горизонте, в южном направлении показались полуразрушенные многоэтажки Ростова, байкер позволил себе расслабиться, однако развести огонь так и не решился. Ури был уверен, что покинул богопольские земли, но, кто знает, не идут ли по пятам преследователи?

Привязав лошадь к деревцу, возле которого росла густая трава, и, усевшись под кустом, президент невольно задумался. Харлей Верномыслящий, дед Ури, рассказывал что в этих местах была огромная страна, и объехать ее на четвероногом байке можно было разве что за

целый оборот небесного колеса. А теперь все как-то измельчалось. Вот взять владения Богополя. объехать их можно за сутки. А земли семи кланов? За трое-четверо суток в лучшем случае. Жизнь изменилась. Древние были колдунами, умели летать, говорят, даже до луны дотянулись, и могли общаться за сотни тысяч шагов друг от друга. И байки древних были настоящими стальными конями и мчались с немыслимой скоростью. Мир был полон магии, но только иной, не той, что ныне. Вот только колдовство это попало в руки баггеров, и они все погубили, ибо не справились с его силой. Конечно, Великая погибель случилась по воле небесного стального коня Харлея Изначального, и все же иногда хотелось хоть одним глазком взглянуть на то, как люди жили раньше...

Но не получится. Вир Златорукий как-то обмолвился, что люди живут во тьме и боятся выйти к свету. Опасаются городов, где свирепствовала болезнь, не добывают пищу в проклятых местах, ограничивают себя тесными рамками. Люди страшатся сами себя, свет обнажает пороки. Но только так и можно узреть собственную неполноценность и попробовать хоть что-то исправить.

— Тогда я над ним посмеялся...

Ури тяжело вздохнул, посмотрел в сторону Ростова, гигантского поселения, в котором когда-то обитало немыслимое число людей. Если в Тагане орудуют Степные Псы, промышляют металлы, то, возможно, не так уж и запретны города, как завещали предки? Почему бы и байкерам не делать то же самое? С железом ведь напряженка!

Несмотря на почти полную луну, Ростов был не виден. Далекие многоэтажки скрыла ночь. И лишь призрачный огонек, чуть подрагивающий в наползающей тьме, казалось, отсвечивал нечеткими видениями давно умершего мира. Он звал к себе манящими фантомами, говорил, что, дескать, да, кругом опустошение и руины, но только в них можно найти ключ к грядущей жизни. Только там, среди развалин бывшего величия теплится еще надежда на возрождение. Надежда на прошлое, способная согреть жалкие остатки человечества в самое темное время суток. Ведь когда-то, рано или поздно, ночь растворится в новом рассвете, и тогда людям понадобятся знание и волшебство пращуров...

Байкер поймал себя на мысли, что раньше никогда не задумывался о таких странных вещах. Наверное, это все колдовское действие желтой книжицы. Ури за прошедшую зиму значительно улучшил навыки чтения. А знание букв — ключ к магии древних. Так говорил покойный Вир.

— Ох, уж эта магия, из-за нее дурные мысли лезут. И этот огонек еще... — проворчал Ури и вдруг осекся.

СТОП!!! Там, в каких-то двух, от силы двух с половиной тысячах шагов горел костер. Там — люди. Но кто они? Богопольцы? Какие-то местные кегли? Или не люди вовсе, а выродки? Нет, аэсы очень редко переходят на правый берег Пагуби, для них байкерские земли запретны, как для байкеров запретны их степи. А, может, это...

Ури поднялся, отвязал лошадь, оседлал ее и медленно двинулся навстречу огню. Байкер, томимый предчувствием, не отрывал глаз от мерцающего пламени. Готовясь в любой момент принять бой, он сжимал до боли в костяшках древко секиры. Но Ури не хотел сражаться, он жаждал совсем другого. Если бы там, у костра сидели его дочура Хона и этот парень с чудным именем! О, если бы это было так! Пусть это будут они! Дети не должны покидать мир раньше отцов и матерей! Ури бесшумно ехал навстречу одинокому костру, к хилому свету, как к последнему приюту тепла среди бескрайней ледяной тьмы. Ему чудились голоса, будто Хона говорила что-то неразборчивое, но, безусловно, притягательное

и прекрасное, или, быть может, даже не Хона, а еще нерожденный ребенок, она ведь беременна, так утверждал Степа. Или слова принадлежали незримым внукам, правнукам, всем потомкам, которым суждено появиться от Ури, Урала Громоподобного из клана Дэнджеров, байкера Стальные бедра и героя степных дорог. Кочевник слышал воспоминания о будущем, и потому неторопливо, но упорно продвигался вперед, боясь, что огонь погаснет. Дети не должны жить во тьме, дети должны видеть больше света, чем их родители. Только тогда жизнь обретает хотя бы подобие смысла. А это возможно лишь с помощью знаний древних. Так странно надежда на прошлое соединилась с зовом грядущего, а Ури курсировал в непостижимом вселенском потоке, сшитом из вероятных времен и невероятных мыслей.

Байкер затормозил лошадь, тряхнул головой, чтобы сбить с себя морок. Затем спешился, привязал байка к деревцу и подкрался к потрепанному временем зданию без крыши, из окна которого светил костер.

Ури осторожно заглянул во входной проем. Его ждало разочарование. Он увидел двух белых лошадей и кольчужника-богопольца, то и дело клюющего носом, отчаянно борющегося со сном под треск горящих веток. Второй воин был закутан в шерстяную накидку и спал.

"Погоня за моей дочурой, — решил Ури, — их надо прикончить".

Непонятно только, почему здесь всего лишь два воина. Байкер огляделся, нет ли засады. Хотя, что он мог увидеть в темноте?

Ури сделал шаг вперед. Под ногой предательски хрустнула ветка. Богополец тут же вскочил, выставив перед собой длинное копьё. Байкер, грозно рыкнув, ворвался в помещение. Второй воин мгновенно проснулся, скинул с себя накидку и взмахнул мечом, с которым он, видимо, спал в обнимку.

Ури замахнулся секирой и замер.

— Хона, — выдохнул он, опустив боевой топор, — это... ты... девочка моя...

— Папа! — девушка, отбросив меч, бросилась на плечи старого воина.

Ури, откинув секиру, обнял дочь с такой нежностью, с какой никогда не обнимал, поцеловал ее в лоб. Сердце затрепетало, забилося с небывалой силой, отдавая гулким свинцовым эхом в висках.

— Девочка моя...

Ури обхватил ладонями щеки дочери. Она изменилась, поправилась и, кажется, стала... суровой, что ли. Взрослей. Байкер отошел на два шага, осмотрел Хону с ног до головы, заметил чуть выпирающий животик, и вспомнил, что он не только отец, но и президент клана Дэнджеров. Единственная дочь не может забеременеть от какого-то кегля с бугра. Ури, взяв себя в руки, подавил приступ радости.

Байкер бросил тяжелый взгляд на парня в кольчуге.

— Твоя работа? — спросил он.

— У нас не было другого выхода, — ответил Юл, — и опустил копьё.

— Не было выхода, так значит!

— Папа, не начинай, — вмешалась мгновенно помрачневшая Хона.

Наступила гробовая тишина, если не считать потрескивания горящих веток. Ури посмотрел исподлобья на непутевую дочь, затем — на обрюхатившего ее парня и вдруг расхохотался.

— Лады, зятек, приму тебя в Дэнджеры, ты храбрый сопляк, заслужил. Начнешь с шустрилы, а там посмотрим.

— Как хорошо, что ты нас нашел! — сказала Хона, просияв. — Где ты все это время был?

— Завтра расскажу, — Ури поднял секиру и обратился к Юлу:

— Туши костер, вас видать за хренову тучу шагов.

— Но мы развели его внутри стен, — возразил парень.

— Не перечь тестю, — строго произнес Ури, — если я заметил огонь, значит, его заметят и другие. Мы еще слишком близко к богопольским владениям. Погоню они наверняка послали.

Ури, Юл и Хона провели остаток ночи в холоде. Впрочем, их согревало нечто незримое, то, что нельзя выразить словами, но вполне возможно ощутить при встрече с близким человеком. Байкер отдал остатки мяса изголодавшимся ребятам, а затем заступил на дежурство, сменив Юла.

Весь следующий день они продвигались на восток, делая перерывы, чтобы позволить отдохнуть байкам. Сами люди оказались на голодном пайке, нарыв кое-каких кореньев. Этим и ограничился их рацион. Однако близость становищ заставляла забыть о недоедании. Там их накормят и обогреют. За световые сутки путники прошли меньше, чем за прошлый день, так как не гнали лошадей, и остановились на ночевку в заброшенном двухэтажном доме возле реки. Там самом, в котором стая вердогов осаждала Юла и Хону, и где совсем недалеко погиб замороженный диким псом юный воин Дукат Великолепный из клана Вилсов.

— Ты и в самом деле заговорил мою дочуру от чар черных вердогов? — спросил Ури, вороша горящие угли.

Байкер решил, что они ушли довольно далеко от Богополя и можно развести костер. К тому же стены вокруг дома скрывали огонь в ночи.

— Да, — ответила за мужа Хона, — этот заговор называется Великим Плацебо. Я сама лично посмотрела в глаза черной псине и не околдовалась, и перерубила ей горло. И все это благодаря Юлу. А ведь та тварь убила Дуката.

— Приедем в становища, заговоришь меня, — сказал Ури, — а я тебя провожу через Малую переправу.

— Малую переправу? — переспросил Юл.

— Да, — подтвердил Ури, — каждый номад в своем существовании проходит две переправы: Малую и Большую. Малую — это когда тебя посвящают в байкеры, Большую — это когда ты покидаешь землю и отправляешься на небесные поля в байкпарадайс.

— То есть Малая переправа — это посвящение в байкеры, — уточнил парень, тщательно пережевывая корешок.

— Да, из тебя получится отличный кастомайзер. Вир одобрил бы, — вспомнив о покойном, Ури тяжело вздохнул, — ты ведь в кузне работал и грамотный. Пойдешь в подмастерья, а я подсоблю как смогу. Через три-четыре оборота небесного колеса перейдешь из шустрил в проспекты. А потом и до мемберов дорастешь.

— Мне нужно вернуться в мой поселок, — сказал Юл, — иначе десять тысяч книг погибнут.

— В Гиблую деревню, что в трех месяцах пешего хода отсюда? — Ури усмехнулся. — Нет, избавь меня от этого дерьма. Да и что тебе делать среди мертвяков?

— Я вас обманул, — невозмутимо произнес парень.

Породнившись с президентом клана, Юл перестал опасаться за судьбу односельчан. По

крайней мере, он надеялся, что кочевники не посмеют грабить деревню, в которой живут близкие родственники пока еще не рожденного внука или внучки Урала Громоподобного.

— Что значит обманул?

— Моя деревня находится не так далеко от ваших кочевий, и никто из моих соплеменников не умер.

— Баггерский кегль! — возмутился Ури. — Сопля!

— Поймите, я защищал свое племя, я имел право лгать. Правда на моей стороне. Внутренняя правда, — Юл мог бы сейчас сделать то, что он обычно с таким успехом постоянно проделывал: придурковато улыбнуться. Но слишком уж много ему пришлось притворяться в Богополе. Хватит прикидываться слабоумным идиотом, пора становиться сильным!

— А ты и впрямь хитрожопый, — Ури усмехнулся в бороду, — покойный Неп сразу тебя раскусил. Лады, отправимся в твою деревню сразу после весеннего байкфеста. И не бойся, ни бычье, ни телок из твоих соплеменников никто не тронет. Это мое слово.

— Я не хочу, чтобы жители Забытой деревни считались бычьим или кеглями, или кем там еще, — медленно и четко по слогам произнес Юл, — я хочу, чтобы мы были равны байкерам.

Ури расхохотался:

— А ты борзый! В мире все люди делятся на три "Б": байкеров, бычье и баггеров. Так установил небесный стальной конь Харлей Изначальный. Байкерам дана воля, бычью — работа, баггерам — позорная смерть. И никогда бычье не превратится в номадов. Ты можешь стать байкером, но не вся деревня.

— Возможно, Харлей Изначальный сделает исключение, — предположил Юл.

— Никогда такого не будет! Никогда!!! — рывкнул Ури.

— Хватит, достали уже! — Хона смотрела то на мужа, то на отца. Она не знала, чью сторону принять и потому злилась. С одной стороны, Ури, конечно же, прав, бычье и телки в основной массе слишком трусливы и не достойны рассекать вольную степь на стальных лошадях, но с другой стороны, правым казался и Юл, потому что... потому что... да, потому что потому! Он ведь такой милый и храбрый, и умный, и вообще — колдун. Она столько с ним перенесла. Она состоит с ним в тайном любовном побратимстве. И ребенок от него родится.

— Я должен жить в своей деревне, — заупрямился Юл, — там — десять тысяч книг, и кто-то должен следить за ними.

— Хона — моя единственная дочура! — произнес Ури со сталью в голосе. — Ее мать, моя жена, Бэха Некроткая...

— Папа! — выпалила Хона. — Замолчи!

— Сама заткнись! — взревел Ури. — Он должен знать! Он мой зять, будущий отец моих внуков!

— Говори, что хочешь! — Хона громко фыркнула и, завернувшись в шерстяную накидку, повернувшись спиной к спорящим, улеглась спать. Или сделала вид, что собирается в мир снов.

— Так вот, моя жена, Бэха Некроткая, — продолжил Ури уже спокойным тоном, — умерла при родах, оставив мне единственную дочуру. Она была упрямой, моя жена. Она могла бы и не зачинать, у нас есть специальные снадобья, но она продолжала рожать, и каждый раз из ее чрева выходил либо мертвый, либо слабый ребенок, и ни один не дожил

даже до первого оборота небесного колеса. И вот появилась Хона, а Бэхи не стало.

Плечи байкерши беззвучно содрогнулись.

— Она моя единственная дочь, — продолжил Ури, — и она носит под сердцем единственного моего потомка. Если с ней что-нибудь случится, мой род прервется. А не хочу этого!

— Ваша дочь мне дороже жизни, и я не дам ее в обиду, — сказал Юл и покосился на Хону.

Плечи девушки вновь содрогнулись, и парню показалось, что он услышал всхлип, но предпочел не заметить этого.

— Я предлагаю такое решение, — младший правнук говорил ровно и спокойно, таким образом, он надеялся внушить доверие непреклонному тестю, — мы уедем, если вы сами нас отпустите. А вы нас отпустите, потому что я точно знаю, зачем я еду в свою деревню. Правда, которая идет изнутри, сейчас со мной и за мной.

— Как же хочется тебя взгреть! — Ури потер руки. — Я просто поражаюсь твоей наглости! Я никогда не отпущу по доброй воле тебя и дочуру жить среди позорного бычья! На крайняк в другой клан поедете, но не к кеглям!

— Раз вы так уверены в своем решении, тогда вам нечего бояться, — сказал Юл, — но если вы все же нас отпустите, то подарите, пожалуйста, нам деревню у реки, где меня взяли в плен.

— А... Тварьевка... я не могу подарить ее, деревнями владеют кланы.

— Да, — подтвердил парень, — но пусть это будет... чептером, байкерским филиалом. Там же мы с вами можем встречаться. Вы нас отпустите после обряда посвящения. Сами отпустите...

— Заткнись и ложись спать! Я первым дежурю! — рявкнул Ури. — Я не отпущу вас ни до, ни после обряда Малой переправы!

— Спокойной ночи, — сказал Юл, лег позади Хоны, осторожно обнял ее. Плечи девушки постепенно перестала сотрясать дрожь, и вскоре она мирно засопела.

Гексаграмма 62 (Сяо-го) — Малая переправа

Плохое пройдет, а опыт, полученный в трудные дни, навсегда останется с вами

Утром путники, обогнув Новочек с юга, отправились на север. В сущности, Юл, Хона и Ури уже ехали по территории, принадлежащей семи кланам, и потому не опасались погони. Да и вряд ли богопольцы осмелились бы без подготовки уйти так далеко на восток от собственных владений.

Ближе к полудню путники оказались возле озерца примерно в тысячу шагов в ширину и столько же в длину. На озере стояла небольшая деревня.

— Становище Дэнджеров должно быть совсем рядом, — сказал Ури, — мы вечно ошиваемся рядом с водой, а в этом сезоне мы собирались откочевать именно сюда.

Деревня, платившая дань кочевникам на постоянной основе, выглядела убого и бедно и состояла из нескольких десятков мазанок. Староста, немолодой худощавый мужчина с редкой растительностью на лице, встретил Ури с трепетом. Он рассказал, что Дэнджеры решили, что их президент погиб в запретных землях и собирались перед весенним байкфестом выбрать нового предводителя.

— Не дождутся! — усмехнулся Ури. — А теперь дайте нам что-нибудь пожрать!

Наскоро перекусив вяленой рыбой и узнав, где сейчас находится становище Дэнджеров, путники продолжили путь на север вдоль речки, выходящей из озерца. Юл догадался, что

деревня стоит не на озере, а скорее на затоне невероятных размеров. Впрочем, в данный момент это было совсем несущественно. Вскоре на горизонте появились шатры и стада лошадей. Ури и Хона оживились, глаза их засветились неподдельным счастьем. Они возвращались домой.

Навстречу путникам выехал отряд кочевников. Возглавляли его совершенно лысый байкер, не удосужившийся надеть шлем, и воин с роскошными усами, свисающими с подбородка. Юл узнал двух друзей не разлей вода: Ижа и Крайда.

— Йенг мне в глотку! — проорал Иж. — Это же наш президент! Только посмотрите! Одет весь в металл!

— Три йенга мне в глотку! — захохотал Крайд. — Ури, мы уж думали, ты отбросил протекторы! А ты живой! И дочуру нашел!

Ури и Хона рассмеялись, поскакали навстречу соплеменникам. Начались долгие объятия и рукопожатия, сопровождаемые похабными шуточками и непристойными жестами. Юл наблюдал за изливаниями радости немного отстраненно, но чужим себя не ощущал. Завтра он станет байкером, а послезавтра вместе с женой отправится в родную Забытую деревню. Он точно знал это, хоть остальные и придерживались иного мнения.

Вечером, когда дневная суета от радостной встречи поулеглась, возле шатра вайс-президента Чепеля Рассудительного был разведен большой костер. Чеп, сорокапятилетний воин с огромной проплешиной на голове, тонкими губами и большим прямым носом, почти целый год исполнял обязанности главы клана. Теперь он сидел с окаменевшим в почтительном внимании лицом и, как и другие кочевники, слушал рассказы Ури, Хоны и Юла об удивительных похождениях, об обилии непуганой дичи в широком устье Пагуби, о растворении останков Скальпеля Косноязычного и последующем за этим яростном шторме, об обычаях богопольских баггеров, подмявших под себя местное бычье, о племени Степных Псов, добывающих металл из развалин, о Ростове, где дома древних скорбно воют и истощают души живых, и о Тагане, где лестницы уходят в море.

Люди слушали. Те, кто был постарше, ухмылялись, качая головой, мол, в свое время и не такое видели, а парни и девушки то и дело косились на Юла и Хону, которые сидели вместе, закутавшись в одно большое шерстяное одеяло. И в юных сердцах номадов вспыхивали зависть и восхищение. Они тоже жаждали подвигов.

Когда путники поведали о своих приключениях, настал черед Чепя Рассудительного рассказать о том, что произошло в отсутствие предводителя. Вайс-президент вел речь о совершенно неизвестных Юлу людях. Внимание привлекли лишь упоминания об Авасе, Кавасаки Стальном, который когда-то хотел отрезать ухо парню и сейчас отсутствовал, поскольку уехал по каким-то делам в клан Вилсов, да о род-капитане Файеров Рексе, Хорексе Неустрашимом, который этой зимой встретил в поле черного вердога, посмотрел ему в глаза и не был зачарован. И все это благодаря мальчишке-колдуну. Взгляды номадов устремились на Юла, и тот пообещал, что заговорит от отродий степных кошмаров любого, кто пожелает.

Но более всего Юлу запомнился рассказ о Чезете Хмельной, связанной любовным побратимством с погибшем в бою Виром Златоруким. Женщина, узнав о смерти возлюбленного, закрылась в своем шатре и не покидала его два дня. А потом ранним утром вышла на воздух с распущенными волосами, оседлала байка и, заявив, что Вир зовет ее гоняться наперегонки, ускакала в степь. С тех пор ее никто не видел. Однако среди номадов и подвластных селян ходят слухи, что иногда в ясную погоду слышится рык и чудится, будто

седовласый мужчина и чернокудрая женщина мчатся по степи около самого горизонта. Иногда они скачут на четвероногих байках, а иногда едут на двухколесных самодвижущихся машинах.

Хона, слушая историю о Чезете Хмельной и Вире Златоруком, все сильнее прижималась к Юлу, положив голову ему на плечо...

На следующий день Юла посвятили в байкеры. Переход через Малую переправу оказался не таким уж и сложным. Парень встал напротив Ури, и президент в присутствии всего клана принялся торжественно произносить судьбоносную балладу древних, ту же самую, что Хона декламировала на многоэтажке в Ростове. Правда, на этот раз все обошлось без надрезания ладоней и смешивания крови. И слова немного отличались. Совсем чуть-чуть.

Хона говорила: "Если ты будешь со мной рядом, силам беды не сбить тебя с ног", а Ури: "Если ты будешь с нами рядом, силам беды не сбить тебя с ног".

И еще номады периодически выкрикивали: "Сила твоя в том, что ты есть! Сила твоя в том, что ты здесь!"

Юла нарекли Эрром, Феррари Беспроигрышным из клана Дэнджеров.

После посвящения был устроен небольшой пир, номады расположившись на шкурах прямо под открытым небом. Весна в степи не располагала к пищевым излишествам. Кочевники ограничились прошлогодней печеной картошкой, кумысом и ржаными лепешками. Тут-то Юл и преподнес неприятный сюрприз. Он не дотронулся до еды и даже не подошел к столу, а, изображая смущение, сказал:

— Братья и сестры! Теперь вы ведь мне братья и сестры! Я счастлив, что стал байкером, я готов служить вашему клану и всему племени, но меня гнетет кое-что. Я совсем забыл об одной вещи, которую я и Хона должны рассказать вам. Ведь ни у меня, ни у нее не может быть секретов от байкеров.

Юл внимательно оглядел кочевников.

— Ну, не томи! — проворчал Ури. — Говори, что там у тебя!

— Я вынужден это сказать, я должен быть честен с вами! В Запагубье, в МЭЦ-18 мы съели зайца, добытого выродками. Мы осквернили себя запретной пищей и, боюсь, теперь вынуждены уйти на целый оборот небесного колеса очищаться от скверны. Мы не имеем права жить среди байкеров и подвластного бычья, а потому мы вынуждены уйти за пределы владений семи кланов. Мне очень жаль, что так получилось. Я только что вспомнил об этом. Должно быть, небесный стальной конь Харлей Изначальный попустил мою забывчивость...

— Ни хрена тебе не жаль! — взревел Ури и грузно поднялся.

— Папа! — вскрикнула Хона. — Это правда, мы съели зайца. Я сама только что вспомнила об этом!

— Поэтому мы вынуждены покинуть вас завтра, братья и сестры, но не стоит волноваться, я знаю место, где мы будем в безопасности, — Юл посмотрел спокойным и, возможно, даже слегка насмешливым взглядом на Ури.

— Баггерхелл! — выругался президент. — Если бы ты не был байкером моего клана, если бы ты не был мужем моей единственной дочери, если бы ты не был отцом моего будущего внука, я бы тебя убил, Эрр! Неп был прав, надо было тебя назвать не Беспроигрышным, а Хитрожопым!

Против обычаев не попрешь, и как бы Ури не ярился, он, в конце концов, успокоился, а байкеры даже похвалили паренька за смелость. Ведь если бы Дэнджеров постигло какое-

нибудь несчастье, они даже не поняли бы из-за кого. Небесный Харлей любит отважных и, вполне возможно, проявит милость к Юлу, нареченному Эрром, к его жене Хоне и ко всему клану. Правда, заговор Великого Плацебо Юл так ни на кого и не наложил, поскольку номады опасались, что вместе с колдовской силой к ним может перейти и частичка проклятия.

Юл и Хона переночевали в небольшой палатке, недалеко от становища.

— Все-таки ты редкая скотина! — сказала девушка. — Хоть и колдун, но все же мерзавец!

— Но ты ведь тоже теперь колдунья, — возразил Юл, — помнишь, ты говорила, что силы приходят не извне, а зарождаются в тебе самой?

— Да, — байкерша, поглаживая живот, тяжело вздохнула, — и слабости тоже живут внутри нас. Знаешь, я ведь нашла одну твою слабость.

— Какую? — встрепнулся Юл.

— Ты иногда бываешь обидчивым, хоть и не показываешь это. А еще, когда ты чем-то недоволен, или чего-то не знаешь, или злишься, ты делаешь вот так...

Хона, изображая мужа, цыкнула.

— Да? Я не замечал за собой такого, — Юл удивился, а затем обнял жену. Горячая волна нежности накрыла его, и он не стал ей сопротивляться. Не зачем боятся глубин собственных чувств, парень теперь имел стопроцентную уверенность в этом. Те, кто любят мелководе, рано или поздно будут смятены цунами собственных влечений.

— Вот видишь, милая, — страстно зашептал он, — ты указала мне на мою дурную привычку, на мою слабость, и я теперь постараюсь избавиться от нее, постараюсь стать сильнее. Мы делаем друг друга сильнее. Мы колдуны друг для друга. А еще мы создадим свой восьмой клан. Особый клан, который будет иметь свою особую силу.

Юл и Хона еще долго перешептывались во тьме палатки, пока не заснули.

Ранним утром провожать юных супругов в дальнюю дорогу пришел только Урал Громоподобный.

— Я бы поехал с вами, — угрюмо произнес Ури, — но путь очищения вы должны пройти самостоятельно.

— Не волнуйтесь, — заверил парень, — мы будем жить в большом двухэтажном доме, построенном до Великой гибели, и никто из Забытой деревни не посмеет нас тронуть.

— Пусть только попробуют, — проворчал президент, — я вырежу всю твою деревню под корень.

— Папа! — Хона открыла рот, чтобы сказать что-нибудь обидное отцу, но, сдержавшись, произнесла спокойным и ровным голосом:

— Все будет хорошо.

Ури кивнул и протянул дочери два мешочка:

— Я отсыпал вам тут. Возьми, пригодится. Здесь парализующий яд и противоядие к нему. Сделано по рецептам Степных Псов. Если на вас нападут демы, кроме свистка у вас еще будет противоядие, даже если тебя клонула тварь, ты не отключишься. А яд можно использовать для охоты. Капаешь воду в щепотку порошка и смазываешь им оружие. Только с вином и никаким другим бухлом не надо смешивать, а то яд из парализующего становится смертельным.

— Спасибо, — сказал Хона, принимая подарок.

— Вы дадите нам рецепт яда и противоядия? — вдруг спросил Юл. Природное

любопытство, как обычно, победило в нем и учтивость и осторожность.

— В первое полнолуние следующей весны, я приеду в Тварьевку, и вы там должны быть, — сказал Ури, — и вы должны встретить меня. Вот тогда я и передам тебе рецепт.

— Хорошо, — кивнул Юл.

— И вот еще, — президент протянул парню Канон перемен, ту самую желтую книжицу, которую отнял у него почти год назад, — возьми свой путеводитель судьбы. Он мне помог, пусть же поможет и вам в дороге.

Распрощавшись с Ури, Юл и Хона отправились на север. Парень был облачен в богопольскую кольчугу, оба супруга были вооружены не короткими акинаками байкеров, а мечами аврамитов. Они ехали на белых лошадях, а за ними следовала кобыла, нагруженная палаткой и припасами.

Путники двигались на север. Хона, как дочь степи, частенько выступала в роли ведущей. Через два дневных перехода, пройдя небольшой лес и перейдя брод через реку, супруги въехали в деревню, в ограблении которой прошлой весной участвовала Хона. Жители встретили незваных гостей враждебным молчанием.

— Вы за данью? — сухо спросил старик. Тот самый, которому прошлой весной Ури въехал пяткой в лоб.

— Нет, — твердо произнес Юл, — отныне никто и никогда не посмеет брать с вас дань. Я был пленником, вы должны помнить. А теперь я свободен. Волею колдовства и небес я свободен. Я имею силу и дам ее вам, если вы будете со мной!

Парень осмотрел селян. Они взирали на юного пророка с явным недоверием. Юл только начал осваивать новую роль, и потому, вероятно, речь его звучала не слишком убедительно.

— А как же наши девочки, которых угнали? — спросил один из мужчин. — Кто нам вернет наших девочек?

Юл узнал его, это был пастух, избитый кочевниками. На миг парня посетила мысль, что пастух может кинуться на него. Юл чуть было не цыкнул, но, вспомнив замечание Хоны, сдержался.

— Никто, — ответил парень, — чтобы побеждать, порой, приходится мириться с потерями. Я был пленником, и я цел и невредим. И ваши девочки живут в здравии. Мы не гарантируем вам возвращение утраченного, мы хотим, чтобы вы были со мной и моей супругой, когда мы вернемся сюда. Или вы обретете силу или продолжите терпеть унижения. Мы хотим, чтобы ваши женщины отныне не боялись поругания, мы хотим, чтобы ваши мужчины смело вступали в бой, мы хотим, чтобы ваши дети не угонялись в плен!

Селяне хранили молчание. Они были ошарашены дерзостью юнца, осмелившегося поучать их, но и возразить ему они опасались. Мало ли какая сила за ним стоит? По большому счету, селяне не понимали, что происходит.

— Ваши деревню именуют Тварьевка. Каково ее настоящее название? — спросил Юл.

— У нее нет названия, — ответил староста, — после эпидемии сюда сходились одиночки, которые здесь никогда не жили. Мы называем ее просто деревней или селом.

— Человек не может быть тварью, иначе он не человек, — задумчиво произнес Юл, вживаясь в роль пророка, — человек становится человеком, когда из твари превращается в творца. Не Тварьевка, но Творцово. Хорошее название. Пусть будет Творцово. Так вот, жители Творцово, мы вернемся сюда, а вы подумайте над моими словами. Если вы хотите большей безопасности, вы примете нашу власть.

Пополнив запасы воды, супруги отправились дальше, оставив обескураженных селян

размышлять над непонятными словами юнца. От Забытой деревни до Творцово Юл дошел пешком за полтора дня, но на лошадях этот участок пути преодолевался гораздо быстрее. К вечеру младший правнук увидел родные холмы, и сердце его тревожно забилося.

— Там, — указал он, — там мой дом.

— Я неловко себя чувствую, — призналась Хона, — я все-таки чужая.

— Давай, переночуем прямо здесь, — предложил Юл, — на рассвете на белой кобыле и белом коне наш въезд будет эффектней. Нам легче будет их зачаровать, моих соплеменников. Главное, чтобы мы не казались слабыми и испуганными.

— Ты зачаруешь даже черного вердога, — Хона нервно засмеялась.

Юл только пожал плечами и тихо произнес:

— Переночуем здесь, а завтра — конец пути.

Гексаграмма 63 (Цзи-цзи) — Уже конец

Путешествие закончено лишь тогда, когда сделан последний шаг

Эпилог долгого странствия

Младший правнук и байкерша показали из-за холмов поздним утром, когда солнце уже достаточно высоко поднялось над горизонтом. Землепашцы бросили работу в поле, пастухи оставили без присмотра животных, старшие подростки и хворые женщины, занимающиеся приготовлением пищи, повывлазили из землянок, кузнец, ткачи, гончары позабыли о своих делах. Все, буквально все, будто замороженные, двинулись навстречу всадникам. Люди узнали своего соплеменника, покинувшего Забытую деревню почти год назад, но беременная девушка вызвала волну недоуменных перешептываний.

Юл и Хона ехали, не останавливаясь, словно не замечая ошарашенных селян. Толпа послушно растекалась перед гордыми наездниками, восседающими на грациозных белых лошадях. Толпа подспудно чуяла незримую силу, исходящую от пары. Толпа не смела препятствовать их движению. Однако нашелся тот, кто не посчитал юных всадников чудом из чудес. Это был староста Имэн. Седобородый старик, суровый и непреклонный, встал на пути супругов. Младший правнук и байкерша затормозили лошадей.

— Я, согласно воле Схода, растворил прах последнего предка в море и вернулся к положенному сроку, — произнес Юл с чувством важности момента. — А значит, дом моего славного прадеда Олега должен быть цел и нерушим, ибо он есть центр вселенной.

— Ты проявляешь неуважение к старшему, — сухо произнес Имэн, — как смеешь ты разговаривать со мной, не сойдя с лошади?

Замечание старосты не смутило Юла, он соскочил с коня на землю и твердой походкой направился к главе села, встал напротив него, посмотрел ему в глаза. Без смущения. Без страха и трепета. С вызовом.

Хона, поколебавшись, тоже спешила, встала чуть поодаль. За спиной мужа.

— Если угодно, я повторю свои слова пешком, — с нажимом сказал парень.

— Я понял тебя, Юл, сын Каена, — невозмутимо произнес староста, — но ты нарушил заповеди предков. Ты привел в обитель Света чужачку из Внешней Тьмы! Разве вы не видите, что она, — повысив голос, Имэн указал на Хону пальцем, — беременна Тьмой Внешнего мира!!!

Толпа загудела. Байкерша напряглась, рука ее потянулась к рукояти меча. Юл бросил ободряющий взгляд в сторону жены и, вскинув кулак, прокричал:

— Она носит под сердцем моего ребенка! Я был в чужих землях, и я вам скажу, что Тьма, как и Свет, есть везде! Разве ночь обходит стороной Забытую деревню? Разве солнце

светит только здесь?

— Но Внутренний Свет есть только в Забытой деревне и нигде более! — безапелляционно заявил староста.

— С чего вы так решили? — Юл задал вопрос не только Имэну, но всем окружающим их людям. — С чего вы взяли, что Внутренний Свет есть только у нас, и его нет у других?

— Потому что так завещали наши предки! Или ты, наглый мальчишка, считаешь себя умнее прадедов? — Имэн, разведя руки, медленно закружился на месте. — Этот сопляк полагает, что мудрее великих предков? Пусть он ответит нам!

Младший правнук замешкался. Доводы разума и логики — ничто для толпы. Он это прекрасно понимал. Сейчас нужно было апеллировать к другому, к иррациональному.

— Отвечай, Юл, сын Каена, ты считаешь себя умнее предков?!

— Когда я высыпал прах последнего предка в море, мне было видение, — лицо парня выражало абсолютную уверенность, но сердце его яростно отбивало отчаянную канонаду, — и я говорю сейчас не свои слова, но слова наших великих предков! Предки и прадед Олег, вернее отражение их сущностей, мне поведали истину!

— Тебе виделись демоны Внешней Тьмы, а не наши предки! — отчеканил староста. — Они ввели тебя в заблуждение! И вот ты привел чужачку из мира, полного Зла! Ты должен быть наказан, а исчадие Внешней Тьмы подлежит смерти, иначе проклятье падет на наши головы! Схватить их! Схватить!!!

Несколько мужчин, ближайших соратников Имэна, рванулись было к супругам, но Хона, издав гневный клич, выхватила меч, и они застыли в нерешительности. Толпа зашумела неровным многоголосием. Юл не ощутил в ней единства.

И тут вперед выступил кузнец Темер-старший.

— Я верю Юлу! — громогласно заявил он, тряхнув смоляной бородой с проседью. — Посмотрите на его стальную рубаху! Такие демоны не подарят!

Младший правнук удивился доводу кузнеца, а потом внезапно к парню пришло озарение. Кузнец и его ближайшие родственники имели наибольшие причины для недовольства старостой. Металл давно стал дефицитом, и значение кузнеца в обществе неуклонно падало. А тут еще глава деревни начал потихоньку прибирать к себе ресурсы. Имэн в какой-то мере являлся младшим братом и предтечей Авраама Шестого из Богополя. Вот только опереться на воинов и послушников староста не мог, поскольку в Забытой деревне таковых не имелось. Поэтому он старался заручиться поддержкой близких ему людей, тех, кто занимался преимущественно земледелием. По традиции, идущей от самой Великой погибели, кузнецы, гончары и ткачи имели отдельные склады, где хранили свою продукцию и выдавали остальным селянам. Однако в последние годы Имэн все более концентрировал власть в своих руках, на Сходах он, стабильно получая большинство голосов, добился того, чтобы склады тканей и гончарных изделий перешли "под общий", а на деле под его личный контроль. Те, кто занимался ремеслом, оказались самыми обделенными. Естественно, глава поселения апеллировал к законам предков, Внутреннему Свету и Божьей Четверице, а не к собственной жадности. В окружении Имэна появились люди одевающиеся и питающиеся чуть лучше, чем все остальные. Пока это было незаметно. Но кто знает, к чему это приведет? Впрочем, Юл знал. Пройдет еще несколько десятков лет и староста, не Имэн, а какой-то другой станет опираться не только на авторитет предков и Божьей Четверицы, но и на громил, которые уже никогда не будут работать в поле или пасти овец, или лепить горшки. Они будут следить, чтобы остальные прилежно работали в поле,

пасли овец и лепили горшки.

Каким-то непостижимым внутренним чутьем Юл осознал, что это неизбежное зло. Оно неминуемо поселится в Забытой деревне. И, значит, это зло придется возглавить, а не отдать на откуп глупому старику. В голове парня догадки как бы вспыхивали сами собой, словно их кто-то нашептывал, будто прадед Олег явился к нему не во сне, а наяву, среди бела дня и стоял сейчас за спиной.

"Вот оно зло! — текли пронзительные мысли. — Неотвратимое зло, из которого придется вытягивать крупницы добра! Такая задача не по силам тупому старику!"

Глава деревни готов был применить насилие, которое станет прецедентом для будущих, еще больших злоупотреблений. Нет, безмозглый червяк, не тебе творить историю!

Из толпы вышел лучший друг Юла, Темерка, сын Темера-старшего. Он, испуганно зыркая, встал рядом с отцом и произнес подрагивающим голосом:

— Я тоже верю Юлу!

И еще младший правнук понял: да, действительно, большинство не нуждается в логических доводах, но и иррациональное отнюдь не гарантирует победу, люди, прежде всего, действуют в своих интересах, прячась за логикой и иррациональным, и используя логику и иррациональное. Значит, необходимо убедить большинство, что он, Юл, действует в их интересах. Ведь у парня, как и у старосты, тоже не было воинов господних и послушников. Надежда оставалась лишь на слово.

— Добрые мои соплеменники, — воззвал Юл, — позвольте мне обратиться к вам! Предки сказали мне, что мы называемся Забытой деревней потому, что позабыли о настоящих своих обычаях. Мы боимся, что мир вспомнит о нас и погубит, и внешний мир рано или поздно придет к нам, хотим мы того или нет. Чтобы этого не произошло, мы должны быть быстрее, мы сами должны вспомнить о мире. Посмотрите на меня! Я одет в кольчугу! В рубаху из металла! И это есть во внешнем мире, в котором существует не только Тьма, но и Свет! Так мне сказали предки! И Свет этот гибнет, и мы, средоточие истины и центр вселенной, должны озарить сумерки мира! Здесь рядом есть река, а на ней стоят заброшенные города, там мы сможем добывать металлы, и наши плуга вновь будут с легкостью взрыхлять землю! И, значит, жить мы будем сытней и привольней! И еще предки сказали мне, что мы позабыли обычаи, потому что каждому воздается не по труду. Посмотрите на рубаху старосты! Она чиста и свежа, а теперь взгляните на одежды сыновей Тиля Ткача! "Разве есть в этом справедливость", — спрашивают предки? У ткачей рубахи изношенней, чем у старосты?

— Довольно! — рявкнул Имэн. — Схватите этого сопляка и закройте в погребе! А девка подлежит смерти!

Несколько мужчин сделали пару шагов вперед, однако глядя на обнаженный меч Хоны, вновь замерли. В Забытой деревне иногда случались драки, но то, что сейчас назревало, не тянуло на обычную потасовку.

Толстяк Шомар, старший сын Тиля, вышел в круг, встал рядом с младшим правнуком. Лысый затылок его налился кровью, а сам он произнес:

— Послушай, староста, ты у нас, конечно, староста, но только я тоже верю Юлу. Не могли это быть демоны, не могли! Предки это были наши и разговаривали с ним. Как я когда-то разговаривал с моей мамой покойной. В тот год, когда кукуруза уродилась и кузнечиков много развелось! Так вот!

— А шо все складно! — сказал средний брат Сантай и вышел в круг. — Я за Юла!

Младший брат Курк, беспокожно теребя бородку, засеменя следом за Сантаем. Еще мгновение спустя рядом с младшим правнуком оказались гончары: пять женщин и трое мужчин. Жены ткачей и их старшие сыновья также встали на защиту парня. Однако большая часть селян либо хранила молчание, либо поддерживала старосту.

— Одумайтесь, глупцы! — вскрикнул Имэн. — Внешняя Тьма уже здесь! Сопляк привел ее с собой! Мы уже готовы поубивать друг друга! Разве это не доказательство того, что он заражен Внешней Тьмой? Вы только послушайте его! Он же вообразил из себя пророка!

Юл не стал оспаривать слова старосты. Парню было некуда отступить, и он согласился:

— Я и есть пророк! Я говорю от имени Божьей Четверицы, предков и потомков!

— Ты одурманен демонами Внешней Тьмы! — лицо Имэна перекосило.

— Одумайся, сынок! Одумайся, пока не поздно! — услышал Юл знакомый голос.

Это был папа Каен. Парень посмотрел на отца с сожалением и досадой. Каен не пожелал принять сторону сына. Юл чуть не цыкнул от обиды, но сдержался. А, собственно говоря, был ли он его настоящим отцом? Не по плоти, а по духу? Воспитывал ли он его? Учил ли читать? Давал ли уроки боя на гладиусах и малых боевых лопатах? Внушал ли уважение?

— Нет, — сказал парень, — меня не околдовали демоны, и я вам всем докажу!

Юл скинул суму, развязал ее, извлек из нее бронзовую кружку, закрытую меховой крышкой.

— Когда я исполнил наказ Схода и рассеял прах моего любимого прадеда над морем, предки преподнесли мне великий дар, — Юл сорвал мех с кружки, — это зерно!

Толпа ахнула. Люди заворожено глядели на кружку. И это было подлинное чудо. Селяне еще помнили пословицу: "Хлеб всему голова", но что это такое, они начисто забыли. Для стариков хлеб стал синонимом потерянного рая, полного дивных плодов, которые уже никогда нельзя будет вкусить. Для молодежи хлеб был чем-то легендарным, таким же недостижимым и мифическим, как и города древних, стальные птицы, на которых пращурьы поднимались в воздух, самодвижущиеся тачки и коробочки, по которым можно было разговаривать друг с другом на огромных расстояниях. И вот в деревню вернулся парнишка и принес с собой чудо. Люди не сразу поверили своим глазам, а когда к ним пришло осознание, заговорили в разнобой. Юл случайно пересекся взглядом с седовласой женщиной по имени Ягира, его родной тетей. Женщина встала на колени и, шамкая беззубым ртом, заплакала. Парню стало на миг не по себе, но он преодолел неловкость. Тетка Ягира всегда была очень впечатлительной.

— Двадцать лет назад из-за мороза и голода погибли пшеница, рожь и ячмень. — Подняв кружку над головой, младший правнук медленно закружился на месте. — Ни я, ни мои ровесники, ни все, кто младше меня, никогда не знали вкуса хлеба, если не считать кукурузных лепешек. И вот я принес вам дар! Здесь есть и другие злаки, о которых в Забытой деревне и не слышали. Это гречиха, овес, просо и рис. И вот я спрашиваю вас, соплеменники, неужели Внешняя Тьма подарила бы нам это?

— Он пророк, — громко прошептал кто-то, — он настоящий пророк!

Староста Имэн опустил глаза. Он понял, что ему не победить. Но сдаваться глава поселка не собирался. Теперь нужно было свести ситуацию хотя бы вничью. Мгновенно приняв благодушный вид, староста произнес мягким, почти заискивающим голосом:

— Славные люди Забытой деревни, я уважаю обычаи наших высокочтимых предков, и ежели большая часть из вас решит, что Юл, сын Каена, внук Агача, правнук Олега принес

весть от наших великих пращуров, значит, так тому и быть. Но все же не стоит забывать, что Юл побывал во Внешней Тьме и подлежит очищению, как и зерно, что он принес, как и его прекрасная... жена. В виде исключения мы примем чужачку...

— Нет, — Юл резко оборвал Имэна, — мы не нуждаемся в очищении. Мы чисты! Но ежели ты, староста, так не считаешь, то пускай нас рассудит Божья Четверица. Мы, ты и я, изопьем вина из чаши, где хранился прах моего прадеда и где сейчас насыпано зерно, как когда-то испили из нее на Сходе мудрейшие мужи Забытой деревни, прежде чем послать меня к морю. Если сразу после распития не случится никаких знаков, значит, быть по-твоему, по-старому, значит, Божью Четверицу устраивает нынешний порядок! Ежели случится знак, значит, быть новому порядку! Вы согласны? — Юл испытующе посмотрел на односельчан.

Имэн подозрительно сощурился. Старик наверняка понимал, что юный соперник готовит для него ловушку, но прилюдно отказать в Сходе не мог. А еще Юл стал обращаться к нему на "ты". Специально. И староста, совсем недавно требовавший уважения к себе, проглотил "тыканье". Младший правнук победил, Имэн оказался не таким сильным, как можно было предположить. Но именно это и заставляло парня идти до конца. Слабый враг — опасный враг. Может нанести смертельную рану исподтишка.

Помедлив, староста сказал:

— Хорошо! Сегодня объявляется выходной! Я призываю всех на Сход! А сейчас, односельчане, идите и сделайте все необходимые дела, чтобы в нужный час вы были свободны. Сход состоится, когда солнце отойдет на две ладони от зенита!

Сход начался в означенное время на невысоком холме. Младший правнук и староста стояли друг напротив друга. Кузнец Темер-старший, как представитель Юла, держал бронзовую кружку, освобожденную от зерна. Главный помощник старосты, немолодой седовласый мужчина по имени Ялагай вертел в руках деревянную бутылку с вином. Селяне толпились вокруг.

Ялагай был лысоват и имел агрессивно заискивающий вид. Он не обладал должным чутьем и еще не понимал, что чаша весов склонилась на сторону младшего правнука. Главный помощник бросал злые взгляды, и губы его выводили неслышные проклятья в адрес парня.

Юл, стянув с себя кольчугу и рубаху, остался с голым торсом. Он указал себе на грудь, на тавро, которое ему поставили в Богополе во время допроса, и громко произнес:

— Посмотрите сюда! Я получил знак Божьей Четверицы на свое тело! Видите круг и две пересекающиеся внутри него черты. Черты соединены с кругом, итого четыре точки соединения. Это суть Божьей Четверицы: женский дух Анима, мужской дух Анимус, Свет и Тень. Анимус напротив Анимы, Свет напротив Тени! Круг — это символ человека, внутри которого происходит вечная борьба! А самая суть человека в точке пересечения двух черт! Таким образом, человек имеет внешнюю оболочку и внутреннюю суть.

— Это вовсе не тот знак, о котором ты говорил, — заметил староста, — это всего лишь клеймо.

— Разумеется, — ответил парень, — настоящий знак будет явлен.

— Или не будет, — губы Имэна искривились в презрительной полуулыбке.

— Или не будет, — подтвердил Юл.

— Проклят, будь ты проклят, — со страстным гневом зашептал Ялагай, — против старосты нашего идти! Будь ты проклят!

Главный помощник налил вина. До самых краев. Две женщины подошли к соперникам и бросили в кружку по крупице земли, взятой с места, где был сожжен прадед Олег.

— Что ж, Юл, сын Каена, пей первый, — сказал староста, зло сощурившись, — и смотри не захмелей с непривычки. Впрочем, ты уже опьянен гордыней!

Юл взял у Темера-старшего кружку, приложился к ней, попробовав вино на вкус, а затем выпил ровно половину и отдал ее Имэну. Староста допил вино. Люди затихли, посматривая в небо и по сторонам. Они ожидали знака, который якобы должен явить миру новый порядок. Прошла минута, за ней потянулась вторая, за ней — третья, но ничего не происходило. Вообще ничего.

Подождав еще какое-то время, староста победно улыбнулся:

— Но вот и все, Юл, сын Каена! Вот и все! Все будет по-старому, по заветам предков!

Староста засмеялся и следом за ним захихикал противным смешком помощник Ялагай.

— Проклят, будь ты проклят, сопляк! — скороговоркой произнес он.

Вдруг смех старосты оборвался надрывным кашлем. Имэн, выпучив глаза, схватился за горло, принялся раздирать его. Пошатнувшись, он сделал шаг в сторону Юла, попытался что-то сказать, но изо рта вместо слов плеснула багровая струйка. Кровь умирающего старика окропила грудь парня, самая большая капля попала точно в середину клейма. Младший правнук даже не шелохнулся, он смотрел, не мигая, в глаза старосте. Имэн, хрипя и разрывая кожу на горле, повалился на землю, несколько раз дернулся и затих. Глаза его, мгновенно остекленевшие, с незримым ужасом уставились в небо.

Над холмом воцарилось гробовое молчание.

— Знак был явлен! — громогласно провозгласил Юл. — Мы пили из одной чаши одно и то же вино! Но я жив, а староста Имэн пал! Это и есть воля Божьей Четверицы! Староста нарушил законы предков и ушел сквозь Океан Беспамятства во Внутренний Свет. Несмотря ни на что, мы должны почтить его память. Завтра он будет похоронен со всеми почестями. Завтра наступит новая эра! А сейчас я и моя жена пойдем в дом последнего предка. Весь остаток дня и следующую ночь мы должны находиться там в скорбном уединении!

Юл, подобрав кружку, твердой походкой зашагал прочь с холма. Хона последовала за ним. Люди, молчаливые и потрясенные, безропотно уступали дорогу юной паре, излучающей невидимое и невиданное доселе могущество. Божья Четверица явно и грозно проявила себя, указав на избранность паренька. Ведь не зря же в свое время его забрал в ученики последний предок! Мудрый столетний старик узрел тайную печать силы на теле мальчика, которая в заветный час выступила на груди юноши в виде клейма. Они, Юл и Хона, были воплощениями двух великих космических сил: Анимуса и Анимы, и теперь шли к месту, где был зачат видимый мир, к центру вселенной, к дому прадеда Олега.

Люди видели лишь то, что хотели видеть. Приумножающий знание, приумножает скорбь, и люди не желали скорбеть. Люди объясняли непостижимое так, чтобы не напрягать мозги. Люди хотели простоты и понятности. Юл и его жена-чужачка имеют связь с Божьей Четверицей и, значит, пускай вся ответственность ляжет на их плечи. Люди чувствовали облегчение, что ни в чем не будут виноваты, и на все воля высших сил. Но, главное, люди не знали, каково сейчас было младшему правнуку.

Парню стоило огромного труда идти твердо и ровно. Яд, нанесенный на внутреннюю поверхность кружки, смешавшись с вином, стал смертельным и убил старосту. Перед самым началом Схода Юл съел противоядие, но стопроцентной гарантии на успех не имелось. Никто и никогда не принимал противоядие вкупе с алкоголем.

Когда парень прошел половину пути, на его лбу выступили крупные капли холодного пота. Юл приостановился. Он не мог обернуться, он был уверен, что за ним наблюдают с холма.

— Хона, — сказал он, еле ворочая языком, — возьми меня под руку. Пожалуйста, возьми меня под руку и пойдем. Пойдем, будто так и задумано, идти вместе.

Байкерша прижалась к мужу, и они зашагали дальше, к спасительному дому, что скроет их от любопытных глаз. Младшего правнука мутило, тошнота подступала к горлу, в коленях ощущалась слабость, но он продолжал идти твердой походкой. По возможности твердой.

Не помня себя, Юл дошел до дома на ватных ногах.

— Защелка, — пролепетал он, — защелка... открой ее...

Хона быстро и послушно исполнила сказанное. Отворив дверь, Юл ввалился в коридор.

— Закрой... на запор, — промолвил он, преодолевая себя, — нас не должны увидеть...

Байкерша закрыла дверь. Юл тут же рухнул на колени, и его вырвало. Он начал медленно подниматься по стенке. Оскользнувшись, упал. Парня вновь стошнило. Хона, подскочив к мужу, помогла ему встать.

— В спальню... — безвольно произнес младший правнук, — по коридору налево...

Упав на кровать, Юл мученически посмотрел на жену, она виделась в багровом тумане. Всю комнату, всю вселенную застлала полупрозрачная пелена цвета свежей крови.

— Хона... если я умру... уходи отсюда... уходи в Творцово... в деревню у реки... там ты проживешь год и вернешься в становища...

— Ты не умрешь! — вспыхнула байкерша. — Не умрешь!

— Я переоценил себя... — младший правнук закрыл свинцовые веки.

Хона схватила мужа за грудки. Тряхнула.

— У вас хранятся степные травы? Где-нибудь степные травы? Твой прадед собирал их?

У Юла хватило сил лишь кивнуть, прежде чем он провалился в небытие.

Парень очутился в странном месте. Он завис в тяжелой смрадной серой бездне. Бездна давила на грудь. Не было ни дна, ни потолка, ни стен, ни пейзажей. Сплошная серая туманная мгла, прессующая со всех сторон бесконечным отчаянием.

— Я не виноват, — сказал парень, вдыхая гнетущий воздух. — Не виноват! Это мой путь.

— Виноват! — эхом отозвалась мгла. — Путь!

— Я не буду оправдываться!

— Оправдываться! — сказала мгла.

— Мне все равно, пусть даже ты — мое наказание!

— Наказание!

— Я сделал бы то же самое, пусть даже мне уготованы вечные мучения!

— Мучения!

— Я прав и я не боюсь!

— Прав! Боюсь!

— Вот и бойся!

Бездна вдруг исчезла, и перед взором парня появилось сосредоточенное лицо Хоны.

— Пей! — скомандовала девушка, тыкая в губы парня миску.

— Нет, — слабо запротестовал Юл, — не могу. Серый воздух... тяжелый...

— Долбаный кегль! — разозлилась байкерша. — Я сказала, пей!

Хона насильно влила в рот парня отвар. Юл перегнулся через кровать. Его стошнило. В

горле появилась горькая резь. Парень закашлялся.

— Хорошо, — строго произнесла девушка, — теперь пей снова!

Юл повертел головой в знак протеста.

— Я сказала, пей!

Парень сомкнул губы, отказываясь принимать внутрь противную на вкус жидкость. Тогда Хона отставила миску и вlepила Юлу две звонкие пощечины. Младший правнук ошарашено посмотрел на жену. Сознание его на миг прояснилось.

— Пей! — Хона вновь протянула миску к губам мужа.

Юл послушно выполнил приказание, его опять вырвало. Мучительная процедура повторилась несколько раз. Наконец, байкерша отстала от обессиленного мужа.

— Теперь спи! — сказала она. В командном тоне появились отчетливые нотки нежности и облегчения:

— Спи!

Юл вновь провалился в забытье, а Хона погладила его по слипшимся волосам и зашептала заговор из судьбоносных баллад:

— И смерть занесет тебя в списки для тех, с кем спорить до срока не надо...

Юлу ничего не снилось. Он просто исчез вместе с погасшим сознанием, а когда вновь открыл глаза, обнаружил себе в кромешной тьме.

Дышалось тяжело. Воздух был неприятно вязким.

— Я не виноват! — вымолвил парень. — Не виноват! Не буду оправдываться!

— Тише! Тише! — Юл услышал знакомый голос.

— Хона? — удивился младший правнук. — Где я?

— В доме своего прадеда.

— Мне... — парень с трудом сел на кровати, — мне надо выйти на воздух.

— Скоро рассвет...

— Мне сейчас надо...

— Хорошо, — согласилась жена, — только тебе одеться нужно.

Парень с удивлением обнаружил, что абсолютно гол и обмотан каким-то влажным тряпьем.

— На! Пожуй, теперь можно!

Юл почувствовал прикосновение к губам.

— Что это? — спросил он.

— Кусочек ржаной лепешки, я ее пережевала, чтоб тебе легче было, — заботливо произнесла девушка, — тебе силы нужны.

— Спасибо, — сказал парень, проглотив еду, — я встану...

— Тебе одеться нужно...

— Не надо, — возразил младший правнук, — я просто хочу на воздух.

Юл и Хона, обернутые в одну на двоих шерстяную накидку, сидели на крыльце дома. Парень был гол, и его сотрясала мелкая дрожь. Хона пыталась согреть мужа, прижавшись к нему всем телом. Рядом с девушкой лежал богопольский меч. Она взяла его на всякий случай. Мало ли какие хищники бродят рядом. Юные супруги молча смотрели на восток, где горизонт подернулся легким румянцем.

— Я не виноват, — наконец, прервал тишину Юл.

— Ты ни в чем не виноват, — подтвердила Хона и поцеловала мужа в щеку.

— Нет, послушай меня, — нервно, запоем произнес парень, коснувшись живота байкерши, и было непонятно, к кому он обращается: к жене, к своему будущему ребенку или, быть может, к обоим:

— В первый раз я убил в Новочеке. Но мы тогда спасали свои жизни. Мы убивали людоедов, и это было естественно. И когда с выродками сражались, это тоже было естественно. Но, когда мы сбегали, я мог бы отпустить Рова. Иеровоама. Он ведь был просто глупым. Я мог бы отпустить его, и он тут же побежал бы в Богополь. У нас осталось бы меньше времени. Фора была бы меньше. Еще тогда я подумал, что убивать его не обязательно, но не хотел рисковать. А теперь я убил Имэна. Это было совсем не обязательно. Он бы и так уступил нам. Но, если бы он остался жив, он бы строил козни. Он бы подбивал других против нас. Исполдишка подбивал бы. Он не давал бы нам строить добро из зла. Понимаешь, не давал бы. А я хочу делать добро из зла. И чтобы мне никто не мешал. Понимаешь, чтобы зло мне не мешало! Добро — это движение, а зло — это помеха ему. Понимаешь, мы должны двигаться! Идти вперед!

Хона ничего не ответила.

— Это тяжело, — продолжил Юл, — но я пойду своим путем. Мы пойдем с тобой! Потому что иначе нельзя! Это тяжело, но иначе нельзя! Иначе будет хуже для всех! Иначе придут другие и поработят нас. Богополь или кто-то еще. А они не должны править степью. Потомки нас не простят за слабость! И получится, что все, что было в прошлом, все, что было с моими предками — было зря! Понимаешь? Зря! И наша надежда на прошлое, на десять тысяч книг в подвале окажется фикцией. Фикцией! Понимаешь? А потому мы пойдем своим путем, мы не виноваты и не будем оправдываться! Понимаешь меня, Хона?

Хона вздохнула, посмотрела на мужа. Улыбнувшись, погладила его по щеке и сказала:

— Я понимаю то, что ты колдун, и я сама становлюсь колдуньей. Уже стала ею. Я ведь сегодня тебя спасла. Я понимаю, что люблю тебя и люблю свое дитя, — Хона погладила живот, — всех наших детей люблю, которые еще не родились, и внуков буду любить, которые родятся. И еще я понимаю, что вырву любому глотку за них, за тебя и за себя тоже. Вот и все, что мне нужно понимать.

— Ладно, — будто очнувшись, торопливо произнес Юл, — ты же ребенка носишь, пойдем, здесь холодно! Я разведу в камине огонь...

— Камин? Что такое камин?

— Это очень хорошая вещь, — сказал парень, — ты в нем отвар готовила.

Юные супруги поднялись.

— Хорошо, что все хорошо кончается, — тихо произнесла Хона.

— Нет, — возразил Юл, и дрожь покинула его голос, — ничего не кончилось. Это еще не конец. Это только начало.

Возлюбленные вошли в дом, а на востоке разгоралась заря. Неотвратимо наступал новый день.

И новая эра.

Гексаграмма 64 (Вэй-цзи) — Еще не конец

По-настоящему счастлив тот, кто умеет наслаждаться целью в движении к ней

И снова пролог долгого странствия

Олег и Цеб, юноши примерно одного возраста, похожие друг на друга — жилистые, русоволосые и бойкие — с легкой тоской наблюдали за тренировкой молодых бойцов. Сегодня ребятам придется тяжело, ибо они будут учиться сражаться в пешем строю. Юные

воины, совсем еще сопливые пацаны, были облачены в кожаные латы, под которыми была надета кольчуга. На левой руке у них висели щиты, в правой они держали мечи, причем не короткие байкерские акинаки, а вполне себе приличное оружие средней длины. Утреннее солнце, несмотря на раннюю весну, обещало быть жарким. До обеда прольется немало пота. Но тут уж ничего не поделаешь. Каждый гражданин и гражданка Демиургии обязаны уметь читать, держать в руках оружие и оказывать первую медицинскую помощь.

Изрядно поседевший мужчина со стрижкой под горшок внимательно следил за юными ратниками и изредка подавал команды. Звали мужчину Темер-старший из Кузнецов. Когда-то он был Темером-младшим. Но со смертью своего отца и рождением сына, которого по традиции тоже называли Темером, мужчина получил и новое определение к имени.

Темер-старший повернулся к наблюдающим и строго произнес:

— Ну, что встали? Идите уже! Принцепс не любит ждать!

— Мы просто в последний раз посмотреть, — сказал Олег, — мы ведь больше не будем так...

— Идите, я вам говорю! Идите!

Юноши подчинились, зашагали прочь от полигона в сторону городища, стоящего на невысоком холме. Принцепс Демиургии и великий магистр ордена Десяти тысяч книг Юлий Первый Демиург, действительно не любил ждать. А уж к парням он будет особенно строг. Ведь Олег приходился Юлию Первому родным сыном, а Цеб, Плацебо Проворный из клана Файеров, был отпрыском одного из байкерских вождей.

"Чем выше звание, тем больше ответственность, и тем более строг я буду к вам", — так говорил принцепс.

Преодолев расстояние в две тысячи шагов, парни прошли мимо фундамента стены. Стены городища постоянно перестраивались. Когда-то на этом месте стоял безымянный поселок. Двадцать девять лет назад Юлий Первый объединил Забытую деревню и Творцово и провозгласил новое образование: Демиургию. С тех пор владения Принципата и Ордена заметно расширились.

Сперва вокруг Творцово был возведен частокол, затем его стали постепенно заменять бетонно-каменными стенами. Материал для строек привозился их близлежащих мертвых городов: Калитвы и Каменных Шахт.

Олег и Цеб задержали взгляд на трех волосатых аэсах в рабских ошейниках, с трудом ворочающих огромную глыбу.

— Давай, давай, хреновы выродки! — прикрикнул надсмотрщик и шелкнул кнутом.

Несчастные аэсы, затравленно оглянувшись, налегли на глыбу, и та сдвинулась с места. Парни пошли дальше. Невольники из нелюдей уже давно не являлись диковинкой. Их отлавливали, где только можно. В Запагубье выродков уже почти не осталось, их либо закабалили, либо они мигрировали на юг, в Дальнюю степь. Байкеры и демиургцы теперь устраивали походы на восток, к Волгодону, там аэсы еще не перевелись. Олег помнил разговор отца с мамой Хоной с год назад. Принцепс говорил о том, что на Совете Равных кое-кто пытается протолкнуть идею о легализации человеческого рабства, что, мол, можно обращать военнопленных в невольников. Юлий Первый выступил резко против, он предложил альтернативу: создать специальные фермы для разведения и дрессировки нелюдей, а военнопленных сажать на землю, пусть выращивают скот и растения и платят натуралог. Большинство поддержало проект принцепса.

Сразу за стенами начинались домишки. Они не сильно отличались от жилищ вне

столицы. Как правило, это были саманные мазанки, реже деревянные хатки, рядом с которыми ютились коровники, свинарники и птичники. Каждое утро скот выгонялся за пределы городища, а вечером возвращался обратно в стойла. Папа Юл говорил, что животное в Творцово нужно для частичного самообеспечения, а также на случай осады врагом. Несмотря на грязь и вонь, на каждые семь-десять домишек имелась одна зимняя баня. Местные жители верили, что если они не будут мыться хотя бы раз в неделю, на них налетит проклятие демоница Антисанитария-Яга, младшая сестра Радиации-Яги. Олег догадывался, что мифу этому совсем немного лет, не более тридцати, и распространяется он отнюдь не случайно.

Миновав хаты, юноши вошли в так называемый центральный квартал, состоящий из шести двухэтажных каменных домов, где жили члены Совета Равных с семьями, учебной казармы, конюшни, кузницы, ремесленной и пороховой мастерских, большого склада и лечебницы. Кроме вышеперечисленного здесь имелась академия — единственное на все городище трехэтажное здание. Она была построена в виде ступенчатой пирамиды, каждый новый этаж занимал меньшую площадь.

Академия являлась особым зданием. Здесь обучали грамоте мальчиков и девочек Творцово, а также знатных детей байкеров и старост демиургских деревень. Кроме того, академия была храмом Божьей Четверицы, и в праздники вокруг нее собирался весь честной люд, чтобы услышать торжественную речь Юлия Первого.

Юноши вошли в здание, коридоры которого не отличались изысканностью. Впрочем, вся архитектура Творцово, Демиургии, да и, пожалуй, остального мира вряд ли могла претендовать на нечто шедевральное, хоть немного приближающееся по красоте и утонченности к зодчеству прошлых времен. Стены давили своей громоздкостью и непритязательным видом, то тут, то там выступали неровные грани камней, о которые, неудачно упав, можно было запросто раскроить себя череп. В сущности, академия являлась небольшим замком, который гипотетический враг, даже взяв стены, без кровопролитного боя не захватит.

Вдоль коридора по левую и по правую руку тянулись деревянные двери. Олег задержался возле одной из них.

— А теперь, — послышался строгий девичий голос, — берем глиняные таблички и писала и выводим буквы. Как я вас учила, по алфавиту. Первая буква: "А"...

Это была Рита из Ткачей, четвертая внучка Курка Ткача. В свое время ее дед оказался одним из тех, кто поддержал Юлия Первого в борьбе со старостой Имэном. Всего год назад, по достижении совершеннолетия, принцепс назначил Риту учителем. Как и Олег, она принадлежала к поколению, воспитанному в новых традициях. Парню она очень нравилась: смазливая, худенькая, невысокая, но весьма напористая и невероятно умная. Однако Олег прекрасно понимал, что они не пара. Рита была старше и недавно вступила в брак. Но где-то в глубине все же теплилась надежда...

Юноши поднялись на второй этаж. Здесь имелись актовый зал и библиотека, состоящая из редких бумажных фолиантов, пергаментных и берестяных свитков, а также комната с глиняными табличками, написанными неким Маратом Галимиевым в дни Великой гибели. В актовом зале проходили заседания Совета Равных и копирование книг. Вот и сейчас за круглым столом сидели пятеро: четыре переписчика и диктор. Писцы выводили буквы перьями на толстой желтоватой бумаге, которую совсем недавно научились делать в Творцово.

— В сто шестой год от Великой погибели, или же в пятый год от основания Демиургии, — тихо, но четко чеканил слова чернявый мужчина со стриженной бородой, — когда благословенный принцепс Демиургии и великий магистр ордена Десяти тысяч книг, Юлий Первый Демиург перенес столицу из Забытой деревни в Творцово, случился мятеж злого мракобеса и отступника Ялагая Проклятого. Сей мерзостный муж, наущаемый Радиацией-Ягой, подстрекал народ Забытой деревни к открытому бунту против Совета Равных, коему власть была передана волей граждан Демиургии по промыслу Божьей Четверицы. Ялагай и его приспешники, пользуясь тем, что достойные мужи Совета Равных уехали на новое место, избивали многих, а двоих даже убили. Убитыми были Сантай из Ткачей, средний сын Тиля Ткача, и славная жена Чулия из Гончаров. Тем же летом Юлий Первый подавил мятеж. Четверых зачинщиков, в том числе и Ялагая Проклятого, казнил, остальных сорок с лишком мятежников щедростью души своей помиловал. Среди казненных был и родной брат Юлия Первого Сазлыг Неумный. Многие из достойных мужей и жен Демиургии просили о милости к родному брату, но Юлий Первый, будучи справедливейшим из ныне живущих, изрек: "Родство с принцепсом не привилегия, но ответственность", после чего Совет Равных постановил привести приговор в исполнение...

Диктора звали Анастас из Гончаров. Олег припоминал, что убитая бунтовщиками Чулия, кажется, приходилась ему двоюродной тетей. Анастас заметил юношей, улыбнулся и, поднявшись со стула, произнес:

— Младший сын принцепса, Олег из Демиургов!

Писцы тут же подорвались со своих мест, чем немало смутили юношу. Папа не раз и не два предупреждал Анастаса не оказывать никаких формальных почестей детям правителя, но главный переписчик отчаянно гнул свою линию.

— Нам только пройти наверх, — сказал Олег, — нас вызывал отец.

Юноши, миновав круглый стол, направились к лестнице, ведущей на третий этаж. Цеб, пересекшись взглядом, с одним из писцов, Аком, Саксом Стойким из клана Фалкомов, невысоким крепко сложенным блондинистым пареньком, приветственно кивнул. Уже как пару десятилетий младшие сыновья и дочери президентов, вайс-президентов и прочих влиятельных представителей байкерских кланов, предпочитали жить в Демиургии, а не возвращаться в степь. У старших имелось гораздо больше шансов занять важные должности, и младшие не видели для себя перспектив. А вот приобрести гражданство Демиургии, вступить в брак с кем-нибудь из местных, отправиться в гарнизон какой-нибудь фактории или колонии, возглавить отряд в поисках новых земель, или на худой конец получить место при академии, лечебнице, учебной казарме в Творцово или в храме Божьей Четверицы в Забытой деревне представлялось весьма заманчивым. Пускай даже приходилось трудиться, например, переписывать книги, лечить больных, заниматься скрещиванием хорсатов и лошадей или ковать мечи и плуги в кузнице, все же это казалось лучшей долей, чем прозябать долгие годы в шустрилах. Так варварство постепенно очаровывалось пускай еще и совсем юной, делающей только первые шаги, цивилизацией. Подобное положение дел нравилось отнюдь не всем кочевникам, но пока конфликты удавалось гасить на стадии зарождения.

Впрочем, Олег понимал, что это была целенаправленная политика отца. На закрытых уроках по стратегии принцепс объяснял, что, привнося новые элементы в Демиургию, он тем самым с одной стороны смешивает силы и ослабляет возможность появления единого центра противодействия Совету Равных внутри страны, а с другой — размывает

сплоченность байкерских кланов и шаг за шагом, постепенно, мирно интегрирует их в демиургское общество. Те, кто оставался жить в Творцово или Забытой деревне, весьма быстро "вочетверялись", то есть принимали веру в Божью Четверицу, и зачастую несли новую религию в степь. Юлий Первый даже написал специальное пособие для миссионеров, в котором доказывалось, что нет противоречий между верованиями байкеров и демиургцев. Небесный Харлей — это воплощение мужского духа Анимуса, Небесная Ямаха — Анимы. И так далее...

Юноши поднялись на третий этаж. Здесь жили Юлий Первый и Хона Молниеносная. Кабинет, совмещенный с библиотекой для пластиковых книг, спальня, кухонька и комната с чудом техники, ватерклозетом — вот собственно и весь перечень помещений, занимавших данный ярус.

Парни остановились напротив двери, сбоку которой стоял дубовый щит из цельного дерева. На щите были вырезаны конь и кобыла, мчащиеся в невидимую даль. Безусловно, рисунок изображал небесных стальных лошадей Харлея Изначального и Ямаху Первородную. Внизу щита красовалась узорчатая надпись: "Феррари Беспроигрышному, великому колдуну и победителю Богополя, от Семи кланов".

А еще ниже была вырезана цитата из какой-то судьбоносной баллады: "Да, ты отшельник, маг и волшебник, тяжек твой путь!"

Юлий Первый получил имя Феррари при посвящении, иначе именуемом Малой переправой. А дубовый щит номады преподнесли принцепсу в честь разорения Богополя.

История первой серьезной войны, которую пришлось вести Демиургии, теперь преподается в академии. Олег сожалел, что отец не разрешил ему участвовать в битвах из-за малого возраста. Зато старший брат Кассий хорошо проявил себя.

Четыре года назад на юго-западных рубежах байкерских владений появилась хорошо вооруженная армия. Богопольцы покорили все селения вдоль моря и Пагуби от Тагана до Ростова, привели к вассальной присяге многие деревни северней побережья и теперь вознамерились расширить владения своей империи за счет степняков. Южный дозор вовремя предупредил номадов о приближающемся неприятеле. Байкерский гонец прибыл со срочной вестью в Творцово. Юлий Первый заявил, что будет собирать силы, а пока посоветовал применить так называемую "скифскую тактику", то есть отступать с мелкими стычками, но ни в коем случае не принимать генеральное сражение. Президенты, все кроме Хорекса Неустрашимого из клана Файеров, отвергли план принцепса, как проявление трусости. Недалеко от Новочека состоялась первая битва.

Армии выстроились друг напротив друга. Богопольцы пошли в атаку так, как они это делали всегда: тремя конными отрядами, следующими один за другим. Байкеры выставили впереди арбалетчиков. Однако болты застревали в щитах и выбили из седла лишь с десятков аврамитов, прежде чем противники столкнулись в смертельной схватке. Если первый отряд богопольцев только смешал байкерский ряды, то второй и третий — обратил в бегство. Аврамиты были лучше защищены и вооружены. Посему полтысячи агрессоров одолели войско в семьсот воинов. В той битве погибли многие славные номады, в том числе и порядком состарившиеся, неразлучные с детских лет друзья: Иж и Крайд, а также вечно сварливый Аvas Стальной, обещавший когда-то отрезать ухо будущему основателю Демиургии. Дед Олега, Урал Громоподобный чудом остался жив, получив ранение в плечо.

Богопольцы разорили становище Вилсов, поскольку те не успели сорваться с места. Многие женщины и дети были перебиты. Авраам Седьмой, архиерей и преемник Аврааме

Шестого, проводил простую, но жестокую политику в отношении покоренных. Если в племени или в деревне имелись явные лидеры, вожди, господствующие роды или сословия, их в качестве превентивной меры вырезали под корень. Авраам Седьмой справедливо видел в байкерах верхушку степного социума, поэтому не щадил никого из них. Когда богопольцы вступали в селение, они вешали старосту и всех его прямых потомков обоего пола, впрочем, девочек и женщин убивали не сразу, а отдавали на потеху воинам господним, ведь насилие над неверными и не насилие вовсе. Следом назначали нового главу и требовали от всей деревни под страхом смерти принять истинную веру и присягнуть на верность Богополю, а также отречься от байкеров и проклясть их.

Кочевники, разъяренные позорным поражением, выставили всех, кто был способен держать оружие, в том числе и женщин, подростков, стариков, готовясь к решающей, пускай и последней битве. Юлию Первому стоило немалых дипломатических усилий заставить байкеров не совершать необдуманных и самоубийственных поступков. Принцепс привел почти сотню конных воинов, из них три десятка составляли отпрыски байкеров, оставшихся жить в Демиургии. Хотя Юлий Первый мог мобилизовать больше, он не решился на такой шаг, поскольку не был уверен в победе. В тылу должны были оставаться резервы для защиты светской и духовной столиц: Творцово и Забытой деревни. Строптивные президенты на этот раз единогласно отдали командование в руки принцепса. Впрочем, из семи предводителей кланов в живых остались только трое: Урал Громopodobный из Дэнджеров, Айронхорс Несгибаемый из Вампиров и Хорекс Неустрашимый из Файеров.

Юлий Первый настоял на том, чтобы становища откочевали на север, к владениям Демиургии, а также вывел из войска всех подростков и большую часть женщин. Принцепс повторил тогда знаменитую фразу какого-то полководца древних: "Побеждать нужно не числом, а умением".

Сначала Юлий Первый рассчитывал на "скифскую тактику", но один из перебежчиков повел богопольскую армию на север, прямо к Творцово. Тогда принцепс решил дать бой. С обеих сторон участвовало примерно одинаковое количество бойцов: от четырехсот до пятисот. Юлий Первый построил войско не сплошным фронтом, а отдельными отрядами. В центре находились пехотинцы, состоящие из престарелых байкеров. Юлий заставил кочевников спешиться и вооружил сделанными впопыхах полэксами, о которых принцепс вычитал в одной из пластиковых книг. Полэкс — это топор с острым шипом на верхушке оружия, насаженный на длинное древко. Пехотинцы рассыпали перед собой так называемый чеснок — противоконное заграждение, состоящее из нескольких звездообразно соединенных стальных штырей. Несмотря на все старания центр был обречен, Юлий Первый и сами воины знали это, но во имя победы кем-то приходилось жертвовать.

Аврамиты, не мудрствуя лукаво, устремились на врага все теми же тремя колоннами, следующими одна за другой. Первый отряд не сумел проломить центр. Лошади напарывались копытами на шипы, вставали на дыбы, сбрасывали с себя всадников, падали, подминая под себя воинов, а те, кому удалось прорваться сквозь заграждения были отброшены пехотинцами, выстроившимися в два ряда. Однако вторая колонна аврамитов с легкостью смела центр противника. Богопольцы оказались между левым и правым флангами байкеров. Номады принялись обстреливать неприятеля из арбалетов. Только теперь в основном они целились не в хорошо вооруженных и защищенных воинов, а в лошадей. Авраам Седьмой осознал хитрость и, возглавляя третий отряд, обрушился на левый фланг кочевников. Щиты и сумятица в центре защищали богопольцев от обстрела с

противоположного фланга. Байкеры дрогнули, и, казалось, победа вновь достанется воинам господним, но в самый ответственный момент из небольшого леска по аврамитам ударил засадный отряд демиургцев, возглавляемый супружеской парой: Юлием Первым и Хоной, Хондой Молниеносной из клана Дэнджеров. Принцепс успел подготовить свое воинство. Бойцы были вооружены пиками и мечами средней длины, а защищены — деревянными щитами круглой формы и кожаными латами с кольчугами под ними. Враг был окружен и разбит. Из более чем четырех сотен богопольцев спастись удалось лишь нескольким десяткам. Байкеры, мстя за резню Вилсов, пленных не брали. В той славной битве погиб Авраам Седьмой. Многие из участников сражения позднее утверждали, что видели среди туч гривы небесных стальных коней и кобыл, как знак грядущей победы.

Война на этом не завершилась. Принцепс настоял на немедленном походе против Богополя, чтобы раз и навсегда покончить с опасным противником. И тогда пригодилось старое знакомство Ури. Было решено забросить в тыл аврамитам лазутчика с целью поднять мятеж среди Степных Псов. Сам предводитель Дэнджеров был слаб из-за ранения, да и возраст уже был не тот. Посему ответственное задание Юлий Первый поручил собственному сыну Кассию. Дед Ури подробно объяснил внуку, как добраться до Тагана и найти там нужных людей. Отряд в пять человек во главе с Кассием ушел на три дня раньше основного войска.

Расчет оправдал себя. К тому времени, когда союзная армия байкеров и демиургцев вторглась в пределы богопольских владений, Степные Псы уже восстали, убив наместника и приближенных к нему предателей. Возглавлял мятежников пятидесятилетний Степан Знахарь, впоследствии прозванный Жестокосердным. У новоизбранного архиерея Авраама Восьмого не было сил на подавление бунта. Остатки богопольского войска и пехота, наскоро набранная из вассальных деревень, вышла против союзников на третью битву. Впрочем, битвой это трудно было назвать. Большинство пехотинцев, не желая сражаться за своих угнетателей, попросту разбежалось при первой же атаке, а богопольцы скрылись за стенами городища.

Осада продлилась два месяца. Байкеров, демиургцев и воинов из Степных Псов снабжали провизией близлежащие селения. Причем вполне добровольно. У аврамитов не было ни единого шанса, но защищались они отчаянно. В конце концов, однажды ночью союзники пошли на внезапный штурм. И к первым лучам солнца Богополь пал. Из заточения в тереме господнем освободили шестнадцатилетнего юношу и четырнадцатилетнюю девочку. И он, и она были ослеплены. Так богопольцы поступали с невестой и женихом господним после бегства Юла и Хоны.

Авраама Восьмого прилюдно повесили. То же самое сделали с его женой, Сарой Тринадцатой и с женами покойных архиереев: Сарой Десятой и Сарой Двенадцатой. Затем пришла очередь пленных послушников и послушниц. Юлий Первый счел целесообразным поступить с элитой Богополя так, как те поступали со своими врагами — полностью уничтожить. Впрочем, принцепс сделал это чужими руками, отдал представителей правящего сословия на суд Степным Псам. А те не стали церемониться. Степан Знахарь приказал вывести пленных на священную поляну, где каждую весну происходил ритуал человеческого жертвоприношения. Всем послушникам перерезали горло, а послушницам — вырвали языки...

История войны Демиургии и степных кланов с Богополем промелькнула в голове Олега в считанные мгновения. Увы, он не участвовал в этом. Парень тяжело вздохнул и,

переглянувшись с другом, постучал в дверь.

— Войдите! — раздался хриплый голос.

Юлий Первый сидел за деревянным столом, на котором лежала кипа бумажных листов. Рядом стояла чернильница. Возле стола на задних лапах сидела самка леопона, верная телохранительница принцепса. Львица подозрительно покосилась на вошедших, но, опознав своих, презрительно фыркнула и отвернула голову. Возле окна стояла хоругвь победы с изображением в виде круга и двух пересекающихся линий внутри него, а на стенах висели полки с пластиковыми книгами.

Специальные доверенные лица правителя Демиургии постоянно принимали заказы от членов Совета Равных и курсировали между Творцово и Забытой деревней со связками томов. Основной массив литературы хранился в храме Божьей Четверицы, бывшем доме первопредка Олега, но и в академии постоянно находилось несколько сотен пластиковых книг.

Юлий Первый отложил перо и, сдержанно улыбнувшись, поднялся. Принцепс был наполовину сед. Гладко выбритое лицо его, испещренное многочисленными морщинами и шрамами, выражало деловитую сосредоточенность, в глазах мерцало что-то похожее на вселенскую перманентную усталость.

— Я ждал вас, — сипловато произнес он.

Олег давно привык к голосу отца, который когда-то был иным. Девять лет назад Юлий Первый возглавил экспедицию на восток к погибшей атомной электростанции, именуемой в народе Замком Смерти, что находилась близ мертвого города Волгодона. Местные выродки, оголодав из-за необычайно крепких морозов, принялись совершать набеги на окраинные земли расширившейся Демиургии. Их следовало покарать. Когда войско переправлялось через замерзшую Пагубь, лошадь принцепса провалилась под лед и чуть не утянула за собой хозяина. Соратники сумели вытащить Юлия Первого на берег, но он сильно простыл и с тех пор сипел.

Принцепс, заметно хромя, направился к юношам. Шесть лет назад, во время еще одного похода на восток за рабами, дротик выродка угодил ему в левую ступню.

— Цеб, пойдем, выйдем, — Юлий Первый сделал пригласительный жест в сторону двери, — мне нужно поручить тебе кое-что. А ты, сын, подожди меня здесь. Ника, за мной!

Большая кошка лениво встала и непослушно поплелась за хозяином. Олег остался один. Как и отец в юности, парень обладал врожденным любопытством, а потому долго стоять на одном месте не смог. Он подошел к рабочему столу. На нем лежала исписанная кипа листов. Бумага в Демиургии делалась двух видов. Естественно, принцепсу поставлялся высший сорт, но даже он не мог сравниться по тонкости и гладкости с образцами, созданными до Великой гибели.

Олег взял в руки будущую рукопись. На титульном листе было написано: "Трактат о быте, обычаях и верованиях кочевых племен припагубских степей".

Парень перевернул с десятков листов и принялся читать со случайной строки:

"Особое место занимают у байкеров судьбоносные баллады. Номады используют их в качестве зауспокойных песен в ходе ритуальных мистерий, плясок на байкфестах и посвящений, а также для заговоров от болезней, молитв небесным лошадям, мантр, помогающих умирающим переправиться через так называемую Большую переправу.

Само название огромного массива баллад происходит, по-видимому, от устойчивых словосочетаний, которые были в ходу у древних до Великой гибели: "рок-музыка" и "рок-

песня". Подобные странные словосочетания я обнаружил в нескольких пластиковых книгах в библиотеке храма Божьей Четверицы в Забытой деревне. Рок и судьба суть синонимы, а, следовательно..."

— Интересно? — послышался сиплый голос отца.

Олег поднял взгляд, увидел в проходе Юлия Первого и сидящую у его ног Нику.

— Да, — сказал парень и спешно положил рукопись на место.

— Когда я закончу трактат, ты обязательно прочтешь его, — принцепс вошел в помещение, закрыл за собой дверь, прохромал к столу, — а пока займемся неотложными делами. Сегодня, поздней ночью, или, скорее, ранним утром пришел гонец от моего тестя и твоего деда Ури. Читай, Олег!

Юлий Первый вытащил из широкого кармана берестяной свиток и протянул его юноше. Парень развернул бересту. На коре были продавлены неровные буквы:

"Эрру-Феррари из клана Дэнджеров и правитилю Тварцова и Димиургии от Ури президента президентов. Эрр зять мой я очень стар но ищѐ магу держать сикиру в адной руке. Байкеру умерать в постеле стыдно и я отправляюсь в дальнюю степь. Пришли мне младшего внука на байкфест штобы я его периправил через Малую периправу. Все мои внуки и внучки далжны быть байкерами а Олег ищѐ не байкер а ему уже шеснатцать абаротов калеса. Я периправлю его и спакойно уеду умерать в степь. Хоне не гавари патамушта приедит отгаваривать а я не хачу. Тарапись!"

Когда Олегу было десять лет он, прочитав одно из писем от Урала Громоподобного, спросил, почему дедушка пишет с ошибками, за что получил гневную отповедь от мамы Хоны.

— Для твоего деда научиться писать в его возрасте — великий подвиг, — сказал она тогда.

Послание, безусловно, имело интимный характер, иначе Ури просто надиктовал бы письмо какому-нибудь молодому, наученному в Творцово грамоте байкеру. А так, сам пыхтел, старался, выводил буквы.

— После войны с Богополем номады ослаблены, многие пали в боях, — Юлий Первый присел на краешек стола, — для Демиургии это оказалось выгодным. Цинично, но это правда. Мы еще сильнее укрепили свои позиции в степи. С другой стороны, из-за ослабления байкерские кланы вынуждены консолидироваться. Только так они могут удержать власть над многочисленными вассальными деревнями. И это минус для Демиургии в частности, но плюс для процесса интеграции в целом.

Олег посмотрел на отца и кивнул в знак понимания.

— Ты знаешь, что два года назад байкеры создали новую должность: президент президентов, — продолжил принцепс. — Выборы выиграл твой дед Ури. Но теперь он, образно выражаясь, решил уйти за Большую переправу, и кто-то должен занять его место. Президент президентов — это, конечно, пока еще формальная должность, но кто знает, что будет завтра?

Вопрос был риторическим и не требовал ответа, поэтому юноша промолчал.

— Олег, тебе шеснатцать лет, и ты уже взрослый, — Юлий Первый взял сына за плечи и посмотрел ему в глаза пристальным немигающим взглядом, — перед Великой погибелью люди могли и вовсе не взрослеть, хоть до самой старости, но сейчас иные времена. Сейчас ты получишь свое первое задание. Поработаешь на благо Демиургии.

— Да, папа, я сделаю все, что ты скажешь, — произнес, запинаясь и не помня себя от

нежданной радости, Олег.

Он признан взрослым и отправится на юг с ответственным поручением.

— Итак, официальная часть. Для всех, в том числе и для мамы, ты едешь в становища, чтобы Урал Громоподобный посвятил тебя в байкеры, после чего ты посещаешь ростовскую факторию с целью забрать на обучение и сопроводить до Творцово моего внука, своего семилетнего племянника Игоря Кассиевича. Естественно, ты ничего не знаешь о том, что Ури собрался умереть в Дальней степи. Ты понял задание?

Олег кивнул.

— Повтори!

Олег повторил.

— Хорошо, — удовлетворенно произнес Юлий Первый, — теперь неофициальная и оттого самая важная часть. Когда Ури уйдет в степь, состоятся новые выборы президента президентов, а также вождя Дэнджеров. Необходимо, чтобы президентом президентов стал Хорекс Неустрашимый. Когда-то, когда он был еще только род-капитаном, я заговорил его от чар черных вердогов. С тех пор во всей степи не найти более лучшего кандидата, который искренне и бескорыстно продвигал бы интересы Демиургии. Наши интересы! Он ведь даже своего сына, твоего лучшего друга назвал Цебом, Плацебо Проворным в честь небесного коня, о котором байкеры ничего не знали.

Олег кивнул.

— Так вот, после байкфеста, утром, как новообращенный байкер, ты получишь шулом из рук вождей. Поблагодари их и скажи как бы между прочим, что Божья Четверица время от времени являет отцу славные вещие сны о бесстрашных вождях семи кланов, но в последнее время он часто видит такой сон: будто бы с небес спускается прекрасный белый конь и его седлает Хорекс Неустрашимый из клана Файеров. Номады верят, что я колдун, поверят и тебе, как сыну колдуна.

— А ты действительно видишь такие сны? — не удержался и спросил Олег.

— Ты, главное, сделай то, что я говорю! — уклонился от ответа принцепс. — Мои сны — это второе дело, первое дело — общее благо. Еще ты должен кое-что сказать своему брату Кассию. Формально он байкер, после войны с Богополем получил мембера и потому имеет право выставить свою кандидатуру на титул вождя Дэнджеров. Неизвестно, победит или нет, но попытаться обязан. Передашь ему это на словах, ибо письма, порой, попадают в чужие руки.

— Я все сделаю, — сказал Олег, — когда мне выезжать?

— Не торопись! Это еще не все, — Юлий Первый посмотрел на сына испытующим взглядом и продолжил. — Ури — мой тесть и отец твоей мамы. Именно этот факт помог становлению Демиургии в первые годы. Если бы не родственные отношения, байкеры сделали бы нас вассалами, и мы бы никогда не стали тем, кем стали. Если гипотетически номады выступят единым фронтом против Демиургии, мы и сейчас проиграем. По крайней мере, шансы высоки. Посему нам необходимо упрочить отношения с ними и в случае конфликта суметь разделить кланы. Ты, сын мой, обручишься с Блатой, дочерью Хорекса Неустрашимого, будущего президента президентов.

Щеки Олега загорелись, он потупился. Радость от возможности выполнить важное поручение мгновенно превратилась в острую досаду.

— Она хорошая девочка, — мягко произнес принцепс, — симпатичная и умная, проходила у нас трехлетнее обучение. Ты ведь помнишь ее? Мне кажется, она неровно

дышала в твою сторону.

— Но ведь вы с мамой... вместе пережили столько и по любви... а меня заставляешь... и я... мне с другой хочется... — Олег запнулся.

— Маргарита из Ткачей, — понимающе сказал Юлий Первый, — она замужем, и, я боюсь тебя огорчить, беременна. На третьем месяце. Мама Хона недавно поставила ее на учет. И хорошо, что так.

Олег, не ожидавший, что о его тайной влюбленности хоть кто-то хоть что-то знает, на миг опешил, а затем попытался возразить:

— Ты боишься, что мы будем воевать с байкерами, но это невозможно! Они наши союзники!

— Я, как принцепс и магистр, обязан предвидеть любой расклад, — веско возразил отец. — Поверь мне, далеко не все степняки довольны сложившимся положением дел. И война — отнюдь не бредовая фантазия, возникшая в моем стареющем мозгу. И все же мы попытаемся мирно интегрировать их в Демиургию. В том числе и через браки.

— А ты лучше убей их! — почти выкрикнул Олег. — Убей всех несогласных, как когда-то...

Юноша оборвался. Он взболтнул лишнее и теперь пожалел об этом. Но было поздно.

— Как когда-то что? — спросил принцепс. Спросил спокойно, без ожидаемого раздражения.

— Ничего это просто нелепые слухи, — скороговоркой проговорил парень.

— Слухи... вот что, — Юлий Первый вытащил из стола три берестяных свитка и протянул их Олегу, — возьми, здесь послания. Это для деда Ури, это для брата Кассия, а это для твоего будущего тестя Хорекса. Спрячь их в сумку, и иди за мной, я тебе кое-что покажу.

Отец, сын и самка леопона прошли по коридору вдоль книжных стеллажей к лестнице, ведущей к стальному люку.

— Ника, жди здесь! — скомандовал принцепс, поставив ногу на перекладину.

Пятнистая кошка бросила на хозяина взгляд, полный неудовольствия, но подчинилась, улеглась на дощатый пол. Юлий Первый, достал из кармана ключ, открыл навесной замок, резким рывком откинул люк. В лицо ударила весенняя свежесть.

— Пойдем, сын, пойдем, не стесняйся! — принцепс вылез на крышу.

Олег последовал примеру отца. Творцово, после уничтожения Богополя, считался крупнейшим поселением степи, однако с высоты академии он не казался таким уж большим. Кирпичные дома новоявленных патрициев, административные здания и хозяйственные постройки, загоны для скота и нелюдей, саманные и деревянные хаты, окруженные частично частоколом, частично бетонно-каменными стенами, вмещали в себя около тысячи граждан вместе с детьми, две сотни учеников и гостей со всего Припагубья и триста обращенных в рабство аэсов.

Творцово стоял на холме, и потому с крыши академии открывался прекрасный вид на весеннюю степь. Вдоль широкой реки чернели нивы, на которых копошились люди. За рекой начинался небольшой лесок, а за ним — бескрайнее дикое поле.

— Когда-то я и твоя мама стояли на самом высоком здании мертвого Ростова. Сейчас оно уже разрушилось. Ты не знаешь, что такое настоящая высота. А я познал ее лишь благодаря строению предков. И все же посмотри на мир с высоты нашей, пока еще не такой великой цивилизации, — просипел Юлий Первый, указывая на перемигивающуюся солнечными бликами реку. — Там, внизу была деревня. Она стала основой для Творцово.

Теперь там только несколько рыбацких хижин. Возле нее меня поймали байкеры, и я впервые увидел твою маму. Представь, я шел из Забытой деревни и проходил по этому самому месту, где сейчас академия, и здесь не было никаких домов, никаких стен, ничего не было. Только трава, кусты и деревья. А вот посмотри туда, сын! Видишь, мельница! Когда ты родился, она уже стояла там и молола зерно для народа Демиургии. Для тебя она привычная часть пейзажа, но были времена, когда зерна кукурузы и пшеницы толкли в ступках. Их и сейчас толкут на дальних рубежах, но только не здесь и не в Забытой деревне.

Отец и сын какое-то время стояли молча. И только далекий крик петуха нарушал тишину позднего утра.

— Я веду статистику. Я вам объяснял на закрытых уроках, что это такое. Знаешь, сколько детей Творцово и Забытой деревни доживало до совершеннолетия тридцать лет назад? — принцепс вопросительно посмотрел на сына.

Олег пожал плечами.

— Три из десяти, — Юлий Первый поднял палец, как бы подчеркивая важность сказанного, — только три из десяти! А сейчас? Сейчас — семь из десяти. Да, именно так, семь из десяти. Четыре ребенка из семи мы спасаем. К твоей маме едут рожать со всего Припагубья. Хона сама родила пятерых. Ты знаешь, что наш первенец, зачатый в Богополе, прожил всего несколько минут. Мы его хотели назвать, как тебя, Олегом. И вот тогда твоя мама решила изучить акушерство. Она вообще настырная и сильная, колдунья и магесса акушерства, — лицо принцепса озарила невольная улыбка. — Кассий, Алиса, Лидия и ты. Кто знает, выжили ли бы вы, если бы не идея создать Демиургию? Мать Хоны, твоя бабушка, Бэха Некроткая, сумела родить живой и здоровой только одну девочку. И то ценой своей жизни.

Олегу стало неловко. Он не знал, что такое любовь бабушки или мудрость деда. Урал Громopodobный был далеко, а общение внуков с собственными родителями Юлий Первый не особо поощрял. Да и бабушка Талея с дедушкой Каеном были в жестокой обиде на принцепса за убийство их старшего сына Сазлыга. Для них Юлий Первый был братоубийцей. Впрочем, и бабушка Талея и дедушка Каен уже умерли от старости.

— Если бы не идея создать Демиургию, — продолжил Юлий Первый, — нас рано или поздно покорили бы байкеры. Сейчас они уважают нас за силу и мудрость, но если бы не было Демиургии, мы были бы слабы, глупы и беспомощны. А потом пришли бы богопольцы, разгромили бы степняков, а нас ввергли бы в еще более унижительное и страшное рабство. И ты, сын, полагаешь, что жизнь дюжины ретроградов стоит жизни сотен детей и матерей, умирающих во время родов, стоят свободы и чести твоих потомков и потомков всех граждан Демиургии? Ты так считаешь?

Олег не нашелся, что ответить и потупился.

— Демы, или чернокрылы, считались опасными тварями. Но твой брат Кассий умудрился приручить их. Он даже на охоту ездит с ручным чернокрылом на плече. Теперь рядом с Ростовской факторией имеется целая ферма по выращиванию демов. Семь лет назад с востока пришла саранча. Пограничный дозор вовремя оповестил нас, и мы успели опрыскать часть полей средством, сделанным на базе яда чернокрылов. Мы спасли только пятую часть урожая, но этого оказалось достаточно, чтобы в Демиургии не наступил голод. Целый год мы все недоедали, но не голодали. Если бы я не сломал сопротивление мракобесов, мы бы не владели средством против саранчи, и половина степи вымерла бы. Стоит ли их жизнь голодной смерти тысяч крестьян?

Олег молчал.

— Я не виноват и не собираюсь ни перед кем оправдываться, — сипло произнес Юлий Первый. — Когда-то на этой земле была большая страна, самая большая по площади. И когда-то ею правил ничтожный царь. Отец ничтожного царя, тоже правитель, говорил ему, что тот, прежде всего, обручен со своей страной. Но ничтожный царь был слабоволен и глуп. Как любят говорить байкеры, продался за вагину. И однажды пришли люди и убили царя, и его жену, и всех его детей. И они были правы, поскольку тот, кто забывает о будущем своего народа, не достоин иметь потомков, ибо не слышит их зов. Если когда-нибудь мы забудем о благе Демиургии, придут те, кто уничтожат нас. И правильно сделают.

Олег пересекся взглядом с отцом, и затылок юноши заиндевел, будто открылись незримые ворота во что-то запредельное и оттуда подул ветер. Неприятный, колкий, холодный, но так необходимый для того, чтобы вращать лопасти мельницы, двигать парусные ладьи и вообще жить и творить историю.

— Помни об этом, сын, ты обручен с Демиургией, и твоя хотелка не стоит жизни ни единого гражданина. Я вынужден творить зло, чтобы преумножить добро. Потому что если я не буду делать так, зло жестоко надругается над всеми нами. Через пришлых врагов, через голод, через болезни и недород. А посему я ни в чем не виноват, и мне не в чем раскаиваться. Считаю свое задание экзаменом по политической стратегии.

Олег кивнул. Оспаривать решение отца не было ни желания, ни сил.

— У твоего прапрадеда Олега были наручные часы. Они давным-давно остановились. Но я сумел их починить и подарил Кассию. Время снова идет. Стрелки часов нарезают круги и, кажется, что время тоже движется по кругу. Мы будто обречены повторять все заново. Но есть в человеке нечто, благодаря чему каждый оборот — это не возвращение в исходную точку, а движение хотя бы на маленькую ступеньку вверх. Так мы и идем по спирали. Знаешь, что в человеке мешает деградации и что движет его вперед, несмотря ни на что?

— Что? — спросил Олег.

Принцепс, оставив вопрос без ответа, вытащил из кармана маленький пластиковый томик желтоватого цвета.

— Возьми, — сказал Юлий Первый, — это Канон перемен. Твой дед Ури назвал эту книжицу путеводителем судьбы. Она ему помогла, может, и тебе чем-то поможет. Эта книжка говорит о том, что все в мире меняется, но даже если что-то и заканчивается, то это еще не конец. И все человеческое, все перспективное и прогрессивное в этом мире начинается с...

Принцепс загадочно улыбнулся и произнес:

— Впрочем, первая глава, первая гексаграмма скажет тебе, с чего все начинается, и кто такой человек. А теперь иди, попрощайся с матерью перед отъездом. И не забудь поздравить сестру Лидию с рождением племянницы. Надеюсь, ты в курсе, что она вчера родила?

— Конечно, — кивнул Олег.

— Иди, — устало проговорил Юлий Первый, — я еще немного постою, а потом займусь делами, буду двигаться к своей цели. Цели, которую нельзя достичь, но к которой необходимо идти, чтобы быть творцом, а не тварью.

Спускаясь по лестнице, юноша, снедаемый любопытством, достал книжицу, открыл ее и прочитал название первой гексаграммы.

Гексаграмма 1 (Цянь) — Творчество

Путь, который может быть пройден, это не постоянный путь

Дао Дэ Дзин

Пока друзья шли от академии к лечебнице, Цеб прожужжал все уши Олегу о том, что принцепс дал ему пачку бумаги и чернила и повелел записать все, какие только возможно, судьбоносные баллады. За это юному байкеру было обещано демиургское гражданство.

— Он так и сказал, считай свое задание экзаменом по этнографии, — вздохнул тараторил Плацебо Проворный, — я объезжу все кланы, чтобы не упустить ни одной песни и молитвы. Все заговоры перепишу, все до единого!

— Это, действительно, здорово, — согласился Олег, — ты меня подожди здесь, я с мамой пообщаюсь.

Лечебницей, или больницей, называлось одноэтажное кирпичное здание с шатровой крышей, в основании которого лежал квадрат. Занимало оно весьма значительную площадь, превосходящую размерами любое из строений Творцово. Здесь имелся склад лекарственных препаратов, сделанных из растений, грибов и секретов животных, здесь же была и небольшая химическая лаборатория, которая пока еще не функционировала в полную силу. Многочисленные дела не давали Юлию Первому всерьез заняться химией, а достойные ученики пока что задействовались на более важных фронтах работы. Недавно, всего с два года назад, почти сразу после войны с Богополем, открылась хирургия. Правда, самая сложная операция, которая тут проводилась — это удаление аппендицита. Да и то двое из шести пациентов умерли. Однако, как говаривал принцепс, каждый третий умерший — это в любом случае лучше, чем каждый первый.

Самую большую площадь в лечебнице занимало родильное отделение. Оно было гордостью Творцово и лично мамы Хоны. Не зря сюда приезжали рожать со всех окрестностей.

Олег прошел по коридору к палате, где лежала его сестра Лидия. Палатами называли чистые, легко проветриваемые и хорошо освещенные помещения. В них располагалось от двух до шести кроватей для больных. Лидия, как дочь принцепса, находилась в отдельной комнате. Впрочем, и там у нее имелась соседка.

Подходя к палате, Олег услышал мелодичное пение. Это была колыбельная, под которую кочевницы баюкали своих чад. Юноша знал ее наизусть, поскольку и мама Хона, будучи байкершей по рождению, часто напевала ее, укладывая спать дочек и сыновей.

Парень осторожно заглянул в приоткрытую дверь. Он увидел маму. Она, мерно раскачиваясь из стороны в сторону, держала в руках младенца. Маленький комочек живой плоти, обернутый в бледно-серую материю, был совсем не виден, только крохотная ручонка, неведомым образом пробив себе путь сквозь складки ткани, вылезла наружу и тихонько шевелила миниатюрными пальчиками, а мама, нет, бабушка Хона выводила древний мотив:

— Засыпай, на руках у меня, засыпай! Засыпай под пенье дождя...

И у Олега защемило где-то внутри, будто мелодия эта заставила вспомнить нечто такое, что уже никогда не вернешь. Не родиться тебе заново, и не будет укачивать мама, и ощущение абсолютной защищенности больше никогда не посетит тебя, и тепло ее рук уже давным-давно воспринимается совсем по-другому. Нет, ничего этого уже не будет, ты вышел из колыбели и обречен идти, бороться, разочаровываться, падать, но вставать и продолжать идти...

Чтобы прервать чувство неловкости, так неожиданно нахлынувшее на парня, Олег кашлянул. Мама Хона бросила быстрый взгляд на сына, кивнула — мол, выйди, я скоро — и продолжила качать младенца.

Юноше пришлось ждать с четверть часа, прежде чем в коридоре появилась мама Хона.

— Я уезжаю сегодня, — сказал Олег, — пришел проведать Лиду и... с тобой попрощаться.

— Я знаю, что ты уезжаешь, — тихо произнесла мама Хона, — мы с папой Юлом обсудили это под утро.

Олег заглянул в глаза матери. Они были выцветшие и усталые, как у отца. Лицо, округлое, еще не потерявшее привлекательности, уже начало покрываться морщинами, а в темно-русых волосах давно завелись широкие пряди седых волос.

— Лида спит. Она еще очень слаба и ей до кормления остался час. Не тревожь ее, я передам твои поздравления, — сказала мама Хона.

Наступила неловкая тишина. По крайней мере, Олег чувствовал дискомфорт. Мама, когда-то казавшаяся такой большой, сильной и умной сейчас почему-то выглядела маленькой и как будто растерянной. Может, дело не в маме? Может, просто Олег стал взрослее?

— Вот и ты покидаешь меня, — мама Хона тоскливо вздохнула, — Кассий — в Ростовской фактории, Алиса — жрица Анимы в Забытой деревне, а теперь ты.

— Я вернусь, — обнадежил Олег.

— Конечно, вернешься, — мама Хона улыбнулась, — ты не обращай внимания, это все бабьи сопли. Ты, главное, там не дури и не лезь на рожон. Деду Ури скажешь, что его единственная дочь шлет ему привет и совершает очередной подвиг, как и полагается байкерше Стальные бедра.

— Подвиг? — не понял Олег.

— Да, — кивнула мама Хона, — когда я была совсем девчонкой, строптивой и вредной, я мечтала о подвиге, не хотела отставать от мужчин-байкеров. Думала, вот перейду Пагубь, сражусь с врагами, и это будет нереально круто. А на самом деле не сегодня так завтра у двух моих рожениц воды отойдут, и мне вот-вот принимать роды. Это и есть мой вечный, главный и последний подвиг: помощь в сотворении новой жизни. Люди смотрят на меня с благодарностью, и мне становится тепло.

Олег кивнул в знак понимания, а мама Хона, встав на цыпочки, обняла сына.

— Я бы проводила тебя, — сказала она, — но боюсь не выдержать, а дочери вождя, байкерше Стальные бедра и жене принцепса негоже пускать слезы на людях. Иди, сынок, иди, и пусть боги моего племени и племени твоего отца хранят тебя. Пусть Божья Четверица благословит твой путь и по дороге над тобой следуют небесный стальной конь Харлей Изначальный и небесная стальная кобыла Ямаха Первородная. Иди, сын, — глаза мамы Хоны увлажнились.

Олег повернулся и медленно побрел по коридору, но в последний момент вдруг остановился и спросил:

— Мам, ты ведь с отцом соришься? Ну, то есть споришь?

— К чему этот вопрос? — удивилась Хона.

— Просто я помню из детства, что вы сорились и спорили, но всегда стоите друг за друга... хотя, ладно, извини...

— Но почему же, я отвечаю, — мягко произнесла мама Хона, глаза ее мгновенно высохли, в них появился озорной огонек, — есть такая магия, называется физика. Я читала ее, но Юл, конечно же, знает лучше об этом колдовстве. Я хорошо запомнила один закон: опереться можно только на то, что сопротивляется тебе. Я, думаю, ты понял, о чем я. Мы с

папой опора друг для друга.

Олег кивнул, но вместо того, чтобы уйти, задал еще один вопрос:

— Мам, а правда, вы с папой любовные побратимы?

Глаза Хоны превратились в веселые щелочки, морщины на лице разгладились, и, казалось, она помолодела на двадцать, а то и на все тридцать лет.

— С чего ты это взял?

— Ходят такие слухи...

— Иди уже, — мама Хона засмеялась, — любопытство до добра не доводит. Иди, исполняй свое предназначение!

Гексаграмма 2 (Кунь) — Исполнение

Отряд остановился в сторожке посреди степи. Рядом был вырыт колодец и поставлен небольшой загон для лошадей. Последние десять-пятнадцать лет подобные перевалочные пункты строились как байкерами, так и демиургцами для того, чтобы путники не мерзли у костра, тревожно высматривая в ночной темноте хищников.

Четыре байкера, Олег и Цеб расселись на лавках перед растопленной печкой. По рукам шел мех с брагой, и разгоряченные кочевники травили байки. Один из бородачей рассказывал, как прошлой осенью он самолично видел едущих вдоль горизонта на самоходных двухколесных машинах легендарных возлюбленных: Вира Златорукого и Чезету Хмельную, остальные в отрытую потешались над краснобаем, советуя меньше бухать.

Олег с непривычки быстро захмелел и клевал носом. Номады, ссылаясь на то, что на байкфесте все равно придется пить, убедили бедолагу, что нужно потренироваться.

Вот и потренировался.

Сознание гасло, и вместе с ним постепенно глохли вибрирующий смех, непристойные шуточки, уже не казавшиеся смешными, и потрескивание поленьев в печи. Еще немного и Олег ушел бы в забытье, как вдруг его кто-то принялся тормошить. Парень поднял голову, продрал глаза и увидел перед собой раскрасневшееся лицо Цеба.

— Пойдем, выйдем, — прошептало лицо, — у меня к тебе важное дело.

Олег резко поднялся, схватился за сумку, проверил, не пропали ли берестяные послания для деда Ури, брата Кассия и будущего тестя Хорекса. Все на месте. Все в порядке. Парень, пошатываясь, последовал за другом к выходу.

— Куда это вы намылились? — спросил рыжебородый байкер, который больше всех стебал рассказчика.

— Мы на воздух, — торопливо проговорил Цеб, — освежиться. Мы быстро раз-два и все.

— Смотрите, ночь уже! — сказал рыжебородый. — А там вердоги бродят. Не боитесь?

— Вот поэтому мы и идем вместе. Потому что по одному нельзя ходить, — нашелся Цеб.

— Разумно, — заметил низкорослый номад, сидящий рядом с рыжебородым.

— Да что с ними станет, — обиженно заметил краснобай, — он же сын колдуна!

— Вот тебе этот колдун за сына йенг и оторвет, — насмешливо проговорил рыжебородый, — а потом за родного внука Ури пришьет и снова оторвет!

Байкеры заржали, начали, перекрикивая друг друга, рассказывать, каким немислимым карам подвергнется краснобай в этой и в грядущей жизни, и совсем позабыли о юнцах.

Ночной воздух освежил Олега, и он почти протрезвел. Друзья постояли какое-то время, пока глаза привыкли к темноте, а затем Цеб заговорил, запинаясь:

— Слушай, Олег, я знаю, что твой отец воплотится в небесного коня Феррари и будет равен самому Харлею Изначальному... мне так мой папа говорил. А твоя мать воплотится в Хонду Молниеносную и станет покровительницей рожениц... ей уже сейчас молятся в становищах перед родами... Хонде Небесной молятся, и ты мне можешь отказать... я не обижусь, если откажешь, я все пойму...

— Ты о чем? — не понял Олег.

— Я... — Цеб потупился, — я... в общем, если откажешь, мы просто забудем, договорились?..

— Да, говори уже! — Олег окончательно пришел в себя. Хмель как рукой сняло.

Цеб закрыл глаза, сделал глубокий вдох и произнес напряженным голосом:

— Я предлагаю тебе побратимство.

Наступила тягучая тишина. Первым ее прервал Олег:

— Почему бы и не исполнить твоё желание...

— Исполнять ничего не надо, — протараторил Цеб, — ты можешь отказать, я не буду в обиде...

— Да, заткнись ты уже, — сказал Олег.

Он вытянул из ножен кинжал и надрезал себе кожу на ладони. Парень неплохо знал обычаи байкеров и оскорблять лучшего друга не имел никакого желания, что бы тот ни говорил о своей необидчивости. Если бы не алкоголь, Плацебо Проворный не рискнул бы предложить такое из-за страха перед отказом. К тому же, почему бы и нет? Уж, если кто и может стать побратимом, так это Цеб.

— Тогда, — поколебавшись с секунду, Цеб решительно извлек из-за пояса нож и сделал надрез на своей ладони, — дай руку мне!

Олег, улыбнувшись, протянул руку и сказал:

— Здесь лишних нет!

Юноши обменялись рукопожатиями, и кровь их смешалась.

Вместо послесловия

Те, кто говорят, что боги наказывают вас, лгут. Только человек, сам человек награждает и наказывает себя. Болезнь безумия никогда бы не уничтожила цивилизацию, если бы задолго до этого безумие не поселилось в головах людей.

Те, кто говорят, что вкушать плод познания — грех, лгут. Они боятся, что знание разрушит их власть над вами. Грех — быть слепым скотом.

Те, кто говорят, что вы гордецы и не должны строить вавилонскую башню, которая неизменно разрушится, глупы. Человек не может не строить, пусть даже любое напряжение кажется бессмысленным и мнится суетой сует, все же иного пути у людей нет. Строить, а когда все вдруг разрушится, строить вновь, в надежде однажды дотянуться до звезд. Только в этом случае человек перестает быть тварью и становится Творцом.

И нет другого творца, кроме вашего разума, и нет других богов, кроме тех, что внутри вас!

Из выступления Юлия I Демиурга, принцепса Демиургии и великого магистра Ордена десяти тысяч книг

Больше книг на сайте - Knigolub.net